

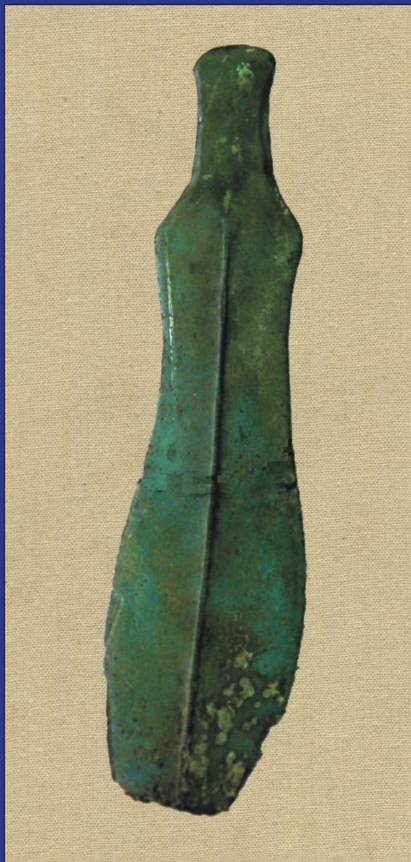

4 (35)

2016

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Электронный журнал

**№ 4 (35)
2016**

ISSN 2071-0437 (online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Багашев А.Н., д.и.н., ИПОС СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН, зам. директора по науке; Бужилова А.П., академик РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, директор; Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН, г.н.с.; Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия); Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США); Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН, зав. отделом; Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), директор

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия); Дегтярева А.Д. (зам. главного редактора), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Зах В.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Ключева В.П., к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН, ст.н.с.; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Московченко Д.В., д.г.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Ткачев А.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Электронное периодическое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство Эл № ФС 77-32570 от 15 июля 2008 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2016

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

INSTITUTE OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE NORTH
SIBERIAN BRANCH
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE JOURNAL

**№ 4 (35)
2016**

ISSN 2071-0437 (online)

Journal is founded in 1997
There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, IPDN SB RAS, director

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History, Institute of History and Archeology UrB RAS
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, IPDN SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Degtyareva A.D. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, IPDN SB RAS
Zakh V.A., Doctor of History, IPDN SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, IPDN SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, IPDN SB RAS
Moskovchenko D.V., Doctor of Geography, IPDN SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, IPDN SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, IPDN SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>

Tyumen
IPDN SB RAS Publishing House

Содержание

Археология

Усачева И.В. Сосновоостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии	5
Тигеева Е.В., Новиков И.К., Шилов С.Н. Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления)	18
Зах В.А., Зимина О.Ю., Илюшина В.В., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н. Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа с Борковского городища (по результатам работ 2012–2013 гг.)	33
Костомарова Ю.В. Переходное время от бронзового века к железному на территории Приишимья: итоги и проблемы изучения	48
Водясов Е.В., Гусев А.В. Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье (по материалам раскопок Усть-Полуя в 2010–2012 гг.)	58
Зах В.А. Андреевская озерная система (гидрология и использование природных ресурсов по археологическим и картографическим материалам XVIII–XX вв.)	69

Антропология

Куфтерин В.В., Нечвалода А.И. Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана Селивановского II могильника (Южное Зауралье)	79
Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV — начала XVI в.	90
Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Слепцова А.В. Краниология и одонтология раннесредневекового населения Притоболжья по материалам могильника Устюг-1	110

Этнология

Григорьев С.А. Локальные сообщества коренных народов Севера в Якутии: современное этносоциальное положение эвенов Ламынхинского национального наслега	123
Бакиева Г.Т. Образование у сибирских татар с 1918 по 1930-й г.: задачи, проблемы, итоги (по материалам Тобольского уезда)	133
Истомин К.В., Лискевич Н.А., Шарапов В.Э. Самбургские коми: история формирования и этнокультурные процессы	143
Лискевич Н.А., Машарипова А.Х. Роль праздника «День села» в сохранении исторической памяти коми-переселенцев в Западной Сибири	155
Байдуж М.И. «Парк на костях»: мифологизация современного городского пространства в сибирских городах	162

Палеоэкология

Терехин Э.А., Смекалова Т.Н. Анализ структурных и текстурных признаков форм древнего земледелия и межевания, типичных для территории Западного Крыма, по материалам дистанционного зондирования	170
Рассадников А.Ю. Условия содержания домашних животных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по результатам анализа патологических изменений костной системы)	180
Информация для авторов	188
Список сокращений	190

На передней стороне обложки: нож, бляшка, гривна и перстень из погребений Алакульского могильника; театрализованная постановка прибытия первых коми переселенцев на плотах на празднике, посвященном 170-летию образования с. Саранпауль, Березовский р-н ХМАО — Югры, 2012 г.

Contents

Archaeology

Usacheva I.V. Sosnovooostrovskaya culture: identification of ceramics and the issues of chronology	5
Tigeeva E.V., Novikov I.K., Shilov S.N. Metal complex of the Bronze Age from an Alakul burial ground (typology and manufacturing techniques).....	18
Zakh V.A., Zimina O.Y., Ilyushina V.V., Danchenko E.M., Yen'shin D.N. Ceramic complex of the end of the Bronze Age and the transition period to the Iron Age from the settlement of Borki 1 (based on the results of 2012–2013 works)	33
Kostomarova Yu.V. The transition period from the Bronze Age to the Iron Age on the territory of the Ishim river basin: results and problems of study.....	48
Vodyasov E.V., Gusev An.V. The earliest evidence of iron metallurgy in the Lower Ob river region (source: Ust-Polui excavations in 2010–2012)	58
Zakh V.A. Andreevskoie lake system (hydrology and use of natural resources according to archaeological and cartographic materials of the XVIII–XX centuries).....	69

Anthropology

Kuferin V.V., Nechvaloda A.I. Bioanthropological research of human skeletal remains from the Srubno-Alakul mound at Selivanovka II cemetery (Southern Trans-Urals).....	79
Bravina R.I., Dyakonov V.M., Nikolaev E.N., Petrov D.M., Syrovatskiy V.V., Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Razhev D.I., Alexeeva E.A., Zubova A.V., Kuzmin Ya.V. Comprehensive study of the early Yakut Sergelyakh burial of the XV — beginning of the XVI centuries	90
Poshekhonova O.E., Zubova A.V., Sleptsova A.V. Craniology and odontology of the Early Medieval population alongside the Tobol river, based on Ustyug-1 burial ground.....	110

Ethnology

Grigorev S.A. Local communities of indigenous peoples of Yakutia: social status of the evens	123
Bakieva G.T. Education among the Siberian Tatars in 1918–1930: goals, problems, results (based on Tobolsk County)	133
Istomin K.V., Liskevich N.A., Sharapov V.E. Samburg group of Komi: origin, history and ethno-cultural processes.....	143
Liskevich N.A., Masharipova A.H. The role of «The Village Day» in preservation of historical memory of the Komi re-settlers in Western Siberia	155
Baiduzh M.I. «Park on bones»: mythologization of modern urban space in Siberian cities.....	162

Palaeoecology

Terekhin E.A., Smekalova T.N. Analysis of structural and textural features of forms of ancient farming and land survey, typical of the territory of Western Crimea based on remote sensing data	170
Rassadnikov A.Yu. Livestock handling conditions at the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (according to the analysis of pathological changes of the bone system)	180
Memo to the Authors	188
Abbreviations	190

АРХЕОЛОГИЯ

И.В. Усачева

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: i.usachova@gmail.com

СОСНОВООСТРОВСКАЯ КУЛЬТУРА: ИДЕНТИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Статья продолжает развитие темы домохозяйства неолитического населения Зауралья и севера Западной Сибири и посвящена уточнению хронологических рамок сосновоостровской культуры, занимающей территорию в пограничье лесостепной — южно-таежной зоны бассейна Притоболья. Впервые представлены полная сводка и анализ всех имеющихся дат по углю, керамике и почвенным образцам палинологических колонок. Обзору предшествует фиксация идентификационных характеристик посуды как основного культурно-диагностического критерия. Последнее особенно важно в свете проблематики появления, хронологических рамок и локальных особенностей неолитической керамики, орнаментированной с использованием техники шагающей гребенки. Особую актуальность выделению маркерных характеристик посуды как сдерживающему фактору для скоропалительных выводов о процессе неолитизации в регионе придает все более широкое применение радиоуглеродного датирования керамики. Индикаторные характеристики сосновоостровской посуды определены как комбинация ряда морфологических и декоративных признаков. Помимо широкого использования шагающей гребенки среди них: форма сосудов (прямостенная или полуяйцевидная с округлым или приостренным дном); форма венчика (без наплыва, оформлен скосом с внутренней стороны и иногда чуть отогнут наружу); особенности декора (сплошная орнаментация внешней поверхности, часто среза и внутренней стороны венчика. Преобладание горизонтальной зональности с использованием горизонтальных, наклонных, редко вертикальных мотивов в узоре. Шаг в отличие от такового на посуде козловско-полуденского круга характеризуется разнообразием модификаций. Специфично широкое использование рядов, реже зон зигзага, наколов и геометрических узоров). Универсальным маркером культуры является поясок жемчужин по краю сосуда с внешней или внутренней стороны. Уточнена хронология сосновоостровских древностей. Установлено, что большая часть дат тяготеет к первой половине V тыс. до н.э., а отчасти даже к рубежу VI–V тыс. Cal BC. Это удревяет время существования культуры минимум на полтысячелетия. Данный временной интервал соотносится с серединой атлантического периода, который на этих территориях характеризуется повышенной влажностью. Высокий гипсометрический уровень расположения сосновоостровских поселений хорошо согласуется с данным фактом.

Ключевые слова: *неолит, Зауралье, сосновоостровская культура, техника шагающей гребенки, радиоуглеродные даты, индикаторные признаки сосновоостровской посуды.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-005-017

Последние годы ознаменовались появлением серии методических наработок по изучению домохозяйства древних обществ [Поселение Быстрый Кульёган 66..., 2006, с. 65–67; Косинская, 2006; Усачева, 2014, 2015], в основе которых лежит информация о доме, домовой территории и функционально ориентированных материальных остатках. В качестве пробного шара для практической апробации постулатов последним из названных авторов была выбрана сосновоостровская культура эпохи позднего неолита, занимающая территорию в пограничье лесостепной — южно-таежной зоны бассейна Притоболья.

Проблематика

Выбор объекта исследования обусловлен рядом причин, важнейшей из которых является выделяющаяся на фоне других неолитических культур Зауралья и севера Западной Сибири ярко выраженная самобытность посуды, идентификация которой не вызывает у специалистов разногласий. Однако, учитывая, что именно отчетливость границ культурно-хронологического среза выступает принципиальным условием первичного анализа, работы по домохозяйству сосновоостровской культуры логично предварить критикой источника, и прежде всего следует конкретизировать индикаторные характеристики посуды и рассмотреть имеющийся набор ра-

диоуглеродных дат. Необходимость такого этапа работы тем очевиднее, что в ходе ревизии В.Т. Ковалевой [1989] классической схемы периодизации уральского неолита О.Н. Бадера [1970] сосновоостровский этап развития был аннулирован и на многие годы восторжествовало мнение об однородности массива гребенчатой неолитической керамики восточного склона Урала и ее относительно позднем возрасте — не ранее позднего неолита. В новой редакции сосновоостровские древности были формально объединены в рамках позднего этапа неолита с полуденскими под именем последних [Ковалева, 1989, с. 44, 47–48, 63]. Как показало время, эту идею, в отличие от идеи о бинарности уральского неолита, когда автохтонная линия развития была дополнена генетически инородной кошкинско-боборыкинской, судя по результату, трудно признать удачной. Она значительно затормозила работы по изучению культурных и хронологических позиций разных гребенчатых комплексов Зауралья и в определенной мере способствовала обезличиванию сосновоостровских материалов. В результате у исследователей, особенно тех, кто непосредственно с этими материалами не работает, можно встретить самые разные представления о неолитической керамике лесостепной зоны Зауралья, орнаментированной в гребенчатой манере и тем более в технике шагающей гребенки (качалки). Одни продолжают воспринимать любые ее разновидности как сосновоостровские (см., напр.: [Васильев и др., 1998, с. 255–256]), другие — как полуденско-гребенчатые [Выборнов и др., 2014, с. 35, 40, рис. 3].

Такое положение дел было приемлемо для этапа первичного накопления материала, но сегодня повсеместно актуальными становятся вопросы специфики неолитизации разных территорий, в том числе появления, хронологических рамок и локальных особенностей разных типов керамики, включая орнаментированную в технике шагающей гребенки. В отношении последней это особенно важно, если учесть, что накопилось немало фактов, указывающих на ее достаточно раннее появление не только в пределах лесостепной и подтаежной (см., напр.: [Зах и др., 2014, с. 128; Еньшин, 2015, с. 21–24; Ковалева и др., 1984, с. 38; Косинская, 2001, с. 68; Усачева, 2001, с. 121–124; и т.д.]), но и в таежной зоне [Косинская, 2015] Зауралья и Западной Сибири. Что касается сосновоостровской посуды, для которой орнаментация в технике шагающей гребенки традиционно считается одним из индикаторных признаков, ее индивидуальность на уровне ранга культуры в последние десятилетия неоднократно и доказательно обсуждалась в печати [Асташкин, 1993; Усачева, 2009; Шорин, 1999а, b; и др.].

Масштаб гребенчатой проблематики отчетливо обозначился, когда дело коснулось массового радиоуглеродного датирования памятников по керамике. Кульминацией стало появление работы авторского коллектива под руководством А.А. Выборнова «Хронология уральского неолита» [2014], призванной конкретизировать хронологические позиции разных культурных образований ради уточнения исторического места каждого из них. Ориентированная на решение принципиальных вопросов сходства и различия процессов неолитизации в сопредельных районах западного и восточного склонов Урала и прилегающих территорий, в решении конкретных задач региональной хронологии данная работа вызывает неоднозначное восприятие, в силу излишней схематичности подхода. Так, в статье отсутствует описание методики отбора проб, а поскольку большинство датированных памятников имеют многослойный характер, это не позволяет исключить наличие предвзятости и односторонности при отборе и возможной погрешности в анализе и выводах. Так, по крайней мере, применительно к Зауралю явно не достаёт перекрестного датирования разных типов керамики, залегающих в пределах одного объекта, не говоря уже о датировании самих объектов, хотя бы на таких базовых памятниках, как Исетское Правобережное 1. Не ясен принцип выбраковки тех или иных дат. О том, что он был, однозначно свидетельствуют не учтенные в сводке ранние даты, полученные по гребенчатой керамике. В качестве примера можно привести ритуальный комплекс Чепкуль 21а, для которого имеются две радиоуглеродные даты. Одна — 6770 ± 130 л.н. (СОАН-7774), получена по углю, вторая — 6220 ± 90 л.н. (Ki-15964) — по керамике с орнаментом из полос шагающей гребенки [Зах и др., 2014, с. 128]. Что это? Досадная случайность или игнорирование «неудобных» фактов? Но как в таком случае быть с ранними комплексами с гребенчатой компонентой в составе, расположенными севернее (см., напр.: [Косинская, 2004, 2015])? Наконец, для минимизации субъективного подхода в оценке датированного предмета хотелось бы в качестве обязательного сопровождения видеть графическую иллюстрацию или фотографию исходного образца. В противном случае трудности с диагностикой выделенных типов керамики могут давать большие погрешности при распределении полученных дат по культурным комплексам. А если учесть, что и даты не всегда безупречны, то выводы могут оказаться весьма приблизительными. Показателен пример с

поздними гребенчатыми комплексами. Не имея возможности посмотреть, какая керамика была продатирована в каждом конкретном случае, мы вынуждены верить авторам на слово, а именно что «гребенчатая керамика с «шагающей гребенкой» и штампованными оттисками, которую ранее типологически относили к финалу неолита (сосновоостровская. — И. У.), сосуществовала с полуденской «классической» и имеет, безусловно, поздний характер (появляется не ранее 5300–5200 гг. до н.э.) [Выборнов и др., 2014, с. 46].

Адекватность вывода вызывает сомнение еще как минимум по двум параметрам. Во-первых, из-за неразработанности темы единообразия/локальной специфики полуденской керамики Урала и Зауралья. Если обратиться к публикациям материалов соответствующих памятников, привлекает внимание, что, в отличие от горно-лесной зоны восточного склона Урала, в равнинном лесостепном Зауралье техника гребенчатого штампа фактически не использовалась, будучи изначально замещена шагающей гребенкой. С этих позиций тезис об одновременном существовании техник шагающей и печатной гребенки, согласитесь, приобретает иной ракурс. Поэтому требование четкой территориальной дифференциации памятников оказывается отнюдь не лишним. Во-вторых, в противоречие с полученным выводом вступают или по крайней мере требуют разъяснения некоторые конкретные наблюдения, такие, например, как разница в гипсометрическом положении сосновоостровских и полуденских поселений. К примеру, первый же опыт инструментального картографирования памятников в пределах одной озерной системы (Андреевская, Тюменская область) продемонстрировал наличие разницы высотных отметок расположения соответствующих памятников [Зах и др., 2014]. Сосновоостровские комплексы расположены в верхней части приозерной террасы на площадках с высотными отметками 2,0–2,5 м при полном диапазоне от 1,5 до 3,5 м, а так называемые полуденские прослежены на высоте от 1 до 1,5, в исключительных случаях — до 2 м [Там же, карты-схемы]. Данный аргумент подвергает сомнению тезис о синхронности данных культурных образований и как минимум ставит вопрос о введении дополнительных параметров анализа, хотя бы таких, как гипсометрический и палеоклиматический.

В связи с обозначенными проблемами, нуждающимися в дополнительной разработке, в данной статье поставлена цель уточнить маркерные характеристики сосновоостровской посуды, чтобы конкретизировать критерий для уже имеющихся и будущих радиоуглеродных керамических дат. Тем более что количество исследованных раскопами поселений позволяет это сделать. В противном случае нарастание их количества приведет не к прояснению культурно-исторического ландшафта, а к бесполезному набору нечитаемых фактов. Сегодня именно хронологические проблемы становятся серьезным препятствием для решения многих задач археологии, включая разработку специализированных тем. Вот почему в качестве первого этапа работы по домохозяйству сосновоостровской культуры считаем актуальным выполнить обзор индикаторных характеристик посуды и провести ревизию радиоуглеродных дат с учетом всех новых и старых данных.

Идентификационные характеристики сосновоостровской керамики

Известно свыше 40 памятников с материалами сосновоостровской культуры. Наибольшая их концентрация наблюдается в Нижнем Притоболье по берегам Андреевской озерной системы, Тарманского озерно-болотного массива, в бассейне Иски и междуречье Исети и Тобола. Отдельные памятники с сосновоостровской или близкой ей керамикой зафиксированы в Нижнем Приишимье [Панфилов, 1993], а также в Верхнем Притоболье [Шорин, 1999b] (рис. 1). Данные границы территории не окончательны и могут со временем уточняться; они ориентированы на достоверные поселенческие комплексы и могильники.

Достаточная выборка раскопанных на разных памятниках жилищ дает возможность уточнить идентификационные характеристики керамики [Викторова, 1968; Дрябина, Пархимович, 1991; Зах, Матвеева, 1997; Стефанов, 1991; Усачева, 2001; и др.].

В сосновоостровском керамическом комплексе преобладают сосуды закрытой полуяйцевидной или прямостенной формы с округлым или приостренным дном. Венчик без наплыва, уплощен и чуть приострен за счет небольшого скоса с внутренней стороны; иногда чуть отогнут наружу. Внешнюю поверхность покрывает сплошной орнамент, который может быть как плотным, так и довольно разреженным (рис. 2–5). У многих сосудов декорированы также срез и внутренний край венчика.

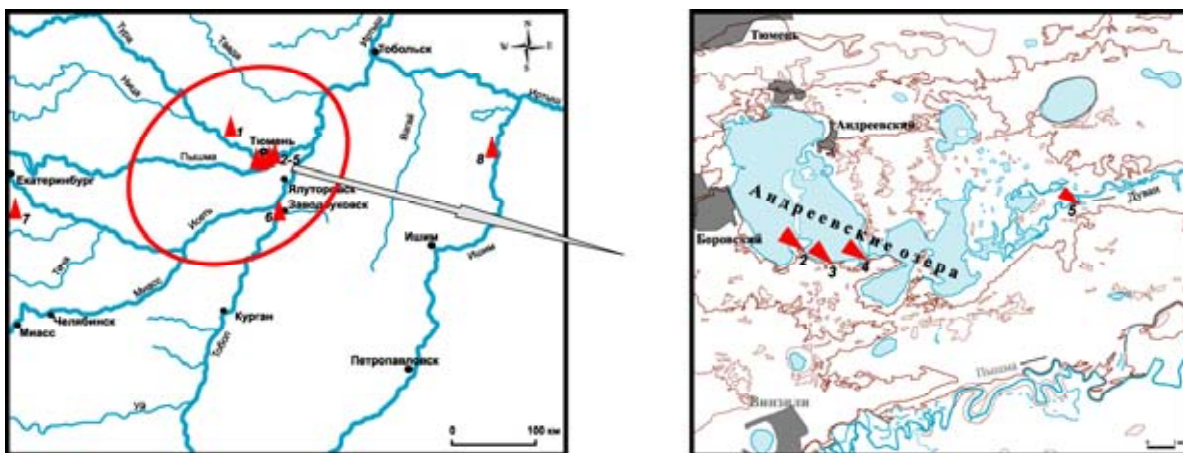

Рис. 1. Территория распространения сосновоостровской культуры и местоположение памятников, о которых говорится в статье:
 1 — Сосновый Остров; 2 — ЮАО V; 3 — ЮАО XVI; 4 — «VIII пункт»; 5 — Дуванское V; 6 — Гилево VIII; 7 — Дружный 1; 8 — Серебрянка 1.

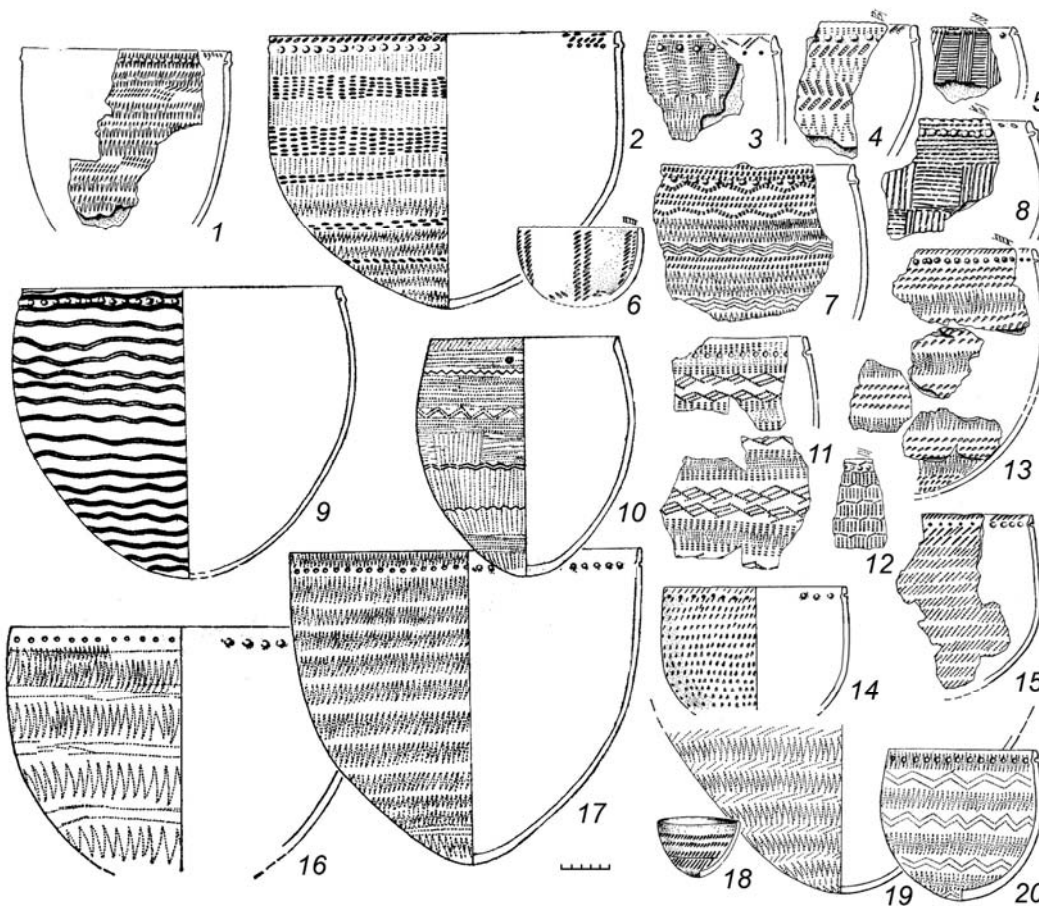

Рис. 2. Керамика сосновоостровской культуры, пос. Дуванское V (по: [Стефанов, 1991, рис. 6, 7]).

Характерной особенностью декора является поясok «жемчужин» по краю сосуда с внешней или внутренней стороны. В орнаментации преобладает гребенчатая техника нанесения узора. При этом если внутренний край венчика, как правило, украшен в печатной манере, то на внешней поверхности посуды преобладают узоры из полос шагающей или прокатанной гребенки.

Сосновоостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии

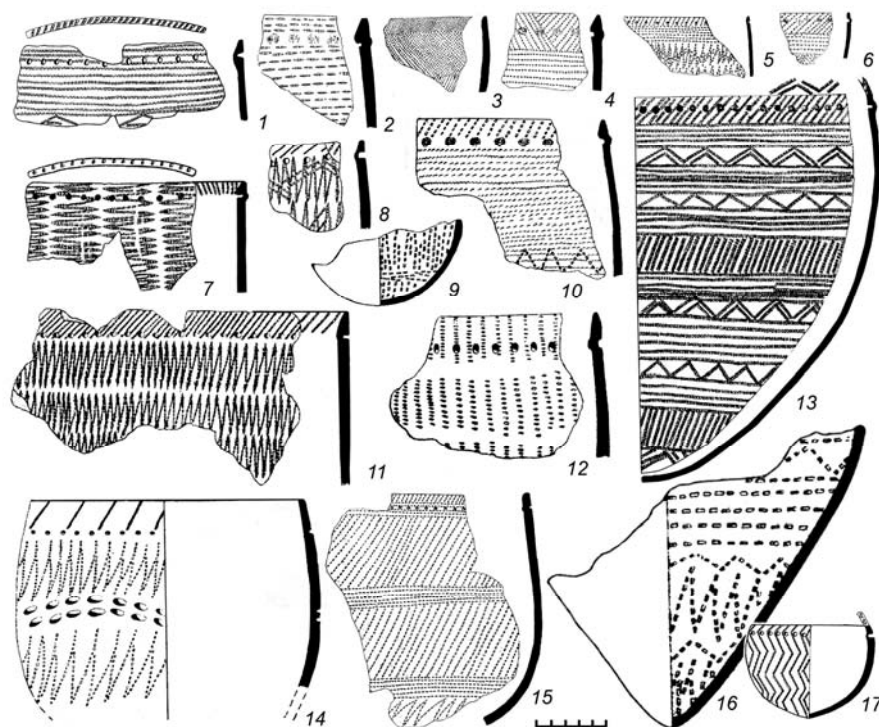

Рис. 3. Керамика сосновоостровской культуры, пос. Гилево VIII (по: [Дрябина, Пархимович, 1991, рис. 3, 4; Макаренко, А-1996, рис. 3].

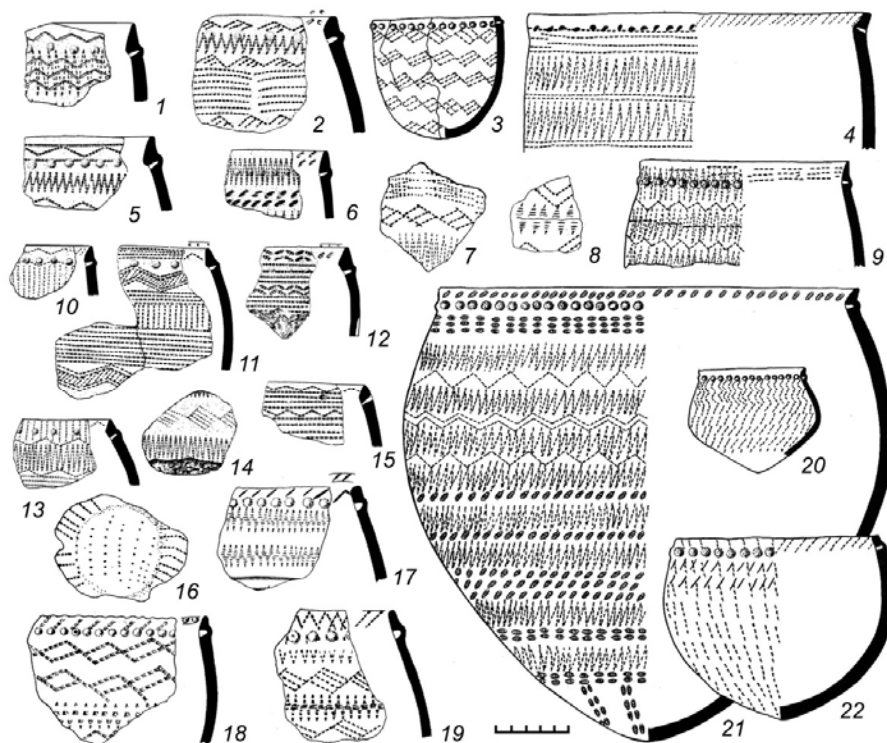

Рис. 4. Керамика сосновоостровской культуры:
1, 2, 5, 6, 10–15 — пос. Сосновый Остров (по: [Викторова, 1968, рис. 3]); 3, 4, 9, 20–22 — пос. «VIII пункт»
(по: [Зах, 2009, рис. 91]); 7, 8, 16–19 — пос. ЮАО V (по: [Алексашенко, Викторова, 1991, рис. 3]).

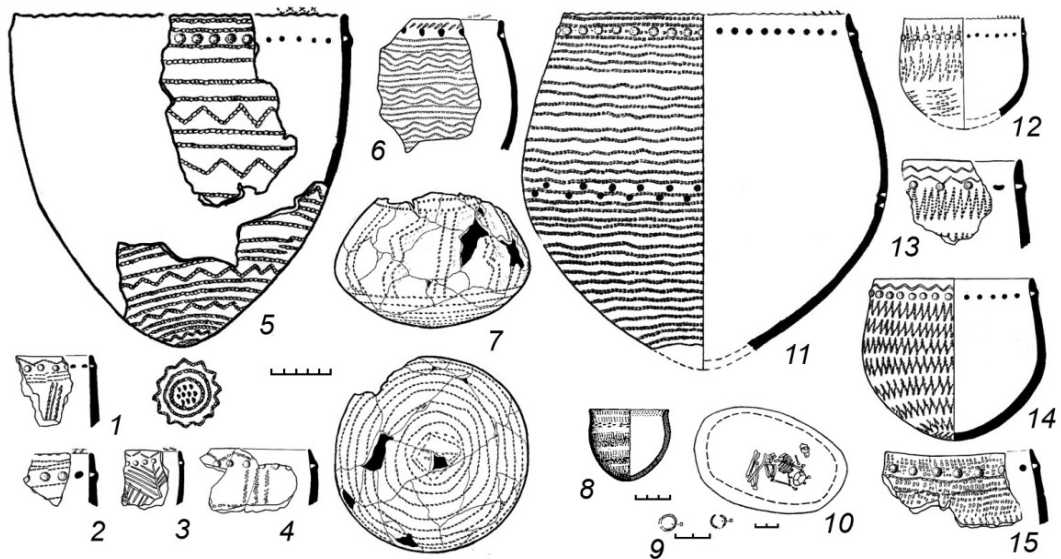

Рис. 5. Керамика близких сосновоостровским комплексов:
1–7, 11–15 — пос. Серебрянка 1 (по: [Панфилов, 1993, рис. 9]); 8–10 — погр. Дружный 1 (по: [Шорин, 1999b, рис. 8]).

По стилю орнаментальных композиций на основной площади локализации культуры как будто удается проследить две самостоятельные группы памятников [Волков, 2008, с. 11–12]. В одной группе доминируют монотонные узоры из наклонных и многорядных горизонтальных полос прокатанной¹ гребенки с редкими дополнениями мотива шагания или геометризма, в другой — преобладают горизонтальные, наклонные и вертикальные ряды, выполненные в технике шагающей гребенки. При этом необходимо отметить, что шаг в сосновоостровской культуре характеризуется выраженной вариативностью, что отличает его от такового на посуде козловско-полуденского круга. Среди модификаций нанесения помимо простого ровного шага встречается шаг с пропечатыванием только концов (рис. 2, 1; 4, 19), шаг с протаскиванием (рис. 4, 8, 17, 19), шаг с прокатыванием (рис. 3, 14, 15), в том числе «лохматый» шаг из чередующихся регулярных или нерегулярных коротких и длинных тиснений (рис. 2, 16) и т.д. Нет единого стандарта и у зубчатого орнамента: он варьируется от короткого двузубого до длинного — в 10 зубцов и более. Для второй из двух упомянутых групп специфично широкое использование в качестве разделительных рядов, реже — зон наколов и геометрических узоров. Последние представлены заштрихованными и незаштрихованными ромбами, треугольниками, флажками, одно-, двух- и трехрядными зигзагами. Именно наличие в декоре геометрических узоров явилось причиной включения сосновоостровской культуры в круг энеолитических культур гребенчатого геометризма Зауральско-Казахстанской культурно-исторической общности [Шорин, 1999a, с. 60].

Хронология

Взгляды на хронологию сосновоостровских комплексов базируются на представлениях о их месте в кругу культур гребенчатого геометризма, ряде стратиграфических наблюдений и нескольких радиоуглеродных датах, важнейшими из которых вплоть до недавнего времени являлись даты поселений Дуванское V в Притоболье и Серебрянка 1 в Пришимье². Согласно первому основанию время бытования сосновоостровской культуры, занимающей место в начале стратиграфической колонки раннеэнеолитических культур и уходящей корнями в неолит, опре-

¹ В единственной публикации, посвященной памятнику Гилево VIII, где такие композиции преобладают, о прокатанной технике не упоминается — авторы говорят об отрисках длинного и короткого гребенчатого штампа [Дрябина, Пархимович, 1991, с. 102, 105]. Однако на иллюстрациях к статье отчетливо прочитывается именно прокатанная техника, что подтвердил и осмотр материалов коллекции.

² Радиоуглеродную дату погребения 5 Перейминского 2 могильника: 4000 ± 130 (ЛЕ-357), которую также соотносят с сосновоостровской культурой, большинство исследователей считают явно омоложенной (см., напр.: [Зах и др., 1991, с. 41]).

Сосновоостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии

деляют концом IV — началом III тыс. до н.э. [Шорин, 1999а, с. 84³, 87–88; 1999b, с. 55]. Согласно второму — относят к позднему неолиту и датируют по-разному: в широких пределах, но до конца IV тыс. до н.э. [Волков, 2008, с. 11], примерно второй половиной — концом IV тыс. до н.э. [Ковалева, 1989, с. 42; Стефанов, 1991, с. 160], IV тыс. до н.э. [Зах, 2009, с. 257], первой половиной — серединой IV тыс. до н.э. [Панфилов, 1993, с. 21].

Некоторый прирост радиоуглеродных дат произошел в последние годы, однако в комплексе их еще никто не рассматривал. Несмотря на то, что количество сосновоостровских дат пока невелико, они, что важно, маркируют все основные опорные памятники культуры (табл.). Наибольшую известность имеет первая из опубликованных поселенческих дат, на которую и по сей день ориентируются исследователи этой культуры: пос. Дуванское V, жил. 2: 5295±60 л.н. (ЛЕ-1367) [Стефанов, 1991, с. 160]. Так, А.Н. Панфилов, автор исследования пос. Серебрянка 1, из четырех дат комплекса II, близкого по ряду признаков сосновоостровскому, отдает предпочтение той, что оказывается максимально приближена к дуванской: 5095±78 л.н. (УПИ 637) из жил. 2, и датирует его с учетом калибровки началом — первой половиной IV тыс. до н.э. [1993, с. 16, 21]. Впрочем, он не исключает возможности и несколько более раннего возраста памятника, допуская корректность даты, полученной из жил. 3: 5690±40 л.н. (УПИ 636) [Там же, с. 18, 21]. Оставшиеся две даты: одна из жил. 2 — 6200±200 л.н. (УПИ 566), другая из жил. 3 — 10 667±172 л.н. (УПИ 739) — выбракованы, как избыточно древние.

Даты сосновоостровской культуры

№	Памятник	Индекс лаборатории	Возраст			Материал образца
			ВР	BC, 1σ (68,2%)	BC, 2σ (95,4%)	
1	Дуванское 5, жил. 2	ЛЕ-1367	5295±60	4320–3980	4230–4040	Уголь
2	Серебрянка I, жил. 2	УПИ 637	5095±78	4050–3700	3970–3790	Уголь
3	Серебрянка 1, жил. 3	УПИ 636	5690±40	4690–4440	4555–4455	Уголь
4	Гилево VIII, жил. 3	Ki-15965	5930±80	5010–4590	4930–4710	Керамика
5	Гилево VIII, жил. 3	Ki-16209	5645±90	4700–4330	4560–4360	Керамика
6	«VIII пункт», МЖП, уч. 3/011, линия И, 8 гор.	СОАН-5843	5825±145	5050–4350	4850–4500	Уголь почвенного образца
7	Сосновый Остров, МЖП, уч. К/7, 2,33–2,18 м	СОАН-5845	5890±60	4940–4600	4840–4700	Уголь почвенного образца
8	Сосновый Остров, МЖП, уч. К/7, 1,78–1,70 м	СОАН-5846	5385±85	4370–3990	4340–4070	Уголь почвенного образца
9	Перейминский 2 мог., погр. 5	ЛЕ-357	4000±130	2900–2100	2900–2300	Уголь

Примечание. INFORM: References — Atmospheric data from Reimer et al (2004); OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron].

Из новых дат три получены А.А. Выборновым по органическим остаткам в керамике. Это два образца с пос. Гилево VIII, жил. 3: 5930±80 л.н. (Ki-15965) и 5645±90 л.н. (Ki-16209) — и сосновоостровский сосуд с пос. Ук VI: 5870±90 л.н. (Ki-15064) [Выборнов, 2011, с. 233]. Эти даты, по мнению исследователя, который на тот момент еще не был сторонником упрощенного подхода к гребенчатым древностям Зауралья, подтвердили существование самостоятельной сосновоостровской культуры в Нижнем Притоболье уже в первой половине IV тыс. до н.э. В качестве комментария к этим датам нельзя не отметить, что, хотя все они укладываются в единый хронологический диапазон, последняя вызывает сомнения в принадлежности ее к сосновоостровской культуре.

Тот комплекс керамики пос. Ук VI, который в соответствии с атрибуцией его первых исследователей И.Б. Васильева, А.А. Выборнова и С.А. Глущенко [1998, с. 225, рис. 11, 12] описан как сосновоостровский, фактически, судя по рисункам и описанию, таковым не является, поскольку данная керамика по всем основным показателям отличается от сосновоостровской: иная морфология посуды (ни на одном из памятников сосновоостровской культуры не зафиксировано призе-

³ Необходимо уточнить, что часть дат, которые в монографии А.Ф. Шорина предварительно интерпретированы как сосновоостровские (мог. Большой Андреевский остров 1, погр. 7, 15) [1999а, с. 84, табл. 5], в свете современных данных таковыми не являются (см., напр.: [Зах и др., 2014, с. 43]).

мистых широкогорлых сосудов закрытой (реповидной) формы), иная форма венчика (он имеет наплыв, чего нет на сосновоостровской посуде, на которой оформление горловины максимально стандартизировано — прямая форма, как правило, с небольшим скосом с внутренней стороны, иногда край венчика чуть отогнут наружу), иной декор. В отношении последнего — в материалах культуры не выявлено сосудов с «типичным для сосновоостровцев» вертикальным зигзагом, заполняющим без каких-либо разделителей все орнаментальное поле. Более того, вертикальный зигзаг вообще не характерен для сосновоостровской посуды, для нее типичны орнаментальные пояса, выполненные, как правило, с применением горизонтальной, редко — наклонной и лишь единично — вертикальной зональности (рис. 2–5). Наконец, у этих, так называемых сосновоостровских, сосудов совершенно отсутствует важнейший (маркерный) признак собственно сосновоостровской посуды — жемчужины по краю венчика. По совокупности признаков предлагаемый набор хорошо укладывается в рамки развитого неолита Зауралья (полуденская культура), в котором гребенчатая орнаментация, в том числе шагающая гребенка, также имеет самое широкое распространение. Поэтому, как ни заманчиво иметь больше сосновоостровских дат, дату «раннего сосновоостровского» сосуда [Выборнов, 2012, с. 20] из числа таковых лучше исключить или рассматривать условно.

Еще несколько дат, в аннотации к которым есть слово «сосновоостровская» [Зах и др., 2008, с. 21, 53; 2011, с. 220], требуют аналитической справки. Речь идет о маркерных датах из палинологических колонок с поселений Сосновый Остров и «VIII пункт». Эти последние даны в статье блоками по памятникам и сопровождаются только указанием участка и глубины забора. На что следует обратить внимание — культурная атрибуция описывает наиболее вероятный культурно-хронологический интервал выборки, а не является интерпретацией отдельных дат. Остановимся на них подробнее. На пос. «VIII пункт»⁴ палинологическая колонка была заложена на южной стенке раскопа И.В. Жилиной (Усачевой) 1982 г. в 0,5 м к западу от его юго-восточного угла (уч. З/011, линия И, а не уч. И/9, как указано в статье). Образец СОАН-5842 с глубины 1,55–1,70 м от поверхности соответствует на этом участке придонной части (уровень 14–15 горизонтов) жилища № 8 (козловская культура) [Усачева, 2001] и никакого отношения к сосновоостровским древностям не имеет. Второй образец колонки — СОАН-5843: 5825±145 л.н., взятый на глубине 1,00–1,05 м (уровень 8 горизонта), с каким-либо конкретным сооружением не связан. Керамическое наполнение слоя и уровень залегания позволяют с большой долей вероятности интерпретировать его как сосновоостровский, но нельзя исключать и иные варианты толкования, учитывая многообразие культурных напластований памятника [Там же].

Для палинологического разреза пос. Сосновый Остров из угольных прослоек и линз профиля получено шесть дат [Зах и др., 2011, с. 220]. Четыре относятся ко времени атлантика, две уходят в суббореал. Согласно данным исследований В.Д. Викторовой [1968] и С.А. Мызникова [А-2004; Мызников, 2005], на памятнике зафиксировано четыре (в другой интерпретации — три, но один двойной) археологических комплекса, которые подстилались материковым слоем со следами лесного пожара (обугленные древесные остовы без каких-либо следов антропогенного присутствия во включающем слое). Ранний культурный комплекс представлен жилищем козловской культуры, второй — соотносится с жилищем сосновоостровской культуры (эпонимный памятник), третий — включает могильник, который, по мнению автора исследований В.Д. Викторовой, хронологически близок сосновоостровскому комплексу, и, наконец, четвертый — энеолитический. Если учесть, что наиболее древняя из дат получена по углю древесных остатков подстилающего материкового слоя, вышележащий образец взят на уровне жилища козловской культуры, а две наиболее молодые (суббореальные) даты однозначно соотносятся с энеолитическим слоем, то сосновоостровскому комплексу будет соответствовать одна из двух (обе?) дат середины атлантического периода: 5890±60 л.н. (СОАН-5845) и 5385±85 л.н. (СОАН-5846). В свете всей совокупности собранных дат эти допущения не кажутся чрезмерными.

Как следует из табл. и рис. 6, все радиоуглеродные даты, так или иначе имеющие отношение к сосновоостровской культуре, за исключением одной, уже упоминавшейся ранее, явно невалидной даты Перейминского 2 могильника, достаточно убедительно ограничивают время ее существования V — первой четвертью IV тыс. Cal BC, охватывая диапазон 5930±80 — 5095±78 л.н. или, в калиброванном исчислении, 5050–3700 (95,4 %) либо 4850–3790 (68,2 %) л. до н.э., что, в общем, согласуется с датами позднего этапа неолита, предложенными коллективом авторов [Выборнов и

⁴ В статье поселение периодически упоминается под именем ЮАО 18 (название участка береговой террасы, где помимо пос. «VIII пункт» расположено еще 13 памятников [Зах и др., 2014, с. 21–22]).

Сосновоостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии

др., 2014, с. 47] для Среднего Зауралья. График сумм вероятностей радиоуглеродной хронологии сосновоостровской культуры показывает, что большая часть дат тяготеет к первой половине указанного тысячелетия, а отчасти даже к рубежу VI–V тыс. Cal BC. Это удревяняет культуру минимум на полтысячелетия по сравнению с предполагавшимися ранее вариантами. В свете новых данных по крайней мере одна из прежних опорных дат — 5095±78 л.н. (УПИ 637) (пос. Серебрянка 1, жил. 2) начинает восприниматься несколько омоложенной. Насколько такое предположение соответствует действительности, судить сложно, так как в Приишимье, откуда происходит образец, реминисценции культуры могли сохраняться дольше, чем в основном (Притоболье) очаге ее существования. Во всяком случае, автор исследования А.Н. Панфилов специально оговаривал, что керамика комплекса хотя и близка сосновоостровской, но не тождественна ей. Наконец, он изначально допускал возможность недостоверности этой поздней даты [Панфилов, 1993, с. 21].

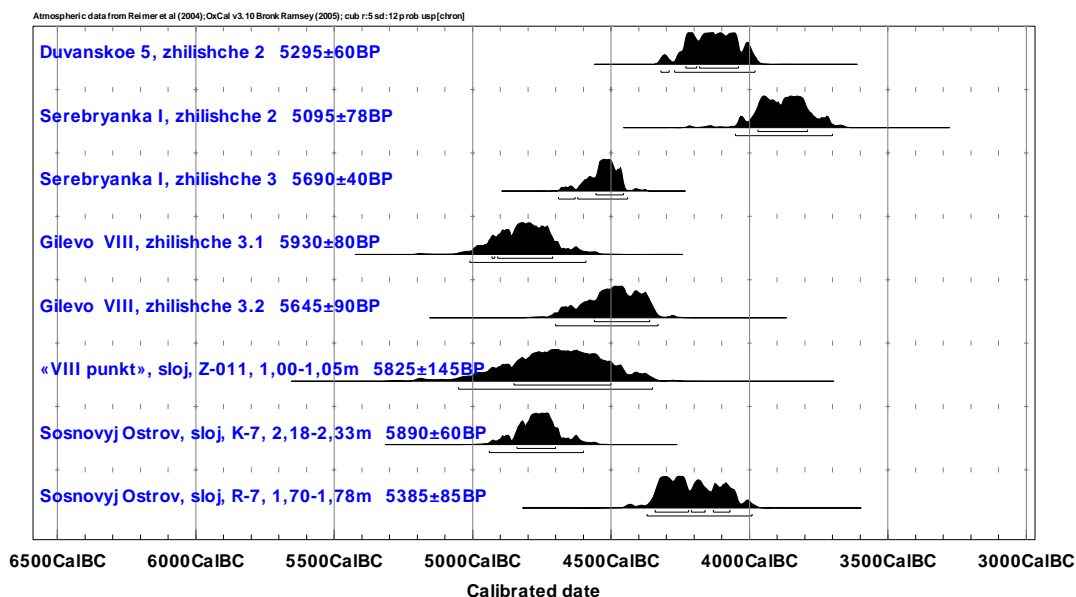

Рис. 6. Радиоуглеродная хронология сосновоостровской культуры: графики сумм вероятностей.

Для нас в данной ситуации важно, что, даже с учетом допуска некоторой погрешности отдельных дат, в целом они достаточно четко укладываются в один временной интервал. Это позволяет соотнести время существования культуры с региональной схемой изменения ландшафтно-климатических условий Тоболо-Ишимья и реконструировать природную среду, в которой она функционировала.

Ландшафтно-климатический фон

Уточненный диапазон существования сосновоостровской культуры приходится на середину атлантического периода, временные рамки которого по палеоклиматической шкале региона — 6300–5300 л.н. По данным Н.Е. Рябогиной, начало этого периода — около 6300–6100 л.н. характеризуется умеренно теплыми и повышенно влажными условиями по сравнению с современным климатом. После чего в интервале 6100–5300 л.н. следует фаза некоторого потепления и постепенного сокращения влагообеспеченности [Рябогина, 2004, с. 8]. Тем не менее влагообеспеченность оставалась чуть выше современной, что является отличительной чертой середины атлантического периода по сравнению с испытывавшими дефицит увлажнения его начальной и завершающей фазами [Зах, Рябогина, 2005, с. 89–90]. На большей части территории Тоболо-Ишимья в этот период была распространена северная лесостепь с обилием лесов в поймах. В древостое доминировала береза с некоторым участием сосны.

Акцентируем внимание, что эти данные, в частности касающиеся повышенного уровня влажности, великолепно согласуются с гипсометрическим уровнем расположения поселений сосновоостровской культуры, повсеместно занимающих возвышенные участки рельефа, тем самым косвенно подтверждая правомерность полученной радиоуглеродной хронологии культуры.

Выводы

Суммируя вышеизложенные наблюдения, опирающиеся на попытку обусловить отбор дат одного из гребенчатых неолитических комплексов индикаторными характеристиками посуды, можно сделать следующие выводы. По уточненным данным, время функционирования сосновоостровских памятников приходится на V тыс. до н.э., при этом большая часть дат тяготеет к первой половине указанного тысячелетия, а отчасти даже к рубежу VI–V тыс. до н.э. в калиброванном исчислении. На протяжении почти всего периода своего существования население, оставившее комплексы сосновоостровской культуры, проживало в условиях повышенной влажности, что документируется данными о гипсометрическом уровне расположения поселений и палеоклиматическими наблюдениями. На большей части территории Тоболо-Ишимья в этот период была распространена северная лесостепь с обилием лесов в поймах. В древостое доминировала береза с некоторым участием сосны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Макаренко Д.Н. Развитие сосновоостровской неолитической традиции в Притоболье: Диплом. работа / ТюмГУ. 1996 // Архив ИПОС СО РАН. Фонд Л.А. Дрябиной.

Мызников С.А. Отчет о научно-исследовательской работе: Рекогносцировочное обследование археологического памятника «Стоянка Сосновый остров» в Нижне-Тавдинском районе Тюменской области в 2004 году // Архив ИПОС СО РАН.

Литература

Алексащенко Н.А., Викторова В.Д. Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 161–183.

Асташкин В.И. Орнаментальные традиции и некоторые проблемы культурной эволюции в неолите Зауралья // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II. СПб.: ИИМК, 1993. С. 54–59.

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 157–171. (МИА; № 166).

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Глуценко С.А. Поселение Ук-VI в Тюменском Притоболье // Исторические исследования. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. Вып. 2. С. 254–267.

Викторова В.Д. Сосновый Остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4. С. 161–172.

Волков Е.Н. Формирование раннеэнеолитических культур Тюменского Притоболья: (К постановке проблемы) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. № 8. С. 9–17. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Выборнов А.А. Первые радиоуглеродные даты по неолитической керамике Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 232–235.

Выборнов А.А. О радиоуглеродных датах по керамике и другим материалам // Проблемы истории, археологии, образования: 60-летию А.И. Репинецкого посвящается. Самара: Поволж. гос. социально-гуманитар. академия. 2012. С. 15–31.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 33–48.

Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю. Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 100–111.

Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): Характеристика и интерпретация // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 2 (29). С. 15–27. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 219–233. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.

Зах В.А., Матвеева Н.П. Поселение «8-й пункт» на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 3–8.

Зах В.А., Панфилов А.Н., Зотова С.В. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 13–42.

Сосновоостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии

Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Антропология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4 (24). С. 85–100.

Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю. Древности Андреевской озерной системы: В 2 т. Т. 1: Археологические памятники. Новосибирск: Наука, 2014. 225 с.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.

Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 32–44.

Косинская Л.Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещ. (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 61–71.

Косинская Л.Л. Проблемы хронологии западносибирского неолита: (К вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: (Хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 301–306.

Косинская Л.Л. Взгляд археолога на западно-сибирскую этнографию: Некоторые аспекты археологических реконструкций // Твер. археол. сб. Тверь, 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 19–25.

Косинская Л.Л. О характере культурогенеза в неолите лесного Зауралья и Западной Сибири: Источники и интерпретации: (К постановке проблемы) // Твер. археол. сб. Тверь, 2015. Вып. 10. Т. 1. С. 24–33.

Мызников С.А. Работы в Тюменской области // АО 2004. М.: Наука, 2005. С. 473–474.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка I в Нижнем Приишимье: Итоги полевых исследований. Препр. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 80 с.

Поселение Быстрый Кульёган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Кол. моногр. под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. 192 с.

Рябогина Н.Е. Стратиграфия голоцена Южного Зауралья, изменения ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека: Автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Тюмень, 2004. 16 с.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Притоболья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС, 2001. С. 116–133.

Усачева И.В. Сосновоостровская культура // Большая Тюменская Энциклопедия. Екатеринбург: Со-крат, 2009. Т. 4. С. 368.

Усачева И.В. Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Севера Западной Сибири: Возможности социально-экономической реконструкции // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 73–79. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ipdn.ru/rics/va>.

Усачева И.В. Неолитическое жилище лесной зоны Зауралья и Северо-Западной Сибири: Подходы к социально-экономической реконструкции // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. конф., г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 187–190.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999а. 182 с.

Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999б. 92 с.

I.V. Usacheva

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: i.usachova@gmail.com

SOSNOVOOSTROVSKAYA CULTURE: IDENTIFICATION OF CERAMICS AND THE ISSUES OF CHRONOLOGY

The article continues elaborating upon the topic of the Neolithic household of the Trans-Urals (Zauralye) and Western Siberia population. It aims at clarifying the chronological framework of the Sosновоostrovskaya culture which occupies an area of the forest-steppe borderlands — South taiga zone of the Tobol river basin. For the first time, a complete summary and analysis of all currently available dates obtained by coal, ceramics and soil samples of palynological columns are presented in the article. The review is preceded by fixation of identification characteristics of dishes as the main cultural diagnostic criterion. The latter is particularly important in light of clearly denoted problems of the chronological framework appearance and local features of Neolithic ceramics ornamented with the use of a comb-stepping technique. Increasingly used radiocarbon dating of ceramics at-

taches particular topicality to choosing marker characteristics of pottery as the main factor for hasty conclusions about the process of neolithization in the region.

Indicator characteristics of Sosnovoostrovskaya pottery are defined as a combination of a number of morphological and decorative features. Besides, the extensive use of walking comb among them are form of vessels (wall-sided and semi ovoid with a round or a bit pointed bottom); the shape of the rim (without an influx, made with a bevel on the inside, and sometimes a little bent out); décor features (continuous ornamentation of the outer surface, often the edge of the vessel and inner side of the rim). Predominance of horizontal zoning with the use of horizontal, slanting, rarely vertical motives in a pattern. The step, unlike that one on the dishes of Kozlovsky-Poludensky circle, is characterized by a variety of modifications. The wide use of rows, less often zones of zigzag, prickings and geometric patterns is specific). A belt of pearls along the edge of the vessel from the outer or inner side is a universal marker of the culture.

Chronology of Sosnovoostrovskaya antiquities is updated. It is found that most of the dates gravitate to the first half of the V millennium BC and partly even to the turn of the VI–V millennium BC, which makes the existence of culture more ancient for at least half a millennium. This time interval corresponds to the period of the mid-Atlantic, which is characterized by excessive humidity in these areas. High hypsometric level of Sosnovoostrovskaya settlements arrangement is consistent with this fact.

Key words: the Neolithic, the Trans-Urals, the Sosnovoostrovskaya culture, comb-stepping technique, radiocarbon dates, the indicator signs of Sosnovoborsky pottery.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-005-017

REFERENCES

- Aleksashenko N.A., Viktorova V.D., 1991. Neoliticheskie zhilishcha luAO V [Neolithic dwellings of luAO V]. *Neoliticheskie pamiatniki Urala*, Sverdlovsk: UrO AN SSSR, pp. 161–183.
- Astashkin V.I., 1993. Ornamental'nye traditsii i nekotorye problemy kul'turnoi evoliutsii v neolite Zaural'ia [Ornamental traditions and some problems of cultural evolution in the Neolithic of the Urals]. *Problemy kul'turogeneza i kul'turnoe nasledie*, vol. II, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 54–59.
- Bader O.N., 1970. Ural'skii neolit [Ural Neolithic]. *Kamennyi vek na territorii SSSR*. Moscow: Nauka, pp. 157–171. (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR; no. 166).
- Driabina L.A., Parkhimovich S.Iu., 1991. Poselenie Gilevo VIII [The settlement of Gilevo VIII]. *Neoliticheskie pamiatniki Urala*, Sverdlovsk: UrO AN SSSR, pp. 100–111.
- En'shin D.N., 2015. Keramicheskii kompleks poseleniia Mergen' 7 (Nizhnee Priishim'e): Kharakteristika i interpretatsiia [A pottery complex from the settlement of Mergen' 7 (Low Ishim basin): Description and interpretation]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2, pp. 15–27, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a29/15–27.pdf.
- Kovaleva V.T., 1989. *Neolit Srednego Zaural'ia* [The Neolithic of the Middle Urals], Sverdlovsk: UrGU, 80 p.
- Kovaleva V.T., Ustinova E.A., Khlobystin L.P., 1984. Neoliticheskoe poselenie Sumpan'ia IV v basseine Kondy [The Neolithic settlement of Sumpanya IV in the Konda river basin]. *Drevnie poseleniia Urala i Zapadnoi Sibiri*, Sverdlovsk: UrGU, pp. 32–44.
- Kosinskaia L.L., 2001. Keramicheskie komplekсы v neolite Zapadnoi Sibiri (taezhnaia zona) [Ceramic complexes in the Neolithic of Western Siberia (taiga zone)]. *Problemy izuchenii neolita Zapadnoi Sibiri*, Tiumen': IPOS SO RAN, pp. 61–71.
- Kosinskaia L.L., 2004. Problemy khronologii zapadnosibirskogo neolita: (K voprosu o roli radiouglerodnogo datirovaniia) [Problems of the West Siberian Neolithic's chronology (on the role of radiocarbon dating)]. *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii: (Khronologiiia neolita, osobennosti kul'tur i neolitizatsiia regionov, vzaimodeistviia neoliticheskikh kul'tur v Vostochnoi i Srednei Evrope)*, vol. I, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 301–306.
- Kosinskaia L.L., 2006. Vzgliaid arkheologa na zapadno-sibirskuiu etnografiu: Nekotorye aspekty arkheologicheskikh rekonstruktsii [An archaeologist's viewpoint on the West Siberian Ethnography: Some aspects of archaeological reconstructions]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, 6, vol. 1, Tver', pp. 19–25.
- Kosinskaia L.L., 2015. O kharaktere kul'turogeneza v neolite lesnogo Zaural'ia i Zapadnoi Sibiri: Istochniki i interpretatsii: (K postanovke problemy) [On the nature of cultural genesis in the Trans-Urals and Western Siberia's Neolithic forest zone: Sources and interpretations: (Problem statement)]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, 10, vol. 1, Tver', pp. 24–33.
- Kosinskaia L.L., Trufanov A.Ia., 2006, (eds.). *Poselenie Bystryi Kul'egan 66: Pamiatnik epokhi neolita Surgutskogo Priob'ia* [The Settlement of Bystryi Kul'egan 66: Site of the Neolithic Ob river basin near Surgut], Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe izd-vo, 192 p.
- Myznikov S.A., 2005. Raboty v Tiumenskoii oblasti [Works in Tyumen region]. *AO 2004 g.*, Moscow: Nauka, pp. 473–474.
- Panfilov A.N., 1993. *Mnogosloinoe poselenie Serebrianka I v Nizhnem Priishim'e* [The multi-layered settlement of Serebryanka I in the Low Ishym river basin], Tiumen': IPOS SO RAN, 80 p.

Сосновоостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии

Ryabogina N.E., 2004. *Stratigrafiia golotsena luzhnogo Zaural'ia, izmeneniia landshaftno-klimaticheskikh uslovii obitaniia drevnego cheloveka* [Stratigraphy of the Holocene of the Southern Urals, changes of landscape-climatic conditions of the habitat of the ancient man]. Avtoref. dis. ... kand. geol.-mineral. nauk, Tiumen', 16 p.

Shorin A.F., 1999a. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: Problemy kul'turogeneza* [The Eneolithic of the Urals and adjacent territories: Problems of cultural genesis], Ekaterinburg: UrO RAN, 182 p.

Shorin A.F., 1999b. *Eneoliticheskie kul'tury Urala i sopredel'nykh territorii* [Eneolithic cultures of the Urals and adjacent territories], Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 92 p.

Stefanov V.I., 1991. Neoliticheskoe poselenie Duvanskoe V [The Neolithic settlement of Duvanskoe V]. *Neoliticheskie pamiatniki Urala*, Sverdlovsk: UrO AN SSSR, pp. 144–160.

Usacheva I.V., 2001. Stratigraficheskie pozitsii neoliticheskikh tipov keramiki poseleniia «VIII punkt» na Andreevskom ozere i nekotorye obshchie voprosy neolita Pritobol'ia [The stratigraphic positions of Neolithic types of ceramics from the settlement «VIII punkt» at the Andreevskoe lake and some general issues of the Tobol river basin's Neolith]. *Problemy izucheniia neolita Zapadnoi Sibiri*, Tiumen': IPOS SO RAN, pp. 116–133.

Usacheva I.V., 2009. Sosновоostrovskaya kul'tura [The Sosновоostrovskaya culture]. *Bol'shaia Tiumenskaia Entsiklopediia*, vol. 4, Ekaterinburg: Sokrat, p. 368.

Usacheva I.V., 2014. Dom i domokhoziaistvo v kamennom veke Zaural'ia i Severa Zapadnoi Sibiri: Vozmozhnosti sotsial'no-ekonomicheskoi rekonstruktsii [House and household in the Stone Age of the Trans-Urals and the North of Western Siberia: Opportunities for socio-economic reconstruction]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3, pp. 73–79, available at: http://ipdn.ru/rics/va/_private/a26/73-79.pdf.

Usacheva I.V., 2015. Neoliticheskoe zhilishche lesnoi zony Zaural'ia i Severo-Zapadnoi Sibiri: Podkhody k sotsial'no-ekonomicheskoi rekonstruktsii [Neolithic dwelling in the forest zone of the Urals and North-Western Siberia: Approaches to socio-economic reconstruction]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya*, 3, pp. 187–190.

Vasil'ev I.B., Vybornov A.A., Glushchenko S.A., 1998. Poselenie Uk-VI v Tiumenskom Pritobol'e [The settlement of Uk VI in the basin of the river Tobol near Tyumen]. *Istoricheskie issledovaniia*, vol. 2, Samara: SamGPUS, pp. 254–267.

Viktorova V.D., 1968. Sosnovyi Ostrov — stoianka epokhi neolita i bronzy Srednego Zaural'ia [Sosnovyi Ostrov, the Neolithic and Bronze settlement in the Middle Urals]. *Sovetskaya arkheologiya*, no. 4, pp. 161–172.

Volkov E.N., 2008. Formirovanie ranneeneoliticheskikh kul'tur Tiumenskogo Pritobol'ia: (K postanovke problemy) [Early Eneolithic cultural development in the basin of the river Tobol near Tyumen: (Problem statement)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 8, pp. 9–17, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a8/9-17.pdf.

Vybornov A.A., 2011. Pervye radiouglerodnye daty po neoliticheskoi keramike Zaural'ia [The first radiocarbon dates on the base of the Urals Neolithic pottery]. *Voprosy arkheologii Urala*, 26, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 232–235.

Vybornov A.A., 2012. O radiouglerodnykh datakh po keramike i drugim materialam [About the radiocarbon dates on the base of ceramic and other materials]. *Problemy istorii, arkheologii, obrazovaniia: 60-letiiu A.I. Repinetskogo posviashchaetsia*, Samara: Povolzhskaya gosudarstvennaia sotsial'no-gumanitarnaia akademiia, pp. 15–31.

Vybornov A.A., Mosin V.S., Epimakhov A.V., 2014. Khronologiya ural'skogo neolita [Chronology of the Ural Neolithic]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 1 (57), Novosibirsk, pp. 33–48.

Zakh V.A., 2009. *Khronostratigrafiia neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ia* [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal in the forest zone of the Tobol-Ishim basin], Novosibirsk: Nauka, 320 p.

Zakh V.A., Matveeva N.P., 1997. Poselenie «8-i punkt» na Andreevskom ozere: (O sootnoshenii keramiki s razlichnymi ornamental'nymi traditsiyami v neolite Pritobol'ia) [The settlement «8 punkt» at the Andreevskoe lake: (On the correlation of pottery with a variety of ornamental traditions of the Neolithic in the Tobol river area)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 1, pp. 3–8, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a1/3-8.pdf.

Zakh V.A., Panfilov A.N., Zotova S.V., 1991. Drevnie mogil'niki na Andreevskom ozere bliz Tiumeni [Ancient burial grounds at the Andreevskoe lake near Tyumen]. *Drevnie pogrebeniia Ob'Irtysh'ia*, Omsk: OmGUS, pp. 13–42.

Zakh V.A., Riabogina N.E., 2005. Landshafty i chelovek v srednem i pozdnem golotsene lesostepnogo Tobolo-Ishim'ia [Landscapes and man in the Middle and Late Holocene of the Tobol-Ishim forest-steppe]. *Antropologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 4, pp. 85–100.

Zakh V.A., Usacheva I.V., Zimina O.I., Skochina S.N., Chikunova I.I., 2014. *Drevnosti Andreevskoi ozer-noi sistemy: Arkheologicheskie pamiatniki* [Ancient sites of the Andreevskoe lakes' system: Archaeological sites], Novosibirsk: Nauka, 225 p.

Zakh V.A., Zimina O.I., Riabogina N.E., 2011. Radiouglerodnye daty arkheologicheskikh i prirodnykh kompleksov Tobolo-Ishim'ia (po materialam Tobolo-Ishimskoi ekspeditsii IPOS SO RAN) [Radiocarbon dates from archaeological and natural complexes at the Low Tobol and Ishym areas (on the materials of the Tobol and Ishym expedition by Institute of the Problems of Northern Development, SB RAS)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (14), pp. 219–233, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a14/219-233.pdf.

Zakh V.A., Zimina O.I., Riabogina N.E., Skochina S.N., Usacheva I.V., 2008. *Landshafty golotsena i vzaimodeistvie kul'tur v Tobolo-Ishimskom mezhdurech'e* [The Landscapes and Cultural Interactions in the Tobol-Ishim Basin during the Holocene], Novosibirsk: Nauka, 212 p.

Е.В. Тигеева*, И.К. Новиков**, С.Н. Шилов**

*Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: tigeelena@mail.ru

**Курганский государственный университет
ул. Гоголя, 25, Курган, 640669, РФ
E-mail: novikov2479@mail.ru

МЕТАЛЛОКОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА (ТИПОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ)

Рассматриваются металлические изделия Алакульского могильника, по праву считающегося одним из самых крупных и ярких памятников алакульской культуры Зауралья. Представлена морфолого-типологическая характеристика металлокомплекса, выявившая основные типы предметов, круг культурных аналогий, а также артефакты, не встречающиеся в материалах других памятников. Основным сырьем для изготовления изделий являлись оловянные бронзы (71,6 %). Концентрация олова в украшениях — маркерах алакульской культуры (крестовидные подвески) могла достигать 25–30 %. Полученные данные отражают рост использования оловянной лигатуры алакульскими популяциями с одновременным уменьшением числа изделий из чистой меди по сравнению с предшествующими, петровскими племенами. Этому процессу способствовали налаженные связи с источниками металлического сырья, и в частности оловянной лигатуры, поступавшей в виде небольших прямоугольных брусков с концентрацией олова 2–5 %, возможно, из центров металлопроизводства Центрального Казахстана и Алтая. Металлографический анализ выявил восемь технологических схем, применявшихся для изготовления инвентарного комплекса и украшений, с превалированием высокотемпературных режимов. Обращает на себя внимание столь большое разнообразие в выборе мастерами Алакульского могильника технологических схем, в основе которых лежат традиционные приемы петровской металлообработки. Однако увеличение доли кузнечных технологий формовки изделий в сочетании с обработкой металла в горячую при температурах красного каления, расширение применения предварительного отжига гомогенизации, необходимого при работе с высокооловянными бронзами, несомненно, свидетельствуют о прогрессе. Полученные сведения характеризуют изученный металлокомплекс, с одной стороны, как традиционный для всей алакульской культуры Притоболья, с другой — как обладающий своеобразием и уникальностью.

Ключевые слова: алакульская культура, металлопроизводство, морфолого-типологическая характеристика, анализ состава меди и бронзы, металлографический анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-018-032

Памятник расположен на северном берегу оз. Алакуль Щучанского района Курганской области. Впервые о нем упоминается в работе Р.Г. Игнатьева «Городища и курганы Оренбургской губернии» [1903, с. 119]. В 1938 г. начались раскопки Алакульского могильника археологической экспедицией Челябинского областного музея под руководством К.В. Сальникова. На территории памятника он насчитал 66 насыпей, из которых были исследованы курганы № 8 и 13 [Сальников, 1952, с. 52]. На основе материалов, полученных в ходе раскопок, К.В. Сальников выделил особую, алакульскую фазу в развитии андроновской общности Южного Зауралья, которую в дальнейшем специалисты рассматривают как самостоятельную культуру. Таким образом, данный памятник стал эпонимным для алакульской культуры эпохи поздней бронзы Южного Зауралья. Под руководством Е.Е. Кузьминой в 1969 г. были исследованы курганы № 15 и 49 [Кузьмина, 1969, с. 2–3], их материалы остались неопубликованными, за исключением нескольких сосудов [Кузьмина, 1994, рис. 15, 16].

Большая часть погребений Алакульского некрополя вскрыты археологической экспедицией Курганского государственного университета под руководством С.Н. Шилова в период с 1999 по 2003 г. В 1999 г. были исследованы курганы № 1, 14, 55; в 2001 г. — № 20, 22, 23, 25, 67, 68; в 2002 г. — № 18, 61; в 2003 г. — № 26, 27, 38. Всего было изучено 163 погребения [Маслюженко, Шилов, 2005, с. 40]. В последующие годы вышел ряд публикаций, посвященных итогам раскопок, а также найденным артефактам [Шилов, Богатенкова, 2003; Маслюженко, Шилов, 2005, с. 40–48; Куприянова, 2008, с. 244; Шилов, Богатенкова, 2008, с. 217–236]. Но, к сожалению, до

Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления)

Сих пор многочисленные артефакты Алакульского могильника не исследованы должным образом и не опубликованы полностью. В настоящей работе рассматривается металлический инвентарь, а также представлены результаты его комплексного изучения.

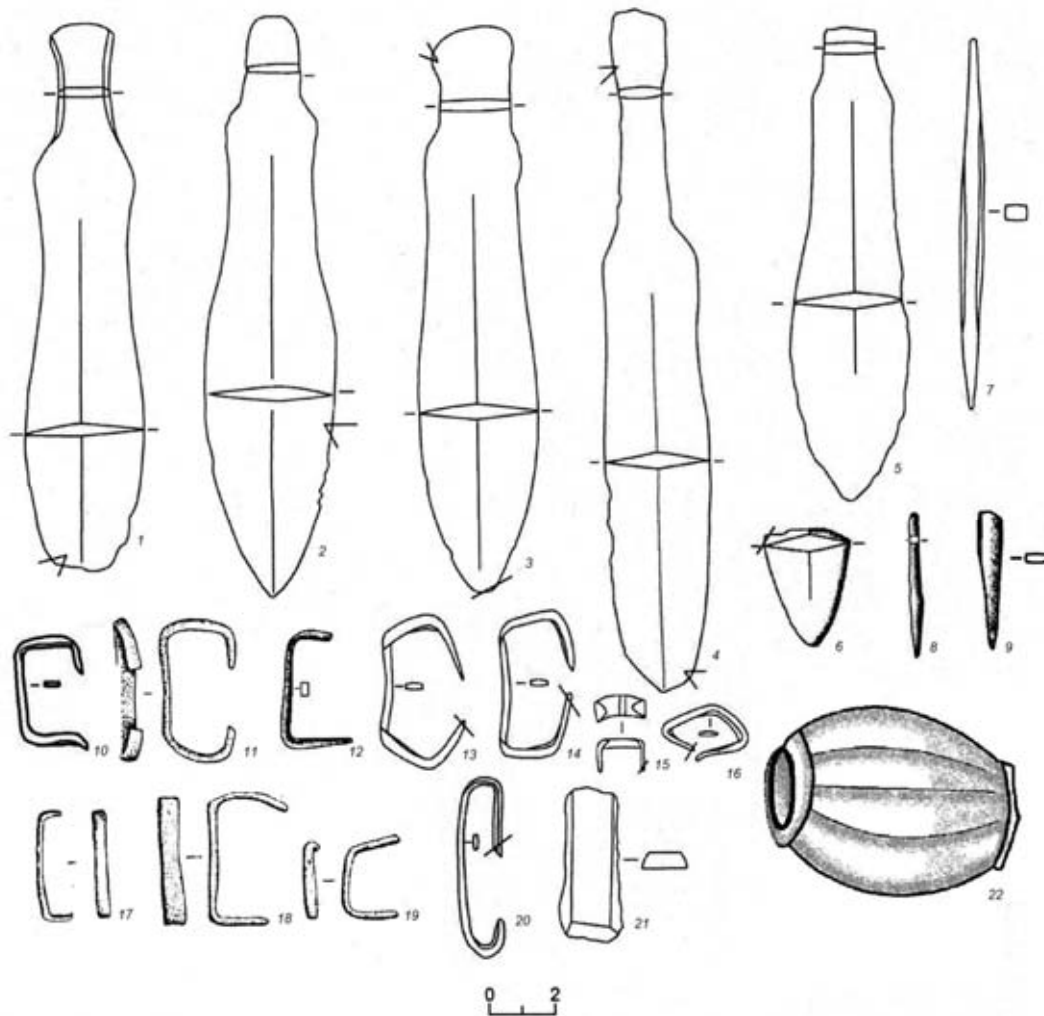

Рис. 1. Металлические изделия из погребений Алакульского могильника:

1–6 — ножи (ан. 1293, 1218, 1292, 1255, 1302, 1258); 7–9 — шилья (ан. 1285, 1306, 1313); 10–20 — скобы (ан. 1310, 1307, 1272, 1257, 1280, 1281); 21 — слиток (ан. 1286); 22 — булава: 1, 3 — кург. 22, погр. 13; 2 — кург. 27, погр. 7; 4, 6, 15 — кург. 38, погр. 10; 5, 8 — кург. 22, погр. 12; 7, 21 — кург. 18, погр. 24; 9 — кург. 1, погр. 17; 10–12 — кург. 22, погр. 7; 13, 14 — кург. 67, погр. 10; 16 — кург. 20, погр. 10; 17 — кург. 1, погр. 5; 18, 19 — кург. 14, погр. 14; 20 — кург. 20, погр. 11; 22 — по: [Сальников, 1952].

В погребениях Алакульского могильника найдено более 280 металлических предметов (без учета бусин, которых насчитывается не менее 400). Выделяется три категории предметов: I — орудия труда (рис. 1), II — украшения (рис. 2, 3), III — скобы и слиток (рис. 1). В первую категорию вошли ножи (6 экз.), шилья (3 экз.), а также предмет культа — булава. Ко второй относятся: гривны (2 экз.), браслеты пластинчатые и прутковые (74 экз.), браслеты из бусин (6 экз.); перстни (13 экз.), щитки (2 экз.), височные кольца (15 экз.), подвески различных видов — крестовидные (6 экз.), очковидные (6 экз.), ножевидные/листовидные (15 экз.), в полтора оборота (14 экз.), неопределенного типа (1 экз.), а также бляшки крупные орнаментированные (18 экз.), мелкие полусферические (19 экз.), прямоугольные (5 экз.), крестовидная, накладки (6 экз.), пронизи (15 экз.), обоймы (21 экз.), спираль, бусины (около 400 экз.). Третью категорию составили скобы (20 экз.) и слиток. Типология изделий Алакульского могильника представлена традиционным для алакульских памятников Притоболья набором цветного инвентаря, однако с рядом особенностей.

Кроме преобладающих во всех погребальных памятниках украшений обнаружены шесть ножей, пять из которых прекрасной сохранности (один экземпляр из кург. 38, погр. 10 представляет собой обломок лезвия) (рис. 1, 1–6). Их длина в пределах 12–17,4 см. По терминологии Е.Н. Черных они относятся к «ножам срубного типа», представляют собой двулезвийные изделия со слабо выраженным (либо отсутствующим) перехватом и перекрестьем, а также черенком подпрямоугольной или округлой формы, иногда расширяющимся к окончанию, с клинком листовидной формы ромбическим в сечении [Черных, 1970, с. 63, рис. 58, 16]. Прототипом послужили орудия (по А.Д. Дегтяревой ножи VI типа), встречающиеся в петровских и сейминско-турбинских материалах, реже в синташтинских, покровских и абашевских [Дегтярева, 2010, с. 106; Древнее Устье..., 2013, рис. 6.2, 18]. В алакульской культуре подобные отмечены в Царевом кургане, могильниках Субботинском и Балыкты [Аванесова, 1991, рис. 15А; Потемкина, 1985, рис. 80, 12; Ткачев, 2002, рис. 135, 8]. Полный аналог экземпляру из Алакульского могильника (рис. 1, 5) найден в кург. 4, яме 5 могильника Кулевчи 6, где содержалась петровская керамика [Виноградов, 1984, рис. 9, 51]. Другому орудию из кург. 22, погр. 13 (рис. 1, 1) соответствует нож из поселения Ук 3, также отличающийся массивным, расширяющимся к окончанию черенком (рукоятью) [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 15, 9]. Дальнейшая эволюция типа шла по пути появления более четких выемок, а также ярко выраженного перекрестья, защищавшего руку и нервы.

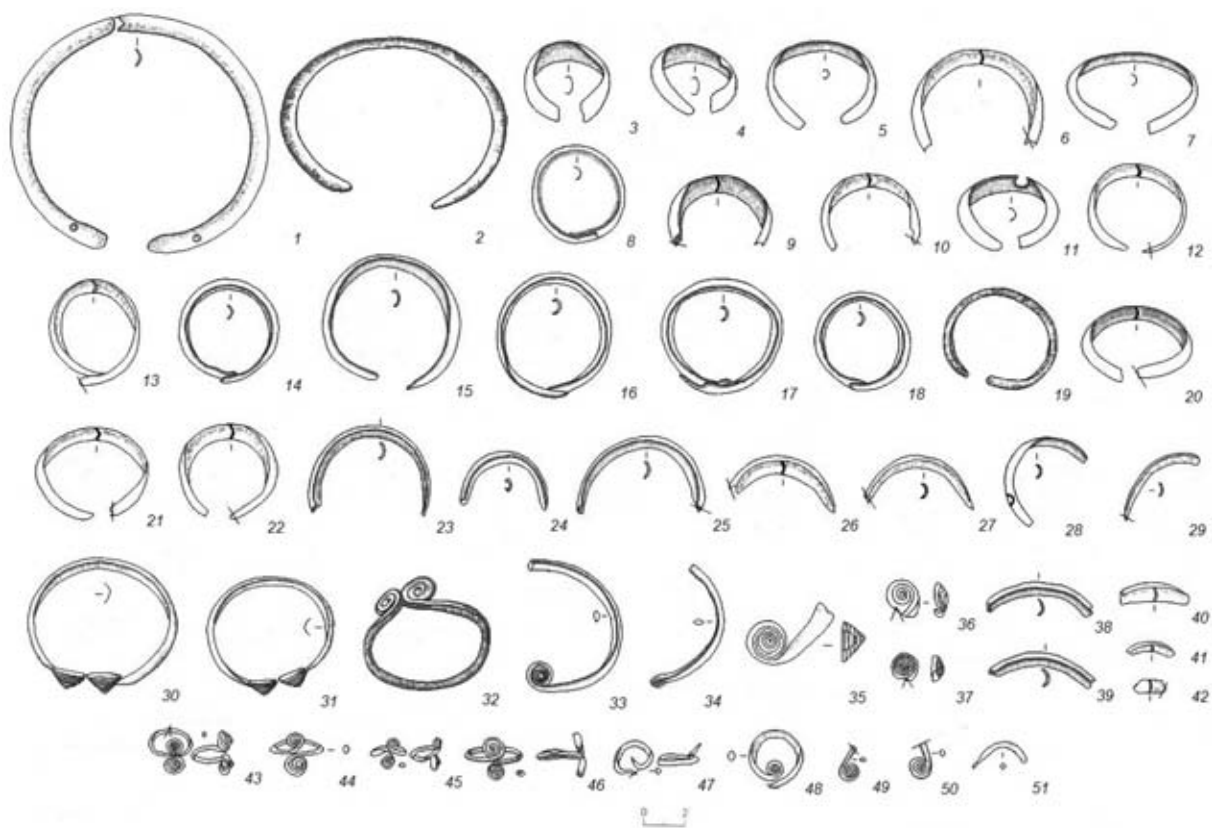

Рис. 2. Металлические украшения из погребений Алакульского могильника:

1, 2 — гривны (ан. 1202); 3–42 — браслеты (ан. 1203, 1204, 1219, 1279, 1220, 1299, 1265, 1266, 1223, 1284, 1288, 1298, 1295, 1308, 1309, 1304, 1264, 1263, 1283, 1210, 1305, 1296, 1287, 1209, 1224, 1300, 1301, 1289, 1276, 1275, 1207, 1208, 1270, 1267, 1261); 43–51 — перстни (ан. 1266, 1216, 1230, 1225, 1214, 1228, 1290): 1, 23, 27, 29, 38, 39, 44, 46, 48 — кург. 27, погр. 7 (46 — по: [Шилов, Богатенкова, 2008]); 2, 32 — кург. 13, погр. 9 (по: [Сальников, 1952]); 3, 4 — кург. 27, погр. 5; 5, 7 — кург. 23, погр. 5; 6 — кург. 20, погр. 18; 8, 14, 15, 25 — кург. 22, погр. 12; 9, 10, 20, 21, 41 — кург. 61, погр. 3; 11, 28, 43, 45, 47 — кург. 23, погр. 6; 12, 22 — кург. 20, погр. 6; 13, 26 — кург. 18, погр. 2; 16, 17 — кург. 22, погр. 7; 18, 24 — кург. 22, погр. 1; 19 — кург. 13, погр. 31 (по: [Сальников, 1952]); 30, 31, 35, 51 — кург. 18а, погр. 6 (30, 31 — по: [Шилов, Богатенкова, 2008]); 33, 34 — кург. 22, погр. 13; 36, 37 — кург. 20, погр. 23; 40 — кург. 67, погр. 10; 42 — кург. 38, погр. 10; 49, 50 — кург. 23, погр. 1.

Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления)

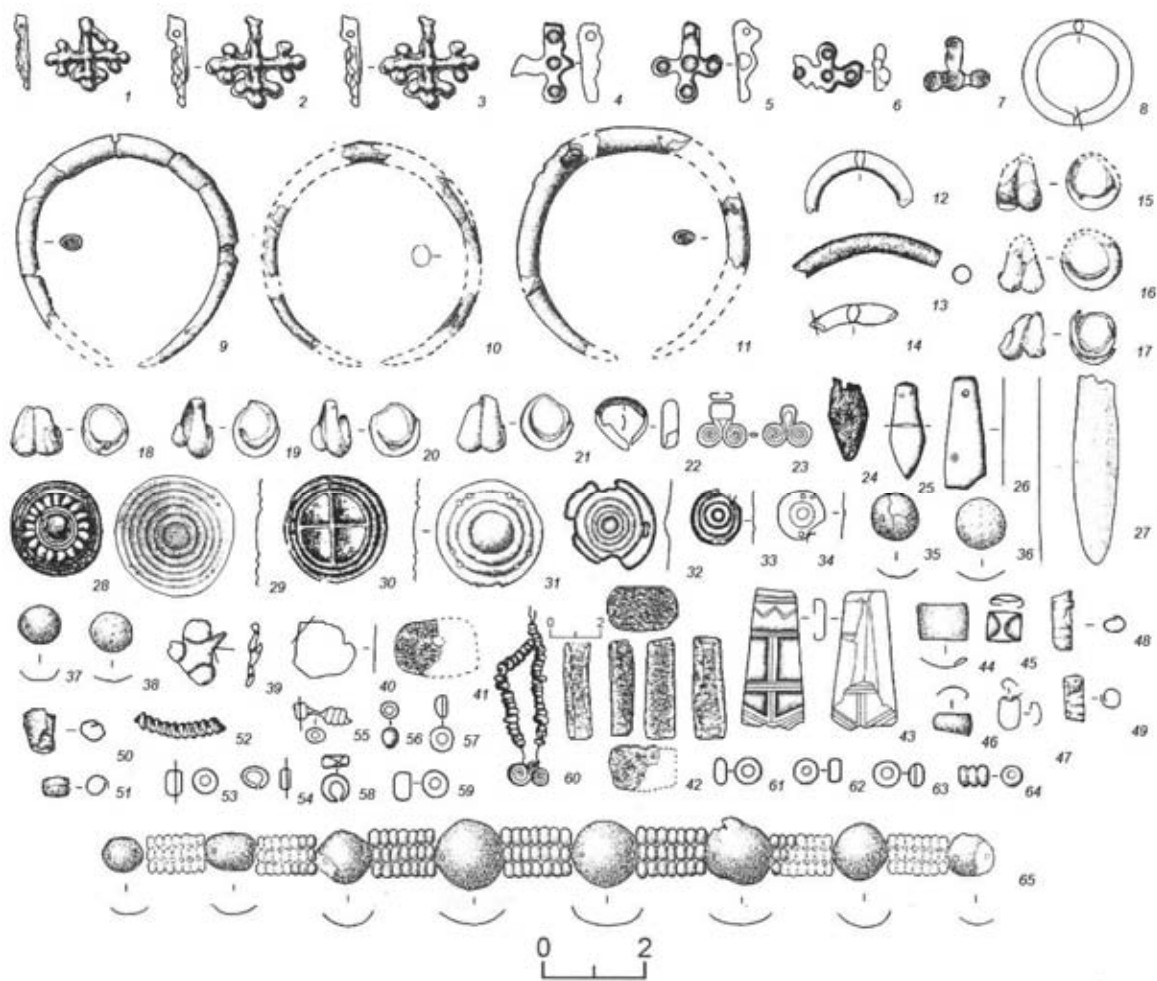

Рис. 3. Металлические украшения из погребений Алакульского могильника:

1–27, 60 — подвески (ан. 1215, 1233, 1221, 1294, 1297, 1262, 1256, 1303, 1229, 1213, 1206); 28–41 — бляшки (ан. 1211, 1205, 1212, 1260, 1277, 1268, 1278); 42, 43 (ан. 1217) — накладки; 44–47 — обоймы (ан. 1311, 1235); 48–51 — пронизи; 52 — спираль; 53–59, 61–64 — одиночные бусины (ан. 1259, 1282, 1227); 65 — челюстно-лицевая подвеска: 1–3, 9–11, 15–21 — кург. 18а, погр. 6 (по: [Шилов, Богатенкова, 2008, рис. 2]); 4, 26, 27, 29–32, 43, 47 — кург. 27, погр. 7 (27, 29–31 — по: [Шилов, Богатенкова, 2008, рис. 6]); 5 — погр. 21; 6 — кург. 23, погр. 9; 7, 24 — кург. 13, погр. 5 (по: [Сальников, 1952, рис. 5, 6]); 8 — кург. 22, погр. 7; 12, 35–38, 44, 46, 51, 61, 65 — кург. 22, погр. 12 (по: [Шилов, Богатенкова, рис. 4]); 13, 41, 42, 48–50 — кург. 55, погр. 4 (по: [Шилов, Богатенкова, 2008, рис. 9]); 14, 33, 53 — кург. 38, погр. 10; 25 — кург. 23, погр. 7; 28, 52 — кург. 8, погр. 7 (по: [Сальников, 1952, рис. 5, 7; 6, 5]); 34–40 — кург. 20, погр. 23; 39 — кург. 67, погр. 10; 45, 56 — кург. 1, погр. 17; 54 — кург. 20, погр. 6; 55, 57–59 — кург. 23, погр. 6.

Такие ножи, а также литейные формы известны в могильниках Хрипуновский, Черняки 1, Камышное 1 [Матвеев, 1998, рис. 54, 9; Матвеева и др., 2000, рис. 11, 1; Стоколос, 1972, рис. 10, 11; Потемкина, 1985, рис. 101, 1]. Также поздним признаком может являться массивная, расширенная к окончанию ручка. Так, например, ножи федоровской культуры имеют выраженный перехват и перекрестье, а прямоугольная ручка, слегка расширенная к окончанию, вытянута и может достигать практически половины длины лезвийной части [Стефанов, Корочкова, 2006, рис. 37, 7, 11; 56, 4, 5; Зданович, 1988, рис. 38, 4].

К рассматриваемой категории предметов относятся шилья (рис. 1, 7–9). Один экземпляр обоюдоострый с утолщением-упором, прямоугольный в сечении (кург. 18, погр. 24), имел высоту 9,5 см. Высота другого (кург. 22, погр. 12), со скругленным кончиком и сечением подквадратной формы, составила 3,8 см. Высота третьего шила (кург. 1, погр. 17), с притупленным окончанием и прямоугольным сечением, не более 3,6 см. Подобные изделия имеют широкие хронологические и территориальные рамки бытования и выявлены практически повсеместно как в могильниках, так и в поселенческих комплексах эпохи бронзы евразийской зоны.

В материалах погребений обнаружены также скобы (20 экз.) длиной 1–4 см (рис. 1, 10–20). Они использовались, вероятно, для починки керамических сосудов, о чем свидетельствуют находки изделий, стенки которых соединены при помощи скрепок [Кривцова-Гракова, 1951, рис. 17, 14; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 40]. В алакульских памятниках скобы встречаются повсеместно, известны как в могильниках Чистолебяжский, Хрипуновский, Алакульский, Кулевчи 6, Верхняя Алабуга, так и в материалах поселений Нижнеингалское 3, Садчиковское, Волосниково [Матвеев, 1998, рис. 13, 6; 14, 14, 15; Виноградов, 1984, рис. 9, 43, 44; Потемкина, 1985, рис. 68, 15; Матвеева и др., 2003, рис. 21, 3, 5, 7; Кривцова-Гракова, 1951, рис. 16, 8–10; Потемкина, 1985, рис. 52, 3, 4]. Аналогичные изделия происходят из абашевских памятников, потаповских, синташтинских, а также петровских [Ткачев, 2007, рис. 66, 11; рис. 6, 10; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 11, 18, 19; 12, 2–4; Дегтярева, 2010, с. 137–138].

Слиток представлен в единственном экземпляре (рис. 1, 21), имеет форму прямоугольной усеченной пирамиды, длину 3,8 см. В материалах памятников алакульской культуры Притоболья обнаружено восемь слитков [Тигеева, 2015, с. 205]. Близок по форме, но с иным химическим составом предмет из синташтинско-петровского пос. Устье [Виноградов и др., 2013, рис. 3, 10]. Множество слитков отмечено в поселенческих комплексах петровской культуры Южного Зауралья, а также вблизи поселений металлургов и литейщиков синташтинской, срубной культур, алакульской культуры Центрального Казахстана — Горный, Мосоловское, Устье, Атасу и др. [Дегтярева, 2015, с. 38]. Вероятно, слиток из Алакульского могильника является импортом из металлургических центров Центрального Казахстана или Алтая.

Крайне редкую находку представляет булава (рис. 1, 22), обнаруженная в ходе раскопок К.В. Сальникова в кург. 8, погр. 7 [Сальников, 1952, рис. 7, 1]. В литературе неоднократно отмечался особенный статус погребений, содержащих этот вид культовых предметов [Епимахов, 2013, с. 29]. Уникальность состоит и в нехарактерной вытянутой форме с продольными желобками, и в том, что он отлит из металла. Металлические булавы отмечены единично в памятниках синташтинско-петровского круга, а также в могильнике Джангельды 5 [Unbekanntes Kasachstan, 2013, с. 260, 332; Кукушкин и др., 2015, рис. 2]. Однако точных аналогов экземпляру из Алакульского могильника не найдено. Значительно большее распространение металлические булавы получили в раннем железном веке [Кузьминых, 1983, с. 45]. Однако каменные булавы были широко известны в неолите и не вышли из употребления в бронзовом веке, преобладают в памятниках абашевской, синташтинской, петровской, катакомбной, срубной культур [Зайтов, 1985, рис. 5, 5; Археология, 2006, рис. 17; Ткачев, 2007, рис. 77, 52, рис. 78, 51; Рындина, Дегтярева, 2002, рис. 83, 34; Епимахов, 2005, рис. 30, 8, 9; Зданович, 1983, рис. 3, 6; Виноградов, 1984, рис. 9, 42]. Также отмечены на Алексеевском поселении, в материалах памятников алексеевско-саргаринской культуры [Кривцова-Гракова, 1948, рис. 28, 3; Ткачев, 2002, рис. 3, 1].

Нельзя не отметить многочисленные и разнообразные украшения Алакульского могильника. Редкой, но очень значимой находкой является желобчатая гривна. Одна найдена в кург. 13 К.В. Сальниковым, но из-за плохой сохранности погребения ошибочно принята им за головное украшение — венчик (рис. 2, 2). Другая, из кург. 27, однозначно трактуется С.Н. Шиловым как шейное украшение, снабжена плетеной косичкой из кожи внутри желобка для предотвращения натирания шеи и фиксации изделия (рис. 2, 1). Гривны встречаются в погребениях абашевской, петровской и в большей степени — алакульской культуры [Пряхин, 1971, рис. 36, 2; Ткачев, 2002, рис. 69, 35; 136, 41].

Самым многочисленным видом украшений являются браслеты, их 74 экз., целых или в обломках. Для сравнения: в Чистолебяжском могильнике 10 браслетов, в Хрипуновском всего два. Здесь же на многих костяках они отмечены по два, а иногда и по три экземпляра на каждой руке. Браслеты имеют различные размеры: как совсем маленькие в диаметре и округлые, явно детские, так и более крупные. Выделяется три типа браслетов. Тип I — желобчатые, изготовленные из бронзовой пластины, с несомкнутыми либо заходящими друг на друга концами (рис. 2, 3–29). Тип II — браслеты, концы которых оформлены в щитковые спирали из 5–8 витков (рис. 2, 30, 31). При этом спираль была плоской, не более 1,5 см в высоту, а не выпуклой, как, например, спиральные завершения браслетов федоровской культуры. Тип III — браслеты со спиралевидными завершениями, изготовленные из бронзового четырехгранного в сечении прутка (рис. 2, 32, 34). Последний тип браслетов характерен в большей степени для ранних памятников — синташтинских и петровских и редко встречается в алакульских, где господствующим типом считаются желобчатые браслеты со спира-

Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления)

левидными окончаниями и без них [Ткачев, 2002, рис. 71, 12, 20; Пряхин, 1977, рис. 12, 1–3]. Материалы погребений могильника содержат также браслеты из бронзовых бусин.

Перстни изготовлены из ромбической в сечении проволоки с S-образным щитком (13 экз.) (рис. 2, 43–51). Представлены в большом количестве в материалах алакульских памятников, а также синташтинской, петровской, срубной культур [Кривцова-Гракова, 1951, рис. 40; Потемкина, 1985, рис. 82, 5–7; Ткачев, 2002, рис. 69, 24; 96, 24; Курманкулов, Кадырбаев, 1992, рис. 76, 21; Генинг и др., 1992, рис. 126, 18–20; 184, 2; Цымиданов, 2004, рис. 32, 9; Сотникова, 1990, с. 25].

Погребения содержат большое количество украшений, входящих в сложносоставные наборы: наконечников, нагрудников, челюстно-лицевых подвесок из множества элементов — листовидных/ножевидных, крестовидных подвесок, орнаментированных и мелких круглых бляшек, накладок, ребристых пронизей, обойм и многочисленных бусин. Автором раскопок С.Н. Шиловым предпринята попытка реконструкции женского костюма на основе металлических предметов, найденных в погребениях [Шилов, Богатенкова, 2008, с. 217–234].

В коллекции бронзовых украшений Алакульского могильника имеются два типа височных подвесок. Первый, представленный 14 экз., — выпукло-вогнутые в сечении подвески, скрученные в полтора оборота, часть из них обернута золотой фольгой (рис. 3, 15–21). Они выявлены в кург. 18а, погр. 6. Подвески имеют длину 1–1,5 см при ширине 0,5–0,7 см. Подобные изделия распространены в погребениях алакульской культуры Притоболья и Северного Казахстана, происходят из могильников Верхняя Алабуга, Алыпкаш [Потемкина, 1985, рис. 82, 1, 2; Зданович, 1988, табл. 10б, 8]. Вторая разновидность височных подвесок — трубчатые кольцевидные (рис. 3, 8–14). Аналоги им встречены в материалах могильников Чистолебяжье, Тасты-Бутак, Алакульский, Алексеевский, Лисаковский [Матвеев, 1998, с. 249]. Помимо алакульских данная категория украшений выявлена в потаповских памятниках Поволжья, а также синташтинских и петровских материалах [Васильев и др., 1994, рис. 15, 8, 9; Дегтярева, 2010, рис. 65, 11].

Коллекция цветного металла Алакульского могильника была исследована методами спектрального и рентгенофлуоресцентного (РФА) анализа (88 экз.; № 49880–50088; 3268–3271) [Черных, 1970, с. 138; Луньков и др., 2013, с. 56–88]¹.

Статистическая обработка данных позволяет выделить четыре химико-металлургические группы: чистой меди (21 экз.; 23,8 %), оловянных бронз (63 экз.; 71,6 %), трехкомпонентных медно-оловянно-свинцовых (2 экз.; 2,3 %) и медно-оловянно-мышьяковых (2 экз.; 2,3 %) сплавов. При выделении групп в качестве пороговых величин принимались следующие значения: Sn > 0,5 %; Pb > 1 %; As > 0,3 %. Явное преобладание группы оловянных бронз объясняется тем, что все значимые предметы, такие как ножи, браслеты, перстни, подвески (в особенности крестовидные), изготавливались из данного вида сплава. Концентрация олова в сплавах находится в пределах от 0,1 до 30 %. К низколегированным (0,5–6 %) относятся 40 экз. (61,5 %), среднелегированным (7–12 %) — 22 экз. (33,9 %), высоколегированным (13–30 %) — 3 экз. (4,6 %). В отдельных видах украшений концентрации олова были высокими, крестовидные подвески содержали 25–30 % олова, браслеты — 10–13 %. Это говорит о том, что дефицита металлического сырья, и в частности оловянной лигатуры, алакульские мастера не испытывали. Лигатура поступала в виде небольших прямоугольных брусков с концентрацией олова 2–5 %, возможно, из центров металлопроизводства Центрального Казахстана и Алтая.

Группа чистой меди значительно уступает группе оловянных бронз. Из чистой меди изготавливали преимущественно скобы, бляшки, накладки и бусины, что обусловлено особенностями технологического процесса. Скобы изготавливались из более доступной чистой меди без присадки ценной оловянной лигатуры. Сырьем для бусин, кроме чистой меди, служили также остатки лома различного химического состава. Пять предметов, отнесенных к группе чистой меди, содержат повышенные концентрации цинка — 0,59–0,88 %, но в целом значения не превышают 1 % процента, что говорит о его естественном происхождении.

Два предмета (браслет и подвеска) изготовлены из медно-оловянно-свинцового сплава, при этом концентрация олова составила 11,87 % в одном случае и 3,28 % в другом. Содержание свинца доходит до значения чуть более 1 %, что может указывать на его естественное присутствие в сплаве. Из оловянно-мышьяковой бронзы изготовлены браслет, а также слиток. Содержание олова достигает 9 % в одном случае и 3,95 % в другом, мышьяка — 0,35 и 0,47 % со-

¹ По результатам РФА (ан. 49893) содержание Sn — 14,79 %, по данным микроструктурного анализа — 30 %; по результатам РФА (ан. 49911) содержание Sn — 11,77 %, по данным микроструктурного анализа — 25 %.

ответственно. Мышьяковая лигатура присутствовала в минимальном количестве, концентрации ее в сплавах низки, так как алакульская металлургия была ориентирована на иные рудные источники [Дегтярева и др., 2001, с. 34]. Кроме того, оловянные сплавы имели явное преимущество перед мышьяковыми, а использование последних свидетельствует о генетических связях с петровской металлургией, отчасти сохранившей стереотипы ЦМП.

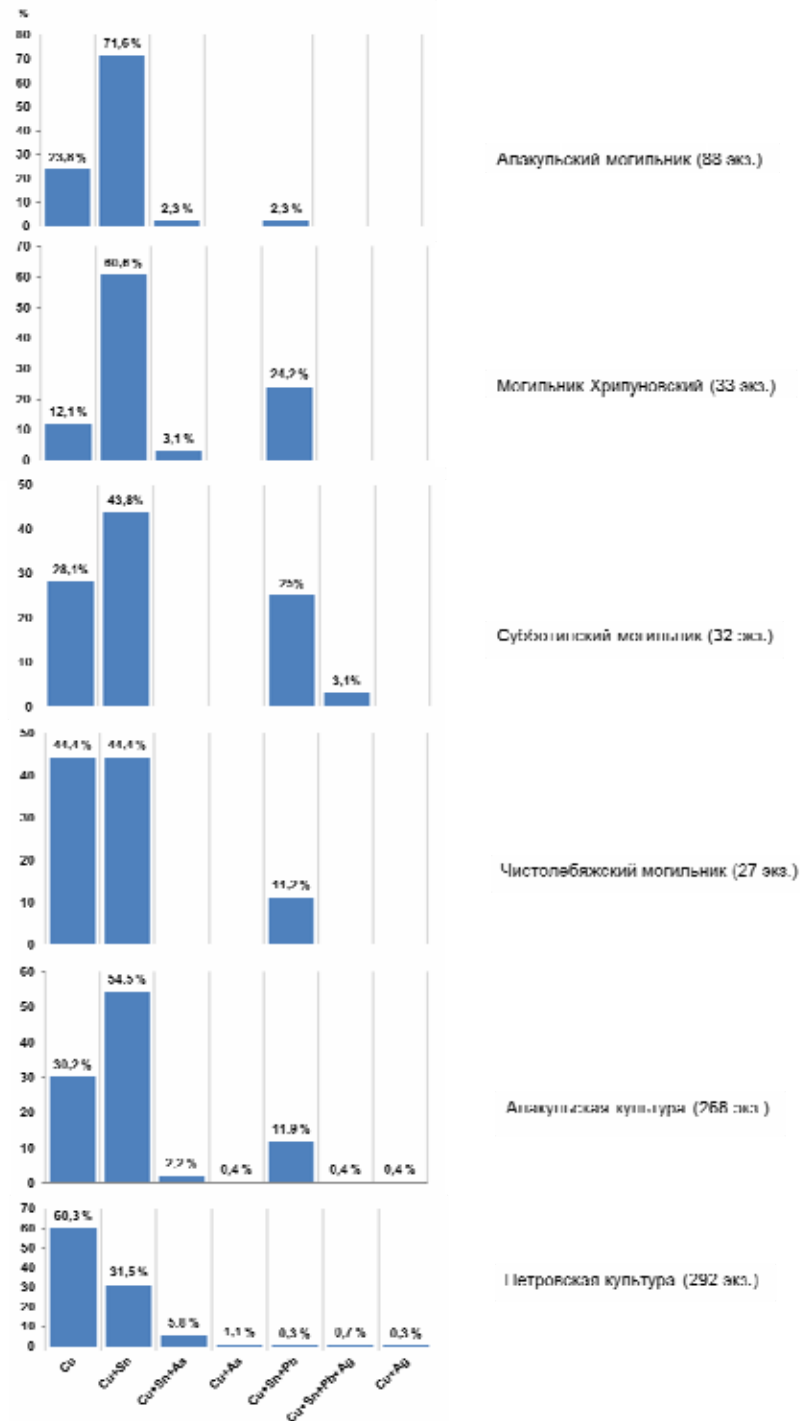

Рис. 4. Распределение цветного металла могильников Алакульского, Хрипуновского, Субботинского, Чистолеляжского, а также алакульской и петровской культур на металлургические группы (значения в %). Данные по петровской культуре приведены по: [Дегтярева, 2015, с. 45].

Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления)

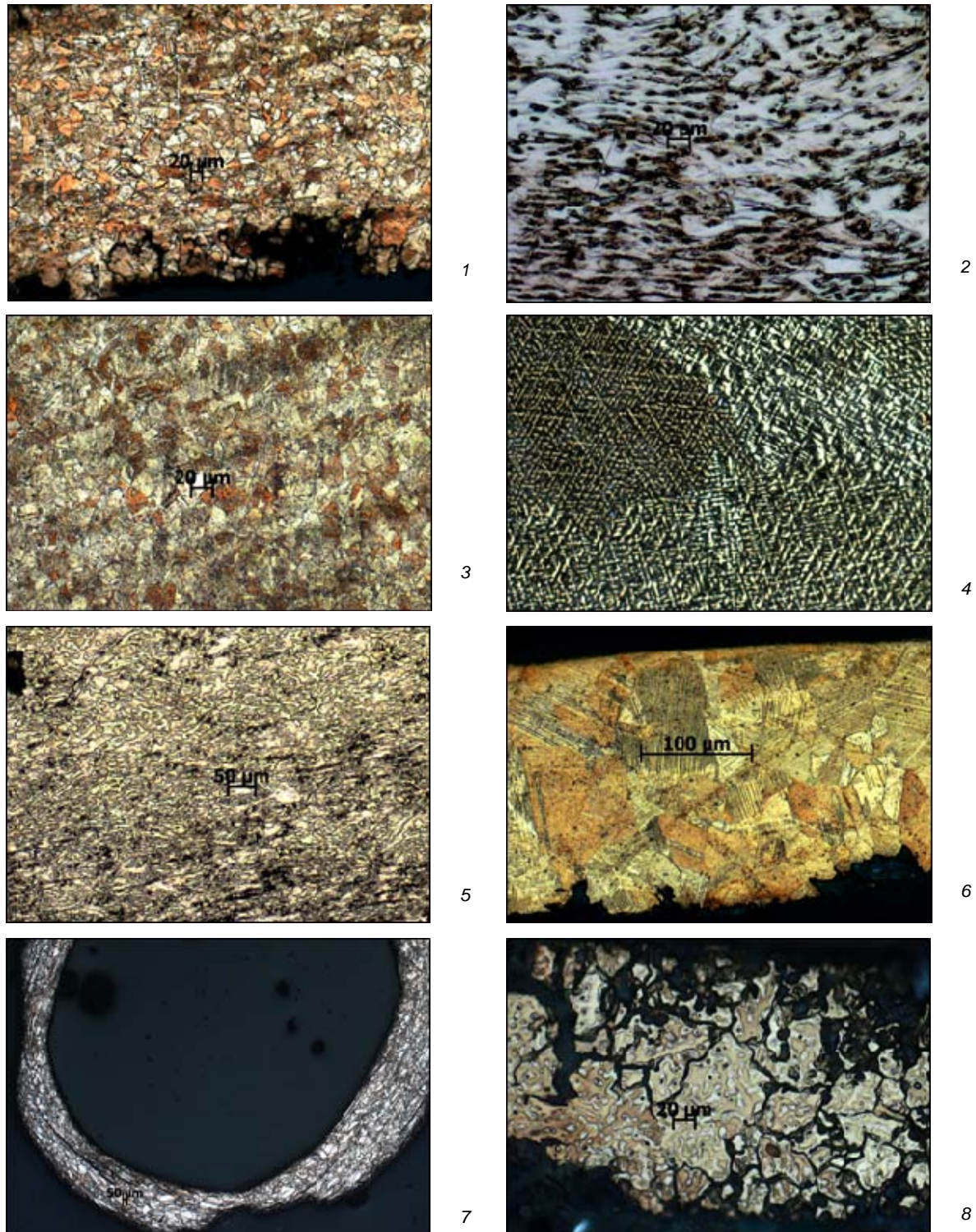

Рис. 5. Фотографии микроструктур металла Алакульского могильника:
1, 4, 5 — увел. 100; 2, 3, 6, 8 — увел. 200; 7 — увел. 25 (поперечные срезы): 1 — браслет (ан. 1204);
2, 5 — нож (ан. 1218, 1255); 3 — кольцо (ан. 1226); 4 — крестовидная подвеска (ан. 1233);
6 — трубчатая подвеска (ан. 1262); 7 — бусина (ан. 1282); 8 — слиток (ан. 1286).

Металлографическому исследованию были подвергнуты 77 изделий. Выделено восемь технологических схем:

- I. Горячая ковка при T 600–800 °С (46 экз./59,7 %).
- II. Отжиг гомогенизации + горячая ковка (5 экз./6,5 %).
- III. Холодная ковка с отжигами (11 экз./14,3 %).
- IV. Литье без доработки (4 экз./5,2 %).
- V. Литье + холодная ковка с отжигами (3 экз./3,9 %).
- VI. Литье + отжиг гомогенизации + горячая ковка (3 экз./3,9 %).
- VII. Отжиг гомогенизации + холодная ковка с отжигами (3 экз./3,9 %).
- VIII. Неполная горячая ковка при T 250–400° С (2 экз./2,6 %).

Ножи (5 экз.) отлиты из оловянной бронзы с содержанием Sn 1,97–11,8 % в двусторонних каменных литейных формах, а затем доработаны при помощи различных технологических схем. Доработка была направлена на устранение пороков литья, плющение и заострение лезвийной части (рис. 5, 2). Три экземпляра, представляющие собой достаточно качественные отливки, были прокованы в районе лезвийной кромки по холодному металлу с непродолжительными низкотемпературными отжигами. Степень обжатия металла была также небольшой, составляла 50–60 %. Особенностью изготовления лезвийной части ножа по IV технологической схеме является то, что после отливки изделие не было подвергнуто деформирующему воздействию; вероятно, имел место брак (недолив изделия). По VI технологической схеме изготовлен нож из оловянной бронзы с содержанием олова 11,8 %. Ковка выполнялась по горячему металлу при T 600–800 °С и сопровождалась низкими степенями обжатия металла, порядка 40–50 %. Кроме того, предварительно литая заготовка подверглась отжигу гомогенизации, приведшему к выравниванию структуры с исчезновением дендритной ликвации и включений эвтектоида, что было необходимо для предотвращения растрескивания металла с содержанием олова в сплаве порядка 11 %.

Отобранное для анализа шило было изготовлено по III технологической схеме из прутка-заготовки из оловянной бронзы (Sn 3,57 %) ковкой, направленной на его формовку, вытяжку и заострение окончания. Ковка проводилась по холодному металлу и сопровождалась низкотемпературными отжигами в интервале температур 300–500 °С. Степени обжатия металла были высокими, порядка 70–80 % (о чем говорит вытянутая форма включений).

Гривна изготовлена из медной заготовки по I технологической схеме. Ковка была направлена на ее вытяжку, плющение и изгибание на оправке округлого профиля для придания соответствующей формы и протекала по горячему металлу при T 600–800 °С. Степени обжатия металла составили 60–70 %. Отверстия на боковых окончаниях гривны были произведены по горячему металлу методом односторонней пробивки.

Для получения всех браслетов использовались оловянные бронзы или трехкомпонентный медно-оловянно-свинцовый сплав с содержанием Sn 3,18–11,87 %, Pb 0,05–1,05 %. Технология изготовления желобчатых браслетов унифицирована и заключается в получении заготовки путемковки на специальной округлой оправке, с вытяжкой, плющением и приданием соответствующей формы изделию. Изготовление оформленных спиралью щитков осуществлялось навивкой на тонком стержне. Большинство изделий (24 экз.) изготовлены по I схеме, путем горячейковки при T 600–800 °С, сопровождавшейся средними и высокими степенями обжатия металла, однако применялись и иные технологические приемы. Манипуляции с хрупкими сплавами (с содержанием Sn от 8 % и выше) возможны при наличии определенных знаний и навыков у древних мастеров. Чтобы предотвратить поломку изделия в процессе изготовления, необходимо провести предварительный длительный, порядка 800° С отжиг гомогенизации, способствующий выравниванию структуры с исчезновением включений эвтектоида, нивелирующий негативные факторы [Равич, 1983, с.141]. Алакульские металлурги обладали подобным умением, поскольку пять изделий изготовлены по II схеме, заключающейся в предварительном отжиге гомогенизации заготовки и последующей ее горячей ковке, а два — по VII схеме, когда после отжига гомогенизации следовала холодная ковка с отжигами (рис. 5, 1).

Литые браслеты не характерны для алакульской культуры, поскольку большинство их изготовлены из тонких пластин ковкой. Однако в материалах Алакульского могильника имеются 3 экз. из литых прутков, концы которых оформлены в небольшой плоский щиток. Они выполнены из высоколегированной бронзы при помощи горячейковки и предварительного отжига гомогенизации по VI технологической схеме. В одном случае использована нетипичная схема VIII — режим

Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления)

неполной горячейковки при T 250–400 °С (о чем говорит малый размер зерен), сопровождавшейся высокими степенями обжатия, порядка 80–90 %.

Технология изготовления перстней и браслетов в целом совпадает, отличием является то, что перстни формовали на наковальне с желобком, округлым в сечении, из прутка, а не из пластины. В процессековки производились вытяжка проволоки и придание ей полукруглой формы, а также навивка щитка. Сырьем служила оловянная бронза с содержанием Sn 3,98–10,61 %. Преобладала I схема, в этом режиме изготовлены три изделия. Один экземпляр был также сформован горячейковкой, но в завершение кольцо было изогнуто по холодному металлу, отражением чего явились полосы скольжения в его структуре (схема VII). Для перстня с высоким содержанием олова, около 10 % (как и в случае с браслетами), была применена схема IX, включающая предварительный отжиг гомогенизации и последующую холоднуюковку с отжигами (рис. 5, 3).

Для исследования были отобраны две крестовидные подвески из оловянной бронзы с содержанием Sn 30 % в одном случае и 20 % в другом. Оба изделия отлиты по одной технологии (схема IV) в односторонней литейной форме с плоской крышкой со вставным стерженьком для получения сквозного отверстия (рис. 5, 4). Доработке не подвергались, поскольку бронза такого состава обладает повышенной хрупкостью и является лишь литейным материалом.

Две трубчатые подвески из оловянной бронзы (Sn 7,81 % в одном случае и 7,29 % в другом) изготовлены по III технологической схеме холоднойковки с отжигами (рис. 5, 6). Третий экземпляр сформован из пластины-заготовки по схеме I при помощи горячейковки, направленной на вытяжку и плющение. В последнем случае заключительным этапом было изгибание подвески на округлой оправке по холодному металлу, отражением чего в структуре металла явились полосы скольжения и линии сдвигов.

Две ножевидные подвески из оловянной бронзы (содержание Sn 6,98 % в одном случае и 3,04 % в другом) изготовлены из пластины-заготовки горячейковкой по I технологической схеме. Для подвески неопределенного типа с содержанием олова в сплаве 8,1 % использована II схема, включающая предварительный отжиг гомогенизации и последующую горячуюковку.

Отобранные для исследования бляшки и орнаментированная накладка из чистой меди (за исключением одного экземпляра с содержанием Sn 1,55 %) изготовлены по единой технологии (схема I), на штампе — миниатюрной наковальне с концентрическими желобками. В том случае, если орнамент состоял не только из концентрических окружностей, дополнительно для нанесения фигуры, например, в виде креста использовали орудие с удлиненным окончанием (возможно, долото). В заключение пробивались сквозные отверстия. Накладка орнаментирована методом горячейковки при помощи матрицы усеченно-конической формы. Лишь одна бляшка изготовлена ковкой-штамповкой по холодному металлу и сопровождалась отжигами по III технологической схеме.

Рассмотрены восемь медных бусин (1 экз. с содержанием Sn 0,78 %), а также пронизь (рис. 5, 7). Для их изготовления использованы две схемы: горячаяковка при T 600–800 °С (6 экз.), а также холоднаяковка с отжигами (3 экз.). Все экземпляры сформованы из прутка-заготовки ковкой, направленной на ее рубку, плющение и изгибание вокруг стержня в различных температурных режимах.

Пять скоб изготовлены из чистой меди в основном в режиме холоднойковки с отжигами (3 экз.), а также неполной горячейковки при T 250–400 °С (1 экз.) и холоднойковки с низкотемпературными отжигами (1 экз.). Пруток-заготовку формовали ковкой, направленной на вытяжку, плющение и изгибание для придания соответствующей формы.

Единственный в коллекции слиток отлит из оловянно-мышьяковой бронзы с содержанием Sn 3,95 %, As 0,47 % и не подвергался, последующей доработке. Процесс кристаллизации был быстрым, о чем говорит малый размер зерен.

В целом инвентарь Алакульского могильника типичен для памятников алакульской культуры Южного Зауралья, но имеет ряд особенностей. Среди орудий труда преобладают ножи-кинжалы. Они относятся к одному типу, прослеживается его эволюционное развитие. Уникальную находку представляет собой булава, аналогов которой не нашлось в других алакульских памятниках. Среди крупных украшений подавляющее большинство составили браслеты. Довольно редкой и значимой находкой является гривна, в материалах Алакульского могильника их две. Также имеются перстни со спиралевидными завершениями, различные подвески, входящие в состав как головных, так и шейно-нагрудных уборов. Интересны медные орнаментированные накладки и бляшки с концентрическими окружностями и другими солярными символами

и без них. Столь разнообразный набор металлических изделий заметно отличает Алакульский могильник среди других алакульских памятников Притоболья.

При рассмотрении химического состава металла Алакульского могильника обнаруживается наибольшая близость его к металлическим сериям таких могильников, как Раскатиха, Субботино, Камышное 1, Хрипуновский, в которых преобладающей группой являлась оловянная бронза, а группа «чистой меди» значительно уступала ей. Отличает химический состав изделий из Алакульского могильника очень низкий процент использования трехкомпонентного медно-оловянно-свинцового сплава (2 экз. — 2,3 %). В трех других могильниках процентное содержание этой группы значительно выше (рис. 4). Прослеживается динамика от паритетного употребления меди и оловянных бронз в петровской культуре к увеличению использования оловянной лигатуры в алакульской в сравнении с полным господством оловянных бронз в федоровской и алексеевско-саргаринской культурах. Сыграл свою роль беспрепятственный доступ к оловорудным рудникам и их контроль данными племенами. Отмечается сходство некоторых типологических, а также химико-металлургических признаков в материалах петровской, алакульской, федоровской, алексеевско-саргаринской культур.

Обращает на себя внимание большое разнообразие в выборе технологических схем мастерами Алакульского могильника. Подобное разнообразие не зафиксировано ни на одном из алакульских памятников, изученных ранее. Металлические изделия Чистолесбязжского могильника произведены при помощи трех схем, Хрипуновского — шести, Субботинского — четырех. В данном случае использованы восемь схем, из которых явное предпочтение отдавалось схеме I (57,1 %) — горячей ковке, при помощи которой изготовлено большинство украшений из оловянной бронзы. Холодная ковка применялась значительно реже (11,7 %), для формовки скоб, бусин. Доминировал прием формообразующейковки изделий, применявшийся для производства украшений, однако орудия труда, такие как ножи, шилья, были литыми, впоследствии доработанными ковкой в различных температурных режимах. Специальные режимы, включающие отжиг гомогенизации, использовались для изготовления специфически алакульских украшений, таких как браслеты, крестовидные подвески.

Наиболее близкими морфологически материалам Алакульского могильника можно считать металл таких погребальных памятников, как Субботинский, Хрипуновский, Раскатиха, что согласуется с точкой зрения А.В. Матвеева, отнесшего данные комплексы к классическому периоду алакульской культуры, а кург. 15 и 49 Алакульского могильника — к позднему [Матвеев, 1998, с. 311, 314].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные материалы

Кузьмина Е.Е. Отчет о работе Еленовского отряда за 1969 г. // Архив ИА РАН. 1969. Р-1. № 3994.

Литература

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.

Археология: Учеб. пособие / Под ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 2006. 608 с.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Сам. пед. ун-т, 1994. 208 с.

Виноградов Н. Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3. С. 136–153.

Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 4–30. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Дегтярева А.Д. Слитки цветного металла петровской культуры: (Состав и технология получения) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015. № 2 (29). С. 38–49.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 23–54.

Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / И.П. Алаева, О.П. Бачура, Н.Б. Виноградов, С.А. Григорьев, А.И. Гутков, А.Д. Дегтярева, В.В. Дерягин, Р.К. Дунан, А.В. Епима-

Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления)

- хов, П.А. Косинцев, С.В. Кузьминых, Н.Ю. Кунгурова, А.И. Левит, М. Мори, В.С. Мосин, Б. Мужич, И. Медарич, Д. Питман, А.Н. Усачук, Б.К. Хэнкс, И.В. Чечушков. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.
- Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии. Челябинск: Чел. дом печати, 2005. 192 с.
- Епимахов А.В.* К вопросу о времени бытования и функции редкой разновидности, каменных наконечников булав бронзового века // КСИА. М.: ИА РАН, 2013. Вып. 231. С. 29–36.
- Заитов В.И.* Характеристика каменных орудий поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 17–33.
- Зданович Г.Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 156–207.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: УрГУ, 1988. 184 с.
- Ивантьев Р.Г.* Городища и курганы Оренбургской губернии // Изв. Императорской археологической комиссии. 1903. Вып. 5. С. 96–122.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 57–172.
- Кривцова-Гракова О.А.* Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // МИА. 1951. № 21. С. 152–181.
- Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен и до наших дней: Бронзовый век. Самара, 2000. С. 122–152.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Калина, 1994. 464 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 258 с.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.* Могильник Тундык: Предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы Всерос. конф. Челябинск: Чел. гос. краевед. музей, 2015. С. 136–143.
- Куприянова Е.В.* Тень женщины. Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
- Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.* Результаты рентгено-флуоресцентного анализа: Серия 2011–2013 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН, 2013. Вып. 3. С. 56–88.
- Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н.* Некоторые предварительные итоги исследования Алакульского могильника позднего бронзового века в 1999–2003 гг. // Зауралье в панораме веков. Курган, 2005. С. 40–48.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.* Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с. (Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование; Вып. 1).
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Пряхин А.Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1971. 214 с.
- Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. 168 с.
- Равич И.Г.* Эталонные микроструктуры оловянной бронзы // Художественное наследие. М.: Искусство, 1983. Вып. 8 (38). С. 136–143.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д.* Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие. М.: МГУ, 2002. 226 с.
- Сальников К.В.* Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 51–72.
- Сотникова С.В.* Погребальный обряд андроновского населения по материалам могильника Ермак IV // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 17–25.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 106 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Урефты 1: Зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 160 с.
- Стоколос В.С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья: (Хронология и периодизация). М.: Наука, 1972. 168 с.
- Тигеева Е.В.* Морфолого-типологическая характеристика орудийного комплекса из цветного металла алакульской культуры Среднего Притоболья // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 203–207.
- Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Тюм. нефтегаз. ун-т, 2002. Ч. 1. 289 с.; Ч. 2. 243 с.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- Цимиданов В.В.* Социальная структура срубного общества. Донецк: Ин-т археологии НАН Украины, 2004. 203 с.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Шилов С.Н., Богатенкова А.А. О реконструкции детского и женского костюма эпохи средней бронзы (по материалам Алакульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Наука-Омск, 2003. С. 260–262.

Шилов С.Н., Богатенкова А.А. Погребения с женскими украшениями Алакульского могильника бронзового века // Е.В. Куприянова. Тень женщины. Челябинск: Авто Граф, 2008. С. 217–236.

Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. Bd. 1. 532 S.

E.V. Tigeeva*, I.K. Novikov, S.N. Shilov****

*Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: tigeelena@mail.ru

**Kurgan State University

Gogol st., 25, Kurgan, 640669, Russian Federation

E-mail: novikov2479@mail.ru

METAL COMPLEX OF THE BRONZE AGE FROM AN ALAKUL BURIAL GROUND (TYPOLOGY AND MANUFACTURING TECHNIQUES)

The article deals with metal artifacts from an Alakul burial ground, which is considered to be one of the largest and brightest monuments of the Alakul culture in the Trans-Urals. There is a description of morphological and typological characteristics of the metal complex which determined the main types of objects, a circle of cultural analogies, and also artifacts which aren't found among materials of other monuments. The main raw materials for production of artifacts were tin bronze (71,6 %). Concentration of tin in jewelry markers of the Alakul culture (cross-shaped pendants) could reach 25–30 %. The obtained data reflect the extent of expansion of use of tin alloy with simultaneous reduction of number of products made of pure copper by the Alakul populations, in comparison with the previous Petrovka culture. This process was promoted by the established relations with sources of metal raw materials and, in particular, of tin alloy arriving in the form of small rectangular bars with concentration of tin of 2–5 %, possibly from centers of production of metal in Central Kazakhstan and the Altai.

The metallographic analysis revealed 8 technological schemes applied to produce an inventory complex and jewelry with a prevalence of high-temperature modes. The fact that masters of the Alakul burial ground chose from such big variety of technological schemes calls attention, because they adopted traditional methods of Petrovka metal working. However, the increase in share of forge technologies of molding in combination with forging hot metal processing at temperatures of full red heat, increase in application of preliminary homogenization annealing, which is necessary when working with high tin bronze, were, undoubtedly, a progressive phenomenon. The received data characterize the studied metal complex as traditional for the entire Alakul culture of the Tobol river basin, on the one hand, and as original and unique, on the other hand.

Key words: the Alakul culture, metal industry, morphological and typological characteristic, metallographic analysis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-018-032

REFERENCES

Alaeva I.P., Bachura O.P., Vinogradov N.B., Grigor'ev S.A., Gutkov A.I., Degtyareva A.D., Deriagin V.V., Dunan R.K., Epimakhov A.V., Kosintsev P.A., Kuz'minykh S.V., Kungurova N.I., Levit A.I., Mori M., Mosin V.S., Muzhich B., Medarich I., Pitman D., Usachuk A.N., Khenks B.K., Chechushkov I.V., 2013. *Drevnee Ust'e: Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v luzhnom Zaural'e* [Ancient Ustie: A fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals], Cheliabinsk: Abris, 482 p.

Avanesova N.A., 1991. *Kultura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR* [Culture of the Bronze Age pastoral tribes in the Asian part of the USSR], Tashkent: FAN, 200 p.

Chernykh E.N., 1970. *Drevneishaia metallurgiiia Urala i Povolzh'ia* [The most ancient metallurgy of the Urals and the Volga river basin], Moscow: Nauka, 180 p.

Degtyareva A.D., 2010. *Istoriia metalloproduktstva luzhnogo Zaural'ia v epokhu bronzy* [History of metal industry of the South Trans-Urals during the Bronze Age], Novosibirsk: Nauka, 162 p.

Degtyareva A.D., 2015. Sliutki tsvetnogo metalla petrovskoi kul'tury: (Sostav i tekhnologiiia polucheniia) [Bars of non-iron metals of the Petrovka culture: (Composition and technology of formation)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (29), pp. 38–49.

Degtyareva A.D., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B., 2001. Metalloproduktstvo petrovskikh plemen (po materialam poseleniia Kulevchi 3) [Metalwork of the Petrovka tribes (based on the materials of the settlement of Kulevchi 3)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3, pp. 23–54.

Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления)

- Epimakhov A.V., 2005. *Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii* [Early complex societies of the Northern part of Central Eurasia], Cheliabinsk: Cheliabinskii dom pečhati, 192 p.
- Epimakhov A.V., 2013. K voprosu o vremeni bytovaniia i funktsii redkoi raznovidnosti kamennykh navershii bulav bronzovogo veka [On the time of existence and function of a rare type of stone macehead finials of the Bronze Age]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 231, pp. 29–36.
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V., 1992. *Sintashta: Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen uralo-kazakhstanskikh stepei* [Sintashta: Archaeological monuments of Aryan tribes of Ural-Kazakhstan steppe], Cheliabinsk: luzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 408 p.
- Ianin V.L., 2006, (ed). *Arkheologiya: Uchebnik* [Archaeology], Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 608 p.
- Ignat'ev R.G., 1903. Gorodishcha i kurgany Orenburgskoi gubernii [Ancient settlements and burial mounds of Orenburg governorate]. *Izvestiia imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, 5, pp. 96–122.
- Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh., 1992. *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki* [Culture of ancient cattle farmers and metal-makers of Sary-Arka], Alma-Ata: Gylym, 247 p.
- Krivtsova-Grakova O.A., 1948. Alekseevskoe poselenie i mogil'nik [An Alekseevo settlement and burial ground]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia*, 17, pp. 57–172.
- Krivtsova-Grakova O.A., 1951. Sadchikovskoe poselenie (raskopki 1948 g.) [Sadchikovskoe settlement (1948 excavations)]. *Materialy Instituta arkheologii*, no. 21, pp. 152–181.
- Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., Kukushkin A.I., 2015. Mogil'nik Tundyk: Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniia [Preliminary results of a study of burial Tundyk]. *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale*, Cheliabinsk: Cheliabinskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei, pp. 136–143.
- Kupriianova E.V., 2008. *Ten' zhenshchiny* [Shadow of the woman], Cheliabinsk: Avto Graf, 244 p.
- Kuz'mina E.E., 1994. *Otkuda prishli indoarii? Material'naia kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdienie indoirantsev* [Where did Indo-Aryans come from? Material culture of the tribes of the Andronovo community and origin of Indo-Iranians], Moscow: Kalina, 464 p.
- Kuz'minykh S.V., 1983. *Metallurgiiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza)* [Metallurgy of the Volga-Kama region in the Early Iron Age (copper and bronze)], Moscow: Nauka, 258 p.
- Kuznetsov P.F., Semenova A.P., 2000. Pamiatniki Potapovskogo tipa [Monuments of Potapovo type]. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen i do nashikh dnei: Bronzovyi vek*. Samara: Samarskii universitet, pp. 122–152.
- Lun'kov V.I., Orlovskaiia L.B., Kuz'minykh S.V., 2013. Rezul'taty rentgenofluorestscentnogo analiza [Results of X-ray fluorescence analysis]: Seriiia 2011–2013 gg. *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov*, 3, Moscow: Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 56–88.
- Masliuzhenko D.N., Shilov S.N., 2005. Nekotorye predvaritel'nye itogi issledovaniia Alakul'skogo mogil'nika pozdnego bronzovogo veka v 1999–2003 gg [Some preliminary results of 1999–2003 study of an Alakul burial ground of the Late Bronze Age]. *Zaural'e v panorame vekov*, Kurgan, pp. 40–48.
- Matveev A.V., 1998. *Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ia* [First Andronovo people in the forests of the Trans-Urals], Novosibirsk: Nauka, 417 p.
- Matveeva N.P., Volkov E.N., Riabogina N.E., 2003. *Novye pamiatniki bronzovogo i rannego zhelezного vekov* [New monuments of the Bronze and Early Iron Ages], Novosibirsk: Nauka, 174 p.
- Potemkina T.M., 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ia* [Bronze Age of the forest-steppe Tobol river basin], Moscow: Nauka, 376 p.
- Priakhin A.D., 1971. *Abashevskaiia kul'tura v Podon'e* [The Abashevo culture in the Don river basin], Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 214 p.
- Priakhin A.D., 1977. *Pogrebal'nye abashevskie pamiatniki* [Funeral Abashevo monuments], Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 168 p.
- Ravich I.G., 1983. Etalony mikrostruktur oloviannoii bronzy [Reference gauge of microstructure of tin bronze]. *Khudozhestvennoe nasledie*, 8 (38), Moscow: Iskusstvo, pp. 136–143.
- Ryndina N.V., Degtyareva A.D., 2002. *Eneolit i bronzovyi vek: Uchebnoe posobie* [The Eneolithic and Bronze Ages], Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 226 p.
- Sal'nikov K.V., 1952. Kurgany na ozere Alakul' [Burial grounds at the Lake Alakul]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii*, no. 24, pp. 51–72.
- Samašev Z., Stöllner T., 2013, (ed). *Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens*, Bd. 1, Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 532 p.
- Shilov S.N., Bogatenkova A.A., 2003. O rekonstruktsii detskogo i zhenskogo kostiama epokhi srednei bronzy (po materialam Alakul'skogo mogil'nika) [About reconstruction of children's and women's costume of the Middle Bronze Age (basing on the materials of an Alakul burial ground)]. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnografi-cheskikh issledovaniia*, Omsk: NaukaOmsk, pp. 260–262.
- Shilov S.N., Bogatenkova A.A., 2008. Pogrebeniia s zhenskimi ukrasheniiami Alakul'skogo mogil'nika bronzovogo veka [Burials with women's jewelry of the Bronze Age Alakul burial ground]. E.V. Kupriianova. *Ten' zhenshchiny*, Cheliabinsk: Avto Graf, pp. 217–236.

Sotnikova S.V., 1990. Pogrebal'nyi obriad andronovskogo naseleniia po materialam mogil'nika Ermak IV [Funeral rite of the Andronovo population basing on the materials from the burial ground of Ermak IV]. *Obriady narodov Zapadnoi Sibiri*, Tomsk, pp. 17–25.

Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2000. *Andronovskie drevnosti Tiimenskogo Pritobo-l'ia* [Andronovo antiquities of the Tobol river basin in Tyumen region], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 106 p.

Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2006. *Urefty 1: Zaural'skii pamiatnik v andronovskom kontekste* [Urefty 1: A monument in the Trans-Urals in the Andronovo context], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 160 p.

Stokolos V.S., 1972. *Kul'tura naseleniia bronzovogo veka luzhnogo Zaural'ia: (Khronologiya i periodizatsiia)* [Culture of the Bronze Age population in the Sothern Trans-Urals: (Chronology and periodization)], Moscow: Nauka, 168 p.

Tigeeva E.V., 2015. Morfologo-tipologicheskaiia kharakteristika orudiinogo kompleksa iz tsvetnogo metalla alakul'skoi kul'tury Srednego Pritobol'ia [Morphological and typological characteristics of the metal complex of non-ferrous metal of the Alakul culture of the Middle Tobol region]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya*, 3, Tiumen', pp. 203–207.

Tkachev A.A., 2002. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy* [Central Kazakhstan in the Bronze Age], Ch. 1, 289 p.; Ch. 2, 243 p., Tiumen': Tiimenskii Neftegazovyi universitet.

Tkachev V.V., 2007. *Stepi luzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epoch srednei i pozdnei bronzy* [Steppe of the Southern Trans-Urals and West Kazakhstan at the boundary of the Middle and Late Bronze Age], Aktobe: Aktiubinskii oblastnoi tsentr istorii, etnografii i arkheologii, 384 p.

Tsimidanov V.V., 2004. *Sotsial'naia struktura srubnogo obshchestva* [Social structure of the Srubna society], Donetsk: Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy, 203 p.

Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P., 1994. *Potapovskii kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge* [A Potapov burial mound of Indo-Iranian tribes along the river Volga], Samara: Samarskii universitet, 208 p.

Vinogradov N.B., 1984. Kulevchi VI — novyi alakul'skii mogil'nik v lesostepiakh luzhnogo Zaural'ia [Kulevchi VI: A new Alakul burial ground in forest-steppe area of the Southern Trans-Urals]. *Sovetskaya arkeologia*, no. 3, pp. 136–153.

Vinogradov N.B., Degtiareva A.D., Kuz'minykh S.V., 2013. Metallurgiya i metalloobrabotka v zhizni obitatelei ukreplennogo poseleniia Ust'e 1 [Metallurgy and metal processing in the life of the inhabitants of the fortified settlement of Ustie 1]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (22), pp. 4–30, available at: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Zaitov V.I., 1985. Kharakteristika kamennykh orudii poseleniia Botai [Characteristics of stone instruments from the settlement of Botai]. *Eneolit i bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet, pp. 17–33.

Zdanovich G.B., 1983. Osnovnye kharakteristiki petrovskikh kompleksov Uralo-Kazakhstanskikh stepei [Main characteristics of Petrovka complexes of Ural-Kazakhstan steppe]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, pp. 156–207.

Zdanovich G.B., 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei* [Ural-Kazakhstan steppe in the Bronze Age], Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 184 p.

В.А. Зах*, О.Ю. Зимина*, В.В. Илюшина*, Е.М. Данченко**, Д.Н. Еньшин*

*Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: viczakh@mail.ru;
o_winter@mail.ru;
vika_tika@mail.ru;
dimetrius666_72@mail.ru

**Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
ул. Чубынина, 38, Салехард, 629008, РФ
E-mail: danchenko-yamal@yandex.ru

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ФИНАЛА БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ К ЭПОХЕ ЖЕЛЕЗА С БОРКОВСКОГО ГОРОДИЩА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2012–2013 гг.)

Характеризуется керамический комплекс позднего бронзового века городища Борки 1, расположенного в Викуловском районе Тюменской области. Городище многослойное: включает комплексы эпохи поздней бронзы, переходного времени от бронзы к железу и средневековья. Настоящая статья посвящена комплексам рубежа бронзового и железного веков. К этому периоду на городище относится постройка сузгунской культуры, исследованная частично, с отдельными фрагментами и развалами сосудов сузгунской культуры на дне котлована. В верхней части заполнения и на межжилищном пространстве встречались фрагменты керамики красноозерской культуры. По результатам анализа морфологии, орнаментации и технологии изготовления установлено, что в комплексе доминирует посуда сузгунского облика, красноозерская малочисленна, особенности навыков труда гончаров обеих культур сходны на всех изученных ступенях гончарного производства. Авторы статьи представляют две точки зрения на историко-культурную ситуацию рубежа бронзового и железного веков на основе изучения материалов городища Борки 1. Одна из них заключается в том, что мыс, на котором расположено городище, осваивался дважды. В поздний период бронзового века это сделали представители сузгунской культуры, которые могли вступать в контакты с инокультурным населением, что объясняет совместное залегание в одном скоплении сузгунской посуды и керамики с крестовой орнаментацией, и присутствие во фрагменте сосуда сузгунской культуры шамота с частичным отпечатком, напоминающим оттиск креста. Позднее, на рубеже бронзового — раннего железного веков, место краткосрочно, судя по малочисленности керамики, посетили носители красноозерской культуры. Один из авторов полагает, что весь рассматриваемый комплекс финальной поры бронзового века городища Борки 1 может быть отнесен к красноозерской культуре.

Ключевые слова: Нижнее Приишимье, Борки 1, сузгунская культура, красноозерская культура, керамика, технико-технологический анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-033-047

В последние годы в связи с исследованием в лесостепи и южной тайге многочисленных комплексов эпохи поздней бронзы и переходного от бронзы к раннему железу времени проявляется все больший интерес к соответствующей тематике. Изучение городища Чича 1 в Барабе, городища Усть-Утяк 1 и ряда иткульских поселений в Притоболье показало, насколько сложные процессы происходили на этих территориях, являющихся контактной зоной для многих этнических групп [Чича..., 2001, 2004, 2009; Кайдалов, 2013; Зимина, 2009]. В рамках данной проблематики наиболее дискуссионным является вопрос о соотношении местных и пришлых культурных компонентов, в частности в комплексах, содержащих типично сузгунские, красноозерские и отражающие смешанные орнаментальные традиции материалы; последние по разработанной периодизации считаются более поздними относительно позднебронзовых.

На территории Ишимо-Иртышья на сегодняшний день изучен ряд поселений, на которых зафиксировано совместное залегание керамики сузгунской культуры и фрагментов сосудов с крестовой орнаментацией. Сформировалось три основных подхода к подобным комплексам. Первый заключается в хронологической и культурной дифференциации таких групп керамики, т.е. в выделении более раннего, сузгунского, и следующего за ним красноозерского комплексов. Второй подход предполагает объединение групп керамики сузгунского и красноозерского обли-

ка в общий культурно-хронологический комплекс, чаще всего обозначаемый как красноозерский. В рамках третьего подхода такие материалы рассматриваются как сузгунско-красноозерские, фиксирующие взаимодействие групп населения этих двух культур.

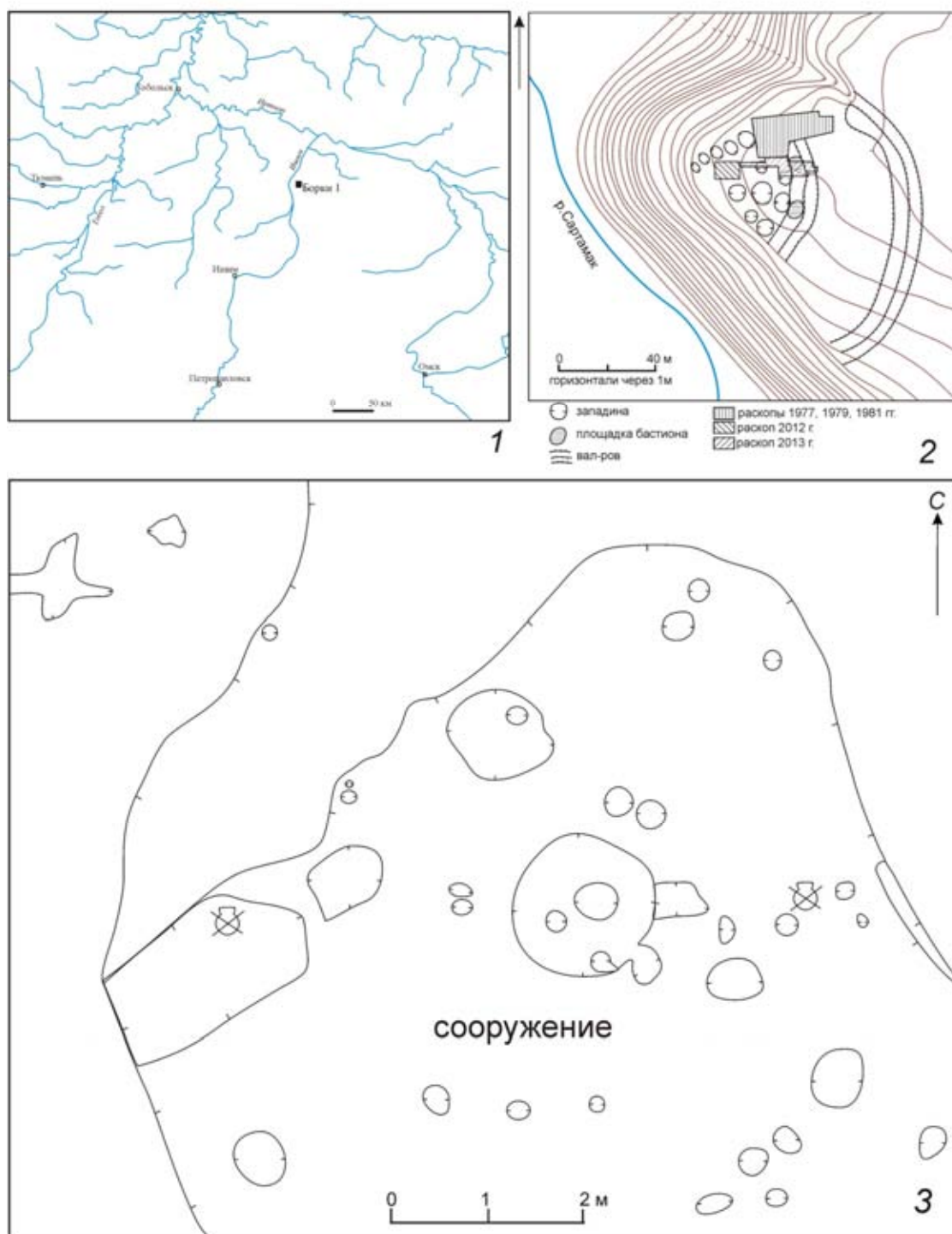

Рис. 1. Карта-схема расположения (1), план (2) памятника и план раскопа 2012 г. на уровне материка (3) на городище Борки 1.

Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа...

В данном исследовании рассматриваются материалы одного из памятников — городища Борки 1, где найдена керамика типично сузгунского и красноозерского облика.

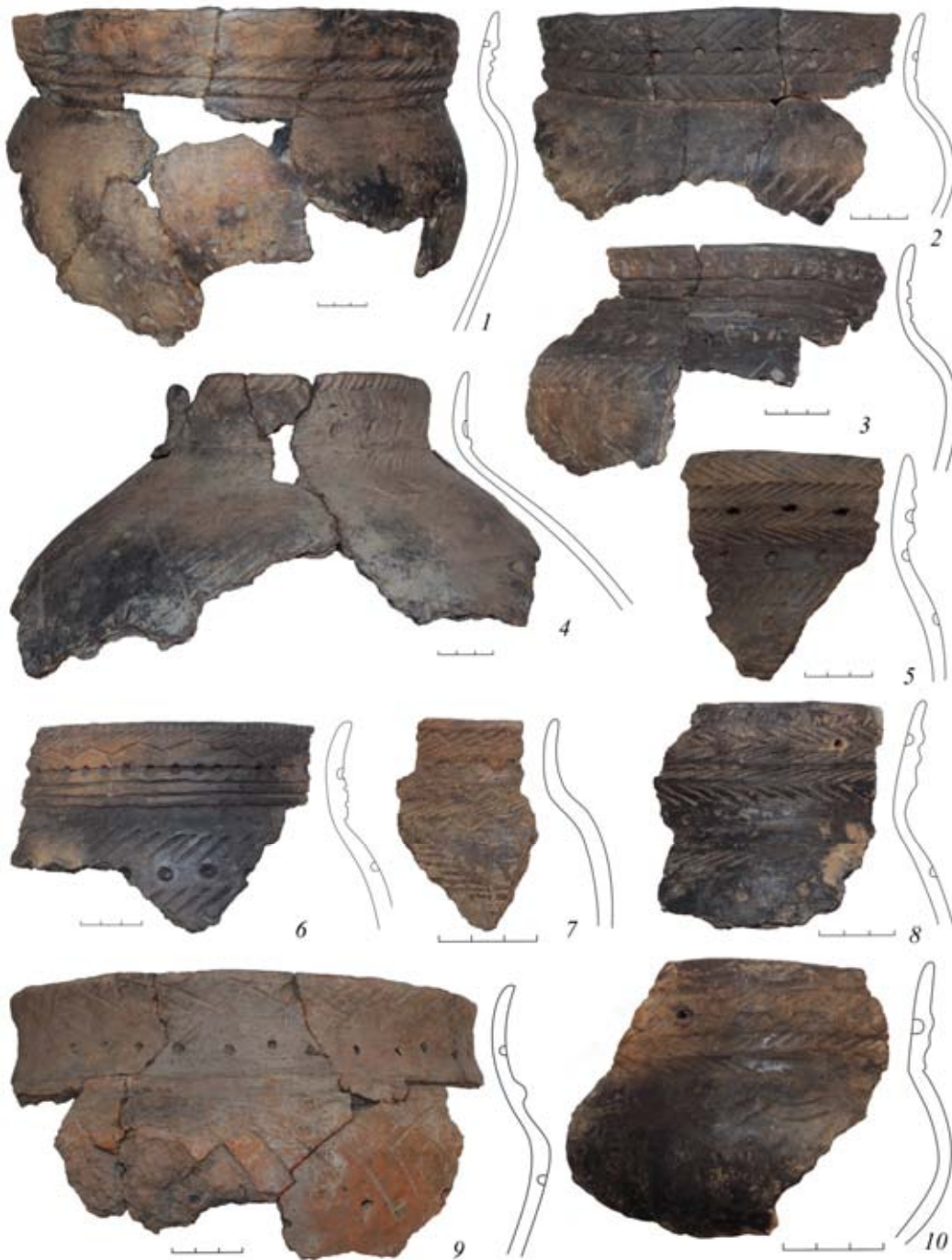

Рис. 2. Керамика сузгунского облика.

Городище Борки 1 находится в Викуловском районе Тюменской области в 0,91 км к Ю от д. Сартам (рис. 1, 1, 2). Открыто в 1976 г. И.А. Сыркиной, ею же исследовалось в 1977, 1979 и 1981 гг. На городище исследователь отметила три слоя. Нижний содержал плоскодонную толстостенную посуду с ямочно-резной орнаментацией, по ее мнению, «характерной для финальной бронзы или периода раннего железа» [Сыркина, 1980, с. 237]. В среднем слое залегала ке-

рамка с округлым или уплощенным дном, украшенная также ямочно-резными узорами, вместе с ней обнаружены бронзовые наконечники V–IV вв. до н.э. В верхних слоях памятника встречалась посуда с гребенчато-фигурными штампами, относящаяся к эпохе раннего средневековья [Там же]. Позднее три жилища, хозяйственная постройка и оборонительная линия в виде вала из материалов исследований И.А. Сыркиной были отнесены Е.М. Данченко к журавлевскому этапу (VI–IV вв. до н.э.) богочановской культуры [Данченко, 1996, с. 16–22, 109].

В 2012–2013 гг. исследования на городище были продолжены экспедицией Института проблем освоения Севера РАН. Вскрыто около 212 м² площади памятника, получены разные по репрезентативности комплексы: эпохи поздней бронзы, переходного времени от бронзы к железу и средневековья. Материалы позднего бронзового века с керамикой сузгунского облика и с крестовой орнаментацией в основном отмечены в раскопе 2012 г., где исследована часть постройки. Очертания котлована зафиксированы на фоне материка — желтоватого суглинка на глубине 0,6–0,7 м от поверхности. Остатки постройки представлены частью котлована глубиной 0,2–0,36 м, размерами 2,8×7,4×5,7 м, подпрямоугольной (квадратной?) формы, ориентированного по линии СЗ–ЮВ. В исследованной части сооружения очага не обнаружено, прослежены лишь незначительные по площади и мощности линзы прокалов. На полу котлована расчищены ямы различных форм и размеров. В некоторых из них, а также на дне котлована залежали фрагменты или развалы сузгунских сосудов (рис. 1, 3). В раскопе 2013 г. объектов, связанных с жизнедеятельностью коллективов финальной поры бронзового века — переходного времени к раннему железному веку, не выявлено.

Орудийный набор, обнаруженный на городище в 2012–2013 гг., довольно многочислен и включает предметы из бронзы, кости и глины. Часть предметов имеет конкретную культурно-хронологическую принадлежность — к журавлевскому комплексу переходного времени от бронзы к железу или эпохе средневековья. Некоторые орудия и предметы имеют широкие хронологические рамки и могли бытовать как в финале бронзового века, так и в эпоху средневековья [Зах и др., 2015а, б].

Остановимся подробно на комплексном анализе керамики сузгунского и красноозерского облика, встреченной в раскопах 2012 и 2013 гг., в том числе в исследованном в 2012 г. сооружении.

Несмотря на то, что в жилище сосуды сузгунского облика в некоторых случаях залежали скоплениями, посуда достаточно фрагментирована; для статистического анализа отобраны фрагменты шеек 77 сосудов (рис. 2). Только семь сосудов восстановлены на верхние две трети, диаметр горловин этих емкостей составляет от 24 до 29 см, в одном случае — 19 см. В основном это плавно профилированные емкости со слегка отогнутой шейкой. В одном случае сосуд имеет узкое горло и раздутое тулово, диаметр его устья 14 см (рис. 3, 4).

Поскольку коллекция сильно фрагментирована, мы имеем представление преимущественно об орнаменте на шейках. Преобладает узор, выполненный гладким штампом (76,6 %), гребенчатый использовался в 50,6 % случаев, прочерчиванием (16,9 %) наносились узкие неглубокие желобки. Неглубокие наколы применялись редко (11,7 %), нанесены либо в один ряд под срезом венчика, либо поверх орнамента на шейке.

Чаще всего на шейках сосудов встречается орнамент из ряда наклонных оттисков штампа (75,3 %). Более чем в половине случаев (45,5 %) наклонные оттиски штампа заполняют широкие желобки, которые наносились на шейку сосудов, как правило, в несколько рядов (рис. 2, 1, 5, 8). Этот элемент является характерным признаком сузгунской орнаментики [Потемкина и др., 1995, с. 62]. Узкие желобки, нанесенные в несколько рядов, отмечаются примерно в два раза реже (18,2 %) (рис. 2, 3, 6). Часто разнонаклонные оттиски штампа образуют горизонтальную «елочку» — этот элемент встречен в 25,9 % случаев (рис. 2, 4–5). На 32,5 % шеек сосудов зафиксированы вертикально поставленные оттиски штампа. Изредка встречается сетка (15,6 %), преимущественно из недлинных оттисков гладкого штампа (рис. 4, 9). Орнаментальные композиции на горловинах четверти сосудов (25,9 %) рассматриваемой коллекции содержат один из маркеров сузгунской орнаментальной традиции — скобочки (рис. 2, 1, 7). Чуть больше, чем у половины сосудов в комплексе (53,2 %) на шейку в один ряд нанесены ямки, в 24,6 % случаев — жемчужины, у семи сосудов (9,1 %) — каплевидные вдавления. Еще один отличительный признак сузгунской гончарной традиции — наличие на шейке довольно широкой, иногда подлощенной, неорнаментированной полосы [Мошинская, 1957, с. 120], она отмечена на посуде борковской коллекции всего на семи сосудах (9,1 %). Остальные элементы узора единичны (табл. 1).

Орнаментация керамики сузгунского облика городища Борки 1

№ п/п	Техника нанесения орнамента	Кол.	%	№ п/п	Элементы орнамента	Кол.	%
1	Гладкий штамп	59	76,6	8	Треугольники (вершинами вниз; заштрихованные; с насечками)	2	2,6
2	Гребенчатый штамп	39	50,6	9	Горизонтальная «елочка»	20	25,9
3	Прочерченный	13	16,9	10	Валики	2	2,6
	Элементы орнамента			11	Каннелюры (желобки)	49	63,6
1	Горизонтальные линии	12	15,6	12	Скобочки	20	25,9
2	Наклонные оттиски штампа (наклонные линии)	58	75,3	13	Каплевидные вдавления	7	9,1
3	Вертикальные оттиски штампа (вертикальные линии)	25	32,5	14	Круглые ямки	41	53,2
4	Зигзаг горизонтальный (одно- и многорядный)	2	2,6	15	Жемчужины	19	24,6
5	Заштрихованные ленты (с наклонными оттисками, зигзагом, «елочкой», флажками, уголками)	8	10,4	16	Неорнаментированная полоса (лощенная)	7	9,1
6	Сетка	12	15,6	17	Защипы	2	2,6
7	Уголки	2	2,6	18	Ряд наколов	9	11,7

Незначительное количество целых сосудов не позволяет в полной мере охарактеризовать всю орнаментальную схему комплекса. По орнаменту на 16 емкостях с сохранившейся частью плечика можно отметить, что он достаточно разрежен. Узор составляли: предположительно заштрихованные ленты — полосы наклонных оттисков штампа, окаймленные оттисками крупной «гребенки» (8 экз.) (рис. 2, 7, 8); два ряда «скобочек» (2 экз.) (рис. 2, 10); сетка и наклонные оттиски штампа в сочетании с рядом ямок или каплевидных вдавлений (5 экз.); заштрихованные треугольники (1 экз.) (рис. 2, 10).

Группа сосудов красноозерского облика включает обломки шеек 10 сосудов и 2 целые емкости (рис. 3). Целые сосуды стояли вертикально на уровне материка в 16 м к востоку от постройки эпохи поздней бронзы.

Четыре сосуда из одиннадцати имели отогнутую шейку: три — с узором из крестового штампа, один — с узором из оттисков короткого гребенчатого штампа (рис. 3, 4, 7, 11); у обломков восьми емкостей шейка дуговидно выгнутая («молчановская»): четыре из них украшены крестовым, остальные — при помощи гладкого штампа (рис. 3, 1–3, 5, 6, 8–10) (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика орнаментации керамики красноозерского облика городища Борки 1

№ п/п	Форма шейки	Кол.	%	№ п/п	Элементы орнамента	Кол.	%
1	Отогнутая	4	33,3	3	Лента из оттисков креста	4	36,4
2	Дуговидно выгнутая	8	66,7	4	Ряды наклонных оттисков (гл. шт.)	3	27,3
	Техника нанесения орнамента			5	Ряды вертикальных оттисков (гл. шт.)	7	58,3
1	Крестовый штамп	7	58,3	6	Зигзаг вертикальный (гл./греб. шт.)	2	16,7
2	Гладкий штамп	9	75	7	Сетка (гл. шт.)	2	16,7
3	Гребенчатый штамп	1	8,3	8	Елочка горизонтальная (гл./греб. шт.)	3	25
4	Волнистый штамп	1	8,3	9	Ряд ямок	10	83,3
5	Наколы	1	8,3	10	Ряд жемчужин	2	16,7
	Элементы орнамента			11	Горизонтальные ряды наколов	1	8,3
1	Ряды из оттисков креста	7	58,3	12	Неглубокий желобок	2	16,7
2	Зигзаг горизонтальный из оттисков креста	1	8,3	13	Уголки	1	8,3

Узоры на сосудах с крестовым орнаментом представлены рядами из оттисков креста, нанесенных в два ряда в шахматном порядке (рис. 5, 11) или более широкими лентами (рис. 3, 2, 3, 5). Орнамент дополнен рядами ямок, в нескольких случаях нанесенных также в шахматном порядке и в нескольких — оттисками гладкого штампа. Шейки двух сосудов украшены рядами тонких желобков (рис. 3, 4, 11). На одном сосуде с дуговидной шейкой присутствует ряд жемчужин (рис. 3, 1).

Рис. 3. Керамика красноозерского облика.

На фрагментах шеек остальных сосудов узор представлен рядами оттисков гладкого и в одном случае — гребенчатого штампа. Один из целых сосудов, высотой 18 см, с дуговидно выгнутой невысокой, около 3 см, шейкой, с диаметром горловины 22 см, дна — 8 см, украшен на две трети чередующимися сеткой, рядом вертикальных оттисков, двойным рядом ямок в шахматном порядке, одним рядом горизонтальной «елочки», в средней части сосуда — вертикальным зигзагом. На шейку сосуда в один ряд нанесены жемчужины. Придонная часть емкости не орнаментирована (рис. 3, 1). Другой, представляющий собой небольшую емкость высотой 8 см, плавно профилирован, имеет слегка отогнутую шейку, диаметр горловины составляет 11 см, дна — 5,5 см. Рядами горизонтальной гребенчатой «елочки» и вертикального зигзага украшена верхняя половина поверхности емкости. Основание шейки подчеркнуто рядом вертикально поставленных оттисков гладкого штампа, такой же ряд окаймляет придонную часть сосуда (рис. 3, 7).

Присутствие в слое городища и заполнении жилища посуды с типичными признаками двух культур ставит вопрос о культурной принадлежности комплекса. По результатам статистического сравнения с комплексами сузгунской и красноозерской культур по 28 признакам — элемен-

Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа...

там орнамента¹ материалы городища Борки 1 попадают в одну группу с сузгунскими древностями (рис. 4).

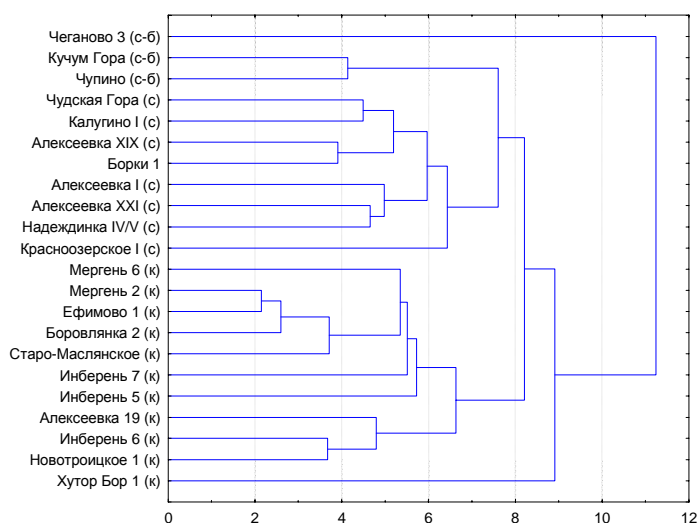

Рис. 4. Дендрограмма комплексов рубежа бронзового — раннего железного веков. Культурная принадлежность комплексов: сб — сузгунско-бархатовский; с — сузгунский; к — красноозерский.

Керамика сузгунского облика с городища Борки 1 имеет достаточно типичные для этой культуры характеристики [Мошинская, 1957, с. 120; Потемкина и др., 1995, с. 62; Полеводов, 2003; Татауров и др., 2011, с. 73]. При сравнении по орнаментации² сузгунских комплексов между собой обособляется группа приишимских памятников, что может свидетельствовать об определенном их своеобразии, связанном, скорее всего, с отмечающимся взаимодействием с бархатовскими коллективами (рис. 5). Несмотря на то, что основной ареал бархатовских групп был в Притоболье, тем не менее их участие в формировании облика культуры поздней бронзы в Приишимье довольно ощутимо, о чем свидетельствуют материалы памятников Чупино и Кучум Гора [Аношко, Рыжкова, 2005]. В то же время следует отметить, что борковский комплекс оказался менее подвержен бархатовскому влиянию. Основные его характеристики ближе сузгунским. Например, соотношение гладкого и гребенчатого штампа на керамике городища Борки 1 (76,6 и 41,6 %) вполне соответствует аналогичным показателям прииртышских памятников Алексеевка 1, 21, 19, Надеждинка 4/5 (84,7–52,8 — 29,3–47,25 %) [Татауров и др., 2011, с. 72]. На посуде поселений Чупино и Кучум Гора доминирует гладкий штамп (свыше 90 %) [Аношко, Рыжкова, 2005]. Близкие показатели имеют такие индикаторные элементы сузгунской орнаментики, как: вертикальные оттиски штампа (32,5 % на Борках 1; 50–30 % — на указанных выше прииртышских памятниках); скобочки (25,9 % — 20,8–30,3 %); ямки (53,2 % — 49,2–66,8 %); неорнаментированная лощеная полоса (9,1 % — 1,7–9,7 %); заштрихованные ленты (10,4 % — 7,7–16,7 %) [Татауров и др., 2011, с. 72]. В то же время в комплексе Борки 1 чуть больше «жемчужника», чем на прииртышских сузгунских поселениях (24,6 % — 2,8–10,7 %), а если его значения высоки, как на Надеждинке 4/5 (25,6 %), то это связывают с внедрением ирменских элементов [Там же, с. 73]. В Приишимье этот элемент, как и узор в виде сетки, скорее всего, следует связывать с влиянием бархатовской культуры. На Чупино и Кучум Горе «жемчужник» составляет 44,7 и 61,3 % соответственно, сетка — 18,8 и 19,4 %.

¹ 1 — горизонтальные линии; 2 — наклонные оттиски штампа; 3 — вертикальные оттиски штампа; 4 — зигзаг горизонтальный; 5 — зигзаг вертикальный; 6 — ленты заштрихованные; 7 — сетка; 8 — ромбы; 9 — уголки; 10 — треугольники; 11 — «елочка» горизонтальная; 12 — столбики; 13 — флажки; 14 — валик; 15 — линия, разбивающая орнаментальное поле по вертикали; 16 — каннелюра (желобок); 17 — скобочки; 18 — каплевидные вдавления; 19 — круглые ямки; 20 — жемчужины; 21 — полоса (лощенная, неорнаментированная); 22 — защипы; 23 — ряды из оттисков креста; 24 — треугольники из оттисков креста; 25 — ромбы из оттисков креста/наколов; 26 — сдвоенные ямки; 27 — шагающая гребенка; 28 — поля горизонтальных отрезков.

² Первые 22 признака, указанные в сноске выше.

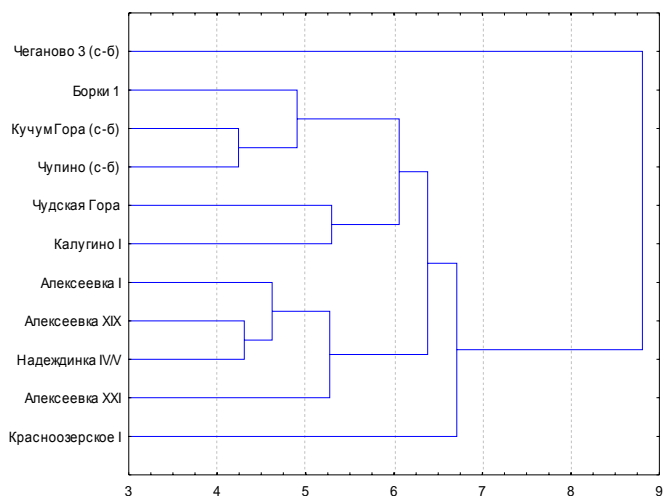

Рис. 5. Дендрограмма сузгунских комплексов Тоболо-Иртышья (сокращения — см. рис. 2).

С целью выявления традиций керамического производства у населения сузгунской и красноозерской культур и сравнения их гончарных систем проведен технико-технологический анализ 43 сосудов (31 сосуд сузгунской культуры; 12 — красноозерской культуры) из заполнения сооружения, а также межжилищного пространства. В связи с тем, что керамические материалы красноозерской культуры представляют собой «конгломерат» двух основных традиций — местной сузгунской и «пришлой» (атлымской?), анализу предшествовала работа по разделению керамики на группы на основе морфологических особенностей. В группу I включен сосуд с «местными» по форме и орнаментации чертами — изделие с отогнутой шейкой и некрестовыми узорами. Группа II представлена сосудами с «пришлыми» чертами — с дуговидными шейками и крестовым орнаментом. Группы III и IV — сосуды со «смешанными» чертами в форме и орнаментации — с отогнутыми шейками и крестовым орнаментом и дуговидными шейками и некрестовыми узорами.

Исследование осуществлялось в рамках историко-культурного подхода и методики А.А. Бобринского [1978; 1999, с. 9–11]. Вследствие того, что выявленные особенности навыков труда гончаров обеих культур сходны на всех изученных ступенях гончарного производства, полученная информация далее дана в обобщенном виде. Данные по каждой группе изделий приведены в табл. 5–7.

Для изготовления сосудов в качестве исходного пластичного сырья (далее — ИПС) использовались илистые глины и природные ожелезненные глины в состоянии естественной влажности.

Минералогический состав этих двух видов сырья довольно близок, что может свидетельствовать о близости расположения их источников. В качестве естественных примесей глины содержат: 1) различное количество песка с размером частиц в основном от менее 0,1 до 0,1–0,2 мм, реже — от 0,3 до 1,0 мм; 2) окислы железа, представленные мягкими включениями округлой и аморфной формы размером 0,1–1,0 мм, единично — до 2,0 мм; 3) иногда включения бурого железняка оолитовой формы размером 0,5–1,5 мм, редко — до 2,5–4,0 мм; 4) часто пылевидные листочки слюды.

Различия данных видов ИПС заключаются в наличии в илистых глинах единичных отпечатков растительности без следов деформации размером от 0,5–4,0 до 6,0–7,0 мм, единично — 1,0–2,0 см. В изломе одного из сузгунских сосудов обнаружен отпечаток семени растения размером 1,5 мм (рис. 6, 1). В ИПС некоторых сосудов сузгунской культуры и в одном изделии с крестовой орнаментацией зафиксированы единичные хрупкие фрагменты раковин речных моллюсков размером от 0,2–0,4 до 1,0–1,2 мм. В значительной части и сузгунских, и красноозерских сосудов обнаружены обломки косточек и чешуи рыб размером от 0,5–4,0 до 8,0 мм (рис. 6, 5–8).

Различные качественные и количественные характеристики песчаной примеси позволили выделить группы слабо- и среднезапесоченного ИПС.

Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа...

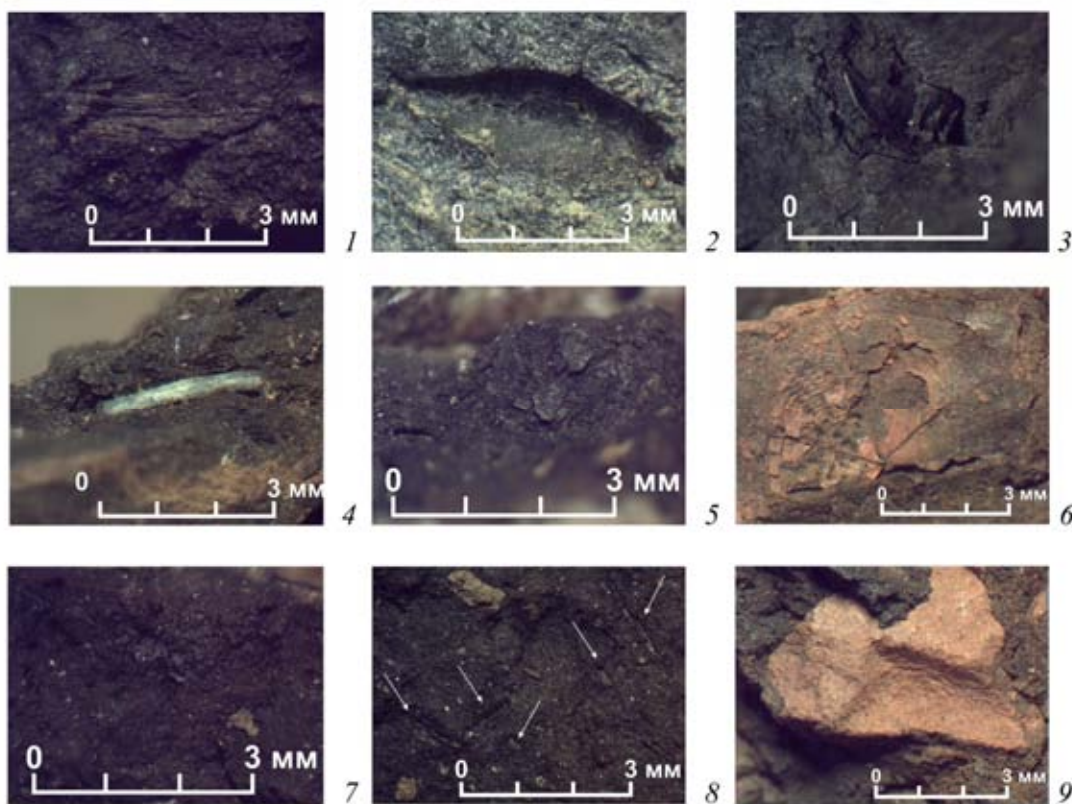

Рис. 6. Микроснимки естественных и искусственных примесей в керамике сузгунской культуры:
 1 — отпечаток растительности; 2 — отпечаток семени растения; 3, 4 — фрагменты костей рыб;
 5, 6 — фрагменты чешуи рыб; 7 — следы органического раствора; 8 — следы выжимки из навоза;
 9 — включение шамота с орнаментом в виде креста (?).

Соотношение всех групп сосудов и информации, полученной при анализе ИПС, выявило, что гончарами как сузгунской, так и красноозерской культур в качестве ИПС в основном применялись илистые глины (табл. 3). Использование глин зафиксировано при анализе незначительного количества сосудов, в подавляющем большинстве — сузгунских и в единственном случае по красноозерскому изделию, демонстрирующему «смешанные» морфологические черты (рис. 3, 6).

Таблица 3

Соотношение основных групп сосудов городища Борки 1 и видов ИПС

Виды ИПС	Сосуды сузгунской культуры	Сосуды красноозерской культуры				Всего сосудов	Всего сосудов
		Группа I*	Группа II	Группа III	Группа IV		
Глины	6/19,4	—	—	—	1/25	1/8,3	7/16,3
Илистые глины	25/80,6	1/100**	4/100	3/100	3/75	11/91,7	36/83,7
Всего сосудов	31/100	1/100	4/100	3/100	4/100	12/100	43/100

*Здесь и далее: группа I — отогнутая шейка/некрестовый орнамент; группа II — дуговидная шейка/крестовый орнамент; группа III — отогнутая шейка/крестовый орнамент; группа IV — дуговидная шейка/некрестовый орнамент.

**Здесь и далее в числителе — количество сосудов в группе, в знаменателе — процент от общего количества сосудов в группе.

Гончарами обеих культур использовалось сырье различной степени запесоченности, вместе с тем наблюдается более высокий процент сосудов из слабозапесоченного ИПС в красноозерских материалах (табл. 4).

При составлении формовочных масс в качестве искусственных примесей к ИПС все гончары добавляли шамот и органические добавки.

Шамот не подвергался калибровке, чаще всего размер его зерен имел верхний предел, не превышающий 4,0–5,0 мм, чуть реже — до 6,0–7,0 мм. В формовочной массе лишь девяти со-

судов размер частиц шамота не превышает 3,0 мм. Концентрация данной примеси в формовочной массе сузгунских и красноозерских изделий составляла от 1:4 до 1:6, но чаще всего шамот добавлялся в концентрации 1:5 и 1:6.

Таблица 4

Соотношение основных групп сосудов и степени запесоченности различных видов ИПС

Степень запесоченности различных видов ИПС	Сосуды сузгунской культуры	Сосуды красноозерской культуры					Всего сосудов
		Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Всего сосудов	
Слабозапесоченная Г*	3/ 9,7	—	—	—	1/25	1/8,3	4/9,3
Среднезапесоченная Г	3/ 9,7	—	—	—	—	—	3/7
Слабозапесоченная ИГ	10/ 32,2	—	3/75	—	3/75	6/50	16/37,2
Среднезапесоченная ИГ	15/ 48,4	1/100	1/25	3/100	—	5/41,7	20/46,5
Всего сосудов	31/ 100	1/100	4/100	3/100	4/100	12/100	43/100

*Г — природная ожелезненная глина; ИГ — илестая глина.

Корреляция размерности, концентрации шамота и основных групп сосудов не обнаружила определенных закономерностей (табл. 5). Можно отметить лишь, что размер шамота, не превышающий 3,0 мм, зафиксирован в основном по сузгунским изделиям. В этой же группе сосудов отмечена концентрация шамота 1:4.

Таблица 5

Соотношение основных групп сосудов, размерности и концентрации шамота

Шамот	Сосуды сузгунской культуры	Сосуды красноозерской культуры					Всего сосудов
		Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Всего сосудов	
Шамот до 2,0 мм*	1/3,2	—	—	—	—	—	1/2,3
Шамот до 3,0 мм	7/22,6	—	—	1/33,3	—	1/8,3	8/18,6
Шамот до 4,0–5,0 мм	13/41,9	—	1/25	2/66,7	4/100	7/58,4	20/46,5
Шамот до 6,0–7,0 мм	10/32,3	1/100	3/75	—	—	4/33,3	14/32,6
1:4**	3/9,7	—	—	—	—	—	3/7
1:5	21/67,7	—	4/100	1/33,3	3/75	8/66,7	29/67,4
1:6	7/22,6	1/100	—	2/66,7	1/25	4/33,3	11/25,6
Всего сосудов	31/100	1/100	4/100	3/100	4/100	12/100	43/100

* Размерность шамота.

** Концентрация шамота.

В подавляющем большинстве сосудов органические компоненты представлены растворами, вероятно двумя их разновидностями. Первый компонент характеризуется наличием в изломах аморфных или узких вытянутых пустот размером от 0,5 до 3,0–5,0 мм, покрытых бесцветными глянцевыми или углистыми пленками, имеющими жирный блеск (рис. 6, 9). Изредка фиксируются углистые включения размером 0,5–2,0 мм. Данные признаки указывают на наличие органических растворов, изготовленных на основе веществ животного или растительного происхождения.

В формовочных массах другой группы сосудов мы предположили наличие органического раствора в виде выжимки из навоза жвачных животных. Данная добавка выделена по следующим признакам: 1) незначительное количество отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,5–1,5 мм, единично — до 4,0–5,0 мм; 2) аморфные пустоты размером 0,5–2,0 мм, стенки которых сглажены и имеют бесцветные матовые поверхности.

По сочетанию искусственных компонентов с различными видами ИПС выделены три рецепта составления формовочных масс (табл. 6). Корреляция выделенных групп сосудов и составов формовочных масс позволяет говорить, что использование выжимки из навоза, хотя в целом и не было характерным, в подавляющем большинстве случаев зафиксировано по сузгунским материалам. Интересен тот факт, что применение данной примеси отмечено по красноозерскому сосуду, отнесенному к группе со «смешанными» чертами.

Технико-технологический анализ шамота показал, что раздробленные и использованные для получения шамота сосуды были также изготовлены из слабо- и среднезапесоченного сырья, что позволяет считать традиции отбора ИПС разной степени запесоченности устойчивыми в среде как сузгунских, так и красноозерских мастеров. В изломе одного из сузгунских сосудов обнаружен

Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа...

шамот, в составе которого отмечены фрагменты раковин речных моллюсков, что может указывать на устойчивость навыков отбора в качестве ИПС илистых глин. Формовочные массы сосудов, пошедших на шамот, составлялись с использованием шамота. Таким образом, применение данной примеси являлось традиционным для сузгунских и красноозерских гончаров.

Таблица 6

Соотношение основных групп сосудов и рецептов составления формовочных масс

Рецепты ФМ	Сосуды сузгунской культуры	Сосуды красноозерской культуры					Всего сосудов
		Группа I*	Группа II	Группа III	Группа IV	Всего сосудов	
Г + Ш* + В	6/19,4	—	—	—	1/25	1/8,3	7/16,3
ИГ + Ш + ОР	25/80,6	1/100	4/100	2/66,7	3/75	10/83,4	35/81,4
ИГ + Ш	—	—	—	1/33,3	—	1/8,3	1/2,3
Всего сосудов	31/100	1/100	4/100	3/100	4/100	12/100	43/100

*Ш — шамот; ОР — органический раствор; В — выжимка из навоза.

Навыки гончаров на ступенях конструирования и формообразования сосудов выявлены лишь по одному миниатюрному красноозерскому сосуду (группа I). *Начин* изделия изготавливались в соответствии с донно-емкостной программой конструирования, скорее всего скульптурной лепкой на плоскости. Модель программы мелкая доэлементная. В качестве «строительных элементов» использовались небольшие глиняные лоскуты, которые наращивались по траектории, близкой к спиралевидной. Аналогично изготавливалось и *полое тело* изделия (рис. 5, 3). *Формообразование* сосуда осуществлялось в процессе изготовления с помощью выдавливания пальцами, а также путем выбивания гладкой колотушкой на завершающем этапе придания формы.

Обработка поверхностей готовых сосудов производилась способами простого заглаживания и лощения. В абсолютном большинстве случаев внешние и внутренние поверхности обрабатывались по подсушенной основе небольшими гальками (табл. 7). Следы заглаживания обнаружены на незначительной части изделий, оно осуществлялось инструментами с твердой рабочей поверхностью, идентифицировать которые не удалось, а также деревянным ножом, галькой. Единичны случаи применения ткани. Корреляция основных способов обработки поверхностей изделий и всех групп керамики не выявила каких-либо особенностей.

Таблица 7

Соотношение основных групп сосудов и способов обработки поверхностей изделий

Способы обработки поверхностей сосудов		Сосуды сузгунской культуры	Сосуды красноозерской культуры					Всего сосудов
			Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Всего сосудов	
Внешняя поверхность	Твердый предмет	1/3,2	—	—	—	—	—	1
	Деревянный нож	—	—	—	—	1	1	1
	Лощение	31/100	1/100	4/100	3/100	4/100	12/100	43/100
Внутренняя поверхность	Ткань	2/6,4	—	—	—	—	—	2/4,6
	Твердый предмет	3/9,7	—	1/25	1/33,3	1/25	3/25	6/13,9
	Деревянный нож	4/12,9	—	2/50	2/66,7	—	4/33,3	8/18,6
	Галька	1/3,2	—	—	—	—	—	1/2,3
	Лощение	30/96,8	—	3/75	3/100	4/100	10/83,3	40/93
	Уплотнение	2/6,4	1/100	—	—	—	1/8,3	3/7

Придание прочности гончарным изделиями и устранение их влагопроницаемости осуществлялось путем обжига. Анализ цветовой характеристики изломов изученных сосудов показывает, что они обжигались в условиях полувосстановительной среды, т.е. при ограниченном доступе кислорода, чаще всего с непродолжительным действием температур каления глины, о чем говорит двух- и трехцветная окрашенность изломов 88,4 % всех изделий. Отмеченные цветовые особенности поверхностей и изломов сосудов позволяют говорить, что их обжиг проводился в простых устройствах — кострищах или очагах.

Таким образом, технико-технологический анализ всех выделенных групп изделий позволяет говорить о неоднородности представлений гончаров о пластичном сырье. Мастера как сузгунской, так и красноозерской культур предпочитали илистые глины в качестве сырья для изготовления посуды (80,6 и 91,7 % соответственно), в то же время небольшие группы гончаров использовали глины при изготовлении посуды (19,4 и 8,3 % соответственно). Необходимо подчеркнуть, что применение глины гончарами красноозерской культуры зафиксировано по сосуду, отнесенному к группе со «смешанными» морфологическими признаками. Для сузгунских гончаров более характерным было использование среднезапесоченного сырья, тогда как в красноозерской группе изделий отмечается преобладание слабозапесоченного ИПС.

Не выявлено каких-либо значимых различий при составлении формовочных масс. Однако можно отметить более частое использование выжимки из навоза сузгунскими гончарами и тот факт, что данная примесь зафиксирована для одного красноозерского сосуда «смешанного» облика.

Немногочисленные данные, полученные при анализе коллекции, не позволяют судить о традиционных способах конструирования сосудов обеих культур и сравнивать навыки гончаров на данной ступени гончарного производства.

Доминирующими способами обработки поверхностей изделий обеих культур выступали заглаживание преимущественно инструментами с твердой рабочей поверхностью и лощение.

Обжиг сосудов проводился в простых кострищах или очагах с кратковременной выдержкой при температурах не ниже 650° С.

Анализ стратиграфического распределения керамики сузгунского и красноозерского облика на площади жилища показал, что при количественном доминировании в коллекции сузгунской посуды основная часть черепков красноозерских сосудов залегает на уровне 7–8 условных горизонтов, составлявших верхнее заполнение котлована сооружения. Чуть ниже (на 5 см), на уровне 9 условного горизонта, в кв. И/32 в скоплении нескольких сосудов сузгунского облика также залегали фрагменты сосуда с крестовым орнаментом (рис. 5, 11). Однако в придонной части и ямах на площади постройки фрагментов посуды красноозерского облика не обнаружено. Учитывая то обстоятельство, что в придонной части постройки встречались единичные фрагменты сосудов журавлевского комплекса, одновременность сузгунских и красноозерских древностей на данном памятнике может вызывать сомнения. Кроме того, среди красноозерских присутствуют фрагменты сосудов уже со смешанными чертами (с дуговидными шейками, украшенными некрестовым орнаментом), не так, как на хуторборском этапе [Труфанов, 1983].

В таком случае логично было бы предположить, что в финале бронзового века мыс, на котором располагается городище Борки 1, осваивался дважды. Сначала — представителями сузгунской культуры, которые могли вступать в контакты с инокультурным населением, что объясняет совместное залегание в одном скоплении сузгунской посуды и керамики с крестовой орнаментацией и присутствие во фрагменте сосуда сузгунской культуры шамота с частичным отпечатком, напоминающим оттиск креста (рис. 6, 9). В более поздний период, на рубеже бронзового — раннего железного веков, это место краткосрочно могли посетить носители красноозерской культуры, что отражено малочисленностью керамики.

В то же время материалы поселения Борки 1 могут быть соотнесены с хуторборским этапом развития красноозерской культуры. Однако, в отличие от хуторборских материалов, в которых, по мнению А.Я. Труфанова, местная и пришлая керамические традиции еще не слились и которые могут рассматриваться, с одной стороны, как «начальный этап сложения красноозерской культуры», с другой — «как заключительный этап существования культуры, представленной позднебронзовыми комплексами памятников Чудская Гора и Красноозерки» [1983, с. 76], на городище фиксируются начало формирования собственно красноозерской керамической традиции и ее дальнейшее развитие, что демонстрирует наличие сосудов не только с крестовой орнаментацией, но и с дуговидными шейками и некрестовым орнаментом. Сходство особенностей навыков гончарного производства на всех изученных ступенях, зафиксированное при анализе обеих групп керамики, может быть, таким образом, объяснено уже смешанным характером материалов.

Маловероятно, но не исключено, что на городище Борки 1 мы наблюдаем контакт представителей уже сложившейся в Ишимо-Иртыше красноозерской культуры с местными сузгунскими группами, не подвергшимися влиянию пришлого населения. Эта позиция отчасти совпадает с точкой зрения О.С. Шерстобитовой, которая отмечает сузгунско-красноозерское взаимодейст-

вие, отразившееся в орнаментальных канонах [2010, с. 30]. На это же может указывать стратиграфическое залегание посуды на городище Ефимово 1, где в пределах заполнения одного жилища зафиксирована керамика сузгунского и красноозерского облика, в том числе уже со смешанными чертами: сосуды с дуговидными шейками, украшенные некрестовым орнаментом [Матвеев, Горелов, 1993]. А.В. Полеводов считает, что на красноозерских памятниках Ефимово 1 и Боровлянка 2 присутствует позднесузгунская посуда и она не может рассматриваться с красноозерской в рамках однокультурного комплекса [2004, с. 223].

В.А. Зах склонен рассматривать весь комплекс финальной поры бронзового века, полученный на городище Борки 1, в рамках красноозерской культуры исходя из следующего. Процесс взаимодействия местных и пришлых коллективов в конце эпохи бронзы и переходного времени в Прииртышье и Приишимье, достаточно сложный и многообразный, отличается от процессов на сопредельных территориях. Особенность его связана с тем, что в основе орнаментации керамики сузгунских и пришлых групп лежит общая гребенчато-ямочная орнаментальная традиция. Если в Притоболье и Приобье четко прослеживается начало смешения керамических традиций при взаимодействии представителей местных (бархатовских и позднейирменских) и пришлых (с гаманской и орнаментированной крестом посудой) культур [Кайдалов, 2013; Троицкая и др., 1989], то на территории Ишимо-Иртышья с этим моментом — и красноозерской культурой — могут быть соотнесены, вероятно, такие комплексы, как исследованный на городище Борки 1.

Вместе с тем неоднозначная интерпретация залегания керамики и малочисленность сосудов красноозерского облика, обнаруженных при раскопках городища Борки 1, на что обращалось внимание выше, не позволяют убедительно трактовать материалы либо как хронологически различающиеся или одновременные сузгунские и красноозерские, либо как единые красноозерские.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.

Аношко О.М., Рыжкова Ю.В. К характеристике позднего бронзового века Приишимья (по материалам городища Кучум Гора и Чупинского поселения) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 130–133.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Глушков И.Г., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Городище Калугино 1 на Крутинских озерах // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: Изд-во СурГПИ, 2001. С. 71–81.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Зах В.А., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Костомаров В.М., Илюшина В.В. Комплексы переходного от бронзы к железу и раннескифского времени городища Борки 1 в Приишимье // Человек и Север. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015а. Вып. 3. С. 132–135.

Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2015b. № 2 (29). С. 4–14. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a29/4-14.pdf.

Кайдалов А.И. Городище Усть-Утяк 1 как источник по изучению культурно-исторических процессов на территории Среднего Притоболья в переходное время от бронзы к железу и эпоху раннего средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 22 с.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препр. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 75 с.

Мошинская В.И. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1957. № 58. С. 114–135.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Полеводов А.В. К проблеме культурной идентификации памятников переходного от бронзы к железу времени Приишимья // Шестые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск: ОмГУ, 2004. С. 221–224.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской горы). М.: ПАИМС, 1995. 157 с.

Сыркина И.А. Исследование Борковского городища // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 237.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: Теория и практика исследований. Омск: Наука, 2011. 196 с.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 103–116.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор 1: (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 63–76.

Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи: (Первые результаты исследований). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 240 с.

Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи: Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с.

Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

V.A. Zakh*, O.Y. Zimina*, V.V. Ilyushina*, E.M. Danchenko, D.N. Yen'shin***

*Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: viczakh@mail.ru

o_winter@mail.ru

vika_tika@mail.ru

dimetrius666_72@mail.ru

**Yamal-Nenets district museum exhibition

Tchubinina st., 38, Salehard, 629008, Russian Federation

E-mail: danchenko-yamal@yandex.ru

CERAMIC COMPLEX OF THE END OF THE BRONZE AGE AND THE TRANSITION PERIOD TO THE IRON AGE FROM THE SETTLEMENT OF BORKI 1 (BASED ON THE RESULTS OF 2012–2013 WORKS)

The article characterizes the ceramic complex of the Late Bronze Age from the settlement of Borki 1, located in Vikulovsky district of Tyumen region. The settlement is multilayer: it includes complexes of the Late Bronze Age, of the transitional time from the Bronze Age to the Iron Age, and of the Middle Ages. The article deals with complexes of the border of the Bronze and Iron Ages. This period at the settlement includes a Suzgun culture dwelling, which has been partly studied, with separate fragments and broken vessels of the Suzgun culture at the bottom of the ditch. Ceramic fragments of the Krasnoozerka culture are found in the upper part and in the space between the dwellings. According to the analysis of morphology, ornamentation and technology of manufacturing of vessels, it was established that Suzgun ceramics dominate in the complex, Krasnoozerka vessels are not numerous, features of labour skills of potters of the both cultures are similar in all studied stages of pottery production. The authors present two points of view on the historical and cultural situation on the border of the Bronze Age and the Iron Age, which is presented by materials of the settlement of Borki 1. One of them is the fact that the cape on which the settlement of Borki 1 is located, was developed twice at the End of the Bronze Age. First time, in the late period of the Late Bronze Age by representatives of the Suzgun culture, which could come into contact with populations of other cultures, which explains the co-occurrence of Suzgun pottery and ceramics with cross ornamentation in the same accumulation, and the presence of coal clay in a fragment of the Suzgun culture vessel with a partial imprint, reminiscent of a cross. Later, at the turn of the Bronze and Early Iron Ages, the site was shortly (given the small number of ceramics) visited by the Krasnoozerka culture representatives. One of the authors supposes that the entire complex of the final period of the Bronze Age of the settlement of Borki 1 can be attributed to the Krasnoozerka culture.

Key words: the Low Ishim river basin, Borki 1, the Suzgun culture, the Krasnoozerka culture, ceramics, technical and technological analysis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-033-047

REFERENCES

Abramova M.B., Stefanov V.I., 1985. Krasnoozerkaia kul'tura na Irtyshe [The Krasnoozerka culture on the Irtysh river]. *Arkheologicheskie issledovaniia v raione novostroek Sibiri*, vol. I, Novosibirsk: Nauka, pp. 103–130.

Anoshko O.M., Ryzhkova Iu.V., 2005. K kharakteristike pozdnego bronzovogo veka Priishim'ia (po materialam gorodishcha Kuchum Gora i Chupinskogo poseleniia) [On characteristics of the Ishim river basin of the Late Bronze Age (based on the settlements of Kuchum Gora and Chupinskoie)]. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiia drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 130–133.

Bobrinskii A.A., 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy: Istochniki i metody izucheniia* [The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study], Moscow: Nauka, 272 p.

Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа...

Bobrinskii A.A., 1999. Goncharnaia tekhnologiia kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniia [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*, Samara: Izd-vo SamGPU, pp. 5–109.

Danchenko E.M., 1996. *Iuzhnotaezhnoe Priirtysh'e v seredine — vtoroi polovine I tys. do n.e.* [The Southern taiga Ishim river basin in the middle and the second half of the I millennium BC], Omsk: Izd-vo OmGPU, 212 p.

Glushkov I.G., Polevodov A.V., Trufanov A.Ia., 2001. Gorodishche Kalugino 1 na Krutinskikh ozerakh [Ancient city of Kalugino 1 at the Krutinsk Lakes], *Materialy po arkheologii Ob'-Irtys'h'ia*, Surgut: Izd-vo SurGPI, pp. 71–81.

Kaidalov A.I., 2013. Gorodishche Ust'-Utiak 1 kak istochnik po izucheniiu kul'turno-istoricheskikh protsessov na territorii Srednego Pritobol'ia v perekhodnoe vremia ot bronzy k zhelezu i epokhu rannego srednevekov'ia [Ancient city of Ust-Utyak 1 as a source for the study of historical and cultural processes on the territory of the Middle Tobol river in the time of transition from the Bronze to the Iron Age, and the early Middle Ages]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Kemerovo, 22 p.

Matveev A.V., Gorelov V.V., 1993. *Gorodishche Efimovo 1* [Fortified settlement of Efimova 1]. Preprint, Tiumen': IPOS SO RAN, 75 p.

Molodin V.I., Partsinger G., 2001, (ed.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi: (Pervye rezul'taty issledovaniia)* [Chicha, a settlement of the transition time from the Bronze to the Iron Age in Baraba forest-steppe: (The first research results)], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 240 p.

Molodin V.I., Partsinger G., 2004, (ed.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi* [Chicha, a settlement of the transition time from the Bronze to the Iron Age in Baraba forest-steppe], vol. 2, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 336 p.

Molodin V.I., Partsinger G., 2009, (ed.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi* [Chicha, a settlement of the transition time from the Bronze to the Iron Age in Baraba forest-steppe], vol. 3, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 248 p.

Moshinskaia V.I., 1957. Suzgun II — pamiatnik epokhi bronzy lesnoi polosy Zapadnoi Sibiri [Suzgun II, a Bronze Age site in the forest belt of Western Siberia]. *MIA*, no. 58, pp. 114–135.

Polevodov A.V., 2003. *Suzgunkaia kultura v lesostepi Zapadnoi Sibiri: Predtaezhnoe i iuzhnotaezhnoe Tobolo-Irtys'h'e v epokhu pozdnei bronzy* [The Suzgun culture in the forest-steppe area of Western Siberia: The Tobol and Irtys'h basins of the subtaiga and Southern taiga in the Late Bronze Age]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Moscow, 22 p.

Polevodov A.V., 2004. K probleme kul'turnoi identifikatsii pamiatnikov perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni Priishim'ia [On the problem of cultural identification of monuments in the transition time from the Bronze to the Iron Age in the Ishim river basin]. *Shestye istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova*, Omsk: OmGU, pp. 221–224.

Potemkina T.M., Korochkova O.N., Stefanov V.I., 1995. *Lesnoe Tobolo-Irtys'h'e v kontse epokhi bronzy (po materialam Chudskoi gory)* [Forestry Tobol and Irtys'h basins at the end of the Bronze Age (based on the complex of Chudskaya Gora)], M: PAIMS, 157 p.

Syrkina I.A., 1980. Issledovanie Borkovskogo gorodishcha [Research of the settlement of Borki]. *AO 1979 g.*, Moscow: Nauka, p. 237.

Tataurov S.F., Tataurova L.V., Tikhonov S.S., Sherstobitova O.S., Garkusha M.A., 2011. *Arkheologicheskie mikroraiony Zapadnoi Sibiri: Teoriia i praktika issledovaniia* [Archaeological districts of Western Siberia: Theory and practice of research], Omsk: Nauka, 196 p.

Trufanov A.Ia., 1983. Zhertvennoe mesto Khutor Bor 1: (O kul'turno-khronologicheskom svoeobrazii pamiatnikov epokhi pozdnei bronzy lesnogo Priir-tys'h'ia) [The sacrificial place of Khutor Bor 1: (About the cultural and chronological distinction of the sites of Late Bronze Age in the forest part of the Irtys'h river basin)] *Etnokul'turnye pro-tsessy v Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: Izdatel'stvo TGU, pp. 63–76.

Zakh V.A., Danchenko E.M., En'shin D.N., Tigeeva E.V., Kostomarov V.M., Iliushina V.V., 2015. Kompleksy perekhodnogo ot bronzy k zhelezu i ranneskijskogo vremeni gorodishcha Borki 1 v Priishim'e [Complexes of the transition period from the Bronze to the Iron Age, and the early Scythian time at the settlement of Borki 1 in the Ishim river basin]. *Chelovek i Sever*, 3, Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, p. 132–135.

Zakh V.A., Iliushina V.V., Tigeeva E.V., En'shin D.N., Kostomarov V.M., 2015. Zakrytyi zhuravlevskii kompleks gorodishcha Borki 1 v Nizhnem Priishim'e [An indoor Zhuravlevsky complex of the settlement of Borki 1 in the Lower Ishim river basin]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (29), pp. 4–14, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a29/4-14.pdf.

Ю.В. Костомарова

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина 86, г. Тюмень, 625026, РФ
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА К ЖЕЛЕЗНОМУ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИИШИМЬЯ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Подведены итоги многолетнего исследования проблематики переходного от бронзы к железу времени на территории Приишимья. Обращение к данной теме объясняется рядом причин. Во-первых, этот период характеризуется усилением миграционной активности населения, происходившей как в широтном, так и в меридиональном направлении, что нашло отражение в многокомпонентности археологического материала и, следовательно, неоднозначности его интерпретации. Во-вторых, Приишимье в археологическом отношении долгое время оставалось мало изученным, однако работы последних лет существенно изменили эту ситуацию. Таким образом, возникла необходимость в обобщении всех доступных сведений по обозначенной тематике. Для этого в хронологическом порядке собраны данные об исследовании памятников; систематизированы точки зрения на их происхождение, хронологию и культурную атрибуцию. В истории изучения рассматриваемой темы выделено два этапа. Первый из них охватывает 60-е — начало 80-х гг. XX в. В этот период имели место эпизодические исследования памятников интересующего нас времени, появляются первые публикации их материалов и схемы историко-культурного развития. Нижней хронологической границей второго этапа можно считать начало 80-х гг. прошлого века. С этого времени происходит активизация полевых работ, исследования приобретают систематический и целенаправленный характер, ведутся дискуссии о культурной принадлежности памятников, их хронологии и происхождении. Эти тенденции продолжают в настоящее время. В работе сформулированы основные нерешенные проблемы и обозначены направления дальнейших исследований, обоснована важность материалов Приишимья в этом процессе.

Ключевые слова: *переходное время от бронзового века к железному, Приишимье, крестовая керамика, краснозерская культура, история изучения.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-048-057

Своеобразие материалов памятников, повсеместно обнаруженных в первой половине прошлого столетия на территории юга Западной Сибири, дало основание исследователям выделить этап их существования в особый хронологический период, названный позднее переходным [Косарев, 1981, с. 180–181]. «Переходность» комплексов заключалась в их неоднородности — в культурном слое одновременно залегали древности нескольких археологических культур, не похожих на предшествовавшие и имеющих иногда удаленные друг от друга ареалы. В первую очередь отмечалось присутствие в коллекциях посуды, декорированной крестовым штампом. Разное соотношение типов керамики в границах одного памятника обусловило неоднозначность их интерпретаций. Исследователи сходились, однако, в том, что объясняли их возникновение активизацией миграционных процессов в конце эпохи бронзы. В связи с появлением за последнее десятилетие новых данных, существенно дополняющих наши представления о переходном от бронзы к железу времени на территории западно-сибирской лесостепи, основные дискуссионные проблемы их изучения обозначились с новой силой. Эта тенденция ярко проявилась на материалах лесостепного Приишимья. По этой причине возникла необходимость в систематизации и обобщении соответствующих сведений. Таким образом, целью статьи является подведение итогов многолетнего исследования проблематики переходного от бронзы к железу времени Приишимья. Для этого в хронологическом порядке проанализируем основные точки зрения на рассматриваемые древности и их аргументацию.

В истории изучения переходного от бронзы к железу времени лесостепного Приишимья выделено два этапа. Первый приходится на 60–70-е гг. XX в., второй начинается в 80-е гг. прошлого столетия и продолжается в настоящее время. Каждый из этапов характеризуется набором признаков. К ним относятся: состояние источниковой базы; господствующие приемы рабо-

Переходное время от бронзового века к железнному на территории Приишимья...

ты с археологическим материалом и подходы к построению схем культурного развития региона. В целом обозначенные периоды имеют точки соприкосновения с разработанными на сегодняшний день периодизациями как сибирской археологии в целом, так и ее отдельных тематических направлений.

Археологическое исследование древностей эпохи поздней бронзы — переходного времени лесостепного Приишимья началось сравнительно поздно, лишь в 60-е гг. прошлого века. К этому времени уже сложились представления об историко-культурной ситуации рубежа II—I тыс. до н.э. на соседних территориях, где памятники с крестовой керамикой были известны с начала XX в. [Комарова, 1952, с. 31; Берс, 1954, с. 46; Сальников, 1960, с. 3–20; Косарев, 1974, с. 6]. Исследователи были единодушны, считая их постандроновскими, не имевшими местных корней. В условиях господства мнения об этнической природе археологической культуры в качестве главного аргумента в пользу этой версии послужила керамика, резко отличавшаяся по своим декоративно-морфологическим признакам от посуды культур эпохи поздней бронзы. В 60-е гг. XX в. ареал памятников с крестовой керамикой был существенно расширен. Подобная посуда зафиксирована в Приишимье, Прииртышье, Томско-Нарымском и Верхнем Приобье [Генинг, Евдокимов, 1969; Генинг и др., 1970; Абрамова, Стефанов, 1985; Троицкая и др., 1989]. На интересующей нас территории исследования проводились Уральской археологической экспедицией Уральского государственного университета. Интенсивные полевые работы во многих районах юга Западной Сибири позволили выявить десятки новых археологических объектов (рис. 1) [Археологическое наследие..., 1995, с. 129, 136].

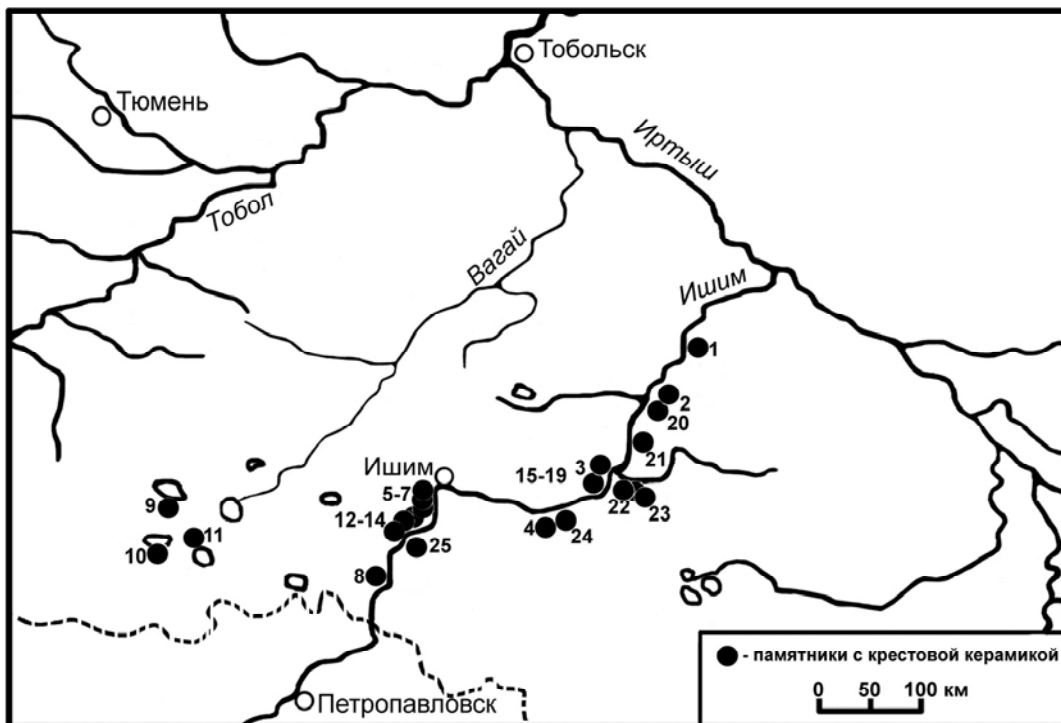

Рис. 1. Карта памятников с крестовой керамикой на территории Приишимья:

- 1 — гор. Борки 1; 2 — пос. Боровлянка 2; 3 — гор. Ефимово 1; 4 — пос. Старая Маслянка; 5–7 — пос. Мергень 2, 5, 6; 8 — пос. Марай 1; 9 — пос. Шабуровское; 10 — пос. Беловское 3; 11 — пос. Карьковское; 12 — пос. Балаганы 1; 13 — пос. Чернышова 4; 14 — Абатский кург. мог.; 15–19 — пос. Поганое, Быструха 4, Кокуй 7, 11, 12; 20 — пос. Ивановское; 21 — пос. Тюляшов Бор; 22 — пос. Ир 2; 23 — гор. Узловское; 24 — пос. Чупино; 25 — гор. Кучум-Гора (1–8 — памятники с красноозерским культурным горизонтом; 9–13, 15–22 — памятники, известные по разведочным данным; 23–25 — памятники, при исследовании которых получено несколько обломков посуды с крестовым орнаментом).

Так, Л.Г. Шориковой в Тоболо-Ишимском междуречье на оз. Большое Карьковское обнаружен первый памятник с крестовой керамикой — Карьковское поселение [Археологическое наследие..., 1995, с. 93]. К концу 60-х гг. проведены раскопки ряда поселений эпохи поздней бронзы — переходного времени, получены оригинальные материалы, не имевшие точных аналогов.

По результатам работ учеными подготовлена серия публикаций, в которых введены в научный оборот новые источники, дана их первичная интерпретация [Голдина, 1969; Генинг, Евдокимов, 1969]. Обращено внимание на то, что древности сочетали в себе признаки нескольких археологических культур. На основании анализа керамических комплексов с поселения Старая Маслянка и городища Кучум-Гора авторы разработали их периодизацию и представили общую характеристику историко-культурной обстановки в Приишимье на рубеже II–I тыс. до н.э. [Там же]. Часть материалов городища Кучум-Гора была соотнесена с эпохой поздней бронзы, однако в силу своеобразия и малочисленности культурно не атрибутирована. Более позднюю хронологическую позицию, по мнению ученых, занимало селище Старая Маслянка [Генинг, Евдокимов, 1969]. Основанием для подобного вывода послужило преобладание на последней посуды с крестовым орнаментом, ближайшие аналогии которой на других территориях относились к началу I тыс. до н.э. [Там же, с. 62]. Старо-Маслянское и сходные с ним поселения с крестовой керамикой Приишимья были отнесены к карьковской группе памятников, по материалам одноименного селища, где подобную посуду обнаружили впервые. Население, оставившее древности карьковского типа, по мнению В.Ф. Генинга и В.В. Евдокимова, было пришлым, однако его исходная территория оставалась неизвестной.

В 70-е гг. археологические исследования в Приишимье практически не проводились, оно оказалась вне поля зрения научных центров. Деятельность Уральской археологической экспедиции сосредоточилась на обследовании Притоболья и смежных районов. Как исключение следует отметить работу экспедиции Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева, осуществлявшуюся под руководством И.А. Сыркиной, которой на протяжении трех лет изучалось городище Борки 1 [Сыркина, 1980, с. 237]. Однако каких-либо обобщающих публикаций по результатам исследований подготовлено не было. Таким образом, к началу 80-х гг. XX в. получены первые материалы, характеризующие эпоху поздней бронзы — переходного времени Приишимья. Малочисленность комплексов не позволила детально охарактеризовать эти древности и убедительно ответить на вопросы об их хронологии и происхождении.

В начале 80-х гг. прошлого века окончательно оформляется точка зрения об особом периоде в древней истории юга Западной Сибири, названном переходным [Косарев, 1981, с. 180–181]. Он ассоциировался с масштабной миграцией таежного населения в лесостепную зону, связанной с изменением климатических условий в сторону похолодания и увлажнения, и распространением в лесостепи крестовой керамики и присваивающих отраслей хозяйства [Там же, с. 185]. Продолжилось изучение прииртышских памятников, объединенных в отдельную, красноозерскую культуру [Абрамова, Стефанов, 1985]. Ученые обратили внимание на отличия между ее лесными и лесостепными комплексами. Была высказана точка зрения об их возможной хронологической дифференциации [Там же, с. 119]. Такой подход объяснял значительное различие однокультурных памятников и позволял изучать культурно-исторические процессы в динамике. На основании орнаментально-морфологического анализа посуды с жертвенного места Хутор Бор 1 А.Я. Труфанов выделил начальный, хуторборский, и инберенский, или красноозерский, этапы красноозерской культуры. Для первого характерно сосуществование на одном поселении двух генетически отличных групп населения с собственными керамическими традициями. Такие комплексы, по мнению автора, трудно соотнести с новой археологической культурой. Этому понятию больше соответствуют памятники второго этапа, в материалах которых уже четко фиксируется слияние местных и пришлых элементов. Предлагая рассматривать инберенские комплексы в рамках красноозерской культуры, А.Я. Труфанов с оговорками, но все-таки относил к их числу и материалы Хутор Бора 1 [Труфанов, 1983, с. 65]. Эта точка зрения тогда не получила развития в силу отсутствия новых материалов, особенно соответствующих хуторборским. Сходные наблюдения сделаны по материалам Приобья [Троицкая, 1985, с. 60; Троицкая и др., 1989]. Карьковские комплексы в этой схеме М.Б. Абрамова и В.И. Стефанов рассматривали как промежуточные между нижнеобскими и красноозерскими [1985, с. 123]. М.Ф. Косарев включал их в ареал памятников с керамикой красноозерского типа [1981, с. 191, 192].

С начала 80-х гг. XX в. можно говорить о новом этапе в изучении древностей переходного времени Приишимья. Его основной чертой являются не прекращающиеся и с каждым годом увеличивающиеся в масштабах археологические исследования. Лесостепное Приишимье прочно вошло в сферу научных интересов тюменских археологов. Тюменской археологической экспедицией были проведены широкие разведочные исследования в Абатском, Викуловском, Ишимском, Казанском и других районах Тюменской области, благодаря которым, во-первых,

Переходное время от бронзового века к железному на территории Приишимья...

повторно осмотрены некоторые из ранее выявленных памятников; во-вторых, археологическая карта Приишимья существенно пополнилась объектами. На ряде их организованы раскопки [Археологическое наследие..., 1995, с. 15, с. 109–145]. Так, в 1984 и 1986 гг. А.В. Матвеевым исследовалось городище Ефимово 1. В результате получен представительный комплекс артефактов переходного от бронзы к железу времени, который был первоначально отождествлен с красноозерскими древностями [Матвеев, Горелов, 1991, с. 54]. Однако позднее авторы подошли к вопросу о культурной атрибуции городища более осторожно, ссылаясь на существенные различия прииртышских красноозерских памятников [Матвеев, Горелов, 1993, с. 54]. В эти же годы А.Н. Панфиловым и В.А. Захом исследовано многослойное поселение Боровлянка 2 [Панфилов и др., 1991]. Ученые рассматривали Приишимье в переходное время как контактную зону. Они отметили многочисленные общие черты памятников с крестовой керамикой Прииртышья и Приишимья и объединили их в рамках красноозерской культуры [Там же, с. 44]. В работе нашла отражение общая тенденция, характерная для изучения всех подобных комплексов юга Западной Сибири, сводящаяся к признанию ведущей роли местного компонента в их формировании [Труфанов, 1984, 1994]. Кроме того, на поселении Боровлянка 2 зафиксирована немногочисленная группа посуды, по мнению исследователей, хронологически более поздняя, чем красноозерская. Она была соотнесена с журавлевскими древностями [Панфилов и др., 1991, с. 47].

Журавлевский тип керамики впервые был выделен А.Я. Труфановым по материалам поселения Ямсыса VII. Ученый полагал, что подобная посуда хронологически находится между сузгунскими и «крестовыми» древностями и богочановской культурой раннего железного века [Труфанов, 1987]. В более поздней работе речь велась уже о группе памятников с керамикой журавлевского типа, отражающих развитие традиций части сузгунского населения, которое мало подверглось воздействию носителей крестовой керамики [Могильников и др., 1991, с. 217]. В середине 90-х гг. Е.М. Данченко высказал точку зрения, что журавлевские древности генетически связаны с сузгунскими и красноозерскими и представляют собой оригинальный в культурном отношении комплекс, но несмотря на это относил его к начальному этапу богочановской культуры, датированному VI–IV вв. до н.э. [1996, с. 29, 85, 101]. В ее ареал он включал приишимские селища Боровлянка 2 и Борковское городище [Там же, с. 15]. Однако не до конца ясными оставались хронология журавлевских материалов, механизм их формирования (какие именно традиции легли в основу, в какой степени) и трансформации. Недостаточно раскрыт, на наш взгляд, вопрос, почему при явной схожести журавлевской посуды с керамикой эпохи поздней бронзы — переходного времени, не раз отмечаемой автором, первая в итоге соотнесена с комплексами раннего железного века.

В целом исследованные в 80–90-е гг. прошлого века в Приишимье памятники с крестовой керамикой были культурно и хронологически атрибутированы: включены в красноозерский ареал и датированы концом IX — VII в. до н.э. [Панфилов и др., 1991, с. 44; Матвеев, Горелов, 1993, с. 54–55; Полеводов, 2004, с. 221–224]. При исследовании саргатского кургана Абатского 3 могильника Н.П. Матвеевой получены сведения о погребальном обряде красноозерского населения [Матвеева, 1991]. До сих пор эти погребения являются единственными относящимися к этому периоду в Приишимье. В 90-е гг. на рассматриваемой территории проводились комплексные археологические и палеогеографические исследования памятников Мергенского археологического микрорайона. В его рамках были изучены селища Мерген 2, 5, 6. Получены керамические коллекции, инвентарь и материал для реконструкции природной обстановки рассматриваемого периода [Матвеев и др., 1997, с. 192].

В последние десятилетия актуальность проблем, связанных с изучением переходного времени на территории юга Западной Сибири, в целом сохраняется. Это обусловлено исследованиями новых памятников и применением методов, позволивших по-другому оценить уже имеющиеся в распоряжении исследователей источники, уточнить, дополнить и скорректировать многие аспекты их изучения. Произошли изменения и в подходах к оценке этнокультурной обстановки на территории юга Западной Сибири. Полученные материалы продемонстрировали, что на рубеже I–II тыс. до н.э. имело место не только перемещение таежного населения в лесостепь и его последующее взаимодействие с аборигенными группами, отражением которого стали памятники с крестовой керамикой, но и не менее масштабные миграции носителей соседних археологических культур. На этом фоне происходило развитие традиций местного населения [Молодин, Васильев, 2010; Молодин, 2014, с. 61; Зимица, Зах, 2009; Шерстобитова, 2008]. Подобная тенденция в изучении переходного времени характерна и для Приишимья.

Археологической экспедицией ИПОС СО РАН были продолжены раскопки многослойного поселения Мергень 6 [Зах и др, 2008, с. 177–178; Зими́на, Скочина, 2008, с. 187–189]. Начато изучение поселения Марай 1, являющегося крайним южным изученным здесь красноозерским памятником. На нем обнаружен закрытый комплекс переходного времени, образовавшийся в результате пожара, что делает эти материалы особенно ценными для восстановления различных сторон жизни обитателей селища. Получены данные для радиоуглеродного датирования, источники для реконструкции природного окружения, хозяйственной деятельности и домостроительства населения [Цембалюк, 2012, 2015]. После долгого перерыва возобновлены исследования на городище Борки 1, на котором, помимо красноозерских, выявлены журавлевские древности, представленные в том числе закрытым комплексом, связанным с металлопроизводством [Зах и др., 2015a, b]. Активно ведется работа по всестороннему анализу этих материалов, публикация подробных результатов работ — дело ближайшего будущего.

Можно заключить, что к настоящему времени существенно пополнился источниковый фонд для изучения переходного от бронзы к железу времени Приишимья, уточнены многие характеристики культур. Сделан вывод о поэтапном развитии традиций населения этого периода [Зах и др., 2015b, с. 4]. Однако остается нерешенным широкий круг проблем, обусловленных прежде всего многослойным характером многих исследованных памятников. Достаточно сложно выделить материалы, непосредственно связанные с переходным временем, той или иной археологической культурой. Это касается не только орудий труда, палеозоологических коллекций, но и керамических серий. Посуда нескольких декоративных традиций часто стратиграфически или планиграфически не разделяется, тем не менее исследователями на основании орнаментально-морфологических признаков не только выделяются группы керамики, они культурно и хронологически атрибутируются.

Наиболее явно вышеуказанная проблема отразилась в изучении красноозерских древностей Прииртышья. О.С. Шерстобитова предложила относить к ним только инберенские комплексы, характеризующиеся единой, уже сложившейся традицией декора посуды. Их своеобразие определяет сочетание сузгунских, ирменских и восходящих еще к доандроновской бронзе черт. Автор выделила смешанную сузгунско-ирменско-красноозерскую группу керамики и красноозерскую посуду переходного типа, предшествовавшие инберенской [Шерстобитова, 2010b]. Таким образом, получила развитие идея А.Я. Труфанова о хронологическом характере различий красноозерских лесных и лесостепных комплексов, в интервал между хуторборской и инберенской керамическими традициями включены еще два звена. Однако в работе О.С. Шерстобитовой имеются противоречия; в частности, непонятно, каким образом на сосудах более ранней смешанной группы проявились уже сформировавшиеся красноозерские черты, возникшие, по ее же мнению, позднее и на их основе [Там же, с. 30–31]. Предложенная исследователем точка зрения изложена крайне неоднозначно. Не вносит ясность и тот факт, что в основу выделения нескольких групп керамики лег анализ ее декоративно-морфологических признаков, однако сведения о количестве сосудов того или иного типа в публикации отсутствуют.

При сложности культурно-исторических процессов в переходное время, обусловивших своеобразие археологического материала каждого памятника, выделение переходных типов и форм — трудная задача, решение которой требует убедительной аргументации и привлечения к анализу всех красноозерских материалов. На основании изучения древностей переходного времени Приишимья О.Ю. Зими́на полагает, что выделение только инберенских памятников в отдельную культуру ограничивает ее рамки и не позволяет выявить динамику [2015, с. 49]. Проведенный исследователем сравнительный анализ прииртышских и приишимских красноозерских керамических комплексов позволил хронологически дифференцировать последние [Зах, Зими́на, 2014; Зими́на, 2015]. Материалы переходного от бронзы к железу времени Приишимья, несмотря на общую с остальными красноозерскими линию развития традиций, демонстрируют и явное своеобразие, проявившееся в характере орнаментации части некрестовой группы посуды, а также в присутствии значительной доли емкостей, орнаментированных крестовым штампом, и в лесостепной зоне. В этой связи представляет интерес дальнейшее проведение комплексного сравнения приишимских материалов, а также синхронных им древностей с других территорий, что позволит установить общие черты и локальные особенности миграций и реконструировать процессы взаимодействия пришлого и местного населения в переходное от бронзы к железу время. Проблематично атрибутировать общую для многих культур, как лесостепных, так и таежных, гребенчато-ямочную традицию декора сосудов. Отсюда сложность в разде-

Переходное время от бронзового века к железнному на территории Приишимья...

лении красноозерских и сузгунских древностей на ряде памятников, требующая детального стратиграфического и планиграфического анализа особенностей залегания керамики этих культур. Для всех комплексов с крестовой керамикой юга Западной Сибири нерешенной остается проблема истоков этой традиции. Исследования последних лет не позволяют однозначно связывать ее с атлымской культурой [Кокшаров, 2007, с. 53].

Изменился подход к журавлевскими древностям. Появилась точка зрения, согласно которой они представляют собой отдельную археологическую культуру, отражающую отличную от красноозерской линию развития населения южно-таежного Прииртышья. Эта гипотеза основана на различиях журавлевских и богочановских керамических комплексов [Шерстобитова, 2010а, 2011]. Автор гипотезы полагает, что в основе журавлевских черт лежит трансформация автохтонных позднебронзовых элементов при минимальном воздействии крестовой традиции [Шерстобитова, 2011, с. 299]. Таким образом, журавлевские древности, на определенном этапе синхронные инберенским, рассматриваются уже как комплексы переходного времени. Однако многие аспекты, связанные с их формированием и развитием, остаются нераскрытыми. Поэтому версия о самостоятельной журавлевской культуре, ее датировка и происхождение нуждаются в дополнительной аргументации. Решению этой проблемы может способствовать обобщение всех (прииртышских и приишимских) журавлевских материалов и их сравнение с красноозерскими. Не последнюю роль в разрешении вопроса могут сыграть комплексы Борковского городища. Факт расположения в лесостепной зоне Приишимья журавлевских памятников уже опровергает точку зрения омских исследователей о исключительно южно-таежном ареале журавлевской культуры и вывод о двух линиях развития традиций населения эпохи поздней бронзы — южной и северной [Там же], а также ставит вопрос о более серьезном влиянии красноозерских групп на формирование журавлевских традиций.

Для рассматриваемого периода единичны данные о погребальном обряде. Кроме того, следует отметить, что для памятников переходного времени с их специфическими материалами, отражающими смешения и сосуществование разных культурных традиций, актуальна проблема их атрибуции в терминах археологической науки — тип, вариант, культура. Перспективным, на наш взгляд, является анализ источников и в этом направлении. Решению обозначенных и других спорных вопросов будет способствовать изучение новых хорошо стратифицированных археологических памятников переходного периода, в том числе с применением комплексного междисциплинарного подхода. Кроме того, дальнейшие исследования проблематики переходного времени необходимо продолжать в контексте идеи о многолинейной эволюции и поликультурности, что наиболее соответствует характеру археологического материала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 59–76.

Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепной и подтаежной полосы / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов, М.А. Буслова, В.А. Зах, В.А. Могильников. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Кн. изд-во, 1954. 112 с.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Старо-Масляное поселение // ВАН. 1969. Вып. 8. С. 57–64.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1970. С. 12–51.

Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАН. 1969. Вып. 8. С. 138–158.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Зах В.А., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Костомаров В.М., Илюшина В.В. Комплексы переходного от бронзы к железу и раннескифского времени городища Борки 1 в Приишимье // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015а. Вып. 3. С. 132–135.

Зах В.А., Зимица О.Ю. Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 4. С. 47–57.

Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.

- Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015b. № 2. С. 4–14.
- Зими́на О.Ю., Скочина С.Н. Комплекс переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6 в Приишимье // *Исторические чтения памяти М.П. Грязнова*. Омск, 2008. С. 187–189.
- Зими́на О.Ю. Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: ИПОС СО РАН. 2015. № 4. С. 47–57.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Кокшаров С.Ф. Памятники атлымской культуры на реке Ендырь // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск. 2007. № 3. С. 53–62.
- Комарова М.Н. Томский могильник — памятник древней истории лесных племен Западной Сибири // *МИА*. 1952. № 24. С. 7–50.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 196 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Матвеев А.В., Горелов В.В. Основные итоги исследования городища Ефимово 1 // *Проблемы поздней бронзы и переходного времени на Урале и сопредельных территориях*. Уфа, 1991. С. 43–45.
- Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препр. Тюмень. 1993. 75 с.
- Матвеев А.В., Зах В.А., Ларин С.И., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П. Доисторические культуры и палеогеография Мергенского археологического микрорайона // *Археологические микрорайона Западной Сибири*. Омск: ОмГУ, 1997. С. 76–114.
- Матвеева Н.П. Первые погребения переходного периода от бронзового века к железному в лесостепном Приишимье // *Древние погребения Обь-Иртышья*. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 78–84.
- Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я. Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // *РА*. 1991. № 3. С. 196–220.
- Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в западной Барабе (эпоха поздней бронзы — переходное время от эпохи бронзы к железному веку. XIV–VIII века до н.э.) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. № 4. С. 54–63.
- Молодин В.И., Василев С.К. Городище Чича: Аборигены и мигранты: (Традиции хозяйственной деятельности и адаптация к новым условиям) // *УИВ*. 2010. № 2. С. 72–78.
- Панфилов А.Н., Зах В.А., Зах Е.М. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // *Источники этнокультурной истории Сибири*. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 25–50.
- Полеводов А.В. К проблеме культурной идентификации памятников переходного от бронзы к железу времени Приишимья // *Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова*. Омск: ОмГУ, 2004. С. 221–224.
- Сальников К.В. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала // *Из истории Урала*. 1960. С. 3–20.
- Сыркина И.А. Исследование Борковского городища // *АО 1979 г. М.: Наука*, 1980. С. 237.
- Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // *Западная Сибирь в древности и средневековье*. Тюмень: ТюмГУ, 1985. С. 54–68.
- Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // *Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков*. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 103–116.
- Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор 1: (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // *Этнокультурные процессы в Западной Сибири*. Томск: ТГУ, 1983. С. 63–76.
- Труфанов А.Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // *Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий*. Омск: ОмГУ, 1984. С. 57–77.
- Труфанов А.Я. О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // *Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье*. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 85–87.
- Цембалюк С.И. Красноозерский комплекс поселения Марай 1: (Предварительное сообщение) // *Человек и Север: Антропология, археология, экология*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 180–181.
- Цембалюк С.И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // *РА*. 2015. № 3. С. 5–16.
- Шерстобитова О.С. Посуда со смешанными культурными признаками: К вопросу о специфике взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху бронзы // *VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова*. Омск, 2008. С. 129–138.
- Шерстобитова О.С. К вопросу о соотношении журавлевских и инберенских древностей на территории Среднего Прииртышья // *Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний*. Томск: Аграф-Пресс, 2010а. С. 372–374.

Переходное время от бронзового века к железному на территории Приишимья...

Шерстобитова О.С. Красноозерская культура в Среднем Прииртышье: Динамика развития // РА. 2010b. № 3. С. 28–35.

Шерстобитова О.С. Памятники журавлевского типа в Среднем Прииртышье — этап или самостоятельный феномен? // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 298–299.

Yu.V. Kostomarova

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

THE TRANSITION PERIOD FROM THE BRONZE AGE TO THE IRON AGE ON THE TERRITORY OF THE ISHIM RIVER BASIN: RESULTS AND PROBLEMS OF STUDY

The work is aimed at summarizing studies of the transition from the Bronze Age to the Iron Age on the territory of the Ishim river basin. We address this subject for several reasons. Firstly, this period is characterized by increased migration activity of the population, which is reflected in the multicomponent archaeological material and ambiguity in interpretation. Secondly, in archaeological terms, the Ishim river basin has long remained poorly understood, but recent works have significantly changed this situation. There is a need to summarize all available information on the topic under consideration. Therefore, the data on the study of monuments were collected in chronological order; existing points of view on their origin, chronology, and cultural attribution are systematized. The history of the study on the topic is divided into two stages. The first one covers the 60s — the early 80-s of the XX century. In this period, there were occasional studies of the monuments we are interested in, the first publications of their materials and diagrams of historical and cultural development. The lower chronological limit of the second stage can be considered the beginning of 80-s of the last century. Since that time, the field work has been activated, research has acquired a systematic and focused character, there have been debates on the cultural background of the monuments, their history and origin. These trends are ongoing. The paper points out the key challenges and suggests areas for further research.

Key words: the transition period from the Bronze to the Iron Age, the Ishim river basin, cross ceramics, the Krasnoozerka culture, history of the study.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-048-057

REFERENCES

- Abramova M.B., Stefanov V.I., 1985. Krasnoozerskaia kul'tura na Irtyshe [The Krasnoozerka culture at the Irtysh river]. *Arkheologicheskie issledovaniia v raionakh novostroek Sibiri*, Novosibirsk: Nauka, pp. 59–76.
- Bers E.M., 1954. *Arkheologicheskie pamiatniki Sverdlovskia i ego okrestnostei* [Archaeological monuments of Sverdlovsk and its vicinity], Sverdlovsk, 112 p.
- Gening V.F., Evdokimov V.V., 1969. Staro-Maslianskoe poselenie [The settlement of Staro-Maslyanskoe]. *Voprosy arkheologii Urala*, 8, Sverdlovsk, pp. 57–64.
- Gening V.F., Gusentsova T.M., Kondrat'ev O.M., 1970. Periodizatsiia poselenii epokhi neolita i bronzovogo veka Srednego Priirtysh'ia [Periodization of settlements of the Neolithic and the Bronze Age of the Middle Irtysh river basin]. *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: TGU, pp. 12–51.
- Goldina R.D., 1969. Gorodishche Kuchum-Gora [Fortified settlement of Kuchum-Gora]. *Voprosy arkheologii Urala*, 8, Sverdlovsk, pp. 138–158.
- Danchenko E.M., 1996. *Iuzhnotaevzhnoe Priirtysh'e v seredine-vtoroi polovine I tys. do n.e.* [Southern taiga area of the Irtysh river basin in the middle — the second half of the I thousand BC], Omsk: Izdatel'stvo OmGPU, 212 p.
- Koksharov S.F., 2007. Pamiatniki atlymskoi kul'tury na reke Endyr' [Monuments of the Atlym culture on the Endir river]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 3, pp. 53–62.
- Komarova M.N., 1952. Tomskii mogil'nik — pamiatnik drevnei istorii lesnykh plemen Zapadnoi Sibiri [Tomsk burial ground is an ancient monument of the forest tribes of Western Siberia]. *MIA*, no. 1, pp. 7–50.
- Kosarev M.F., 1974. *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ia* [Ancient cultures of the Tomsk-Narym Ob river basin], Moscow: Nauka, 196 p.
- Kosarev M.F., 1981. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri* [The Bronze Age in Western Siberia], Moscow: Nauka, 276 p.
- Matveev A.V., Gorelov V.V., 1991. Osnovnye itogi issledovaniia gorodishcha Efimovo 1 [The main results of the research of the ancient city of Efimovo 1]. *Problemy pozdnei bronzy i perekhodnogo vremeni na Urale i so-predel'nykh territoriakh*, Ufa, pp. 43–45.
- Matveev A.V., Gorelov V.V., 1993. *Gorodishche Efimovo 1* [The fortified settlement of Efimovo 1]. Preprint, Tiumen', 75 p.

Matveev A.V., Zakh V.A., Larin S.I., Driabina L.A., Matveeva N.P., 1997. Doistoricheskie kul'tury i paleogeografiia Mergenskogo arkheologicheskogo mikroraiona [Prehistoric culture and paleogeography of the Menginsky archaeological district]. *Arkheologicheskie mikroraiona Zapadnoi Sibiri*, Omsk: OmGU, pp. 76–114.

Matveeva N.P., 1991. Pervye pogrebeniia perekhodnogo perioda ot bronzovogo veka k zheleznomu v lesostepnom Priishim'e [The first burials of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age in the forest-steppe Ishim river basin]. *Drevnie pogrebeniia Ob'-Irtysh'ia*, Omsk: Izd-vo OmGU, pp. 78–84.

Mogil'nikov V.A., Danchenko E.M., Trufanov A.Ia., 1991. Bogochanovskoe gorodishche i problemy kul'turnoi stratifikatsii lesnogo Priirtysh'ia v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleza [The settlement of Bogdanovskoe and the problem of cultural stratification of the forest Irtysh river basin in the Late Bronze Age and the Early Iron Age]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 96–220.

Molodin V.I., 1995, (ed.) *Arkheologicheskoe nasledie Tiumenskoj oblasti: Pamiatniki lesostepnoi i podtaezhnoi polosy* [Archaeological heritage of Tyumen region: Forest-steppe and subtaiga monuments], Novosibirsk: Nauka, 240 p.

Molodin V.I., 2014. Etnokul'turnaia mozaika v zapadnoi Barabe (epokha pozdnei bronzy — perekhodnoe vremia ot epokhi bronzy k zheleznomu veku. XIV–VIII veka do n.e.) [Ethno-cultural mosaic in West Baraba (Late Bronze Age — the transition period from the Bronze Age to the Iron Age. XIV–VIII centuries BC)]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 4, pp. 54–63.

Molodin V.I., Vasilev S.K., 2010. Gorodishche Chicha: Aborigeny i migranty: (Tradicii hozyajstvennoj deyatel'nosti i adaptatsiya k novym usloviyam) [The settlement of Chicha: Natives and migrants: (Tradition, economic activities and adaptation to new conditions)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no. 2, pp. 72–78.

Panfilov A.N., Zakh V.A., Zakh E.M., 1991. Borovlianka 2 — pamiatnik neolita i perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Nizhnem Priishim'e [Borovlyanka 2, a monument of the Neolithic and the transition period from the Bronze to the Iron Age in the Lower Ishim river basin]. *Istochniki etnokul'turnoi istorii Sibiri*, Tiumen': TiumGU, pp. 25–50.

Polevodov A.V., 2004. K probleme kul'turnoi identifikatsii pamiatnikov perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni Priishim'ia [On the problem of cultural identification of monuments of the transition period from the Bronze to Iron Age in the Ishim river basin]. *Shestye Istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Omsk: OmGU, pp. 221–224.

Sal'nikov K.V., 1960. Nekotorye itogi i problemy izucheniia drevnei istorii Urala [Some results and problems of study of the ancient history of the Urals]. *Iz istorii Urala*, Sverdlovsk, pp. 3–20.

Sherstobitova O.S., 2008. Posuda so smeshannymi kul'turnymi priznakami: K voprosu o spetsifike vzaimodeistviia kul'tur na territorii Srednego Priirtysh'ia v epokhu bronzy [Dishes with mixed cultural characteristics: On the specificity of interaction of cultures on the territory of the Middle Irtysh region in the Bronze Age]. *VII istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova*, Omsk, pp. 129–138.

Sherstobitova O.S., 2010a. K voprosu o sootnoshenii zhuravlevskikh i inberenskikh drevnostei na territorii Srednego Priirtysh'ia [On the ratio of Zhuravlevsky and Inberensky antiquities in the territory of the Middle Irtysh river basin]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchani*, Tomsk: Agraf-Press, pp. 372–374.

Sherstobitova O.S., 2010b. Krasnoozerskaia kul'tura v Srednem Priirtysh'e: Dinamika razvitiia [The Krasnozerka culture in the Middle Irtysh region: Dynamics of development]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 28–35.

Sherstobitova O.S., 2011. Pamiatniki zhuravlevskogo tipa v Srednem Priirtysh'e — etap ili samodostatochnyi fenomen? [Zhuravlevsky type monuments in the Middle Irtysh river basin: A stage or a self-contained phenomenon?]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda*, vol. I, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, pp. 298–299.

Syrkina I.A., 1980. Issledovanie Borkovskogo gorodishcha [Studies of the settlement of Borki]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1979*, Moscow: Nauka, p. 237.

Troitskaia T.N., 1985. Zav'ialovskaia kul'tura i ee mesto sredi lesostepnykh kul'tur Zapadnoi Sibiri [The Zavyalovo culture and its place among the forest-steppe cultures of Western Siberia]. *Zapadnaia Sibir' v drevnosti i srednevekov'e*, Tiumen': TiumGU, pp. 54–68.

Troitskaia T.N., Zakh V.A., Sidorov E.A., 1989. Novoe o zav'ialovskoi kul'ture [New data about the Zavyalovo culture]. *Zapadnosibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznnogo vekov*, Tiumen': TiumGU, pp. 103–116.

Trufanov A.Ia., 1983. Zhertvennoe mesto Khutor Bor 1: (O kul'turno-khronologicheskom svoebrazii pamiatnikov epokhi pozdnei bronzy lesnogo Priirtysh'ia) [The sacrificial place of Khutor Bor 1: (About the cultural and chronological distinction of the sites of Late Bronze Age in the forest part of the Irtysh river basin)]. *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: TGU, pp. 63–76.

Trufanov A.Ia., 1984. Materialy k proiskhozhdeniiu i razvitiuu krasnoozerskoj kul'tury lesostepnogo Priirtysh'ia [The materials about the origin and development of the Krasnozerka culture in the forest-steppe Irtysh river basin]. *Problemy etnicheskoi istorii tiurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Omsk: OmGU, pp. 57–77.

Trufanov A.Ia., 1994. O spetsifike migratsionnykh protsessov v predelakh gamaiuno-molchanovskoi obshchnosti [About the specifics of migration processes within the Gamayun-Molchanovo community]. *Paleodemografiia i migratsionnye protsessy v Zapadnoi Sibiri v drevnosti i srednevekov'e*, Barnaul: AltGU, pp. 85–87.

Переходное время от бронзового века к железнному на территории Приишимья...

Tsembaliuk S.I., 2012. Krasnoozerskii kompleks poseleniia Marai 1: (Predvaritel'noe soobshchenie) [Krasnozerska complex of the settlement of Maray 1: (A preliminary report)]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkhologiya, ekologiya*, 2, Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 180–181.

Tsembaliuk S.I., 2015. Khoziaistvo i byt naseleniia krasnoozerskoi kul'tury (po materialam poseleniia Marai 1 v Nizhnem Priishim'e) [The economy and life of the population of the Krasnozerka culture (based on materials of the settlement of Maray 1 in the Ishim river basin)]. *Rossiiskaia arkhologiya*, no. 3. pp. 5–16.

Zakh V.A., Danchenko E.M., En'shin D.N., Tigeeva E.V., Kostomarov V.M., Ilyushina V.V., 2015a. Kompleksy perekhodnogo ot bronzy k zhelezu i ranneskifskogo vremeni gorodishcha Borki 1 v Priishim'e [Complexes of the transition period from the Bronze to the Iron Age, and the early Scythian time at the settlement of Borki 1 in the Ishim river basin]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkhologiya, ehkologiya*, 3, Tiumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, pp. 132–135.

Zakh V.A., Ilyushina V.V., Tigeeva E.V., En'shin D.N., Kostomarov V.M., 2015b. Zakrytyi zhuravlevskii kompleks gorodishcha Borki 1 v Nizhnem Priishim'e [An indoor Zhuravlevsky complex of the settlement of Borki 1 in the Lower Ishim river basin]. *Vestnik arkhologii, antropologii i étnografii*, no. 2, pp. 4–14.

Zakh V.A., Zimina O.Iu., 2014. Rannii kompleks krasnoozerskoi kul'tury poseleniia Mergen' 2 v Priishim'e [An early complex of the Krasnozerka culture of the settlement of Mergen 2 at the Ishim river area]. *Vestnik arkhologii, antropologii i étnografii*, no. 4, pp. 47–57.

Zakh V.A., Zimina O.Iu., Riabogina N.E., Skochina S.N., Usacheva I.V., 2008. *Landshafty golotsena i vzaimodeistvie kul'tur v Tobolo-Ishimskom mezhdurech'e* [The landscapes of the Holocene and interaction of cultures in the Tobol-Ishim interfluv], Novosibirsk: Nauka, 212 p.

Zimina O.Yu., 2015. Kompleksy krasnoozerskoj kul'tury Ishimo-Irtysh'ya [Complexes of the Krasnozerka culture in the basins of the rivers Ishim and Irtysh]. *Vestnik arkhologii, antropologii i ehtnografii*, no. 4, pp. 47–57.

Zimina O.Iu., Skochina S.N., 2008. Kompleks perekhodnogo vremeni ot bronzy k zhelezu poseleniia Mergen' 6 v Priishim'e [The complex of the transition time from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6 in the Ishim river basin]. *Istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova*, Omsk, pp. 187–189.

Zimina O.Iu., Zakh V.A., 2009. *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov* [The Lower Tobol river basin at the turn of the Bronze and Iron Ages], Novosibirsk: Nauka, 2009, 232 p.

Е.В. Водясов, А.В. Гусев

Томский государственный университет
просп. Ленина, 36, Томск, 654050, РФ
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru
Научный центр изучения Арктики
ул. Республики, 73, Салехард, 629008, РФ
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ЖЕЛЕЗА В НИЖНЕМ ПРИОБЬЕ (по материалам раскопок Усть-Полуя в 2010–2012 гг.)

Впервые публикуются источники по древней черной металлургии, открытые в 2010–2012 гг. на древнем святилище Усть-Полуй (г. Салехард). Археометаллургические объекты Усть-Полуя, датированные III в. до н.э. — I в. н.э., являются самыми древними свидетельствами освоения человеком железодельного производства в Циркумполярной зоне. Открытие нового очага черной металлургии раннего железного века демонстрирует особую модель адаптации человека к условиям Крайнего Севера. Материалы Усть-Полуя позволяют удревнить время появления железодельных технологий на севере Западной Сибири на несколько веков и значительно расширяют географию освоения человеком железа на рубеже эр. Все обнаруженные в 2010–2012 гг. шлаки и развал сыродутного горна приурочены к древнему реу. Сыродутный процесс, вероятно, был организован на его краю. Исходя из толщины стенок горнов (1,5–3 см) и морфологии шлаков предполагается, что мастера Усть-Полуя использовали для плавки небольшие сыродутные горны (не выше 1 м), не имевшие специальных каналов для выпуска текучего шлака. На основе археологических и геохимических анализов делается вывод, что все рассмотренные в статье шлаки получены в ходе разработки одного месторождения железной руды. Свидетельства черной металлургии раннего железного века на широте полярного круга открывают новые горизонты исследований. Авторы не нашли других примеров освоения человеком железа на рубеже эр на столь же отдаленных северных территориях. В Скандинавии, самом крупном металлургическом регионе Северной Европы, железоплавильные объекты в Циркумполярном поясе появляются лишь в средневековье, а горны раннего железного века известны значительно южнее полярного круга. На Аляске, в Северной Канаде и Северо-Восточной Сибири в широтах полярного круга железоплавильные сооружения эпохи раннего железа не обнаружены. Таким образом, возможно, Усть-Полуй на рубеже эр являлся крайним северным местом на планете, где человек освоил производство железа.

Ключевые слова: Усть-Полуй, Циркумполярный пояс, железодельное производство, ранний железный век.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-058-068

Введение

Долгое время в науке преобладало мнение, что древнее население Циркумполярного пояса Азии не имело собственной черной металлургии и все железные изделия в этом регионе являлись значительной редкостью импортного происхождения. Новые археологические источники позволяют пересмотреть это утверждение. В 2010–2012 гг. А.В. Гусевым на древнем святилище Усть-Полуй сделаны удивительные открытия — в культурном слое раннего железного века обнаружены остатки сыродутных горнов и железистых шлаков, доказывающие наличие местной черной металлургии на рубеже эр. Остатки древних производств железа в сибирском Заполярье сегодня являются самой древней и крайней северной находкой, свидетельствующей об освоении человеком железа в Азии.

Данная статья — первая из цикла публикаций, посвященных проблемам древнейшей черной металлургии Северного Приобья.

Характеристика памятника и контекст обнаружения остатков черной металлургии

Древнее святилище Усть-Полуй расположено на севере Западной Сибири, в Нижнем Приобье, на правом коренном берегу р. Полуй, приблизительно в 2 км от ее впадения в Обь (рис. 1).

Административно памятник находится в черте г. Салехарда Ямало-Ненецкого автономного округа, был выявлен при строительстве здания гидропорта и рытье котлована под его фунда-

Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье...

мент в 1932 г. В 1935–1936 гг. впервые раскапывался В.С. Адриановым. В полевых сезонах 2010–2012 гг. на Усть-Полуе впервые обнаружены остатки железодельного производства: фрагменты сыродутных горнов и железистые шлаки [Гусев, 2011, 2013].

Рис. 1. Месторасположение святилища Усть-Полуй.

Доподлинно не известно, были ли найдены шлаки при раскопках В.С. Адриановым. В составленном им полевом отчете за 1935 г. таких сведений нет, но, по устной информации Н.А. Алексашенко, шлаки присутствуют в коллекции 1935–1936 гг., хранящейся в фондах МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). Идентификация этого материала пока не проводилась.

В наших раскопках железистые шлаки впервые обнаружены в 2010 г. в ходе исследований древнего рва. До начала раскопок ров вообще не просматривался в рельефе. В его заполнении оказалось большое количество артефактов, перекрытых древесной щепой, ветками и прутьями, кусками дерна, травой, в результате чего сформировалась мощная линза мерзлой органики. В поперечном разрезе рва с боковых сторон и сверху эта линза оказалась плотно зажата сползавшим обратно в ров выкидом — материковым песком. Этот светлый песок частично перемешался с культурными слоями, которые формировались поверх выкида по краям рва. В перемешанной таким образом массе слоев, помимо прочих находок, оказалось пять фрагментов железистых шлаков, найденных в радиусе более 10 м. Разобценность расположения шлаков, отсутствие следов прокаленного грунта в границах самого рва могут говорить о том, что шлаки были получены в другой части памятника, вероятнее всего на площадке.

В 2012 г. при продолжении раскопок на линии рва обнаружены компактно залегавшие глиняные стенки сыродутного горна и скопления железистых шлаков (рис. 2).

Большинство фрагментов найдено на склоне рва и в его заполнении с ветками, травой и прочей органикой в средней части на дне рва. Все стенки горна сильно ошлакованы с внутренней стороны, что свидетельствует о длительном воздействии температуры выше 1200 °С [Ма-

лолетко и др., 1983, с. 130]. Толщина стенок варьируется от 1,5 до 3 см (рис. 3, 4, 5). Вряд ли такие стенки смогли бы выдержать наземную конструкцию высотой более 1 м.

Рис. 2. Древнее святилище Усть-Полуй.
Схема расположения шлаков и фрагментов горнов.

На одном уровне со стенками горна в рву обнаружено небольшое скопление шлаков (рис. 2). Другие шлаки найдены на южной стороне вдоль края рва.

Приблизительно в 3 м к югу от основного скопления стенок горна, на внутреннем краю рва, зафиксировано пятно углистого слоя размером 2x1,2 м, мощностью до 0,15 м, заполненное сажей и костями рыб. Рядом с углистым пятном найдена фракция шлака. Возможно, данный объ-

Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье...

ект представляет собой место первоначального расположения сыродутного горна. Плохая сохранность, к сожалению, не позволяет сделать более точный вывод.

Исходя из контекста обнаружения стенок горна, шлаков и стратиграфии слоев предполагаем, что после завершения сыродутного процесса древние металлурги оставили горн, который некогда располагался на внутреннем краю рва поверх слоя материкового песка-выкида. Дальнейшие процессы археологизации привели к сползанию шлаков и остатков железоплавильного объекта по склону рва. Определить точное количество горнов на этом участке раскопа невозможно, однако по небольшим скоплениям шлаков и стенок объекта и их планиграфии можно предполагать наличие одного небольшого теплотехнического сооружения, разрушенного еще в древности и сильно разнесенного в пространстве.

Все найденные на Усть-Полуе отходы производства представляют собой железистые шлаки горнового типа, т.е. сформировавшиеся в рабочей камере горна, работавшего без шлаковывпуска (рис. 3, 1–3). В ходе сыродутного процесса шлаки натекали друг на друга в самой нижней части сыродутного горна, превращаясь в монолитные шлаковые конгломераты. Наиболее крупная фракция представляет собой сильножелезистую шлаковую лепешку (проба № 4) диаметром 20 см, весом 2500 г и плотностью $2,6 \text{ г/см}^3$ (рис. 3, 1).

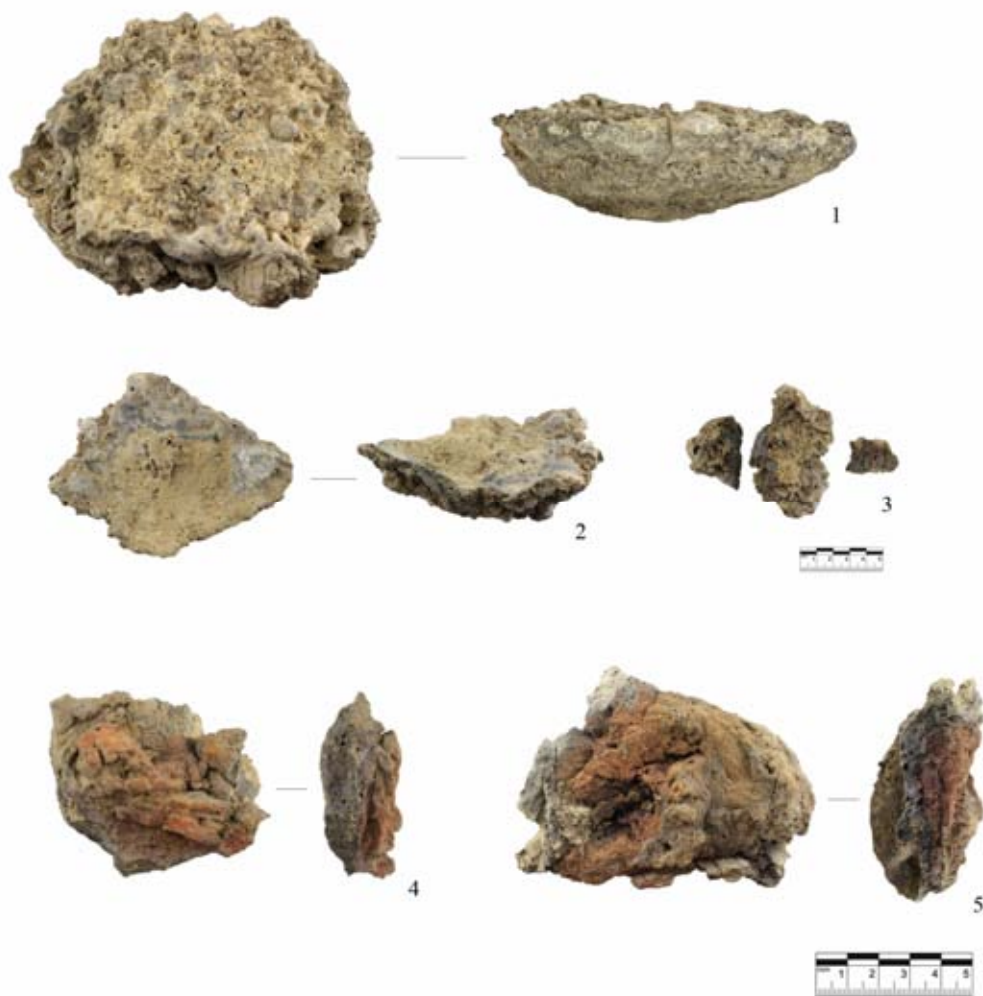

Рис. 3. Усть-Полуй. Основные виды шлаков и глиняных стенок горнов:
1–3 — шлаки; 4, 5 — стенки горнов.

Удельный вес всех шлаков варьируется от 1 до $2,6 \text{ г/см}^3$. В Центре коллективного пользования «Аналитический центр геохимии природных систем» (г. Томск) в 2014 и 2016 гг. были проведены геохимические анализы образцов шлаков из раскопок 2010–2012 гг. (табл. 1–3).

Таблица 1

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа шлаков (в вес. %)

№ пробы	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃ Общ.	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅	S	П.П.П.**	Сумма
1	21,83	0,16	5,16	48,68	0,18	2,48	3,91	1,50	1,37	5,01	0,10	Не опр.	90,37
2	47,58	> 0,01	9,50	8,09	0,37	6,42	9,99	> 0,1	1,37	9,00	0,65	Не опр.	92,95
3	21,54	0,86	12,93	17,63	1,64	7,63	8,26	0,24	7,49	10,48	> 0,01	9,54	98,23
4	29,77	0,25	6,34	44,36	0,17	2,54	7,42	0,72	1,91	2,56	> 0,01	Не опр.	96,06
5	36,47	0,35	6,68	39,05	0,04	3,16	6,43	0,91	1,57	1,59	0,016	Не опр.	96,28
6	33,91	1,04	11,63	17,04	1,06	6,66	11,11	1,36	4,95	6,72	0,04	4,28	99,81

Таблица 2

Основные характеристики шлаков.

№ пробы	Полевой номер	Тип	Вес, г	Объем, см ³	Плотность, г/см ³
1	2979 (УП-2010 г.)	Горновый	221	86	2,5
2	1278 (УП-2010 г.)	»	11	11	1
3	817 (УП-2010 г.)	»	130	70	2
4	2438 (УП-2010 г.)	»	2500	944	2,6
5	1776 (УП-2012 г.)	»	221	86	2,5
6	1591 (УП-2012 г.)	»	104	50	1,7

Таблица 3

Результаты эмиссионного спектрального анализа (в %)

№ пробы	V	Yb	Cr	Ti	Mn	Cu	Ba	Sc	Zr	Ga	Sn	Y	Zn	Sr
П.О.	0,0005	0,00005	0,001	0,0003	0,0003	0,0003	0,020	0,0002	0,003	0,0003	0,0002	0,0005	0,0030	0,020
5	0,0023	0,00018	—	0,024	0,050	0,0100	0,020	0,0005	0,004	0,0006	0,0004	0,0006	0,0067	—
6	0,0025	0,00013	0,001	0,100	0,126	0,0050	0,029	0,0010	0,010	0,0007	—	0,0010	0,0042	0,022

№ пробы	Pb	Ag	As	Co	Ge	Cd	Sb	Bi	P	Nb	La	W	Ni	Be
П.О.	0,0003	0,00001	0,01	0,001	0,0003	0,001	0,003	0,0003	0,08	0,001	0,003	0,03	0,0003	0,0002
5	—	—	—	0,0015	—	0,0035	—	—	—	—	—	—	0,0012	—
6	—	0,00002	—	0,001	—	0,0013	—	—	0,33	—	—	—	0,0012	—

Геохимические анализы позволяют сделать ряд важных выводов. Схожий химический состав шлаков говорит об одном рудном источнике, к которому обращались металлурги Усть-Полуя. К сожалению, самих фракций руды в раскопах 2010–2012 гг. не найдено. Повышенное содержание в шлаках оксида алюминия (среднее содержание 8,7 %) показывает, что в использовавшейся руде также присутствовало значительное количество алюминия [Pleiner, 2000, p. 252]. Это же касается оксида титана. Титан практически в полном виде переходит из руды в шлак. Последнее крайне важно, поскольку для точного установления сырьевой базы по геохимического составу шлаков и железной руды необходимо сравнивать содержания в них трудновосстановимых элементов: титана, молибдена, ванадия, кобальта, хрома, марганца, стронция, бария. Окислы этих элементов практически полностью в течение сыродутного процесса переходят в шлак. Таким образом, указанные элементы являются главнейшим индикатором для установления минерально-сырьевых источников при сравнительном анализе элементов руд и шлаков [Рындина, 1975, с. 118].

Присутствие в шлаках натрия и калия объясняется их переходом в шлак из топлива (древесного угля). Указанные элементы существенно увеличивают температуру плавления шлаков и оказывают влияние на весь ход сыродутного процесса [Pleiner, 2000, p. 252]. Другой важной геохимической особенностью шлаков Усть-Полуя является значительное присутствие оксида фосфора (среднее содержание 5,9 %). Очевидно, что руда содержала фосфор, часть которого перешла в шлак, часть — в произведенный металл. Известно, что фосфор воздействует на главные свойства железа (и стали). По формуле [Piaskowski, 1965; Pleiner, 2000, p. 265] можно подсчитать примерное содержание фосфора в железной продукции Усть-Полуя. Р (металл) = (0,12–0,35)×P₂O₅ (шлак). Таким образом, полученное древними мастерами железо содержало 0,7–2 % фосфора. Такое количество фосфора придает стали значительную хладноломкость при отрицательных температурах, снижает пластичность стали, однако увеличивает сопротивление коррозии [Pleiner, 2000, p. 265]. Добавим, что по количеству фосфора шлаки Усть-Полуя отличаются от всех известных сыродутных археологических шлаков Обь-Иртышья. В таблице

Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье...

химических анализов древних и средневековых шлаков из различных памятников Западной Сибири среднее содержание P_2O_5 составляет всего 0,43 % [Зиняков, 1997, табл. 3], т.е. практически в 14 раз меньше, чем в шлаках Усть-Полуя. Почти такая же картина характерна для кальция. Среднее содержание СаО в усть-полуйских шлаках составляет 7,8 %, тогда как в шлаках с различных поселений Обь-Иртышья — 1,2 % [Там же]. Повышенное содержание кальция и фосфора в шлаках Нижнего Приобья может быть вызвано добавлением костей животных и рыб в качестве металлургических флюсов. К тому же на одной фракции шлака из раскопа 2012 г. обнаружено множество прикипевших костей животных и рыбьих позвонков. Для точной проверки этой гипотезы необходимо найти фракции руды на Усть-Полуе и сравнить их анализы со шлаками, поскольку не исключено, что сама руда может содержать повышенное количество кальция и фосфора.

Другой важный вывод, который можно сделать исходя из геохимических анализов шлаков,— об использовании металлургами Усть-Полуя одинаковых технологий производства железа на разных участках исследованного рва. Шлаки 2010 и 2012 гг. однотипны как в морфологическом, так и в геохимическом отношении (табл. 1–3).

Таким образом, анализ основных элементов в шлаках, а также археологический контекст их обнаружения позволяют говорить, что металлурги, вероятно, обращались к одному месторождению руды. Учитывая компактное залегание одинаковых по составу шлаков и стенок горнов во рву, можно предполагать, что все шлаки, обнаруженные в 2012 г., происходят из одного небольшого наземного горна, работавшего без шлаковывпуска.

Датировка свидетельств черной металлургии и аналогии

Залеганию шлаков в культурном слое сопутствовали многочисленные фрагменты керамики кулайского облика, орнаментированные гребенчатыми и фигурно-штамповыми оттисками. Аналогичная керамика фиксировалась на основной части памятника, что не дает каких-либо оснований для выделения данного объекта на краю рва в особый культурный или хронологический горизонт. Кроме того, на Усть-Полуе встречаются следы посещения памятника в эпоху средневековья, документированные единичными находками. Потому особое внимание уделялось датировке конкретных объектов, представленных на памятнике.

Время сооружения рва относится к I в. до н.э., что выяснено в ходе анализа древесины остатков моста-перехода, раскопанного в 2010 г. Полученная Р.М. Хантемировым в лаборатории дендрохронологии ИЭРЖ УрО РАН абсолютная дата — 77–76 гг. до н.э. [Гусев, Федорова, 2012, с. 21] не слишком расходится с датой 1995 г., определенной в этой же лаборатории по образцу древесины из заполнения рва,— 49–48 гг. до н.э.

Для уточнения времени функционирования объекта из раскопок 2012 г., связанного с железоделательным производством, из заполнения рва в сером углистом слое квадрата P/18 взяты два образца угля. Даты, полученные в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГМ им. В.С. Соболева СО РАН, с учетом калибровки следующие: СОАН-9421 — 2030±105 BP (Cal 178 BC — 75 AD) и СОАН-9422 — 2150±100 BP (Cal 236 BC — 88 BC). Таким образом, они укладываются в III в. до н.э. — I в. н.э. Поскольку все находки остатков железоделательного производства, сделанные в 2010–2012 гг., приурочены именно ко рву, указанный временной диапазон может быть принят за самую раннюю дату организации этого производства. Отметим, что к этому же времени относится основной период накопления культурного слоя на Усть-Полуе.

В истории населения таежной зоны Северо-Западной Сибири рубеж эр стал в определенной мере и культурным рубежом, поскольку в некоторых таежных обществах впервые появляются железоделательное производство и металлообработка [Зыков и др., 1994, с. 47; Зыков, Кокшаров, 2006, с. 121; Пархимович, 2013, с. 103–104]. Обнаружение обломка железного кузнечного молотка в составе кулайского клада I в. до н.э. — II в. н.э. на городище Барсов городок I/20 доказывает, что в это время в Сургутском Приобье уже существовали местные кузнецы [Бельтикова, 2002].

Проблема изучения начального этапа черной металлургии Северо-Западной Сибири осложняется рядом обстоятельств. Как справедливо отметил С.Г. Пархимович, «на огромной территории, включающей Нижнее и Среднее Приобье и Нижнее Прииртышье, в той или иной степени раскопаны сотни памятников раннего железного века и средневековья, однако явные остатки металлургических горнов выявлены лишь на реке Конде и в низовьях Иртыша» [2013, с. 100]. При этом сыродутные горны Нижнего Прииртышья датируются XII в. [Зыков и др., 1994, с. 47], т.е. они как минимум на 1000 лет моложе Усть-Полуя, а объекты черной металлургии в

Кондинском рудно-металлургическом районе не имеют узкой датировки и относятся к широкому периоду I–X вв. [Зиняков, 1997, с. 29]. На сегодняшний день единственный железоплавильный горн, синхронный усть-полуйскому, известен по материалам Саровского городища (Нарымское Приобье) и датируется I в. до н.э. — IV в. н.э. [Чиндина, 1984, с. 105–106, 141]. Саровский и усть-полуйский горны объединяют наземный глиняный купол, одинаковая толщина стенок, небольшая высота и отсутствие шлаковыпускного канала.

В целом если не считать горн с Усть-Полуя и объект из Нарымского Приобья, то все известные сыродутные объекты Северо-Западной Сибири I тыс. н.э. «не выходят» за пределы Сургутского Приобья. Ценность усть-полуйских материалов в общем контексте изучения черной металлургии в том, что они значительно расширяет географию освоения человеком железа в северном направлении. Не менее значимо и то, что источники Усть-Полуя позволяют удревнить время появления технологий железоделательного производства в Приполярье. До обнаружения археометаллургических объектов на Усть-Полуе крайними северными и древними источниками (достоверно датированными) по черной металлургии в Западной Сибири считались кузны первой половины I тыс. н.э., находящиеся в бассейне р. Большой Юган Сургутского Приобья [Чемякин, 2011]. На Ямале древнейшие следы черной металлургии до открытия усть-полуйского горна зафиксированы на городище «Бухта Находка» и относятся к периоду XII–XIV вв. [Кардаш, 2011, рис. 47].

Открытие свидетельств черной металлургии эпохи раннего железа на широте Северного полярного круга, безусловно, является научной сенсацией. Мы не смогли найти других примеров освоения человеком производства железа на рубеже эр на столь же отдаленных северных территориях. В Скандинавии, самом крупном металлургическом регионе Северной Европы, железоплавильные объекты в Циркумпольном поясе появляются лишь в средневековье, а горны раннего железного века известны значительно южнее полярного круга [Stenvik, 2003, fig. 2, p. 125]. На Аляске, в Северной Канаде и Северо-Восточной Сибири в широтах полярного круга железоплавильные сооружения раннего железного века вовсе не обнаружены. Таким образом, возможно, Усть-Полуя является крайним северным местом на планете, где человек освоил производство железа уже на рубеже эр.

Проблема определения рудной базы Усть-Полуя

Открытие древнейших свидетельств черной металлургии в Северном Приобье закономерно приводит нас к вопросу о рудном сырье, на котором базировалась местная черная металлургия. Многочисленные материалы по освоению человеком железа в различных регионах Евразии демонстрируют приуроченность производственных площадок к выходам железных руд [Водясов, 2015; Зиняков, 1997; Сунчугашев, 1979]. Представляется возможным, что такая же ситуация была характерна для первых сибирских металлургов Приполярья. Подобная приуроченность объясняется слишком трудоемким и маловероятным процессом доставки рудного сырья из отдаленных районов к производственным объектам.

Исходя из общей модели освоения человеком железорудных ресурсов в пределах занимаемой им ниши мы предполагаем, что металлурги Усть-Полуя добывали руду в окрестностях современного Салехарда. Рассмотрим известные железорудные источники этого района. В начале 1950-х гг. Полярно-Уральской комплексной экспедицией были открыты десятки железорудных проявлений на Полярном Урале [Ремезов и др., 2014, с. 94–95]. Проявления руды сосредоточены в пределах Обской железорудной зоны, расположенной в виде узкой полосы субмеридионального простираения на восточном склоне Урала [Программа..., 2008, с. 14] северо-западнее Усть-Полуя. Обская железорудная зона включает два рудных района: Усть-Конгорский и Новогодненский. В Усть-Конгорском районе ближайшие к Усть-Полуя выходы руды, открытые геологами, находятся на расстоянии 50–60 км западнее археологического памятника и называются «рудопоявление Рудная Горка I». В этом же районе примерно в 100 км от Усть-Полуя находится проявление качественных магнетитовых руд Рудная Горка III, где среднее содержание Fe составляет 55,2 % [Ремезов и др., 2014, с. 95].

Другая группа проявлений магнетитовых руд со средним содержанием железа около 50 % известна в Новогодненском рудном районе [Программа..., 2008, с. 21–22] в 35–40 км севернее Усть-Полуя.

Нельзя забывать, что между современным и древним освоением железных руд есть большие различия. Первое заключается в доступности и способе добычи руды. Древние металлурги в технических условиях своего времени могли найти только те руды, которые непосредственно выходили на поверхность либо залежали неглубоко под землей. Например, руды некоторых проявлений Усть-

Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье...

Конгорского района выходят на современную поверхность и теоретически могут рассматриваться как источники для древней металлургии. Другой случай — месторождения Новогодненского района, где глубина залегания руд доходит до 600 м [Программа..., 2008, с. 21]. Соответственно такие месторождения не могли служить древними минерально-сырьевыми ресурсами.

Другое различие заключается в количестве (запасах) руды. Геологов прежде всего интересуют месторождения, имеющие современное промышленное значение. Так, многие железорудные рудопроявления Усть-Конгорского района не представляют промышленного интереса [Ремезов и др., 2014, с. 95], однако подобные рудопроявления вполне могли обеспечивать объемы древней металлургии. Поэтому нельзя отрицать существование небольших проявлений железной руды, которые могут быть незначимы для современной экономики или вовсе не замечены геологами, но вполне могли разрабатываться в предшествующие эпохи [Леньков, Щека, 1982, с. 202; Рыбаков, 1948, с. 124; Tylecote, 1962, p. 175].

Приведем характерный пример. Когда геологи в 1943 г. искали железную руду в верховьях Оби, они предположили, что на этом участке (север Новосибирской и юг Томской области), ввиду благоприятных мест для генезиса железных руд, должно встречаться множество обособленных рудных тел, выходящих на дневную поверхность [Сидоров, 1943, с. 21]. Через несколько лет их предположение полностью подтвердилось — в 1949 г. геологи В.А. Хахлов и Л.Л. Рагозин открыли на юге Томской области Киреевское проявление сидерита, бывшее железорудной базой для местного средневекового населения на протяжении нескольких веков [Водясов, 2015]. Другой пример — археолог Н.М. Зиняков открыл у д. Козюлино неизвестные геологам рудопроявления и пришел к выводу, что залежи болотных руд служили сырьевыми источниками для средневековой черной металлургии в низовьях р. Томь [Зиняков, 1997, с. 49].

Таким образом, по имеющимся данным мы рассматриваем две возможные минерально-сырьевые базы древней металлургии Усть-Полуя. Первая находится на восточных склонах Полярного Урала в 50–100 км от памятника. Магнетитовые руды уральских рудопроявлений качественны и полностью пригодны для получения железа, однако проблема заключается в значительной удаленности этих ресурсов от Усть-Полуя. Если бы на памятнике имелись многочисленные свидетельства черной металлургии, говорящие о том, что металлурги постоянно и в больших объемах обращались к рудному сырью, мы бы исключили версию Полярного Урала в качестве минеральной базы. Однако, учитывая эпизодическую встречаемость шлаков в культурном слое и отсутствие мощного металлургического центра, нельзя отрицать, что в каких-то редких случаях плавильщики Усть-Полуя могли совершать далекие поездки за железной рудой. Теоретически даже за один рейд (конечно, используя транспорт) можно было добыть руды, которой бы хватило, чтобы получить все известные на Усть-Полуе железистые шлаки.

Другие возможные рудные источники могут находиться в непосредственной близости от Усть-Полуя в бассейне Нижней Оби. Древние металлурги могли освоить небольшие рудопроявления, выходящие на поверхность, которые не представляют современного промышленного интереса и неизвестны геологам. Приведенные выше примеры таких рудопроявлений в верховьях Оби позволяют рассматривать эту версию как основную. Для более точных выводов необходимо совместное с геологами археологическое обследование низовий Оби и ее притоков в радиусе до 15 км от Усть-Полуя. Подобные комплексные работы в Приобье проведены лишь на территории Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области. В результате этих исследований выявлена рудная база населения урочища Шайтан, что позволило пересмотреть многие вопросы, касающиеся роли черной металлургии в жизни средневекового населения Верхнего Приобья [Коноваленко и др., 2010; Водясов, 2013; Водясов, Зайцева, 2010; Зайцева, Водясов, 2013; Vodyasov et al., 2015].

Заключение

Обнаруженные источники по черной металлургии в Северном Приобье сегодня в большей степени ставят вопросы, чем дают ответы. Выше уже отмечена проблема поиска рудной базы. Удачей стала бы находка фракций руды на территории Усть-Полуя для ее сравнения со шлаками и известными месторождениями в округе. Не менее значим вопрос о причинах и возможных культурных импульсах, приведших к возникновению в Приполярье местной металлургии железа.

Помимо этой интереснейшей темы возникает вопрос о корректировке периодизации раннего железного века и географии освоения человеком железа для севера Западной Сибири. Та-

ким образом, открытие древнейших следов производства железа формирует новую научную область в исследовании металлургии Северной Азии.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00329 мол_а. Авторы статьи выражают благодарность сотрудникам Центра коллективного пользования «Аналитический центр геохимии природных систем» Томского государственного университета Е.М. Асочаковой, Е.Д. Агаповой и Д.Е. Бабенкову за проведение геохимических анализов шлаков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бельтикова Г.В.* Кулайский клад с Барсовой Горы // Клады: Состав, хронология, интерпретация: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2002. С. 203–206.
- Водясов Е.В.* Начало освоения железорудных месторождений Обь-Томского междуречья // Вестн. ТГУ. История. 2013. № 6 (26). С. 126–129.
- Водясов Е.В.* Железорудные месторождения в средневековом культурном ландшафте Томского Приобья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 172–176.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В.* Металлургический шлак как археологический источник: Проблемы и перспективы изучения // Культура как система в историческом контексте: Опыт Зап.-Сиб. археол.-этногр. совещаний: Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 400–403.
- Гусев А.В.* Археологические исследования памятника «Комплекс памятников эпохи позднего железа: Городище, жертвенное место (городище Усть-Полуй)» в 2012 году: Отчет о НИР. Салехард, 2013. 178 с.
- Гусев А.В.* Комплексные археологические исследования городища (жертвенного места) Усть-Полуй в 2010 году: Отчет о НИР. Салехард, 2011. 284 с.
- Гусев А.В., Федорова Н.В.* Древнее святилище Усть-Полуй: Конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард, 2012. 59 с.
- Древняя история Нижнего Приобья.* М., 1953. 360 с. (МИА; № 35).
- Зайцева О.В., Водясов Е.В.* Экспериментальное моделирование средневековых технологий получения железа (по материалам Обь-Томского междуречья) // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век: Материалы междунар. полевой конф. Ульяновск: Печатный двор, 2013. С. 231–236.
- Зиняков Н.М.* История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 276 с.
- Зиняков Н.М.* Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири: Учеб. пособие для вузов по специальности «Археология». Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.* Угорское наследие: Древности Западной Сибири в собрании Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.* Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 114–134.
- Кардаш О.В.* Городок сихиртя в бухте Находка: (Первые результаты исследования). Нефтеюганск: Институт археологии севера; Екатеринбург: АМБ, 2011. 60 с.
- Коноваленко С.И., Асочакова Е.М., Барсуков Е.В., Зайцева О.В.* Вещественный состав шлаков и руд железодельательного производства на территории Шайтанского комплекса средневековых археологических памятников в Томском Приобье // Минералогия техногенеза-2010. Миасс: Имин УрО РАН, 2010. С. 196–206.
- Леньков В.Д., Щека С.А.* Опыт выявления сырьевой базы чжурчженской металлургии по данным физико-химических анализов // СА. 1982. № 1. С. 195–204.
- Малолетко А.М., Мананков А.М., Паскаль Ю.И., Плетнева Л.М.* Железодельательное производство в низовье Томи в позднем средневековье // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1983. С. 115–136.
- Пархимович С.Г.* Поселение Усть-Камчинское 2 на реке Малый Салым: (К проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири) // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РНЮганскнефтегаз». Екатеринбург: Магеллан, 2013. С. 94–115.
- Программа социально-экономического развития муниципального образования Приуральский район до 2013 г. и Концепция развития муниципального образования Приуральский район до 2020 г.* Гл. 1: Информационно-аналитический отчет о социально-экономическом положении Приуральского района. Тюмень; Аксарка, 2008. 268 с.
- Ремизов Д.Н., Шишкин М.А., Григорьев С.И., Косьянов А.О. и др.* Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:200 000 (цифровое издание). Сер. Полярно-Уральская. Л. Q-41-XVII (р. Танью). Объяснительная записка. СПб.: Картогр. ф-ка ВСЕГЕИ, 2014. 198 с.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1948. 793 с.
- Рындина Н.В.* Результаты петрографического и спектрального исследования руды и шлаков с поселения Оймак // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 114–118.

Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье...

- Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии (эпоха железа). Новосибирск: Наука, 1979. 191 с.
- Чемякин Ю.П. Древнейшие кузны в таежном Приобье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М: Вел. Новгород, 2011. Т. II. С. 110–111.
- Piaskowski J. Correlation between the phosphorus content in iron ore or slag and that in bloomery iron // *Archaeologia Polona*. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1965. Vol. VIII. P. 83–103.
- Pleiner R. Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. Archeologický ústav AVČR. 2000. 400 p.
- Stenvik Lars F. Iron Production in Scandinavian Archaeology // *Norwegian Archaeol. Review*. 2003. Vol. 36, no. 2. P. 119–134.
- Tylecote R. Metallurgy in archaeology. L.: Edward Arnold (Publishers) LTD, 1962. 387 p.
- Vodyasov Ye., Zaitseva O.V., Pushkaryov A.A., Barsukov Ye.V. Shaitan medieval mining and metallurgical complex (Western Siberia, 10th–17th centuries) // *Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*. Abakan; Ehime: Ehime Univ. Press, 2015. Vol. 1. P. 145–152.

E.V. Vodyasov, An.V. Gusev

Tomsk State University
prospect Lenina 36, Tomsk, 654050, Russian Federation
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru
Scientific Research Center of the Arctic
Republic st., 73, Salekhard, 629008, Russian Federation
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

THE EARLIEST EVIDENCE OF IRON METALLURGY IN THE LOWER OB RIVER REGION (source: Ust-Polui excavations in 2010–2012)

For the first time, the article reveals the ancient iron metallurgy sources discovered in 2010–2012 in the sacrifice site of Ust-Polui (Salekhard). Ust-Polui archaeometallurgical objects date back to the 3rd century BC — 1st century AD and they are the earliest evidence of ferrous metallurgy in the Circumpolar zone. Discovery of the new Early Iron Age ferrous metallurgy site demonstrates the specific way of human adaptation to the conditions of Extreme North. Ust-Polui materials push the origins of metallurgic technologies in the North of Western Siberia virtually several centuries back in time and significantly expand the geography of ferrous metallurgy at the cusp between the eras. All bloomery slag and ruins discovered in 2010–2012 were associated with an ancient moat, at the edge of which the bloomery process must have been organized. Basing on the thickness of bloomery walls (1,5–3 cm) and slag morphology, it is suggested that Ust-Polui metallurgists used small smelting furnaces (1 m high at the most) without special canals for draining liquid slag. Archaeological and geochemical analysis proves that all slag described in this article was produced as a result of developing the same iron ore deposit. The new evidence of Early Iron Age ferrous metallurgy at the Arctic Circle opens up new horizons for research. We have not seen any other similar evidence of ferrous metallurgy that far North at the cusp of the epochs. It was only in the Middle Ages that smelting furnaces began to appear in the Circumpolar zone of Scandinavia, the largest metallurgic region of Northern Europe, and furnaces of the Early Iron Age were found much further South from the Arctic Circle. No Early Iron Age smelting furnaces were discovered at the Arctic Circle latitude of Alaska, Northern Canada or North-Eastern Siberia. Therefore, Ust-Polui is probably the most Northern point on the Earth where ferrous metallurgy was developed by ancient people.

Key words: Ust-Polui, Circumpolar zone, iron production, the Early Iron Age.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-058-068

REFERENCES

- Bel'tikova G.V., 2002. Kulaiskii klad s Barsovoi Gory [Kulaysky treasure of Barsova Gora]. *Klady: Sostav, khronologiya, interpretatsiya: Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii*, St. Petersburg, pp. 203–206.
- Chemiakin Iu.P., 2011. Drevneishie kuzni v taezhnom Priob'e [The oldest blacksmith objects in the taiga Ob Region]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda*, vol. II, St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod, pp. 110–111.
- Gusev A.V., Fedorova N.V., 2012. *Drevnee sviatilishche Ust'-Polui: Konstruktsii, deistviia, artefakty. Itogi issledovaniia planigrafii i stratigrafii pamiatnika: 1935–2012 gg.* [The ancient sacrificial area of Ust-Polui: Constructions, actions, artifacts. The research results of planigraphy and stratigraphy of the site], Salekhard, 59 p.
- Kardash O.V., 2011. *Gorodok sihirta v buhte Nahodka: (Pervye rezul'taty issledovaniia)* [A Sihirta Town in the «Nakhodka» Bay: (The first results of the study)], Neftejugansk: Institut arheologii severa; Ekaterinburg: AMB, 60 p.
- Konovalenko S.I., Asochakova E.M., Barsukov E.V., Zaitseva O.V., 2010. Veshchestvennyi sostav shlakov i rud zhelezodelatel'nogo proizvodstva na territorii Shaitanskogo kompleksa srednevekovykh arkheologicheskikh pamiatnikov v Tomskom Priob'e [Material composition of slag and iron-ore production in Shaitansky complex of Medieval archaeological sites in the Ob River Region near Tomsk]. *Mineralogiia tekhnogeneza*, Miass: Imin, UrO RAN, pp. 196–206.

Len'kov V.D., Shcheka S.A., 1982. Opyt vyavleniia syr'evoi bazy chzhurchzhen'skoi metallurgii po dannym fiziko-khimicheskikh analizov [Experience in identifying resource base of Jurchen metallurgy according to the physico-chemical analysis]. *Sovetskaia arkheologija*, no. 1, pp. 195–204.

Maloletko A.M., Manankov A.M., Paskal' Iu.I., Pletneva L.M., 1983. Zhelezodelatel'noe proizvodstvo v nizov'e Tomi v pozdnem srednevekov'e [Iron production in the lower reaches of the Tom River in the Late Middle Ages]. *Drevnie gorniaki i metallurgi Sibiri*, Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 115–136.

Parkhimovich S.G., 2013. Poselenie Ust'-Kamchinskoe 2 na reke Malyi Salym: (K probleme voznikoveniia chernoii metallurgii v Severo-Zapadnoi Sibiri) [The settlement of Ust-Kamchinskoe 2 on the Maly Salym river: (On the problem of beginning of the steel industry in North-Western Siberia)]. *Drevnee nasledie Srednei Obi na territorii khoziaistvennogo osvoeniia OOO «RNluganskneftegaz»*, Ekaterinburg: Magellan, pp. 94–115.

Piaskowski J., 1965. Correlation between the phosphorus content in iron ore or slag and that in bloomery iron. *Archaeologia Polona*, vol. VIII, Wroclaw; Warszawa; Krakow, pp. 83–103.

Pleiner R., 2000. *Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters*. Archeologický ústav AVČR, 400 p.

Remizov D.N., Shishkin M.A., Grigor'ev S.I., Kos'ianov A.O. et al., 2014. *Gosudarstvennaia geologicheskaja karta Rossijskoi Federatsii. Masshtab 1:200 000 (tsifrovoe izdanie). Seriya Poliarno-Ural'skaia. List Q-41-XVII (r. Tan'iu). Ob'iasnitel'naia zapiska* [State geological map of the Russian Federation. Scale 1: 200 000 (digital edition). Series Polar Ural. Q-41-XVII Sheet (Tanyu river). Explanatory letter], St. Petersburg: Kartograficheskaja fabrika VSEGEI, 198 p.

Rybakov B.A., 1948. *Remeslo Drevnei Rusi* [Craft of ancient Russia], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 793 p.

Ryndina N.V., 1975. Rezultaty petrograficheskogo i spektral'nogo issledovaniia rudy i shlakov s poseleniia Oimak [Results of the petrographic and spectroscopic study of ore and slags from the settlement of Oymak]. *Arkheologija Severnoi i Tsentral'noi Azii*, Novosibirsk: Nauka, pp. 114–118.

Stenvik Lars F., 2003. Iron Production in Scandinavian Archaeology. *Norwegian Archaeological Review*, vol. 36, no. 2, pp. 119–134.

Sunchugashev Ia.I., 1979. *Drevniaia metallurgija Khakasii (epokha zheleza)* [Ancient metallurgy of Khakassia (Iron Age)], Novosibirsk: Nauka, 191 p.

Tylecote R., 1962. *Metallurgy in archaeology*, London: Edward Arnold (Publishers) LTD, 387 p.

Vodyasov E.V., 2013. Nachalo osvoeniia zhelezorudnykh mestorozhdenii Ob'-Tomskogo mezhdurech'ia [The Beginning of development of iron ore deposits in Ob-Tomsk region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istorija*, no. 6 (26), pp. 126–129.

Vodyasov E.V., 2015. Zhelezorudnye mestorozhdeniia v srednevekovom kul'turnom landshafte Tomskogo Priob'ia [Iron ore deposits in the medieval cultural landscape in the Ob River Region near Tomsk]. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia*, Barnaul; Omsk: Nauka, pp. 172–176.

Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., 2010. Metallurgicheskii shlak kak arkheologicheskii istochnik: Problemy i perspektivy izuchenii [Metallurgical slag as an archaeological source: Problems and prospects of study]. *Kultura kak sistema v istoricheskoi kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniia: Materialy XV Mezhdunarodnoi Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii*, Tomsk: Agraf Press, pp. 400–403.

Vodyasov Ye., Zaitseva O.V., Pushkaryov A.A., Barsukov Ye.V., 2015. Shaitan medieval mining and metallurgical complex (Western Siberia, 10th–17th centuries). *Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*, vol. 1, Abakan; Ehime: Ehime University Press, pp. 145–152.

Zaitceva O.V., Vodyasov E.V., 2013. Eksperimental'noe modelirovanie srednevekovykh tekhnologii polucheniia zheleza (po materialam Ob'-Tomskogo mezhdurech'ia) [Experimental study of medieval iron production (based on archaeological data of the Tomsk-Ob interfluvial area)]. *Eksperimental'naia arkheologija. Vzgliad v XXI vek: Materialy mezhdunarodnoi polevoi konferentsii*, Ul'ianovsk: Pechatnyi dvor, pp. 231–236.

Zbruev A.V., 1953, (ed.). *Drevniaia istoriia Nizhnego Priob'ia. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [The ancient history of the Lower Ob River Region. Materials and research on archeology of the USSR], no. 35, Moscow, 360 p.

Ziniakov N.M., 1988. *Istorii chernoii metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaia* [The History of iron metallurgy and blacksmithing of ancient Altai], Tomsk: Izd-vo TGU, 276 p.

Ziniakov N.M., 1997. *Chernaia metallurgija i kuznechnoe remeslo Zapadnoi Sibiri: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spetsial'nosti «Arkheologija»* [Iron metallurgy and blacksmithing of Western Siberia: A university textbook in «Archaeology»], Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 368 p.

Zykov A.P., Koksharov S.F., 2006. Raskopki Endyrskogo VIII poseleniia v 2004 g. [2004 Excavations of the settlement of Endyrskoe VIII]. *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo*, 3, Tomsk; Hanty-Mansijsk: Izd-vo TGU, 2006, pp. 114–134.

Zykov A.P., Koksharov S.F., Terekhova L.M., Fedorova N.V., 1994. *Ugorskoe nasledie: Drevnosti Zapadnoi Sibiri v sobranii Ural'skogo universiteta* [Ugrian heritage: West Siberian Antiquities from the Collection of Ural University], Ekaterinburg: Vneshtorgizdat, 159 p.

АНДРЕЕВСКАЯ ОЗЕРНАЯ СИСТЕМА (гидрология и использование природных ресурсов по археологическим и картографическим материалам XVIII–XX вв.)¹

Рассматриваются колебания водного режима в Андреевской озерной системе, и в частности в районе Большого Андреевского острова (БАО), являющегося своеобразным индикатором этих колебаний. Судя по картографическим материалам, БАО то соединялся с «материком», то становился полноценным островом, при этом уровень воды в озерной системе мог меняться, вероятно, в пределах 2,0–2,5 м. Изменение водного режима приводило к смене ландшафтов, вместе с тем аридизация и гумидизация климата определяли первенство хозяйственных направлений в системах жизнеобеспечения коллективов с присваивающей и производящей экономикой. Так, обводнение способствовало расцвету присваивающих форм — охоты и рыболовства, а с аридизацией в середине II тыс. до н.э. начинается развитие скотоводства и, возможно, земледелия на территории Андреевской озерной системы. Кроме того, изменение водного режима отражалось на традиционных хозяйственных занятиях, прежде всего ловле рыбы. В периоды большой воды местное население использовало речки и проточки, впадающие в озера и соединяющие их между собой и с р. Дуван, на которых могли устраиваться запоры. В засушливые периоды запорами, вероятно, перегораживались сузившиеся переймы и р. Дуван. Во все периоды, видимо, применялись сети и ловушки.

Ключевые слова: Андреевская озерная система, Большой Андреевский остров, гидрологический режим, аридизация, гумидизация, присваивающие, производящие формы хозяйства.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-069-078

Человек во все исторические периоды тесно взаимодействовал с природным окружением, изменения которого приводили к изменениям в социально-экономической жизни обществ, в том числе посредством миграционных процессов. Ландшафтная нестабильность, по мнению большинства палеогеографов, связана с периодическим чередованием сухих (аридных) и влажных (гумидных) климатических фаз, что подтверждается как археологическими источниками, так и данными исторического времени [Косарев, 1976, 1981]. На основе картографических материалов XVIII–XX вв. рассмотрим колебания водного режима и ландшафтные изменения на территории Андреевской озерной системы, расположенной в междуречье Туры и Пышмы недалеко от их слияния.

Особенности гипсометрического положения археологических памятников, наличие в подтаежной зоне комплексов, характерных для степей, и, наоборот, «лесных» материалов в лесостепи свидетельствуют о значительных климатических колебаниях (аридизации и гумидизации) в эпоху голоцена, в частности, в пределах Северной Евразии. На территории Западной Сибири достаточно четко прослеживаются три крупные климатические перестройки — в начале атлантического периода, в середине II и в I тыс. до н.э. Две первые связаны с аридизацией климата, последняя — с глубокой гумидизацией. В засушливые периоды, пришедшие на начало неолита и эпоху бронзы (алакульское и федоровское время), мигрировавшее с юго-запада в Западную Сибирь население проживало в поселках, располагавшихся на пойменных участках, непосредственно рядом с руслом, для восполнения нехватки воды в жилищах эпохи бронзы сооружались колодцы. В гумидную фазу остатки местного позднебронзового населения, смешавшегося с северными пришельцами — носителями посуды с крестовой орнаментацией, в условиях, вероятно, частых половодий осваивали надпойменные террасы. Отмеченные про-

¹ При поддержке гранта РФФИ № 16-06-00260 «Древнее население на берегах проточных озер: динамика освоения и жизнеобеспечение (на примере Андреевской озерной системы в Туро-Пышминском междуречье)».

цессы происходили на всех южно-таежных и лесостепных западно-сибирских территориях, и в частности на территории Андреевской озерной системы.

Система включает в себя взаимосвязанные озера Большое и Малое Андреевское, Грязное, Песьяное, Буторлыга, соединенные р. Дуван с р. Пышмой. Озера Чепкуль и Мостовое соединяются с Дуваном проточками, в настоящее время уничтоженными. Еще одна группа водоемов — Винное, Круглое, Кыртыма и Нарык не соединены, но между ними и ранее перечисленными озерами находятся низинные участки, которые при сильной обводненности могли связывать воедино все водоемы Андреевской системы. Скорее всего, в такие периоды водой заполнялись заболоченные котловины и рямы, расположенные к юго-западу от оз. Чепкуль, а также заболоченные старичные озера и протоки. С системой сопряжены и небольшие речки, впадающие в Андреевские озера, среди них выделяются Бакешеевка, Таловка, Железенка, Язевка и другие; последняя, наиболее крупная, соединяла Лебяжье и два безымянных озера с Большим Андреевским (рис. 1).

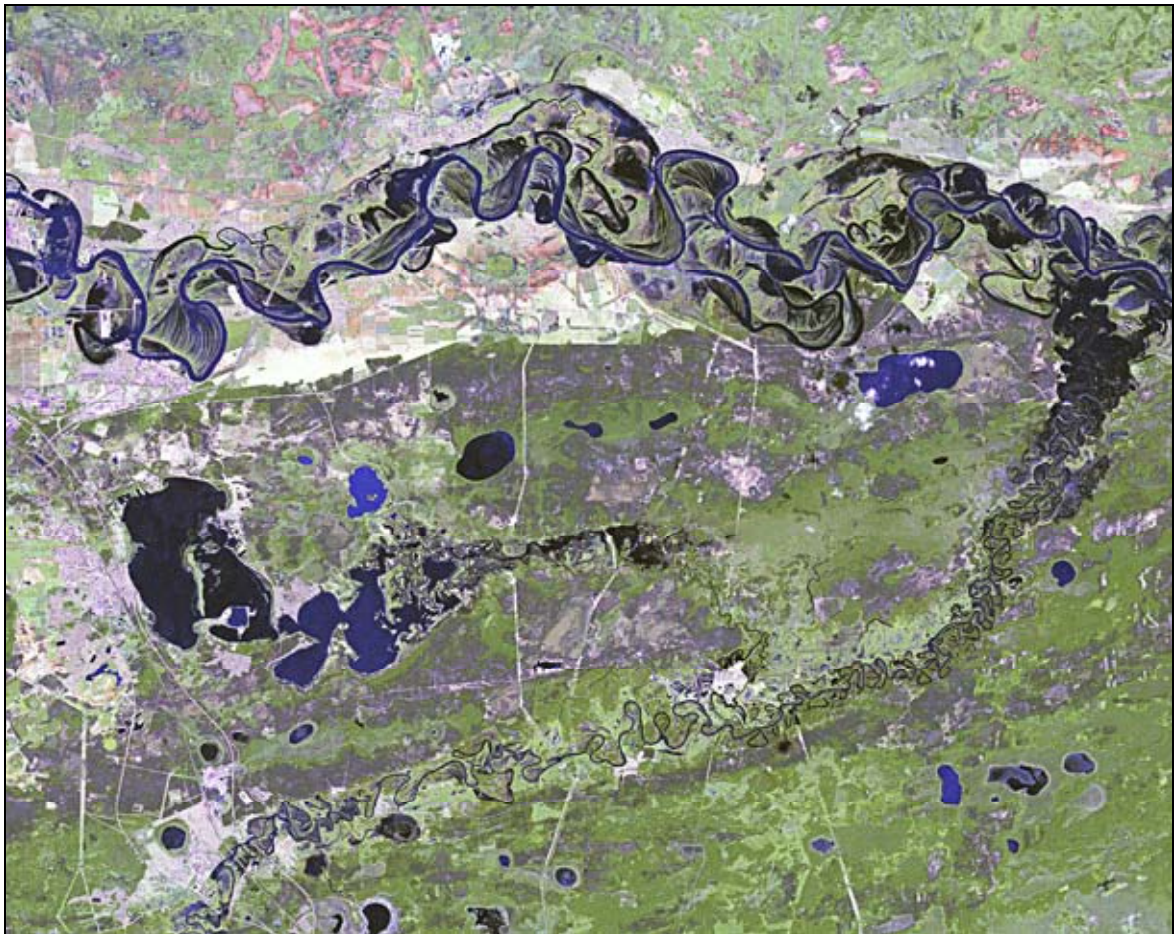

Рис. 1. Андреевская озерная система. Снимок со спутника Landsat 7 (сделан 3 июля 2002 г., разрешение 15 м, масштаб 1:50 000).

Для изучения палеоклиматических процессов, происходивших на протяжении эпохи голоцена, большое значение имеют картографические материалы XVII–XX вв., по которым можно проследить колебания уровня воды в озерах Андреевской системы, в частности Большого и Малого Андреевских и оз. Чепкуль, за последние три столетия. Индикаторами изменения уровня озер служат Большой Андреевский остров (БАО) и остров на Чепкуле: первый в периоды малой обводненности становится полуостровом, второй увеличивает свою площадь. Рассмотрим картографические данные, свидетельствующие об этих изменениях.

Наиболее ранним источником информации по обводненности Андреевской озерной системы является карта окрестностей Тюмени, составленная С.У. Ремезовым к 1701 г. [Чертежная

Андреевская озерная система (гидрология и использование природных ресурсов...)

книга..., 2003, с. 12]. По ней можно уверенно судить о высокой воде: Большой «остров» (на карте — Янбаев, по названию Янбаевских Юрт) показан почти в центре Большого и Малого Андреевских озер. Скорее всего, в это время были залиты практически все низины, которые соединяют озера системы, а также пойма р. Дуван и древние старицы. Наполнены водой поймы речек, впадающих в озера, а оз. Кыртыма соединяется заполненной водой низиной с оз. Грязным (рис. 2).

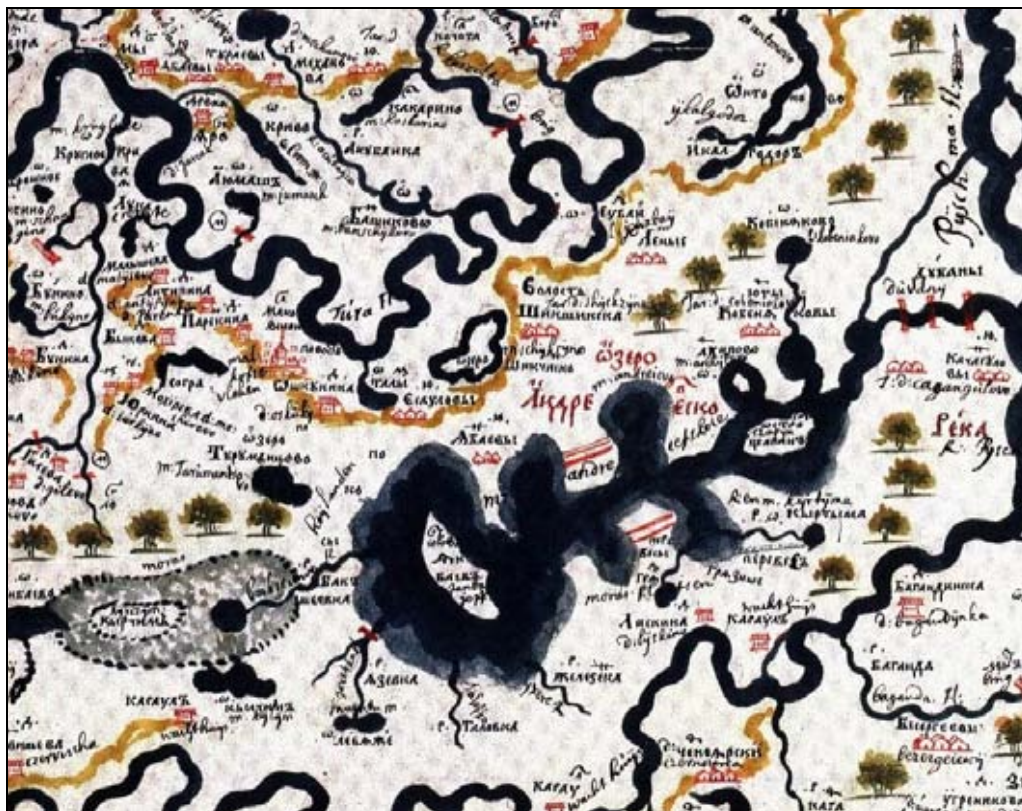

Рис. 2. Андреевская озерная система по карте С.У. Ремезова 1701 г.

На карте 1808 г. наблюдается аналогичная ситуация: остров находится в середине и не соединен с сушей [ГАТО, ф. И-49, оп. 1, д. 31]. К сожалению, часть карты, с южной частью озера и острова, повреждена, но можно определенно говорить, что картографический материал свидетельствует о достаточно сильной обводненности системы. Залиты низинные участки озер Бутурлинского и Грязного, а Чепкуль и Мостовое соединены протоками с разлившейся частью р. Дуван. О высоком уровне воды в Андреевской озерной системе в конце XVIII — начале XIX в. позволяет судить текст Выписки из журнала заседания нижнего земского суда от 21 сентября 1799 г. о споре по поводу рыбной ловли при впадении р. Язевки в оз. Андреевское между крестьянами деревень Антипиной, Быковой, Гилевой². Речь идет о том, чтобы государственные крестьяне Битюковы и Зюркаловы, владельцы дач, прилегающих к устью р. Язевки, не препятствовали в ловле рыбы другим крестьянам, чьи покосы прилегают к оз. Андреевскому. Если крестьяне к ловле рыбы в речке допускаться не будут, то устье р. Язевки следует запереть, «дабы из озера Андреевское в тою речку рыба ходу иметь более не могла» [ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 886, л. 3–4 об.]. Этот спор свидетельствует о хозяйственном значении р. Язевки, в частности ее ценности для ловли рыбы, скорее всего, в период высокой воды, когда речка соединяла оз. Андреевское с тремя озерами в ее верховьях, что создавало благоприятные условия для (запорного?) рыболовства.

Периоды низкого стояния воды в системе, когда затопляемые участки БАО освобождались и он соединялся с сушей, отмечаются на ряде карт, датированных XIX–XX вв. В основном это картографические материалы XIX и XX вв. [ГАТО, ф. И-49, оп. 1, д. 36а, 41, 43, 44, 45, 628;

² Приношу благодарность старшему научному сотруднику ИПОС СО РАН В.Я. Темплингу за прочтение текста документа.

<http://satmaps.info/map.php?s=200k&map=o-41-30>]. На всех картах «остров» соединен с сушей. Его площадь и очертания несколько различаются, скорее всего, в зависимости от масштаба карт и уровня отступивших вод (рис. 3). Имеется достаточно подробный план «острова» при межевании покосов, составленный в ноябре 1829 г. по предписанию тобольского губернского землемера Проля березовским окружным землемером Василием Филимоновым [ГАТО, ф. И-49, оп. 1, д. 628] (рис. 4). Ранее, по крепостям конца XVII в., покосы и скотские выпасы были отданы во владение инородцам Янбаевских (Андреевских) Юрт. По плану большинство освободившейся от воды площади приходится на восточную часть «острова», здесь же находятся три небольших озера. Под восточным склоном длинной песчаной гривы лежит полевая дорога на покосы. Основная часть освободившейся поверхности покрыта травой, небольшим кочкарником и таловым кустарником. Судя по описаниям и плану, во второй половине XVII — первой половине XIX в. довольно продолжительным было низкое стояние воды и «остров» включался в хозяйственную деятельность населения Юрт Андреевских, где согласно 7-й ревизии проживали 28 инородцев и 1 казак.

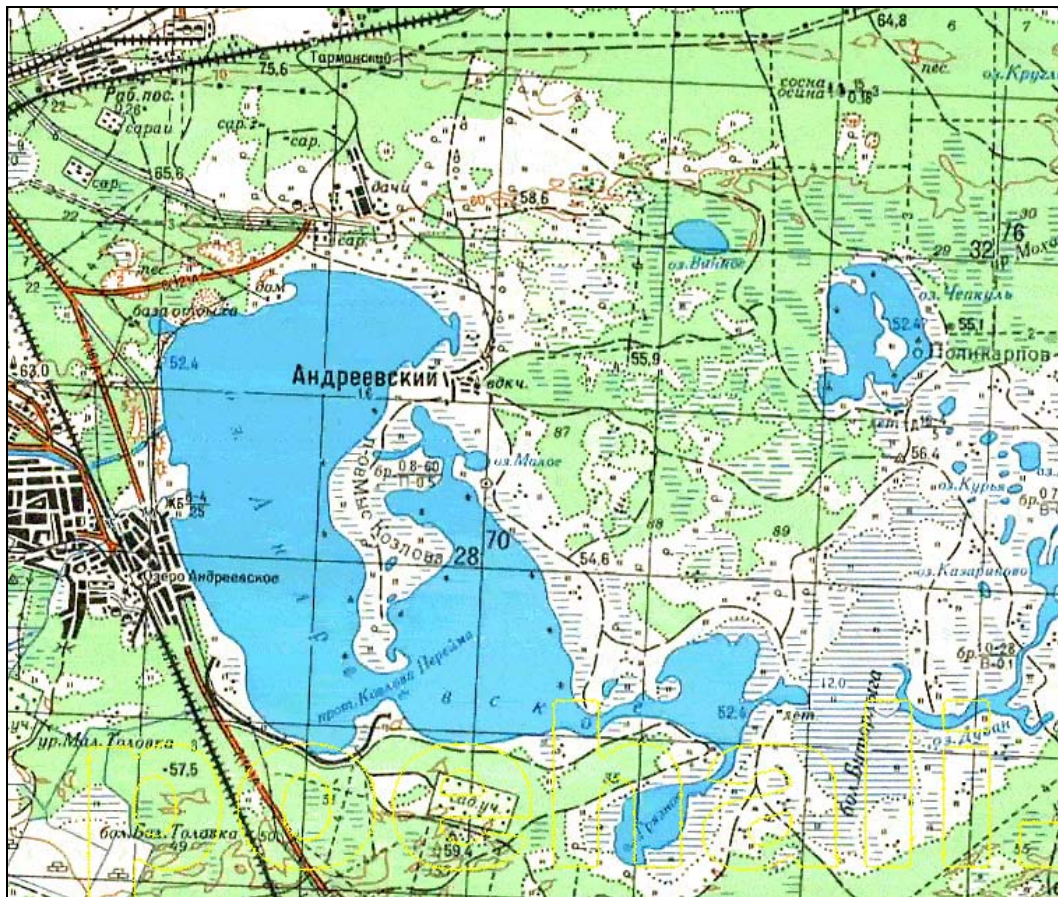

Рис. 3. Андреевское озеро по состоянию на начало 1980-х гг.

Таким образом, судя по картографическим материалам, на протяжении более чем трех столетий отмечаются колебания водного режима в Андреевской озерной системе. О длительности и периодичности их определенно говорить сложно. Однако, за исключением некоторых несовпадений по времени, процессы, происходящие в Андреевской системе, соответствуют таковым на степных и лесостепных пространствах Западной Сибири. По А.В. Шнитникову, максимумы уровней воды в озерах отмечаются около 1725, 1770, 1815 гг., а минимумы — в 1747, 1790, 1835, 1850 гг. [1957]. Определенная периодичность в колебаниях водного режима наблюдается не всегда, при усыхании уровни удерживаются дольше, чем при обводнениях, которые достаточно кратковременны [Формозов, 2013]. По данным М.Ф. Косарева, после середины XIX в. на юге Сибири возросло количество озер, а «высокая вода держалась несколько лет — примерно до 1860 г., затем началось усыхание. В 1883–1886 гг. произошло новое обводнение

Андреевская озерная система (гидрология и использование природных ресурсов...)

озер» [1984, с. 27]. В некоторых местах наивысший подъем воды приходился на 1888–1889 гг., а в 1895 г. уровень озер вновь понизился [Косарев, 1981, с. 17]. По мнению М.Ф. Косарева, обводнения, или «смоки», повторяются через 30–40 лет [Там же]. Вероятно, это можно будет уточнить в ближайшие годы и по наблюдениям над Андреевской озерной системой, последнее понижение воды в которой отмечалось в начале 80-х гг. прошлого века, что подтверждается материалами (<http://satmaps.info/map.php?s=200k&map=o-41-30>) о состоянии местности на 1981 г. (рис. 3). О «небольшой воде» свидетельствуют зафиксированные на карте полуостров вместо «острова», сокращение зеркала оз. Грязное, заболачивание оз. Буторлыга и увеличение острова на оз. Чепкуль. Но уже в 1984 г. уровень воды достиг максимума, при этом «остров» отделился от суши, что запомнилось автору при посещении места работ экспедиции, исследовавшей на БАО грунтовый могильник. С тех пор прошло более 30 лет, и, возможно, приближается новое усыхание: так, на космоснимке Google earth (рис. 5) заметно, как постепенно возникают очертания, знакомые по подробному плану Василия Филимонова 1829 г.

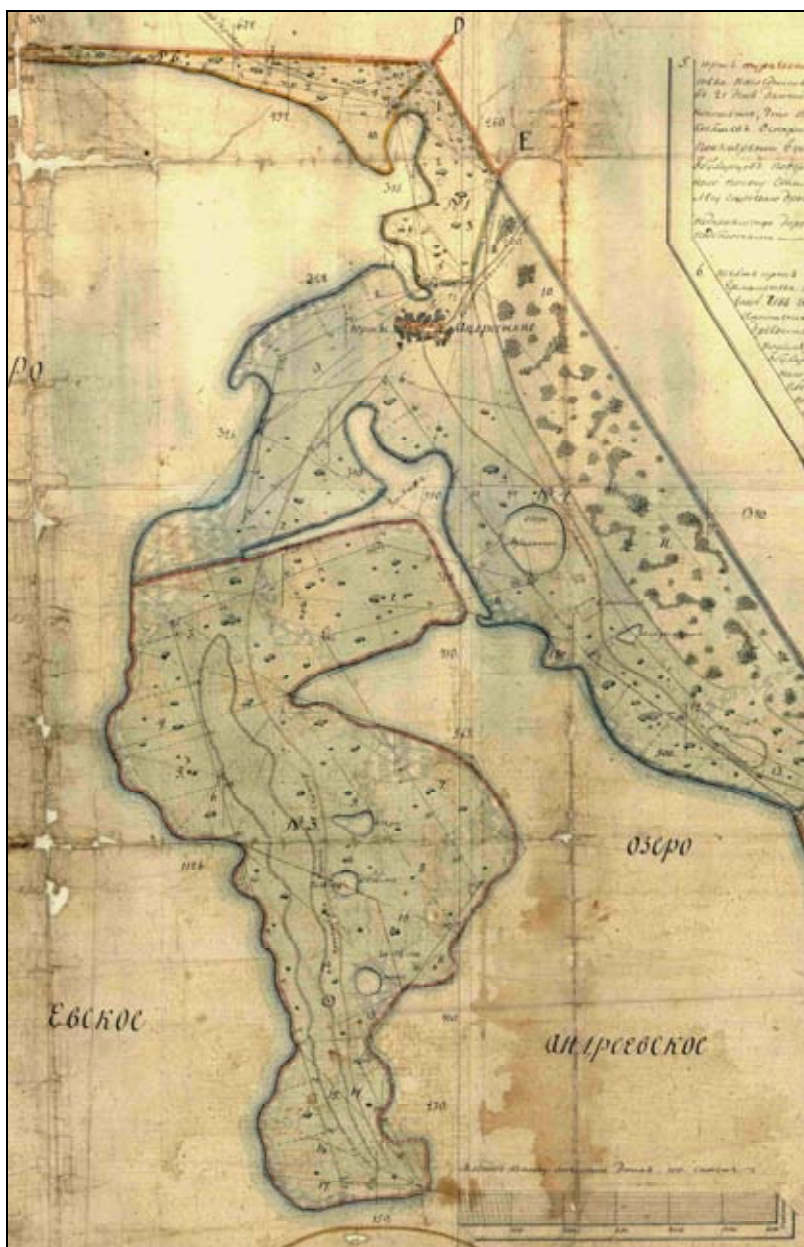

Рис. 4. Схема БАО по В. Филимонову, 1829 г.

Рис. 5. Современное состояние БАО по космоснимку Google earth.

Процессы и последствия, к которым приводят поднятие уровня вод и усыхание водоемов, к сожалению, до конца не исследованы, неизвестны их периодичность и интенсивность в глобальные периоды аридизации и гумидизации на южно-таежных, лесостепных и степных территориях Западной Сибири. В данном случае можно лишь предполагать, опираясь на план «острова» 1829 г., что колебание уровня воды в водоемах озерной системы происходило в пределах 2,0–2,5 м, и это не могло не играть заметной роли в хозяйственной жизни древнего населения, обитавшего на берегах мелководных озер рассматриваемой системы.

На территории Андреевской озерной системы открыто более 350 поселений и могильников голоценового времени от эпохи мезолита до средневековья, расположенных на различных гипсометрических отметках, позволяющих судить об уровне воды в системе во время их функционирования и соответственно о ландшафте и хозяйстве населения. Выделяется в основном три высотных уровня расположения поселений, могильники, как правило, занимают высокие точки террас и находящихся на них песчаных дюн. На низких уровнях, иногда ниже современного уровня воды в Андреевском озере, залегают культурные слои конца раннего и развитого неолита, эпохи раннего металла и развитой бронзы, в некотором отдалении от береговой линии находятся поселки позднего неолита, доандроновской бронзы и средневековые городища. Комплексы мезолитического возраста, позднего неолита и финальной бронзы, раннего железного века и средневековья, как правило, находятся в глубине террас и занимают возвышенные участки. Иногда иткульские (восточный вариант) и саргатские поселки приурочены к краям террас и дюн у пониженных участков и рямов. Данные о гипсометрическом и пространственном положении поселений и палиноспектры дают возможность реконструировать ландшафты в окрестностях древних поселков и определить основные направления хозяйственной деятельности их обитателей.

Судя по современному состоянию и картографическим материалам за прошедшие 300 лет, территория Андреевской озерной системы была идеальным местом для рыболовства, охоты, собирательства и скотоводства. Скорее всего, так было и в ранние периоды, лишь с учетом, что в разные фазы (гумидные, аридные) обводнения каждое из направлений приобретало определенный вес и значение в жизнеобеспечении древнего населения. Рассмотрим вероятные ресурсы и направления хозяйственной деятельности в периоды высокой обводненности озерной системы, когда БАО являлся островом.

Рыболовство в Андреевской озерной системе во все периоды было ведущей отраслью, а исключительную роль играло, вероятно, в ранних обществах с присваивающей экономикой. Да-

Андреевская озерная система (гидрология и использование природных ресурсов...)

же с появлением производящего, скотоводческого хозяйства население не прекращало потребление рыбы. Значительная, около 3300 га, площадь зеркала озер в периоды обводненности становилась еще больше и обеспечивала стабильный запас рыбы, в целом около 150 т [Зах, 2012]. Добывалась она в периоды «большой воды», вероятно, сетями, запорами в устьях рек, впадающих в озера и вытекающих из них, и/или индивидуальными средствами рыболовства.

Рис. 6. Карта местности к юго-западу от оз. Большой Нарык по съемке 1879 г.

Охота, так же как заготовка рыбы, имела большое значение в обществах с присваивающей экономикой. Правда, дать объективную статистическую оценку количества особей — объектов охоты, обитающих в озерной системе, мы можем лишь на 1991 г. [Там же]. Охотничьи ресурсы, в силу миграций крупных копытных и перелетов водоплавающей дичи, менялись в зависимости от сезонов. Песчаные почвы системы не способствуют сохранности остеологических материалов, но по аналогии с сопредельными районами можно говорить, что охота в ранних обществах была одной из основных отраслей присваивающей экономики, даже в остеологических комплексах скотоводческих хозяйств 1–2 % костей приходится на дикие виды.

Собирательству способствовало высокое стояние грунтовых вод, которые «оживляли» заболоченные пространства на территории Андреевской озерной системы. Судя по карте местности к юго-западу от оз. Большой Нарык съёмки 1879 г., понижения, определяемые как болота, перемежались сосновыми борами, расположенными на возвышенных песчаных участках (рис. 6); это были прекрасные места для заготовки ягод, грибов и трав.

В аридные периоды, когда уменьшался уровень грунтовых вод и БАО соединялся с берегом, становясь полуостровом, в обществах с присваивающей экономикой сохранялись и рыболовство, и охота, и собирательство, но менялись способы добычи, место и роль каждой отрасли. С понижением уровня воды мелеют и/или исчезают речки, низины высыхают, сокращается ширина так называемых переим, соединяющих Андреевские озера. В таких условиях основными орудиями ловли рыбы, вероятнее всего, становились запоры на переимях и р. Дуван, о чем могут свидетельствовать расположенные в районе Козловой (Козлов Мыс) и Второй Переимы достаточно обширные раннеолитические поселки. Кроме того, рыбу могли ловить сетями, ловушками и/или бить гарпунами.

Об охоте свидетельствует незначительное количество остеологических материалов. Собирательство сохранялось, но его значение, вероятнее всего, уменьшилось в связи с сокращением или исчезновением заболоченных участков и общей малообводненностью территории.

В аридные периоды Андреевская озерная система становилась привлекательной для коллективов с производящей экономикой. Не заполненные водой низины и пойменные участки р. Дуван и озер являлись прекрасными пастбищами. Показательна и интересна хозяйственная деятельность андроновского (федоровского) и предшествующего ему коптыковского населения. Поселки сооружались на краю низин и обширных пойм, культурные слои содержат кости домашних животных. На федоровском поселении Курья 1 встречены колодцы, свидетельствующие о недостаточном количестве воды в близлежащих водоемах. По свидетельствам из сопредельных районов, у федоровского населения существовало пастушеское (придомное) скотоводство с содержанием зимой скота и колодцами в жилищах. Кости диких животных в остеологических материалах документируют занятия охотой, глиняные грузила — рыболовством [Зах, 1995].

Заслуживает внимания с точки зрения происхождения древнего земледелия находка в заполнении колодцев федоровского поселения Курья 1 пыльца культурных злаков, близких пшенице (*Triticum* sp.) [Рябогина, Иванов, 2011]. Наличие долговременных федоровских поселков с колодцами в жилищах и придомным скотоводством, расположенных на берегах озер, позволяет предполагать, что первые опыты выращивания злаковых культур связаны как раз с такими поселениями у озер. Если учесть, что в первых производящих экономиках земледелие было пойменным, использовались циклически заливаемые долины Тигра, Ефрата, Нила, то в условиях западно-сибирской лесостепи первые «поля» могли располагаться на прибрежных богатых илом и сапропелем участках озер, образовавшихся после спада воды в озерах и/или озерных системах. Косвенно об этом может свидетельствовать пыльца культурных злаков, происходящая из колодцев поселка Курья 1. Судя по геоморфологическому положению федоровских комплексов, колодцам в жилищах, что указывает на маловодные ландшафты, оседлому образу жизни с пастушеским скотоводством и содержанием скота в жилищах, требовавшим заготовки кормов на зиму, население, вероятно, искало новые источники питания и кормов для скота, одним из которых могло стать земледелие.

Большой Андреевский остров в Андреевской озерной системе является своеобразным индикатором колебаний водного режима и, как следствие, изменения ландшафтов в междуречье Туры и Пышмы и, вероятно, на сопредельных территориях. Понижение и повышение уровня воды в системе приводило то к смыканию БАО с «материком», то к образованию полноценного острова. Судя по площади, примыкающей к «острову», освобождающейся из-под воды, ее уровень в системе колебался, вероятно, в пределах 2,0–2,5 м. Изменение ландшафтов, аридизация

Андреевская озерная система (гидрология и использование природных ресурсов...)

и гумидизация климата обуславливали выделение определенных хозяйственных направлений в системах жизнеобеспечения обществ с присваивающей и производящей экономикой. Обводнение приводило к расцвету присваивающих форм, а аридизация способствовала развитию скотоводства и, возможно, становлению земледелия на территории Андреевской озерной системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 886. Л. 3–4 об.
ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 31, 36а, 41, 43–45, 628.
Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
Зах В.А. Природные ресурсы лесного Тоболо-Ишимья в голоцене (на примере Андреевского и Мергенского микрорайонов) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 159–167.
Косарев М.Ф. Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху // Вопр. археологии Приобья. Тюмень: ТюмГУ, 1976. С. 3–20.
Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 281 с.
Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 248 с.
Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: Проблемы аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ фактов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (28). С. 96–106.
Формозов А.Н. Степные озера и водоплавающие птицы Северного Казахстана и юга Западной Сибири // Рус. орнитол. журн. 2013. Т. 22. Экспресс-выпуск. № 879. С. 1301–1315.
Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. I. Факсимильное изд. М., 2003. 50 с.
Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 336 с. (Зап. Герр. о-ва СССР; Т. 16).

V.A. Zakh

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: viczakh@mail.ru

ANDREEVSKOIE LAKE SYSTEM (hydrology and use of natural resources according to archaeological and cartographic materials of the XVIII–XX centuries)

The article is dedicated to fluctuations in the water regime in the Andreevskoie Lake system and, particularly, to Bolshoi Andreevskii Island, which serves as a kind of indicator of the fluctuations. According to cartographic materials, the island was connected with the mainland in some periods, and other times it was an island. The water level in the lake system could change in the range of 2–2,5 m. The change of the water regime led to landscape changes. Aridity and humidification of the climate determined the primacy of economic trends in the life supporting systems of the societies with appropriating and producing economy. So, periods of flooding contributed to the rise of appropriation forms, i.e. hunting and fishing, and aridity in the middle of the II millennium B.C. brought cattle breeding and, probably, agriculture to the Andreevskoie Lake system. Besides, the change of water regimes influenced the forms of economy, first of all fishing. Periods of floods included small rivers and channels between the lakes and the Duvan river into economic activities, on these small rivers they built special blocking constructions for catching fish. In aridity periods, even the Duvan river was probably blocked. Nets and traps were probably used during all periods.

Key words: Andreevskoie Lake system, Bolshoi Andreevskii Island, hydrological regime, aridity, humidification, appropriating forms of economy, producing forms of economy.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-069-078

REFERENCES

- Formozov A.N., 2013. Stepnye ozera i vodoplavaiushchie ptitsy Severnogo Kazakhstana i iuga Zapadnoi Sibiri [Steppe lakes and waterfowls of Northern Kazakhstan and south of Western Siberia]. *Russkii ornitologicheskii zhurnal*, vol. 22, Ekspress-vypusk, no. 879, pp. 1301–1315.

B.A. 3ax

Kosarev M.F., 1976. Geograficheskaia sreda i neravnomernost' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia raznykh raionov Zapadnoi Sibiri v pervobytnuiu epokhu [Geographic environment and irregularities in social and economic development of different Western Siberian districts in Prehistoric times]. *Voprosy arkheologii Priob'ia*, Tiumen': TiunGU, pp. 3–20.

Kosarev M.F., 1981. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri* [Bronze Age in Western Siberia], Moscow: Nauka, 281 p.

Kosarev M.F., 1984. *Zapadnaia Sibir' v drevnosti* [Ancient Western Siberia], Moscow: Nauka, 248 p.

Riabogina N.E., Ivanov S.N., 2011. Drevnee zemledelie v Zapadnoi Sibiri: Problemy argumentatsii, paleoetnobotanicheskie metody i analiz faktov [Ancient agriculture in Western Siberia: Problems of argumentation, paleoethnobotanical methods and analysis of facts]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 4 (28), pp. 96–106.

Shnitnikov A.V., 1957. *Izmenchivost' obshchei uvlazhnennosti materikov Severnogo polushariia*. [Variability of the total moisture of the continents of the Northern Hemisphere], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 336 p. (Zapiski Geograficheskogo obshchestva SSSR; vol. 16).

Zakh V.A., 1995. *Poselok drevnikh skotovodov na Tobole* [A settlement of ancient livestock breeders at the Tobol river], Novosibirsk: Nauka, 96 p.

Zakh V.A., 2012. Prirodnye resursy lesnogo Tobolo-Ishim'ia v golotsene (na primere Andreevskogo i Mergenskogo mikroraiionov) [Natural resources of the forest zone of the rivers Tobol and Ishim in the Holocene (cases of Andreevskoye and Mergen microzones)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (18), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 159–167.

АНТРОПОЛОГИЯ

В.В. Куфтерин, А.И. Нечвалода

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, 450000, РФ
E-mail: vladimirkufterin@mail.ru
Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
просп. Октября, 71, Уфа, 450054, РФ
E-mail: striwolf@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СКЕЛЕТОВ ИЗ СРУБНО-АЛАКУЛЬСКОГО КУРГАНА СЕЛИВАНОВСКОГО II МОГИЛЬНИКА (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)¹

Рассматриваются результаты антропологического исследования скелетной выборки (19 индивидов) из раскопок 2000 г. кургана 1 Селивановского II могильника (Южное Зауралье). Культурная принадлежность памятника определяется как срубно-алакульская с алакульской доминантой. Отмечается, что в кургане отсутствуют захоронения лиц зрелого и старческого возраста, а парные захоронения взрослых (и, видимо, подростков) принадлежат разнополым субъектам. Детская выборка демонстрирует отставание в темпах продольного роста от современных стандартов. Взрослые индивиды по отдельным метрическим характеристикам сходны между собой, а в пропорциях тела — с популяциями «степного» морфотипа, с одной стороны, и среднеазиатскими группами энеолита — бронзы — с другой. Последнее проявляется в относительном удлинении костей голени на некоторых скелетах из Селивановского II могильника. Завышенные частоты встречаемости ряда эпигенетических маркеров, возможно, свидетельствуют об определенном родстве погребенных индивидов.

Ключевые слова: антропология, срубно-алакульское население, Селивановский II могильник, эпоха бронзы, Южное Зауралье.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089

Введение

Среди изученных погребальных комплексов срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья особое место занимает курган 1 Селивановского II могильника. Неординарность объекта заключается в значительной концентрации под его насыпью парных захоронений, где погребенные находились «в позе объятий», что выделяет данный комплекс из массы курганов поздней бронзы Евразии [Рафикова, 2008а, б]. Памятник, включающий 15 насыпей, располагается на северо-западной окраине п. Селивановский Абзелиловского района Республики Башкортостан, в 15 км к западу от г. Магнитогорска. Рассматриваемый в настоящей публикации курган 1 был исследован экспедицией под руководством Я.В. Рафиковой в 2000 г. Под насыпью обнаружено 14 захоронений, из которых пять парных, одно двойное и одно коллективное², характер еще одного разрушенного погребения не ясен. Культурную принадлежность кургана автор раскопок определяет как срубно-алакульскую с алакульской доминантой и датирует комплекс XVI–XV вв. до н.э. [Рафикова, 2008б, с. 80]. Несмотря на то, что для антропологических материалов кургана ранее одним из авторов были получены половозрастные определения, а по женскому черепу из погребения 10 выполнена скульптурная антропологическая реконструкция [Рафикова, 2008б, с. 79], полномасштабное исследование скелетных останков из Селивановского II могильника до настоящего времени не проводилось.

Актуальность работы, помимо очевидной необходимости дополнения археологических данных результатами комплексной антропологической экспертизы, в более широком контексте обу-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-11-02008а(р) «Курганы Южного Зауралья».

² В этом погребении находилось четыре костяка, два из которых лежали лицом друг к другу — как в парных захоронениях, а два располагались на одном боку — как в двойных [Рафикова, 2008б].

словлена недостаточной изученностью (особенно в экологическом аспекте) в целом населения, оставившего синкретические срубно-алакульские памятники. На этот факт обращали внимание и археологи [Рафикова, 2008а, с. 8; Рутто, 2003, с. 94–95]. Имеет смысл кратко охарактеризовать результаты исследования антропологии «срубно-алакульцев». Краниологические материалы из памятников данного типа свидетельствуют о гетерогенности населения, как на уровне отдельных могильников, так и в пределах каждого могильника [Китов, 2008, 2009, 2011; Китов, Хохлов, 2008]. Краниологически прослеживаются следы метисации уралоидного населения срубно-алакульской контактной зоны с гиперморфными европеоидами, имеющими аналогии в среде срубной культуры Башкирии [Китов, 2011; Китов, Хохлов, 2008]. Процесс смешения, по всей видимости, носил механический характер [Китов, 2008]. Одонтологические данные свидетельствуют о принадлежности срубно-алакульского населения к северному грацильному типу с примесью восточного компонента. Это обстоятельство отличает «срубно-алакульцев» от населения памятников потаповского и покровского типов, а также алакульской культуры, сближая с «синташтинцами» и носителями петровской культуры [Китов, 2011]. Значительно меньше сведений имеется по посткраниальной морфологии населения, оставившего памятники срубно-алакульского типа. Небольшой объем данных, полученных В.Н. Федосовой и обработанных М.Б. Медниковой [1993, 1998], также свидетельствует о неоднородности этих серий, демонстрирующих на сравнительном фоне наибольшее морфологическое разнообразие [Медникова, 2005, с. 160]. Данное обстоятельство, по мнению исследователя, может отражать процессы заселения территории Башкортостана и Урала «автохтонными обитателями контрастных ландшафтных зон» [Медникова, 2005, с. 165].

Как видно из приведенного обзора, целый ряд аспектов палеоантропологии «срубно-алакульцев», в силу различных обстоятельств, не получил должного освещения (например, практически не исследован материал по неполовозрелым индивидам, которые зачастую составляют заметную часть подкурганых выборок). В связи с этим представляемые материалы могут быть интересны не только в узком (дополнение археологических данных по кургану 1 Селивановского II могильника), но и в более широком аспекте.

Материал и методы исследования

Как отмечалось выше, в кургане 1 Селивановского II могильника обнаружено 14 погребений, содержащих скелетные останки минимум 23 индивидов. Однако надежно атрибутированы, комплектны и доступны для камеральных исследований останки лишь 19 погребенных. Сохранность посткраниальных элементов и зубов оценивается как хорошая или удовлетворительная. Имеющийся в распоряжении авторов краниологический материал плохой или очень плохой сохранности, фрагментарен и далее в работе не рассматривается.

Исследовательские процедуры включали определение пола и возраста половозрелых и возраста неполовозрелых индивидов с опорой на распространенные методы многофакторной диагностики [Звягин, 2000; Buikstra, Ubelaker, 1994], изучение морфологических особенностей костей посткраниального скелета и зубов [Алексеев, 1966; Зубов, 1968], регистрацию эпигенетических признаков [Мовсесян, 2005; Finnegan, 1978], патологий и маркеров стресса [Бужилова, 1998]. Специальное внимание уделено изучению темпов роста продольных размеров костей конечностей у неполовозрелых индивидов с известным зубным возрастом на основе оценки их стандартизованных значений [Sciulli, 1994]. В качестве возрастных стандартов использованы данные М. Мареш в редакции В.Н. Федосовой [2003] (дети и подростки европеоидного происхождения, 0–18 лет) и данные М. Стлоукала и Х. Ханаковой по средневековой славянской популяции IX в. (дети 0,5–14 лет) [Stloukal, Hanakova, 1978].

В силу ограниченного объема статьи в ней представлена только часть данных. Дополнительные сведения по морфометрии зубов, фрагментов черепа и посткраниального скелета, морфологии зубной системы могут быть получены по запросу у В.В. Куфтерина.

Результаты и обсуждение

Результаты полевых (А.И. Нечвалода) и камеральных (В.В. Куфтерин) половозрастных определений антропологических материалов из кургана 1 приведены в табл. 1. Существенных расхождений, за исключением двух случаев (погребения 6 и 13, скелет 1) между предварительной и окончательной возрастной диагностикой не наблюдается. Относительно распределения погребенных по возрасту и полу обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, в кургане отсутствуют захоронения индивидов зрелого и старческого возраста. Во-вторых, в пар-

Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана...

ных погребениях взрослых (10 и 12) обнаружены останки разнополых субъектов. Женские скелеты при этом находились на левом боку, мужские — на правом [Рафикова, 2008а, б].

Таблица 1

Результаты полевых и камеральных половозрастных определений антропологических материалов из кургана 1 Селивановского II могильника

№ погребения (скелета)	Полевое определение		Камеральное определение	
	Пол	Возраст, лет	Пол	Возраст, лет
1*	?	?	?	?
2 (1)	?	13–14	?	14–15
2 (2)	?	15–16	?	14–15
3 (1)**	?	3–4	?	?
3 (2)	?	6–7	?	6–7
4	♀	15–16	♂?	14–15
5	♂	25–30	♂	25–35
6	?	7–8	?	5–6
7 (1)	?	3–4	?	3–4
7 (2)	?	6–7	?	6–7
7 (3)	?	6–7	?	6–7
7 (4)	?	6–7	?	5–6
8	?	6–7	?	6–7
9**	♀	18–20	?	?
10 (1)	♀	20–22	♀	20–25
10 (2)	♂	25–30	♂	25–30
11*	?	?	?	?
12 (1)	♀	20–25	♀	20–25
12 (2)	♂	30–35	♂?	25–35
13 (1)	?	7–8	?	9–10
13 (2)	?	8–9	?	8–9
14 (1)	?	9–10	?	8–9
14 (2)	?	14–15	?	14–15

* В погребении 1 предположительно был захоронен ребенок грудного возраста (скелет, за исключением отдельных костей, не сохранился), а в погребении 11 (разрушено при работе строительной техники), судя по находке в экскаваторном выбросе костей эмбриона, — беременная женщина [Рафикова, 2008а, с. 72, 77].

** Скелетные останки из погребений 3 (скелет 1) и 9 для камеральных исследований недоступны.

В случаях, когда антропологически пол не определялся (погребения 2, 13 и 14), на левом боку находился младший по возрасту индивид (полевые определения). В одном из этих захоронений (погребение 13) у ребенка, лежавшего на левом боку, найдены браслет и пастовые бусы. На этом основании «археологический пол» всех индивидов, погребенных на левом боку, был определен как женский [Рафикова, 2008а, с. 8; 2008б].

В антропологической и судебно-медицинской литературе существуют разработки, позволяющие проводить диагностику пола у детей и подростков. В качестве показателей используются, например, размеры коронок молочных и постоянных зубов [Звягин, 2000, с. 267], морфология ушковидных поверхностей подвздошных костей [Mittler, Sheridan, 1992], а также ряд других критериев [Hunt, Gleiser, 1955; Sundick, 1977]. Полученные результаты, однако, следует признать не всегда убедительными. На массовом палеоантропологическом материале из раскопок Гонур-депе (Туркменистан) успешная попытка определения половой принадлежности детских скелетов с опорой на признаки зубной системы предпринималась Г.В. Рыкушиной [Дубова, Рыкушина, 2007; неопубликованные данные Г.В. Рыкушиной]. Основанием послужил тезис автора о большей массивности зубной системы у мужчин и грацилизации моляров у женщин, выдвинутый на материале исследования 32 этнических групп, представленных 107 локальными выборками детей школьного возраста [Рыкушина, 2009].

В качестве эксперимента нами была предпринята попытка определения половой принадлежности скелетов неполовозрелых индивидов из погребений 13 и 14 кургана 1 Селивановского II могильника с опорой на одонтометрические показатели (табл. 2).

Предполагалось, что индивид, имеющий более крупный M_1 , — мужского пола, менее — женского (интересно, что погребенные на левом боку — «археологически девочки» имели менее крупные

зубы). Применение пошагового дискриминантного анализа (пакет программ Statistica), однако, показало недостаточно хорошую дискриминацию по использованным четырем признакам (λ Уилкса = 0,347; $F = 3,755$; $p = 0,192$) (табл. 3). Учет археологического контекста все же позволяет, на наш взгляд, считать рассмотренные парные детско-подростковые погребения разнополыми (скелеты 1 из погребений 13 и 14, по-видимому, принадлежали девочкам, скелеты 2 — мальчикам).

Таблица 2

Метрические характеристики первого постоянного моляра нижней челюсти у детей и подростков из кургана 1 Селивановского II могильника

№ погребения (скелета)	MD M ₁	VL M ₁	Mcor M ₁	Icor M ₁
13 (1)	11,1	10,1	10,6	91,0
13 (2)	11,6	10,5	11,1	90,5
14 (1)	10,5	9,1	9,8	86,7
14 (2)	11,3	10,4	10,85	92,0

Таблица 3

Апостериорные вероятности принадлежности наблюдений к группам по признакам, включенным в дискриминантный анализ

№ погребения (скелета)	Вероятность принадлежности к 1-й выборке (♂)	Вероятность принадлежности ко 2-й выборке (♀)
13 (1)	0,4639	0,5361
13 (2)	0,9395	0,0604
14 (1)	0,0263	0,9736
14 (2)	0,7332	0,2667

Анализ темпов продольного роста у детей и подростков с известным зубным возрастом (табл. 4, 5), дает возможность отметить, что селивановская выборка демонстрирует довольно значительные отклонения от современных стандартов. Наибольшее отставание в росте наблюдается для костей нижней конечности (аналогичные данные были получены, например, для афанасьевской культуры Горного Алтая [Тур, Рыкун, 2006, с. 74, 109]). Известно, что отставание скоростей роста от современных стандартов в палеопопуляциях скорее правило, чем исключение [Федосова, 2003]. С другой стороны, этот факт может свидетельствовать о неравномерности сроков формирования зубной системы и темпов продольного роста. Кроме того, существует точка зрения, что кости, растущие с более высокой скоростью, более подвержены воздействию неблагоприятных стрессовых факторов [Sciulli, 1994, p. 257–258]. Относительно невысокая распространенность патологических и стрессовых маркеров на скелетах из Селивановского II могильника (см. далее), возможно, находится в соответствии с отмечаемой ретардацией скелетной зрелости у детей. В то же время отставания в длинах костей конечностей от средневековых славян — серии, также привлеченной для сравнительного анализа темпов продольного роста, в обсуждаемой выборке не наблюдается.

Значения продольных параметров длинных костей верхних конечностей мужских скелетов, согласно рубрикам Д.В. Пежемского [2011], находятся в основном в пределах средних значений (табл. 6). То же касается длин костей нижней конечности, однако для костей голени наблюдаются вариации от малых (погребение 12, скелет 2) до больших (погребение 10, скелет 2) категорий размеров. Массивность всех посткраниальных элементов (за исключением большеберцовых костей индивида из погребения 10, скелет 2) — в пределах групповых средних. Диафизы плечевых костей, за исключением таковых субъекта из погребения 5, расширены (эврибрахия). Индивидуальные вариации указателя сечения лучевых костей варьируются в широких пределах. Верхняя часть диафизов локтевых костей (за исключением левой у индивида из погребения 5) расширена — зуроления. Пилястр бедренных костей развит слабо или практически отсутствует. Верхняя часть их диафизов, как и следовало ожидать, уплощена (гиперплатимерия и платимерия). Форма сечения диафизов большеберцовых костей характеризуется в основном эурикнемией (в одном случае диафиз менее расширен — мезокнемия). Полученные величины лучеплечевого указателя свидетельствуют о средних соотношениях длин плеча и предплечья. Рассчитанный в одном случае лучеберцовый указатель (погребение 10, скелет 2) средних или ниже средних значений, что может говорить о тенденции к укорочению лучевой кости относительно большой берцовой. Плечебедренный индекс средний по величине, а большеберцово-

Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана...

бедренный, за одним исключением (погребение 12, скелет 2),— выше средних значений. Последнее, возможно, подтверждает факт относительного удлинения костей голени в исследуемой выборке. Рассчитанная для индивида из погребения 10 (скелет 2) величина интермембрального указателя свидетельствует о средних соотношениях длин верхней и нижней конечностей. Реконструированная с применением четырех формул длина тела (использованы длины бедренных костей и суммарная длина костей нижней конечности — формула Бунака) во всех случаях — в пределах средних или выше средних величин (табл. 6). Элементы рельефа на длинных костях развиты средне или ниже средних значений, гипертрофии по отдельным признакам не наблюдается.

Таблица 4

Индивидуальные параметры длин диафизов костей детей и подростков из кургана 1 Селивановского II могильника (правая/левая)

№ погребения (скелета)	Плечевая	Локтевая	Лучевая	Бедренная	Б. берцовая	М. берцовая
2 (1)	—	—	—	372/?	301/300	—
2 (2)	272/?	—	202/?	370/371	?/310	—
3 (2)	167/169	138/137	124/123,5	225/225	181/182	181/184
4	280/273	228/229	202/203	383/387	312/316	300/305
6	155/154	?/126	?/112	204/202	161/160	158,5/?
7 (1)	?/124	?/102	?/91	?/159	—	—
7 (2)	151,5/148	126,5/127	114/114	?/200	164/165?	159/160
7 (3)	155/154	130/130	114,5/114	207/206	173/173	169/169
7 (4)	145/148	117/118	102/?	188/189	155/156	149/152
8	158/156	136/136	123/123	214/218	182/182	—
13 (1)	—	—	—	274/272	225/225	221/220
13 (2)	—	—	135/133	254/253	206/204	202/200
14 (1)	210/209	168/?	?/151	280/276	225/?	220/218
14 (2)	—	—	—	342/343	264/267	—

Таблица 5

Длина диафизов костей детей и подростков из кургана 1 Селивановского II могильника в отношении к возрастной норме

№ погребения (скелета)	δ_i * (Мареш — Федосова)						δ_m	δ_i (Стлоукал, Ханаква)				δ_m
	H	U	R	F	T	f		H	R	F	T	
2 (1)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,12	1,11	1,12
2 (2)	—	—	—	—	—	—	—	1,13	1,11	1,11	1,15	1,13
3 (2)	0,83	0,83	0,82	0,80	0,78	0,78	0,81	1,02	0,99	1,02	1,02	1,01
4	—	—	—	—	—	—	—	1,13	1,11	1,16	1,17	1,14
6	0,84	0,81	0,82	0,79	0,75	0,75	0,79	0,95	0,90	0,92	0,91	0,92
7 (1)	0,80	0,79	0,78	0,76	—	—	0,78	0,93	0,90	0,91	—	0,91
7 (2)	0,76	0,76	0,76	0,71	0,70	0,69	0,73	0,92	0,91	0,90	0,93	0,92
7 (3)	0,77	0,78	0,76	0,73	0,74	0,73	0,75	0,95	0,92	0,94	0,98	0,95
7 (4)	0,79	0,77	0,73	0,73	0,72	0,70	0,74	0,95	0,88	0,93	0,94	0,93
8	0,79	0,82	0,82	0,76	0,78	—	0,79	0,96	0,98	0,97	1,03	0,99
13 (1)	—	—	—	0,79	0,80	0,79	0,79	—	—	1,03	1,05	1,04
13 (2)	—	—	0,81	0,79	0,79	0,78	0,79	—	0,95	1,00	1,02	0,99
14 (1)	0,94	0,93	0,91	0,87	0,86	0,85	0,89	1,08	1,01	1,05	1,05	1,05
14 (2)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,03	0,98	1,01
δ_m	0,82	0,81	0,80	0,77	0,77	0,76	0,79	1,00	0,97	1,01	1,03	1,01

* δ_i — показатель отклонения индивидуальных (i) и средних (m) значений от стандартных размеров костей конечностей.

Длинные кости двух женских скелетов имеют в основном средние продольные параметры (для костей верхней конечности, особенно локтевых,— ближе к большим величинам). Массивность посткраниальных элементов средняя или несколько выше средней. Плечевые кости и верхняя часть диафизов локтевых — уплощены (платибрахия и платоления), лучевые кости (три наблюдения) по форме сечения диафизов различны (слабо или сильно уплощенные). Бедренные кости характеризуются отсутствием пилястра и уплощенной верхней частью диафиза. Указатель платикнемии большеберцовых костей (три наблюдения) изменяется от платикнемии до эурикнемии. Индексы пропорций женского скелета 1 из погребения 10 характеризуются в основном теми же соотноше-

ниями длин сегментов конечностей, что были отмечены для мужской выборки. Однако можно обозначить тенденцию к «усреднению» этих параметров. Длина тела, как и у мужчин,— средняя или выше средней (табл. 6). Элементы мышечного рельефа выражены умеренно или слабо.

Таблица 6

Индивидуальные остеометрические параметры мужских и женских скелетов из кургана 1 Селивановского II могильника

Признак	Мужчины						Женщины			
	п. 5		п. 10 (2)		п. 12 (2)		п. 10 (1)		п. 12 (1)	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
Плечевая кость										
1. Наибольшая длина	—	—	324	322	312	309	304	302	304	303
2. Полная длина	—	—	321	320	307	307	302	300	300	301
5. Наибольший диаметр середины диафиза	22	22	21	22	22	22	21	21	21	21
6. Наименьший диаметр середины диафиза	16	17	18	18	18	18	15	15	15	14,5
7. Наименьшая окружность диафиза	63	63	64	62	65	64	56	55	56	55
7:1. Указатель прочности	—	—	19,8	19,4	20,8	20,7	18,4	18,2	18,4	18,2
6:5. Указатель поперечного сечения диафиза	72,7	77,3	85,7	81,8	81,8	81,8	71,4	71,4	71,4	69,0
Локтевая кость										
1. Наибольшая длина	—	—	269	272	248	—	243	244	253	252
2. Физиологическая длина	—	—	234	240	224	—	217	217	221	220
3. Наименьшая окружность диафиза	—	—	36	35	—	39	34	34	34	34
13. Верхний поперечный диаметр диафиза	22	21	21	20	23	23	18	17	15	14
14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	25	27	25	25	24	28	24	26	22	23
3:2. Указатель прочности	—	—	15,4	14,6	—	—	15,7	15,7	15,4	15,5
13:14. Указатель платолении	88,0	77,8	84,0	80,0	95,8	82,1	75,0	65,4	68,2	60,9
Лучевая кость										
1. Наибольшая длина	246?	—	245	249	—	231?	226	225	—	—
2. Физиологическая длина	236?	—	229	232	221?	220	213	211	—	—
3. Наименьшая окружность диафиза	43	—	41	38	43	42	38	38	39	39
4. Поперечный диаметр диафиза	17	15	18	14	17	17	16	15	14	—
5. Сагиттальный диаметр диафиза	12	11,5	12	11,5	12	11	10	10	10,5	—
3:2. Указатель прочности	18,2?	—	17,9	16,4	19,5?	19,1	17,8	18,0	—	—
5:4. Указатель поперечного сечения диафиза	70,6	76,7	66,7	82,1	70,6	64,7	62,5	66,7	75,0	—
Бедренная кость										
1. Наибольшая длина	437	436	441	446	441	—	426?	—	—	407
2. Длина в естественном положении	432	434	440	443	435	—	—	418?	—	404
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	27	26	25	25	29	27	24	23?	23	24
7. Поперечный диаметр середины диафиза	29	29	28	30	28,5	26	26,5	28,5?	24	24
8. Окружность середины диафиза	89	88	84	86	89	83	79	81	75	75
9. Верхний поперечный диаметр	33	34	34	34	32	32	30	31,5	28	28
10. Верхний сагиттальный диаметр	27	27	23	25	26	26	23	23	22	22
8:2. Указатель массивности	20,6	20,3	19,1	19,4	20,5	—	—	19,4?	—	18,6
6:7. Указатель пилыстрии	93,1	89,7	89,3	83,3	101,8	103,8	90,6	80,7?	95,8	100,0
10:9. Указатель платиметрии	81,8	79,4	67,6	73,5	81,3	81,3	76,7	73,0	78,6	78,6
Большеберцовая кость										
1. Полная длина	361?	360	375	371	344	—	332	330	—	—
1а. Наибольшая длина	366?	365	385	384	353	—	335	335	—	—
8а. Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	34?	33?	32	32	34	—	29	31	—	28
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	24?	24?	24	22	24	—	20	19,5	—	22
10б. Наименьшая окружность диафиза	76	73	72	69	72	72	68	66	—	66
10б:1. Указатель прочности	21,1?	20,3	19,2	18,6	20,9	—	20,5	20,0	—	—
9а:8а. Указатель платикнемии	70,6?	72,7?	75,0	68,8	70,6	—	69,0	62,9	—	78,6
Малоберцовая кость										
1. Наибольшая длина	—	—	361	366	—	—	326	330	—	—
Указатели										
R1:H1. Лучеплечевой	—	—	75,6	77,3	—	74,8?	74,3	74,5	—	—
R1:T1. Лучеберцовый	—	—	65,3	67,1	—	—	68,1	68,2	—	—
H1:F2. Плечебедренный	—	—	73,6	72,7	71,7	—	—	72,2?	—	75,0
T1:F2. Берцово-бедренный	83,6	82,9	85,2	83,7	79,1	—	—	78,9?	—	—
(H1+R1):(F2+T1). Интермембральный	—	—	69,8	70,1	—	—	—	70,5?	—	—
Длина тела										
По Пирсону	163,5	164,2	164,2	164,2	155,7?	152,0	157,4	157,4	154,6	154,6
По Дюпертюи и Хэддену (евр.)	169,5	170,4	170,4	170,4	161,8?	159,3?	154,6	154,6	154,6	154,6
По Троттер и Глезер (1952, евр.)	165,4	166,4	166,4	166,4	159,3?	154,6	154,6	154,6	154,6	154,6
По Бунаку	164,6	166,7	166,7	166,7	163,0	157,0?	—	—	—	—

Обобщая полученные результаты, остановимся на двух обстоятельствах. Во-первых, в плане внутригрупповой характеристики нельзя не упомянуть впечатления об общей визуальной фиксируемой мономорфии изученной выборки. Последнее, несмотря на метрически фиксируе-

Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана...

мые различия в распределении отдельных признаков и указателей, находит подтверждение, например, в полном тождестве некоторых параметров (наибольшая длина правых плечевых костей женских скелетов из погребений 10 и 12, наибольшая длина правых бедренных у мужских скелетов из этих же погребений). Во-вторых, характер соотношения пропорций конечностей отличает селивановскую выборку от немногочисленных серий срубной общности с территории Башкортостана и Урала (Перевозинка, Тартышево, Ново-Балтачево, Мало-Кизильский могильник), сближая ее с ямным (Увак) и андроновским (Увак, Хабарное) населением. Первым группам присуще относительное удлинение бедренной и укорочение большеберцовой костей, вторым — сбалансированность линейных пропорций [Медникова, 2005, с. 158–159]. В то же время тенденция к относительному удлинению костей голени находит параллели среди носителей культур энеолита и бронзы Средней Азии, что можно интерпретировать не только с экологических позиций, но и как следы «южного импюльса» в среде срубно-алакульского населения Южно-Уральской контактной зоны.

Таблица 7

Патологии и индивидуальные особенности скелетов из кургана 1 Селивановского II могильника

№ погребения (скелета)	Патологии и особенности
2 (1)	Foramen supraorbitale (пр.). Зубной камень (балл 2). Foramen intercondyloideum (пр., лев.)
2 (2)	Зубной камень (балл 1). Foramen transversarium bipartitum inc. на VI (?) шейном позвонке. Os trigonum (?) (лев.)
3 (2)	Foramen supraorbitale (пр., лев.). Лобные борозды (пр.). Эпикристин на M ₁ (лев.). Зубной камень (молочные, балл 1). Аплазия (?) отверстия поперечного отростка атланта (пр., лев.). Foramen transversarium bipartitum inc. на V (?) шейном позвонке (пр.). Fossa hypotrochanterica (пр., лев.)
4	Зубной камень (балл 1–2). Fossa hypotrochanterica (пр., лев.). Двухсоставная передняя суставная поверхность на пяточной кости (пр., лев.). Двухсоставная нижняя таранная суставная поверхность (пр., лев.). Дополнительная крестцовая фасетка и преаурикулярная борозда на тазовой кости (пр.)
5	Foramen parietale (пр., лев.). Зубной камень (балл 2). Преждевременная облитерация стреловидного шва. Trochanter tertius (пр., лев., выражен слабо). Латеральная дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большеберцовой кости (лев.). Дополнительная крестцовая фасетка (пр., лев.). ДДИ в виде горизонтальных остеофитов (до 9 мм), задних и центральных грыж Шморля на позвонках грудного и поясничного отделов. Тело V поясничного позвонка резко уплощено (платиспондиллия). ДДИ на ушковидной поверхности тазовой кости (лев., балл 1–2)
6	Foramen supraorbitale (пр.). Canalis condylaris (пр., лев.). Canalis hypoglossalis bipartitum (лев.). Foramen mentale accessorium (пр.). Зубной камень (молочные, балл 1–2). Foramen transversarium bipartitum на фрагменте шейного позвонка (пр.)
7 (1)	Trochanter tertius (пр., лев., выражен слабо)
7 (2)	Trochanter tertius (лев.)
7 (3)	Ossa Wormii suturae lambdaeidae (множественные). Canalis condylaris (пр., лев.). Зубной камень (молочные, балл 1). Trochanter tertius (пр., лев., выражен слабо)
7 (4)	Canalis condylaris (пр., лев.). Лобные борозды (пр., лев., выражены слабо). Зубной камень (молочные, балл 1)
8	Зубной камень (молочные, балл 1). Trochanter tertius (лев.)
10 (1)	Foramen transversarium bipartitum на V и VI шейных позвонках (пр., лев.). Trochanter tertius (пр., лев.). Fossa hypotrochanterica (пр., лев., выражена слабо). Латеральная дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большеберцовой кости (пр., лев.). Двухсоставная коленная чашечка (emarginate patella) (пр.). Горизонтальные остеофиты (до 8 мм) и грыжи Шморля на позвонках поясничного отдела. ДДИ в области акромиально-ключичного сустава (лев., балл 1–2). Остеома 26x9 мм в области середины диафиза бедренной кости (лев.)
10 (2)	Foramen transversarium bipartitum на фрагменте IV или V шейного позвонка (пр., лев.). Trochanter tertius (пр., лев.). Латеральная дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большеберцовой кости (пр., лев.). Медиальная дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большеберцовой кости (лев.). Двухсоставная передняя суставная поверхность на пяточной кости (пр., лев.). Двухсоставная нижняя таранная суставная поверхность (пр., лев.)
12 (1)	Foramen transversarium bipartitum на V шейном позвонке (пр.). Spina bifida на уровне III–V крестцовых позвонков. Латеральная дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большеберцовой кости (пр., лев.)
12 (2)	Trochanter tertius (пр., лев.). Fossa hypotrochanterica (пр., лев.). Фасетка Пуарье (пр., лев.). Экзостозы в вертельной ямке бедренной кости (пр., лев.). Латеральная дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большеберцовой кости (пр.). Двухсоставная нижняя таранная суставная поверхность (пр.). Депрессия в области вдавления реберно-ключичной связки (пр., лев.). Грыжи Шморля на позвонках нижегрудного и поясничного отделов
13 (1)	Canalis condylaris (пр., лев.). Линейная гипоплазия эмали. Зубной камень (балл 1). Аплазия отверстия поперечного отростка атланта (пр., лев.). Foramen intercondyloideum (пр., лев.). Trochanter tertius (пр., лев.). Отсутствие передней таранной суставной поверхности на пяточной кости (лев.)
13 (2)	Зубной камень (молочные, постоянные, балл 1)
14 (1)	Зубной камень (молочные, постоянные, балл 1). Cribrum orbitalia (пр., балл 1). Foramen transversarium bipartitum inc. на VI шейном позвонке (лев.). Foramen intercondyloideum (пр.). Диафизы лучевых костей искривлены в латеральном направлении (?)
14 (2)	Ossa Wormii suturae lambdaeidae (пр.). Canalis mylohyoideus (лев.). Зубной камень (балл 2)

Данные о распространенности патологий и маркеров стресса (табл. 7) демонстрируют достаточно тривиальную картину — выборка индивидов из кургана 1 Селивановского II могильника характеризовалась невысокой частотой встречаемости и небольшим разнообразием остеологически фиксируемых патологических индикаторов. Обращает на себя внимание другое обстоятельство — частота встречаемости некоторых фенов (эпигенетических признаков) существенно завышена. Так, третий вертел бедренной кости в общей сложности зафиксирован у 47,4 % индивидов (9 случаев из 19), ямка под ним — у 21,1 % (4 случая), дополнительные фасетки на нижней суставной поверхности большеберцовых костей — в 26,3 % (5 случаев), межмышцелковое отверстие плечевых костей — в 15,8 % (3 случая). Особенно показательны данные по частоте встречаемости третьего вертела. На материалах русского кладбища золотоордынского времени Водянского городища эта особенность, например, была зафиксирована всего в 4 % случаев [Перерва, 2014], а в выборке современного индийского населения — в 6,6 % случаев [Ghosh et al., 2014]. Такое завышение встречаемости ряда посткраниальных эпигенетических маркеров может свидетельствовать в пользу тезиса об определенных родственных связях между индивидами, захороненными в кургане. Последнее в ближайшем будущем планируется верифицировать с использованием методов анализа палеодНК (образцы с целью передачи на дальнейшую экспертизу отобраны).

Заключение

В результате антропологического исследования материалов кургана 1 Селивановского II могильника по комплексной программе были изучены скелетные останки 19 индивидов. Во всех парных погребениях взрослых (и, по-видимому, подростков) были захоронены разнополюе субъекты. Полностью отсутствуют захоронения лиц зрелого (*maturus*) и старческого (*senilis*) возрастов. Анализ темпов продольного роста позволил отметить, что дети из рассматриваемого могильника демонстрируют существенные отклонения от современных возрастных стандартов. Отмеченная тенденция, вероятно, находится в соответствии с относительно невысокой частотой встречаемости патологических и стрессовых маркеров, поскольку известно, что кости, растущие с более высокой скоростью, в большей степени подвержены влиянию неблагоприятных средовых факторов. Несмотря на некоторые различия в распределении отдельных остеометрических признаков и указателей, создается впечатление о посткраниальной мономорфии исследованной выборки. Характер соотношения пропорций конечностей отличает небольшую селивановскую серию от таковых срубной общности с территории Башкортостана и Урала, сближая ее с ямным (Увак) и андроновским (Увак, Хабарное) населением, а также, судя по относительному удлинению костей голени, с группами энеолита — бронзы Средней Азии. Завышение частоты встречаемости ряда посткраниальных эпигенетических маркеров может свидетельствовать в пользу тезиса об определенных родственных связях между индивидами, захороненными в кургане. Данное положение соответствует мнению археологов, что парные и двойные погребения Селивановского II могильника могли принадлежать лицам с определенной степенью близости (супруги? сиблинги?), причины одновременного (или почти одновременного) ухода из жизни которых, вероятнее всего, были достаточно тривиальны [Рафикова, 2008а, б]. Во всяком случае, следов насильственной смерти на изученном материале не фиксируется.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П.* Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Бужилова А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 87–146.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В.* Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М.: Наука, 2007. С. 309–319.
- Звягин В.Н.* Диагностические исследования в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности // Медико-криминалистическая идентификация. М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. С. 227–350.
- Зубов А.А.* Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 189 с.
- Китов Е.П.* Антропологические материалы срубно-алакульского времени Южного Зауралья // Вестн. ЧелГУ. История. 2008. № 5. С. 96–105.
- Китов Е.П.* Палеоантропологические данные могильника Александров-Невский I к вопросу о происхождении населения срубно-алакульского времени Южного Зауралья // Вестн. ЧелГУ. История. 2009. № 38. С. 5–9.
- Китов Е.П.* Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.

Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана...

Китов Е.П., Хохлов А.А. Палеоантропология срубно-алакульского времени Южного Урала // Вестн. антропологии. 2008. Вып. 16. С. 71–83.

Медникова М.Б. Антропология древнего населения Южной Сибири по данным посткраниального скелета (в связи с проблемами палеоэкологии): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1993. 20 с.

Медникова М.Б. Osteometric method in bioarchaeological reconstructions // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 33–86.

Медникова М.Б. Особенности скелетной конституции (по материалам из могильника Комиссарово) // Курганы. Т. IV: Некрополи на Кургалах. Население Кургалов: Палеоантропологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 151–165.

Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университет. книга, 2005. 272 с.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. 24 с.

Перерва Е.В. Дискретно-варьирующие признаки на костях посткраниального скелета: на примере антропологических материалов из некрополя Водянского городища // Вестн. ВолГУ. История. 2014. № 4 (28). С. 51–70.

Рафикова Я.В. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вестн. ЧелГУ. История. 2008а. № 18. С. 5–13.

Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // РА. 2008b. № 4. С. 72–83.

Рымто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.

Рыкушина Г.В. Половой диморфизм морфологических признаков зубной системы современного человека // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Оренбург: ОГАУ, 2009. С. 161–162.

Тур С.С., Рыкун М.П. Палеоэкология населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: АзБука, 2006. Ч. 1. С. 60–113.

Федосова В.Н. Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 521–530.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (eds.) Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeological Survey. Research Series. 1994. No. 44. 264 p.

Finnegan M.A. Non-metric variation of the infracranial skeleton // Journ. of Anatomy. 1978. No. 125. P. 23–37.

Ghosh S., Sethi M., Vasudeva N. Incidence of third trochanter and hypotochanteric fossa in human femora in Indian population // OA Case reports. 2014. No. 3 (2). P. 1–4.

Hunt E.E., Gleiser I. The estimation of age and sex of preadolescent children from bones and teeth // Amer. Journ. of Physical Anthropology. 1955. No. 13. P. 479–487.

Mittler D.M., Sheridan S.G. Sex determination in subadults using auricular surface morphology: A forensic science perspective // Journ. of Forensic Sciences. 1992. Vol. 37, no. 4. P. 1068–1075.

Sciulli P.W. Standardization of long bone growth in children // Intern. Journ. of Osteoarchaeology. 1994. Vol. 4. P. 257–325.

Stloukal M., Hanakova H. Die Länge der Längsknochen altslawischer Bevölkerungen — unter besonderer Berücksichtigung von Wachstumsfragen // Homo. 1978. Bd. 29. P. 53–69.

Sundick R.I. Age and sex determination of subadult skeletons // Journ. of Forensic Sciences. 1977. Vol. 22. P. 141–144.

V.V. Kufterin, A.I. Nechvaloda

M. Aknullah Bashkir State Pedagogical University
October revolution st., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation

E-mail: vladimirkufterin@mail.ru

Institute of History, Language and Literature, Ural Science Center, Russian Academy of Sciences

October prospect, 71, Ufa, 450054, Russian Federation

E-mail: striwolf@mail.ru

BIANTHROPOLOGICAL RESEARCH OF HUMAN SKELETAL REMAINS FROM THE SRUBNO-ALAKUL MOUND AT SELIVANOVKA II CEMETERY (SOUTHERN TRANS-URALS)

The article presents some results of an anthropological study of a skeletal sample (19 individuals) from the excavation of the mound 1 Selivanovka II cemetery (Southern Trans-Urals), performed in 2000. Cultural identity of this burial place is defined as mixed Sрубno-Alakul with Alakul dominance. There are no tombs of mature and senile individuals. In double tombs adult (and perhaps sub-adult) individuals of different sexes are buried. Sub-adult subgroup demonstrates a lag in the rate of longitudinal growth from the modern standards. The individual metrics of adult individuals are similar. In body proportions, the adults are close to the populations of the «steppe» morphological type, on the one hand, and to the Chalcolithic — Bronze Age groups of Central Asia, on the other.

The latter is manifested in elongation of tibias in some skeletons from Selivanovka. Excessive frequency of some epigenetic markers may indicate close relationship of the buried individuals.

Key words: bioanthropology, Srubno-Alakul population, Selivanovka II cemetery, Bronze Age, Southern Trans-Urals.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089

REFERENCES

- Alekseev V.P., 1966. *Osteometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Osteometry: Methods of anthropological research], Moscow: Nauka, 251 p.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H., 1994. (eds.). Standards for data collection from human skeletal remains. *Arkansas Archaeological Survey, Research Series*, no. 44, 264 p.
- Buzhilova A.P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiiakh [Paleopathology in bioarchaeological reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka: Metodika biologicheskikh issledovaniï*, Moscow: Staryi sad, pp. 87–146.
- Dubova N.A., Rykushina G.V., 2007. Paleodemografiya Gonur-depe [Palaeodemography of Gonur-depe]. *Chelovek v kul'turnoi i prirodnoi srede*, Moscow: Nauka, pp. 309–319.
- Fedosova V.N., 2003. Analiz protsessov rosta i razvitiia v paleopopuliatsiiakh [Analysis of the processes of growth and development in palaeopopulations]. *Gorizonty antropologii*, Moscow: Nauka, pp. 521–530.
- Finnegan M.A., 1978. Non-metric variation of the infracranial skeleton. *Journal of Anatomy*, no. 125, pp. 23–37.
- Ghosh S., Sethi M., Vasudeva N., 2014. Incidence of third trochanter and hypotrochanteric fossa in human femora in Indian population. *OA Case reports*, no. 3 (2), pp. 1–4.
- Hunt E.E., Gleiser I., 1955. The estimation of age and sex of preadolescent children from bones and teeth. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 13, pp. 479–487.
- Kitov E.P., 2008. Antropologicheskie materialy srubno-alakul'skogo vremeni luzhnogo Zaural'ia [Anthropological materials of the Srubno-Alakul period from the Southern Trans-Urals]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorii, no. 5, pp. 96–105.
- Kitov E.P., 2009. Paleoantropologicheskie dannye mogil'nika Aleksandro-Nevskii I k voprosu o proiskhozhdenii naseleniia srubno-alakul'skogo vremeni luzhnogo Zaural'ia [Paleoanthropological data of Alexandro-Nevsky I cemetery: concerning the origin of the Srubno-Alakul period population of the Southern Trans-Urals]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorii, no. 38, pp. 5–9.
- Kitov E.P., 2011. *Paleoantropologiya naseleniia luzhnogo Urala epokhi bronzy* [Paleoanthropology of the Bronze Age population of the Southern Urals]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Moscow, 26 p.
- Kitov E.P., Khokhlov A.A., 2008. Paleoantropologiya srubno-alakul'skogo vremeni luzhnogo Urala [Paleoanthropology of the Srubno-Alakul period of the Southern Urals]. *Vestnik antropologii*, 16, pp. 71–83.
- Mednikova M.B., 1993. *Antropologiya drevnego naseleniia luzhnoi Sibiri po dannym postkranial'nogo skeleta (v svyazi s problemami paleoekologii)* [Anthropology of the ancient population of Southern Siberia according to the postcranial skeleton (due to problems in paleoecology)]. Avtoref. dis. ... kand. biol. nauk, Moscow, 20 p.
- Mednikova M.B., 1998. Osteometricheskaya metodika v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiiakh [Osteometry in bioarchaeological reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka: Metodika biologicheskikh issledovaniï*, Moscow: Staryi sad, pp. 33–86.
- Mednikova M.B., 2005. Osobennosti skeletnoi konstitutsii (po materialam iz mogil'nika Komissarovo) [Patterns of skeletal constitution in Komissarovo cemetery materials]. *Kargaly*, vol. IV: Nekropoli na Kargalakh. Naselenie Kargalov: Paleoantropologicheskie issledovaniia, Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, pp. 151–165.
- Mittler D.M., Sheridan S.G., 1992. Sex determination in subadults using auricular surface morphology: A forensic science perspective. *Journal of Forensic Sciences*, vol. 37, no. 4, pp. 1068–1075.
- Movsesian A.A., 2005. *Feneticheskii analiz v paleoantropologii* [Phenetic analysis in paleoanthropology]. Moscow: Universitetskaya kniga, 272 p.
- Pererva E.V., 2014. Diskretno-var'iruiushchie priznaki na kostiakh postkranial'nogo skeleta: Na primere antropologicheskikh materialov iz nekropolia Vodianskogo gorodishcha [Traits of non-metric variation on postcranial skeleton bones: The case of anthropological material from the necropolis site of the ancient settlement of Vodianskoe]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorii, no. 4 (28), pp. 51–70.
- Pezhetskii D.V., 2011. *Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia* [Variability of the human long bones parameters and the possibility of somatotype reconstruction]. Avtoref. dis. ... kand. biol. nauk, Moscow, 24 p.
- Rafikova I.A., 2008a. Parnye pogrebeniia srubno-alakul'skoi kontaktnoi zony luzhnogo Zaural'ia [Paired burials of the Srubno-Alakul contact zone of the Southern Trans-Urals]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorii, no. 18, pp. 5–13.
- Rafikova I.A., 2008b. Srubno-alakul'skii kurgan Selivanovskogo II mogil'nika iz luzhnogo Zaural'ia i problema parnykh pogrebenii epokhi bronzy [The Srubno-Alakul kurgan at Selivanovskoe II cemetery in the Southern Trans-Urals and the issue of Bronze Age double burials]. *Rossiiskaya arkheologiya*, no. 4, pp. 72–83.

Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана...

Rutto N.G., 2003. *Srubno-alakul'skie sviazi na luzhnom Urale* [The Srubno-Alakul connections in the Southern Urals], Ufa: Gilem, 212 p.

Rykushina G.V., 2009. Polovoi dimorfizm morfologicheskikh priznakov zubnoi sistemy sovremennogo cheloveka [Sexual dimorphism of the human dental morphology]. *VIII Kongress etnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov*, Orenburg: OGAU, pp.161–162.

Sciulli P.W., 1994. Standardization of long bone growth in children. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 4, pp. 257–325.

Stloukal M., Hanakova H., 1978. Die Länge der Längsknochen altslawischer Bevölkerungen — unter besonderer Berücksichtigung von Wachstumsfragen. *Homo*, Bd. 29, pp. 53–69.

Sundick R.I., 1977. Age and sex determination of subadult skeletons. *Journal of Forensic Sciences*, vol. 22, pp. 141–144.

Tur S.S., Rykun M.P., 2006. Paleoekologiya naseleniya afanas'evskoi kultury Gornogo Altaia [Paleoecology of the Afanasievo culture population of the Altai Mountains]. *Epokha eneolita i bronzy Gornogo Altaia*, Ch. 1. Barnaul: AzBuka, pp. 60–113.

Zubov A.A., 1968. *Odontologiya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology. Methods of anthropological research], Moscow: Nauka, 189 p.

Zviagin V.N., 2000. Diagnosticheskie issledovaniia v sudebno-meditsinskoi ekspertize identifikatsii lichnosti [Diagnostic tests in forensic identification]. *Mediko-kriminalisticheskaia identifikatsiia*, Moscow: NORMA-INFRA, pp. 227–350.

Р.И. Бравина*, **В.М. Дьяконов***, **Е.Н. Николаев***, **Д.М. Петров***,
В.В. Сыроватский*, **А.Н. Багашев****, **О.Е. Пошехонова****, **С.М. Слепченко****,
Д.И. Ражев**, **Е.А. Алексеева****, **А.В. Зубова*****, **Я.В. Кузьмин******

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, РФ

E-mail: bravinari@bk.ru; dyakonov_vm@rambler.ru;
nikolaev.ykt@gmail.com; dmpetrov-92@mail.ru; syrovatskiy123@gmail.com

**Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ

E-mail: bagashev@mail.ru; poshehonova.olg@gmail.com;
s_slepchenko@list.ru; rajevd0@gmail.com; alekseeva.elena.ae@gmail.com

***Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, РФ
E-mail: zubova_al@mail.ru

****Институт геологии и минералогии СО РАН
просп. Акад. Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, РФ
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕЯКУТСКОГО СЕРГЕЛЯХСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XV — НАЧАЛА XVI в.

Представлены результаты комплексного исследования захоронения, относящегося к малочисленным погребальным памятникам раннего этапа этнической истории якутов. Погребение принадлежит конному воину, о чем свидетельствуют элементы конной упряжи и фрагменты вооружения, в том числе части уникального для якутов композитного лука центрально-азиатского типа, наконечники стрел, клинок пальмы. Патологии позвоночника и морфологические признаки бедренных костей также указывают на верховую езду как привычный способ передвижения. Многочисленные травмы на костях свидетельствуют об агрессивном образе жизни. Смерть мужчины наступила в результате проникающего ранения головы, нанесенного клинковым оружием. Краниологические характеристики индивидуума находят соответствие в южно-сибирских популяциях, для которых характерно метисное сочетание европеоидных и монголоидных признаков, в рассматриваемом случае с преобладанием последних. Соответствие ритуальных признаков погребальным комплексам усть-талькинской культуры и краниологические особенности мужчины позволяют ассоциировать Сергеляхское погребение с «тюркской» составляющей народа саха, эпически соотносимой с легендарным Эллэй Боотуром.

Ключевые слова: Сергеляхское погребение, усть-талькинская культура, якуты, краниометрия, череп, антропологический тип, палеопатология, популяция.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-090-109

Введение

Погребения, относящиеся к раннему этапу этнической истории якутов (XIV–XVI вв.), весьма немногочисленны и представляют собой ценнейший источник, позволяющий получить значимые сведения о происхождении народа саха. Любое новое открытие погребения указанного периода в этом аспекте крайне важно, особенно если исследовать его в мультидисциплинарном русле. В частности, такая возможность появилась при изучении Сергеляхского погребения, случайно обнаруженного в сентябре 2013 г. на участке одной из дач на окраине г. Якутска в районе оз. Сергелях, приблизительно в 5 км юго-западнее центральной части города¹. Здесь хозяева при рытье погреба для временного хранения овощей наткнулись на железные предметы и кости человека. Информацию о находке передали в сектор археологии ИГИИПМНС СО РАН. К приезду археологов из ямы размером 120×60 см хозяевами дачи были подняты железные предметы: стремяна, наконечники стрел, колчаный крюк, клинок пальмы — и мелкие кости скелета человека.

¹ Фактический адрес: г. Якутск, Сергеляхское шоссе, 5 км, д. 11/4, владелец участка Назаров Николай Семенович.

Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения...

Дальнейшее изучение погребения, включая радиоуглеродное датирование, позволило отнести его к раннеякутскому периоду (XIV–XVI вв.) — времени существования в Центральной Якутии кулун-атахской культуры, в течение которого происходило формирование якутского этноса. Вместе с тем ряд особенностей не позволил однозначно атрибутировать Сергеляхское захоронение как принадлежащее к кулун-атахской культуре. В данной статье излагаются результаты мультидисциплинарного исследования этого погребения, в том числе археологического и антропологического, а также радиоуглеродного датирования.

Отличительные особенности и сопроводительный материал погребения

В месте обнаружения погребения был разбит раскоп размером 2×3 м. Само захоронение было разворошено хозяевами участка, что не позволило установить форму и размеры могильной ямы. В заполнении ямы встречались мелкие древесные угольки. Могила была ориентирована по оси запад — восток, параллельно руслу озера (рис. 1). Глубина могильной ямы составила 80 см от уровня дневной поверхности. Стратиграфия была нарушена ямой-перекопом шириной 48 см, глубиной 70 см (рис. 2).

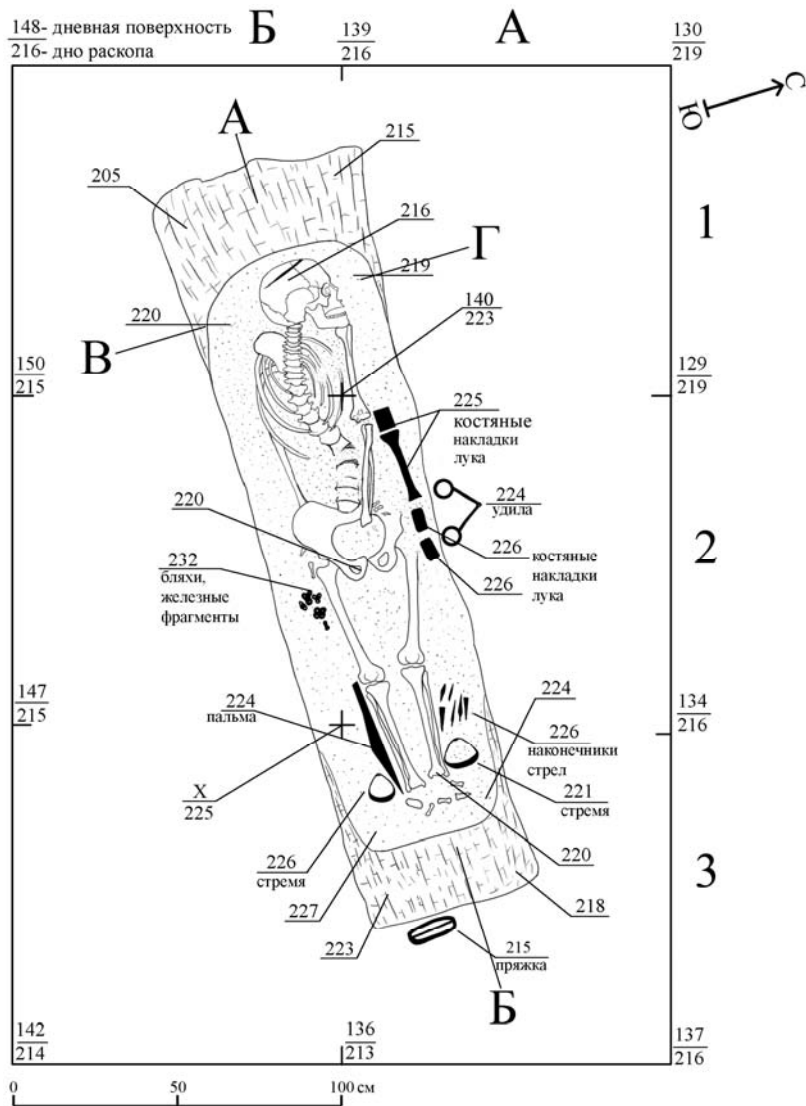

Рис. 1. План Сергеляхского погребения.

На дне ямы были обнаружены фрагменты сильно деформированного гроба-колоды, составленного из цельного лиственничного бревна, распиленного вдоль. Длина колоды примерно 230 см,

ширина у изголовья — 40 см, посередине — 45 см, ширина у ног — 63 см, высота у изголовья — 28 см. Внутри колоды был обнаружен скелет мужчины с глубоким рубленным ранением на верхней части черепа, нанесенным рубящим орудием. Костяк лежал головой на запад — юго-запад в вытянутом положении на спине, руки покоились в области таза (рис. 1). Одежда погребенного не сохранилась. Под телом зафиксированы остатки сена и мелкие кусочки бересты.

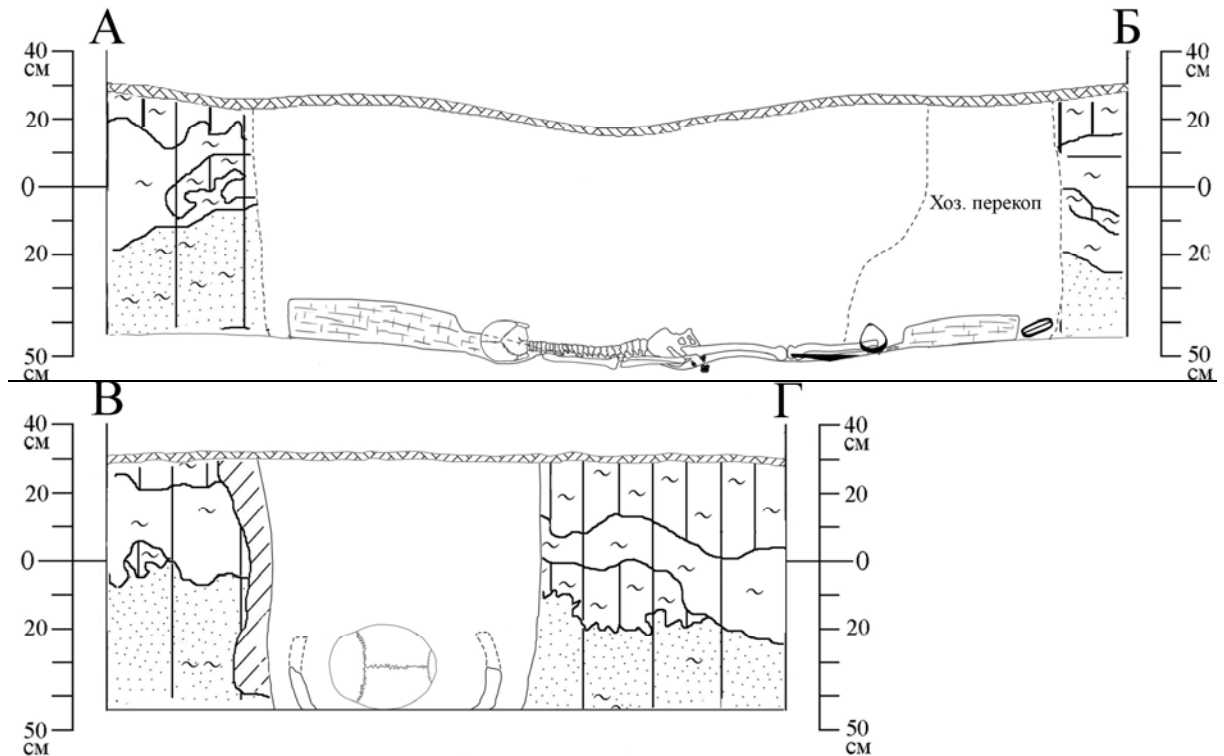

Рис. 2. Профили Сергеляхского погребения по линиям А–Б и В–Г.

По словам хозяев дачи, со стороны ног погребенного ими были подняты клинок пальмы, 2 стремена, фрагмент железной бляшки удлиненной формы, колчанный крюк и 6 железных наконечников стрел, некоторые из которых представлены обломками. В дальнейшем при раскопках внутри гроба около задней стенки нами было зафиксировано еще 2 железных наконечника стрел.

В районе ног погребенного был найден железный черешковый однолезвийный наконечник пальмы с прямым обухом типа «батас» — цельнокованное полифункциональное однолезвийное черешковое орудие. Лезвие орудия заточено только с одной («правой») стороны (рис. 3). Клинок орудия плавно расширяется от черешка, но примерно в середине лезвия под тупым углом сужается к острию. Черешок двусторонне плавно сужается к округлому кончику хвостовика. Общая длина орудия 42,4 см. Длина клинка 29,5 см, ширина до 3,5 см. Толщина обушка до 1 см. Длина черешка 12,9 см, ширина 1,3–2,3 см, толщина 0,4–0,8 см.

Железные кованые стремена полуовальной формы с плоской широкой, слегка закругленной подножкой, переходящей в дужку овальной формы с выделенным прямоугольным навершием и прямоугольной прорезью путлища в ней. Одно из стремян имеет трещину в месте перехода подножки в дужку. Размеры первого стремени: высота 14,9 см, ширина 14 см, ширина подножки 6,1 см, отверстие путлища 1×2 см (рис. 4, 4). Размеры второго стремени: высота 14 см, ширина 13,3 см, ширина подножки 5,3 см, отверстие путлища 0,6×2 см (рис. 4, 3).

Фрагмент колчанного крюка представляет собой плоскую кованую пластину (основание крюка) листовидной формы, плавно сужающуюся к концам (рис. 5, 9). Один конец обломан, и о форме щитка неизвестно, второй конец постепенно сужается в небольшой обломанный язычок. Общая длина фрагмента 9,5 см, длина сохранившейся части основания 7,1 см, ширина основания от 1,6 до 2,1 см, длина сохранившейся части язычка 2,4 см.

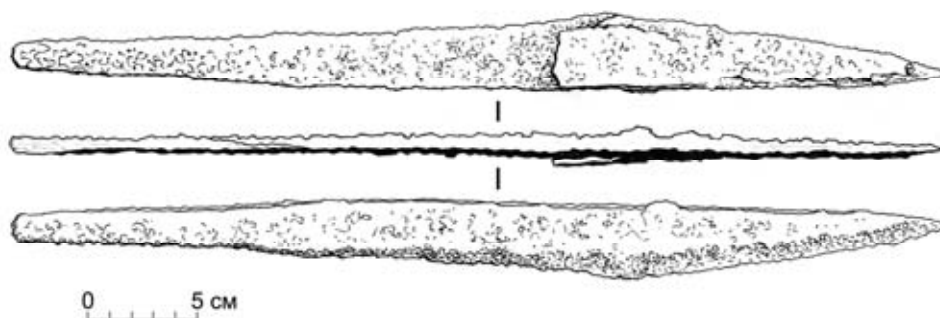

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь Сергеляхского погребения. Наконечник пальмы типа «батас».

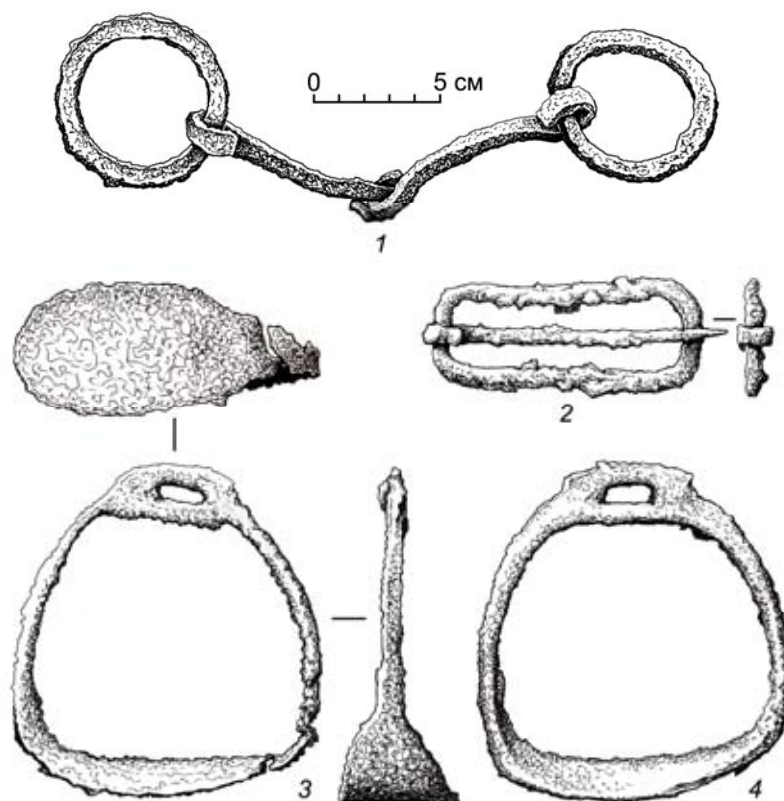

Рис. 4. Сопроводительный инвентарь Сергеляхского погребения:
1 — удила; 2 — подпружная пряжка; 3, 4 — стремяна.

Железные наконечники стрел (8 штук) представлены двумя видами: плоскими черешковыми — срезнями и бронебойными гранеными.

1. Плоский черешковый срезень с пологими плечиками, расширяющимися к тупому острию (рис. 5, 17). Черешок в сечении четырехгранный, постепенно заостряющийся. Форма лезвия ввиду коррозии неопределима. Общая длина 15,8 см, длина пера 11 см, ширина пера от 0,9 до 2,8 см; длина черешка (с утолщением) 4,8 см.

2. Два обломка плоского черешкового срезня с пологими плечиками, расширяющимися к тупому прямому острию (рис. 5, 16). Черешок в сечении четырехгранный, постепенно заостряющийся. Перо обломано из-за плохой сохранности металла. Общая длина наконечника 17,2 см, длина пера 12,5 см, ширина пера от 0,8 до 2,8 см, длина черешка 4,7 см (с утолщением упора).

3. Два обломка плоского черешкового срезня с пологими плечиками, расширяющимися к тупому прямому острию (рис. 5, 15). Черешок в сечении четырехгранный, постепенно заостряющийся. Перо обломано из-за плохой сохранности металла. Форма острия неопределима из-

за изъяна, связанного с коррозией. Общая длина наконечника 18,3 см, длина пера 12 см, ширина пера от 0,9 до 3,9 см, длина черешка 6,3 см (с утолщением упора).

4. Бронебойный наконечник стрелы с прямоугольным в сечении телом (рис. 5, 13). Черешок в сечении округлый (?), постепенно заостряющийся. Общая длина 13,9 см, длина пера 10,3 см (с утолщением упора), ширина пера 0,9–1,4 см, толщина пера 0,8–1,3 см, длина черешка 3,6 см.

5. Бронебойный наконечник стрелы с четырехгранным телом (рис. 5, 12). Острие разрушено из-за коррозии. Черешок в сечении четырехгранный, постепенно заостряющийся. Общая длина 13,1 см, длина пера (с утолщением упора) 9,9 см, длина черешка 3,2 см. Ширина и толщина пера 0,9–1 см и 0,7–0,9 см соответственно.

6. Бронебойный наконечник стрелы с ромбовидным в сечении телом и остроугольным плавно сужающимся острием (рис. 5, 14). Черешок в сечении четырехгранный, постепенно заостряющийся. Общая длина 13,7 см, длина пера 10 см (с утолщением упора), длина черешка 3,7 см. Ширина граней пера 0,6–0,9 см, с учетом утолщения 0,9–1,2 см.

7. Мелкий обломок черешка (?) плоского наконечника стрелы (?). Длина обломка 3 см, ширина 0,5–1 см (рис. 5, 10).

8. Обломок черешка (?) четырехугольного в сечении наконечника стрелы (?). Черешок длинный округлый в сечении (рис. 5, 11). Сохранилось четырехгранное в сечении основание пера. Длина обломка 8,5 см, длина черешка 6,6 см, длина фрагмента пера 1,9 см, ширина граней 0,5–0,7 см.

При дальнейшем осмотре и раскопках остатков погребения в восточной части могильной ямы, за пределами гроба, у ног погребенного найдена железная подпружная пряжка с подвижным язычком — шпеньком (рис. 4, 2). Рамка прямоугольной формы с округленными углами, длинные края рамки чуть вогнуты вовнутрь. Язычок подвижный, прямой, заостряющийся к кончику. Размеры рамки 10,5×4–4,4 см, длина язычка 11,6 см.

Внутри гроба возле правой ноги погребенного находились детали оголовья узды, комплект которых представлен железными распределителями ремней. Первый состоит из кольца с тремя подвижными лопастями крепления в виде трех округлых стилизованных «лепестков», оформленных полусферическими вдавлениями, к крайним из которых с помощью клепок крепились распределительные ремни (рис. 5, 7). Длина лопастей 3,5–3,7 см, ширина 2,3–2,5 см. Диаметр кольца 2,3–2,5 см, ширина 0,5–0,8 см, толщина кольца 0,5 см.

Второй распределитель ремней состоит из кольца с одной сохранившейся подвижной лопастью крепления в виде трех округлых стилизованных «лепестков», оформленных полусферическими вдавлениями, к крайнему из которых с помощью клепки крепился распределительный ремень (рис. 5, 6). Длина лопастей 3,6 см, ширина 2,3 см. Диаметр кольца 2,2 см, ширина 0,6 см, толщина кольца 0,4–0,5 см.

Здесь же зафиксированы обломки плоского железного изделия (изделий?) со следами клепок. Пять обломков апплицируются во фрагмент подпрямоугольной пластины (рис. 5, 8). Максимальные размеры 6×4,7 см.

В области таза сверху и внизу костяка обнаружены фрагменты четырех железных накладных бляшек из комплекта оголовья узды в виде сдвоенных округлых стилизованных «лепестков», оформленных полусферическими вдавлениями, от соединения которых по обе стороны отходят загнутые внутрь концы крепления.

Фрагменты первой и второй бляшек оформлены в виде стилизованной «веточки» с четырьмя раздвоенными по обе стороны от «веточки» округлыми «лепестками», оформленными полусферическими вдавлениями. На одном таком вдавлении на первой бляшке сохранились остатки клепки (рис. 5, 4). Концы этого изделия обломаны. Второе изделие изогнуто, и один конец его обломан (рис. 5, 5). Длина первого фрагмента 5 см, ширина «веточки» 0,8 см, ширина «лепестков» 2,2 см, толщина 0,4–0,9 см. Длина второго фрагмента 6,5 см, ширина «веточки» 0,9 см, ширина «лепестков» 2,2 см, толщина 0,4–0,8 см.

Третья и четвертая бляшки имеют вид сдвоенных округлых стилизованных «лепестков», оформленных полусферическими вдавлениями, от соединения которых по обе стороны отходят загнутые внутрь концы крепления. Концы креплений у обеих бляшек обломаны (рис. 5, 2). На одном из «лепестков» четвертой бляшки фиксируется остаток клепки (рис. 5, 3). Длина третьей бляшки 2,6 см, ширина «лепестков» 2,4 см, толщина 0,5 см. Длина четвертой бляшки 3 см, ширина «лепестков» 2,5 см, толщина (с клепкой) 0,8 см.

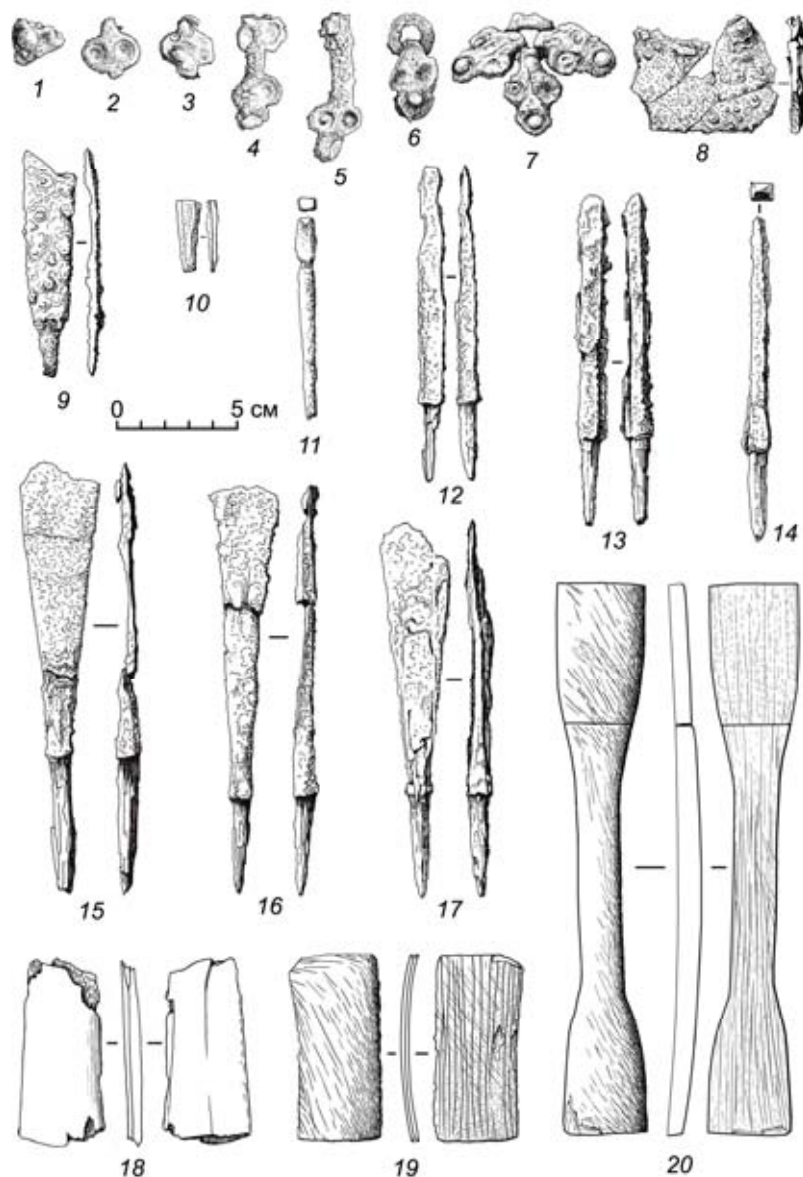

Рис. 5. Сопроводительный инвентарь Сергеляхского погребения:

1–5 — фрагменты накладных бляшек оголовья конской узда; 6, 7 — распределители ремней оголовья коня; 8 — обломки плоского изделия со следами клепок; 9 — фрагмент колчанного крюка; 10, 11 — фрагменты наконечников стрел; 12–17 — наконечники стрел; 18, 19 — плечевые фронтальные накладки сложносоставного лука; 20 — срединная составная накладка лука с веслообразно расширяющимися концами.

Внутри гроба справа от костяка зафиксированы неопределимые фрагменты бляшек предположительно оголовья (?) с остатками клепок (рис. 5, 1). Размеры их не превышают 1,2×3 см.

В северной части могильной ямы, за пределами гроба, слева от погребенного найдены железные удила, состоящие из грызла и подвижных трензелей (рис. 4, 1). Грызло состоит из двух стержней-звеньев неравномерной длины, подвижно скрепившихся между собой. Длинное звено грызла слегка изогнуто. Одинарные подвижные кольчатые трензеля имеют в сечении четырехугольную форму. Диаметр колец 6,5 см, толщина 0,7–0,9 см. Длина звеньев грызла 8,6 см и 9,4 см.

При извлечении костей погребенного слева от костяка были обнаружены четыре костяные пластины — накладки сложносоставного лука центрально-азиатского типа со срединной фронтальной и плечевыми фронтальными накладками.

Составная костяная срединная накладка состоит из 2 частей с расширяющимися веслообразными концами (рис. 5, 20). На внутренней стороне накладок имеется продольная нарезка,

предназначенная для лучшего склеивания с деревянной основой кибиты. Внешняя сторона отшлифована довольно грубым абразивом, от чего на ней местами остались косые штрихи-царапины. В горизонтальном сечении накладда слегка изогнута. Общая длина обеих накладок 23,2 см, большая часть равна 17,2 см, меньшая — 6 см. Ширина в середине равна 2 см, на концах — 3,5 см. Толщина в средней части 0,7 см.

Одна плечевая костяная накладда имеет подпрямоугольную форму, слегка расширяется к концам, в сечении вогнутая (рис. 5, 19). На внешней стороне имеются косые штрихи-царапины. Внутренняя сторона полностью покрыта продольными бороздками, предназначенными для лучшего склеивания с деревянной основой кибиты. Длина накладды 7,8 см, ширина 3,4–3,7 см.

Вторая плечевая костяная накладда (?) сделана из ребра крупного млекопитающего (рис. 5, 18). Накладда не обработана и представляет собой фрагмент ребра, обломанный поперек в двух местах. Края разломов не обработаны и имеют неровные очертания. Длина 7,8 см, ширина 3,4 см.

Корреляция материала, культурная идентификация и датировка

Лиственничные колоды представляют собой один из распространенных типов гробов в якутских погребальных комплексах [Бравина, Попов, 2008, с. 63–65, 199]. В культурном пространстве Евразии колоды появляются уже в бронзовом веке, а затем, в раннем железном веке, широко распространяются у племен скифо-сарматского круга Тувы, Монголии, Саяно-Алтая и Казахстана. В раннем средневековье такой тип внутримогильных конструкций используется у тюркских кочевых племен Саяно-Алтая, а с конца I тыс. н.э. вновь получает распространение в Центральной Азии, Предбайкалье и Забайкалье. В развитом средневековье в XII–XIV вв. колода как ведущий тип внутримогильных камер характерна для погребальных комплексов раннемонгольской археологической культуры кочевников Западного Забайкалья и усть-талькинской культуры Предбайкалья [Николаев, 2004, с. 118–119]. Западная ориентировка, отмеченная в Сергеляхском погребении, в целом преобладает в якутских погребениях [Бравина, Попов, 2008, с. 96].

Большой интерес представляют фронтальная срединная и плечевые накладды лука, обнаруженные в Сергеляхском погребении. Это единственная пока находка таких накладок на археологических объектах Якутии, доказывающая существование у якутов луков центрально-азиатского типа наряду с луками северного типа. Кроме того, уникальный композитный лук с фронтальной срединной, несколькими плечевыми и концевыми накладками и вкладышами, а также боковой окантовкой из рога, кости и мамонтового бивня был выявлен нами в 2014 г. в Тойбохойском музее Сунтарского улуса Якутии. До указанных пор существование сложных композитных луков центрально-азиатского типа у якутов подтверждалось лишь фольклорными и эпическими данными — упоминанием «костяного грохочущего лука», а также архивными документами, в которых отмечались костяные луки (*муос ох саа*, *кураах саа*), отличающиеся от тунгусских как общей конфигурацией, схожей с конфигурацией луков хуннского типа, так и наличием концевых роговых вкладышей и срединной костяной накладды [Токарев, 1945, с. 82; Иванов, 1966, с. 70; Гоголев, 1990, с. 101–102; Васильев, 1995, с. 64–65]. Сложносоставные луки с накладками, подобными сергеляхским, известны у кочевников Центральной Азии и Сибири начиная еще с поздней древности и раннего средневековья [Худяков, 1991, с. 25–27, 51, 99–104; 1997, с. 28–29, 60–64, 79–80; 121–123; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 187; и др.]. В частности, они были распространены у носителей усть-талькинской культуры Южного Приангарья и верхней Лены в XII–XIV вв., с которой связывается этногенез якутов [Николаев, 2004, с. 82, 160].

Наконечники стрел из Сергеляхского погребения все выполнены из железа и представлены двумя типами — плоскими черешковыми срезнями (томарами) и бронебойными гранеными наконечниками. Аналоги таким наконечникам имеются как в якутских материалах XIV–XIX вв. [Гоголев, 1990, с. 97, 187, табл. XLII; Васильев, 1995, с. 81, табл. 7, 1], так и в средневековых памятниках Южной Сибири, Саяно-Алтая, Предбайкалья и Забайкалья [Николаев, 2004, с. 86].

Примечательна находка фрагмента колчанного крюка, являвшегося, по всей вероятности, застежкой стрелкового (садачного) пояса либо пряжки-наконечника портупейного ремня. Железные колчанные крюки, подобные сергеляхскому, были широко распространены у кочевников Сибири, в том числе у средневековых племен Южного Приангарья и верхней Лены, с которыми связывается этногенез якутов [Николаев, 2006].

К оружию ближнего боя в Сергеляхском погребении относится однолезвийный ножевидный наконечник пальмы типа «батас», одной из характерных особенностей которого была ломаная угловатая линия лезвия [Васильев, 1995, с. 91]. Пальмы были широко распространены у якутов,

а также эвенков, эвенов и у некоторых других тунгусо-маньчжурских народов Сибири. Считается, что черешковые наконечники палым впервые появляются у кочевников Южного Приангарья в XII–XIV вв. (усть-талькинская культура), а оттуда распространяются по таежным территориям Сибири в последующие столетия [Николаев, 2004, с. 90]. Тем не менее батас, судя по имеющимся данным, является, по-видимому, изобретением якутов [Васильев, 1995, с. 92].

Снаряжение верхового коня представлено железными стременами, удилами, подпружной пряжкой, бляшками и тройниками-распределителями ремней оголовья. Стремена полуовальной формы с плоской широкой, слегка закругленной подножкой, аналогичные сергеляхским, были широко распространены по всей территории Евразии в средневековое время, в том числе у якутов. В усть-талькинской культуре они были одним из основных типов стремян [Николаев, 2004, с. 98–99]. То же можно сказать о подпружной пряжке и удилах со звеньями разной длины [Там же, с. 92–93, 99–100]. В якутских материалах XVII–XVIII вв. удила, за редким исключением, имеют равные звенья [Гоголев, 1990, с. 109–110].

Что касается тройников-распределителей и бляшек ремней оголовья, то, например, аналогичные тройники и бляшки, две из которых прикреплены к трензелям удил, были обнаружены в погребении № 8 могильника Доглан, относящегося к раннему этапу усть-талькинской культуры, датирующемуся XII — первой половиной XIII в. [Николаев, 2004, с. 93–94, 137, 224, рис. 43, 3–12]. Анализируя эти элементы конского снаряжения усть-талькинцев, В.С. Николаев отмечает [Там же, с. 94], что «бляшки оголовий не имеют прямых аналогий в археологических комплексах Сибири и Центральной Азии и являются одной из особенностей снаряжения коня у кочевников юга Средней Сибири». Находка такого комплекта оголовья коня в Центральной Якутии еще раз наглядно свидетельствует о прямой связи якутов со средневековыми скотоводами Предбайкалья.

По костям погребения Сергеляхское были получены три радиоуглеродные даты в разных лабораториях. Первая дата определена бензолно-сцинтилляционным методом в радиоуглеродной лаборатории Института мерзлотоведения СО РАН им. П.И. Мельникова (г. Якутск) — 640 ± 90 л.н. (MPI-28). Калибровка для $\pm 2\sigma$ (95,4 % вероятности) показала временной интервал 1220–1440 гг., для $\pm 1\sigma$ (68,2 %) — 1280–1400 гг. Дата имеет довольно большую среднеквадратическую ошибку, но, судя по ее значению, погребение могло быть совершено в XIII–XV вв., а вероятнее всего, в конце XIII — XIV в.

Вторая дата была получена методом AMS в Центре изотопных исследований университета Гронингена (Нидерланды) — 390 ± 30 л.н. (GrA-60345). Калиброванное значение даты для $\pm 2\sigma$ (95,4 %) — 1440–1640 гг., где 69,2 % указывают на временной интервал 1440–1530 гг., 26,2 % — на 1550–1640 гг. Таким образом, видно, что первый интервал наиболее вероятен.

Третья дата была получена в Лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Национального научного фонда США (Университет Аризоны, г. Тусон, шт. Аризона, США) — 380 ± 40 л.н. (AA-103993). Калибровка даты для $\pm 2\sigma$ (95,4 %) показала промежуток 1440–1640 гг., для $\pm 1\sigma$ (68,2 %) — 1440–1620 гг., в котором выделяется два хронологических интервала: 1440–1520 гг. (50,5 %) и 1590–1620 гг. (17,7 %). Наиболее вероятным интервалом представляется первый, относящий погребение к середине XV — началу XVI в.

Анализ радиоуглеродных дат и их калиброванных значений показывает, что Сергеляхское погребение относится скорее всего к середине XV — началу XVI в., так как, судя по двум датам, полученным методом AMS в разных независимых лабораториях, этот временной промежуток наиболее вероятен. С кулун-атахской археологической культурой Центральной Якутии XIV–XVI вв. Сергеляхское погребение можно связать лишь хронологически. Погребения кулун-атахцев в основном характеризуются скорченным труположением, наличием берестяных полотнищ, ящиками-гробами, гробами-срубам, деревянными настилами [Бравина, Дьяконов, 2015], что не свойственно Сергеляхскому захоронению. В частности, в кулун-атахском погребении Атласовское I, датированном XIV — серединой XV в., в сидячем виде был похоронен мужчина, антропологически близкий к современным бурятам и монголам [Дьяконов и др., 2014]. Считается, что якутский народ сложился в Центральной Якутии на основе смешения пришлых тюркоязычных и монгольских племен с местными палеоазиатскими племенами, а возможно, и более ранними тюрко-монгольскими пришельцами [Алексеев, 1996, с. 62; Гоголев, 2004, с. 79, 102]. В этом плане погребение Атласовское-1 можно соотнести с линией легендарного прародителя якутов — Омогоя Бая, выходца из протобурят [Исторические предания..., 1960, с. 73]. Другую линию, представленную еще одним легендарным первопредком якутов — Элэем Боотуром, происходящим из татар [Там же, с. 77], демонстрирует, на наш взгляд, Сергеляхское погребение. В нем впервые в археологии Якутии был обнаружен ком-

плект костяных накладок сложносоставного лука центрально-азиатского типа со срединной фронтальной и плечевыми фронтальными накладками. Инвентарь и ритуал данного захоронения четко коррелируется с погребальными комплексами усть-талыкинской культуры Южного Приангарья и верхней Лены XII–XIV вв. Учитывая важность этой находки, для определения расового типа и других физических особенностей сергеляхского индивидуума было предпринято его комплексное антропологическое исследование.

Методика антропологических исследований

Краниологические измерения черепа выполнялись по стандартной методике Р. Мартина в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, Дебец, 1964]. Использовался обычный набор признаков, дополнительно вычислялся угол поперечного изгиба лба [Гохман, 1961], а также применялись несколько индексов [Дебец, 1968]: указатель уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПФЦ), условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) и модули профилированности переносья (МПП) и лица (МПЛ) [Гохман, 1980]. Межгрупповое сопоставление проводилось с использованием канонического анализа. Анализ и обработка данных проводились в программе STATISTICA 6.0 с учетом методических рекомендаций В.Е. Дерябина. Использовалась программа канонического анализа, разработанная Ю.К. Чистовым, версия 1994 г.

Восстановление портрета по черепу проведено по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции, основанной М.М. Герасимовым [Герасимов, 1949, 1955; Лебединская, 1973, 1998; Никитин, 2009].

Для определения пола и возраста смерти применялись стандартные макроморфологические методики [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Зубов, 1968; Bass, 1987; Buikstra, Ubelaker, 1994; Lovejoy, 1985; Meindl & Lovejoy, 1985]. Травмы на костном материале описывались в соответствии с руководствами судебной медицины [Судебная медицина, 1990; Медико-криминалистическая..., 2000]. Исследование патологических проявлений проводилось на основании руководства по исследованию антропологических останков [Бужилова, 1995; Buikstra, Ubelaker, 1994; Ortner, Putschar, 1985].

Патология

Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 35–45 лет. Череп косо деформирован, теменные бугры смещены относительно друг друга. Предположительно деформация черепа возникла в результате того, что индивид, будучи спеленутым, долгое время лежал на твердой поверхности (якутская колыбель *буһук?*), при этом голова прилегала к ней левой теменно-затылочной областью.

Патология зубо-челюстной системы

Кариес отсутствует на зубах обеих челюстей. Обнаружены слабо выраженные линии эмалевой гипоплазии на клыках нижней челюсти. Следов апикальных абсцессов нет. Имеются множественные прижизненные сколы эмали на зубах обеих челюстей. Развитие пародонтоза умеренное.

При исследовании зубочелюстной системы индивида выявлена различная степень развития зубного камня на зубах обеих челюстей. На верхних резцах и клыках отмечается умеренная степень, на молярах и премолярах обеих челюстей развитие зубного камня сильное (2–3 балла), при этом максимальное — на премолярах и молярах нижней челюсти справа, полностью покрытых зубным камнем, образующим своеобразный «чехол». Наличие зубного камня и отсутствие кариеса характерно для обществ, в питании которых мало углеводной пищи.

Травмы

Зубы правой половины верхней челюсти были утрачены при жизни. Их потеря, вероятно, имеет травматическое происхождение. Полная облитерация лунок зубов и резорбция альвеолярного отростка верхней челюсти с правой стороны говорят о значительном промежутке времени, прошедшем после травмы. Стертость зубов-антагонистов нижней челюсти соответствует возрасту около 20–25 лет, что указывает на время потери зубов.

На своде черепа имеется повреждение, представляющее собой щелевидный дефект протяженностью 12,5 см, проникающий в полость черепа на всем протяжении. Оба угла повреждения продолжают трещинами. От переднелатерального угла повреждение идет трещиной влево и латерально на 2,5 см. Затем направление меняется: трещина, отклоняясь, тянется на 4,5 см назад, далее смещается вправо и продолжается медиально на 6 см по направлению к сагиттальному шву. От правой зад-

нелатеральной точки разруб идет назад в виде трещины около 6 см в направлении правого отрезка лямбдовидного шва и далее отклоняется медиально на 2 см.

Со стороны эндокрана на протяжении всего разруба имеется скол внутреннего компактного слоя. Трещины и отслоение внутренней поверхности кортикального слоя связаны с разрубом и являются следствием отклонения рубящего плоского предмета во фронтальной плоскости и назад. Отсутствие скола костей свода черепа вокруг травматического дефекта говорит, что в момент травмы голова пострадавшего не была защищена. Угол края дефекта относительно поверхности костей свода черепа острый. Цвет кортикального слоя и губчатого вещества на плоскости сруба коричневый, идентичный цвету прилежащей кости. Следов заживления не обнаружено. Данная травма повлекла за собой смерть мужчины.

Также фиксируются травмы ребер исследуемого индивида. Отмечены консолидированные сросшиеся переломы четвертого ребра слева в передней трети и правого седьмого на границе передней и средней трети. Механизм возникновения — прямой удар, повлекший за собой закрытую травму грудной клетки и перелом ребер. Выявлен консолидированный заживший перелом левой ключицы со слабым угловым смещением и укорочением на 1 см по сравнению с правой. Место перелома — граница средней и латеральной третьей ключицы. Причиной перелома могли стать прямой удар либо падение на левое плечо. Имеется консолидированный заживший перелом правой I плюсневой кости с укорочением и формированием изгиба.

Дистрофические изменения скелета

В группу дистрофических изменений позвоночника вошли следующие признаки, которые были зафиксированы при палеопатологическом исследовании погребенного: остеохондроз позвоночника, спондилез, грыжи Шморля и спондилоартроз. П.Л. Жарков [1994] помещает вышеуказанные патологии вместе с некоторыми другими изменениями в группу локальных дистрофических поражений позвоночника.

Остеохондроз был зафиксирован в поясничном отделе позвоночника и на 4–6 грудных позвонках, выразился наличием остеофитов, имеющих горизонтальную направленность, размером до 4–5 мм. Основной причиной развития остеохондроза являются дистрофические изменения межпозвоночных дисков, играющих важную роль в биомеханике движений в позвоночнике и смягчающих сотрясения, приходящиеся на него. В результате усиленной нагрузки на поясничный отдел позвоночника и длительной микротравматизации происходит дегенерация межпозвоночных дисков, которые теряют жидкость. Изменения затрагивают и студенистое ядро, в котором также уменьшается количество воды, и оно распадается на отдельные фрагменты. Фиброзное кольцо теряет эластичность, размягчается, в диске появляются трещины; секвестры пульпозного ядра, проникая в них, растягивают и выпячивают наружные слои кольца. В связи с утратой эластических свойств фиброзное кольцо не может удерживать пульпозное ядро или его фрагменты, что ведет к травматизации продольных связок и грыжеобразованию [Ульрих, Мушкин, 2005, с. 137–139].

Проявления спондилоартроза зафиксированы на всех позвонках, кроме шейных. Так, артроз дугоотростчатых суставов наибольшее развитие имеет на грудных и поясничных позвонках, с максимумом на II–IV поясничных позвонках. Выражается в наличии краевых костных разрастаний по периметру суставов, значительно больше справа. Причины, по которым поражения нижних поясничных позвонков преобладают над изменениями в остальных сегментах, изложены в некоторых публикациях. Например, А.П. Николаев и И.Л. Тагер указывают на преобладание нагрузки на данные сегменты поясничного отдела позвоночника при «всевозможных вращениях и изгибах туловища, при подъеме и переносе тяжестей, а также у субъектов с избыточным весом» [Косинская, 1961, с. 116].

Особой формой дистрофических изменений позвоночного столба являются грыжи тел позвонков (грыжи Шморля). У исследуемого нами индивида были зафиксированы центральные грыжи IV и V позвонков. Локальность же процесса является следствием обычной (повседневной) длительной нагрузки на позвоночник. При такой нагрузке возникает микротравматизация с развитием дефекта замыкательной пластинки площадок позвонков. При повышенной нагрузке вышеописанный процесс резко ускоряется и студенистое ядро с сохраненным тургором проникает через измененную замыкательную гиалиновую пластинку в губчатую ткань площадок тел позвонков, что может быть зафиксировано при палеопатологическом исследовании древних костяков [Косинская, 1961, с. 147]. Следует отметить, что грыжи позвонков образуются в молодом возрасте, когда студенистое ядро имеет наибольший тургор.

Приуроченность выраженных дистрофических изменений к поясничному отделу, вероятно, обусловлена длительной микротравматизацией, возможно связанной с длительным нахождением в седле с раннего возраста.

При анализе суставов конечностей выявлены очень слабые остеоартрозные изменения, выраженные в приостренности суставного края коленных, локтевых и плечевых суставов. Зафиксированные изменения с большой вероятностью можно считать возрастными.

Выявлен также остеоартроз левого грудино-ключичного сустава. У исследуемого индивида грудино-ключичный артроз обусловлен переломом ключицы и изменением биомеханики сустава.

По периметру ушковидной поверхности крестца имеются единичные остеофиты до 3 мм. Отмечается артроз пояснично-крестцового сустава с краевыми костными разрастаниями до 5–7 мм.

Патологические проявления на длинных, трубчатых костях не выявлены. На бедренных костях зафиксированы «фасетки всадника».

Заключение

Совокупность характеристик повреждения черепа позволяет однозначно интерпретировать его как разруб — рассекающий удар плоским предметом с острым лезвием, нанесенный по «сырой» кости. Противники находились на одинаковом уровне в положении стоя. Жертва была обращена правой половиной туловища и правой стороной головы к человеку, наносившему удар. Характеристика вышеописанных трещин говорит о некотором отклонении лезвия кзади и книзу, возможно, агрессор несколько пронировав кисть во время нанесения удара. Подобная травма могла быть получена в пылу боя с применением плоского предмета с острым лезвием, например якутского батаса или батыи.

Переломы левой ключицы, ребер, 1 пястной кости, травматическая потеря зубов правой части зубной дуги могут быть связаны с падением с лошади или являться следствием межличностных агрессивных действий, имевших место в возрасте около 20–25 лет. Последняя версия выглядит более вероятной, так как падение с лошади, скорее всего, повлекло бы за собой более серьезные переломы конечностей.

Маркеры палеодиеты говорят о перенесенном в детском возрасте пищевом стрессе, преобладании мясной пищи в рационе и крайне низком уровне гигиены полости рта. Поскольку верхние правые зубы были утрачены задолго до смерти индивида, правая сторона нижней челюсти не участвовала в процессе пережевывания пищи. Поэтому не происходило самопроизвольного очищения коронок от остатков пищи, а практика целенаправленной их очистки погребенному, очевидно, не была знакома. В результате на нижних зубах-антагонистах образовались мощные отложения зубного камня.

На некоторых зубах присутствуют прижизненные микросколы эмали. Наблюдаемая картина их распределения свидетельствует о привычке погребенного разгрызать кости животных или птиц, но не соответствует вариантам, наблюдаемым при использовании некачественно обработанных зерновых продуктов.

Остеохондрозные проявления на позвонках, выраженные явления спондилоартроза и грыжи Шморля в поясничном отделе позвоночника указывают на активное «всадничество» как причину этих изменений. Наличие «фасеток всадника» на бедренных костях также говорит о верховой езде как привычном (или часто употреблявшемся) способе передвижения.

Краниология

Очень низкий брахикранный череп мужчины имеет средний продольный диаметр и очень большой поперечный (табл. 1). По высотно-продольному указателю череп ортокранный, по высотно-поперечному — тапейнокранный. Форма свода в профиль с плавным переходом от лобной к теменным и от теменных к затылочным костям. Контур свода со стороны лба округлый. Наружный затылочный бугор развит средне (2 балла). Линия темени в виде выпуклой дуги, возвышение по ходу стреловидного шва отсутствует. Теменные бугры развиты умеренно. Височные кости имеют округлую форму, направление их ближе к вертикальному. Сосцевидные отростки большие (3 балла), слабовыступающие, бугристость наружной поверхности и ребер сосцевидного отростка выражена умеренно. Наружные слуховые отверстия большие, надсосцевидный гребень развит средне. Места прикрепления жевательных мышц, а также дно височных ям с умеренно развитым рельефом.

Таблица 1

Размеры и указатели черепов мужчин из Атласовского первого (104-1) и Сергеляхского (105-1) погребений

Признаки, их номера по Мартину или условные обозначения	104-1	105-1
1. Продольный диаметр	185	178
8. Поперечный диаметр	148	151
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	137	125
20. Высотный диаметр (<i>po-b</i>)	115	119
8:1. Черепной указатель	80	84
17:1. Высотно-продольный указатель	74	70
17:8. Высотно-поперечный указатель	93	82
5. Длина основания черепа	105	102
11. Ширина основания черепа	136	130
9. Наименьшая ширина лба	98	88
10. Наибольшая ширина лба	125	119
29. Лобная хорда	120	113
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	28,9	22,8
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	24,1	20,2
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	138	148
32. Угол профиля лба от <i>l</i> .	83	65
12. Ширина затылка	112	116
40. Длина основания лица	103	97
40:5. Указатель выступания лица	98	95
43. Верхняя ширина лица	98	104
46. Средняя ширина лица	108	104
45. Скуловой диаметр	141	139
45:8. Поперечный фациоцеребральный указатель	95	92
48. Верхняя высота лица	75	75
47. Полная высота лица	126	121
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	55	60
48:45. Верхний лицевой указатель	53	53
72. Общий лицевой угол	85	85
73. Средний лицевой угол	85	87
74. Угол альвеолярной части	71	82
77. Назомалярный угол	144	147
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	141	138
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	40	42
52. Высота орбиты	32	35
52:51. Орбитный указатель	80	83
55. Высота носа	54	58
54. Ширина носа	25	25
54:55. Носовой указатель	47	43
75(1). Угол выступания носа	14	25
SC. Симотическая ширина	9,7	6,6
SS. Симотическая высота	1,6	4,9
SS:SC. Симотический указатель	17	74
∠S. Симотический угол	143	68
DC. Дакриальная ширина	26,1	18,9
DS. Дакриальная высота	5,6	11,6
DS:DC. Дакриальный указатель	22	61
∠D. Дакриальный угол	134	78
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	112	109
68. Длина нижней челюсти от углов	76	87
65. Мыщелковая ширина	125	120
66. Угловая ширина	105	101
67. Передняя ширина	47	47
70. Высота ветви	56	70
71а. Наименьшая ширина ветви	36	40
69(3). Толщина тела	15	14
79. Угол ветви нижней челюсти	133	111
∠С'. Угол выступания подбородка	64	70
УЛС	109,7	59,6
ПФЦ	93,8	98,7
УДМЭ	118,1	86,9
Модуль профилированности лица	142,5	142,5
Модуль профилированности переносья	138,5	73,0

Лоб очень узкий, весьма покатый, в горизонтальной плоскости уплощен. Чешуя лобной кости без возвышения по средней линии, скуловые отростки лобной кости с выраженным гребнем, переходящим в височную линию. Лобные бугры развиты слабо, надпереносье дугообразно-выпуклое, выступание (по шкале Broca) — 3 балла. Надбровные дуги рельефные, распространены до середины верхнеорбитного края, относительно переносья не выступают. Надглазничная выемка ограничена шиповидными боковыми выростами. Носовой отросток лобной кости средней ширины, низкий, трапециевидный.

Мезопрозрачное высокое уплощенное лицо на верхнем и нижнем уровнях среднеширокое, на среднем — широкое, скуловой диаметр также характеризуется большими показателями. В вертикальной плоскости лицо ортогнатное, в альвеолярной части — мезогнатное. Общий лицевой контур черепа близок к пентагональной форме.

Мезоконхные по пропорциям орбиты характеризуются средними величинами, по форме близки к квадрату. Профилировка орбит вертикальная. Фронтальная постановка средняя. Глазницы открытого типа. Верхние края их закругленные, нижние — притупленные. Глазничный бугорок выражен слабо. Гребешок в верхнем медиальном углу орбиты направлен к внутреннему слезному гребню. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы кософронтально. Раструб слезной части не выходит за границы орбиты. Линия разреза глаз имеет косовнутреннее направление.

Нос мужчины очень высокий, средней ширины, лепторинный по пропорциям. Значительно профилированное переносье высокое и узкое, угол выступления носовых костей средний. Носолобный угол сглажен. Профиль спинки носа, насколько позволяют судить носовые кости, прямой. Сечение спинки носа в средней части — полукруглое. Форма грушевидного отверстия — грушевидная, при этом подносовой край острый (антропинус), с горизонтально направленным, хорошо развитым подносковым шипом (5 баллов). Половины подноскового края находятся на одном уровне.

Альвеолярный отросток верхней челюсти низкий, выступающий. Альвеолярный отросток нижней челюсти низкий, направлен вертикально. Прикус — ножницеобразный. Верхний и нижний зубные ряды ровные. Положение зубов в альвеолах соответствует естественному простому типу прогнатизма, при котором верхняя челюсть и ее резцы скошены вперед, а резцы нижней челюсти сохраняют вертикальное положение.

Нижняя челюсть характеризуется средней шириной и большой длиной. Направление ветвей нижней челюсти вертикальное. Вершины углов нижней челюсти не выступают за линию основания, не отклоняются наружу, края углов бугристые. Нижний край округло-угловатой формы, с развитым рельефом. Подбородочный бугор в положении анфас узкий, раздвоенный, без подбородочных бугорков, в профиль — выступающий (2 балла).

В результате описания и анализа комплекса признаков можно реконструировать портрет зрелого мужчины с очень низкой, очень широкой, средней длины головой (рис. 6). Лицо высокое и широкое. Благодаря выдающимся скулам и средней ширине между углами нижней челюсти лицо имеет пентагональную форму. Лоб весьма покатый, узкий, с выраженным надбровьем. Брови, скорее всего, имели прямую форму, возможно, со слабым изломом. Глаза с ровной, горизонтальной на всем протяжении складкой верхнего века, разрез глаз имеет косовнутреннее направление. Морфология орбитальной области предполагает наличие эпикантуса. Нос выступающий, высокий, с прямым профилем, горизонтальным основанием. Рот средней ширины. Губы полные, прохейличные, контур, вероятно, деформирован вследствие травмы. Округлый узкий подбородок умеренно выступает.

Судя по отмеченным морфологическим особенностям, череп мужчины занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными группами. При этом тяготение в сторону европеоидных форм обусловлено строением переносья и носа (МПП 73,0), которые довольно значительно отличаются от «монголоидности» мозгового отдела черепа (ПФЦ 98,7) и лица (МПЛ 142,5) в целом. Подобная дисгармония, возможно, указывает на метисное происхождение мужчины, характерное для южно-сибирских популяций. Ввиду отмеченной дисгармонии условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) [Дебец, 1968] позволяет отнести череп мужчины к промежуточным европеоидно-монголоидным вариантам (86,9 %).

Если сравнивать черепа мужчин из Атласовского первого [Дьяконов и др., 2014; Багашев и др., 2016] и Сергеляхского захоронений, то обнаруживаются некоторые различия в морфологии краниумов данных индивидов (табл. 1). Это касается в первую очередь строения переносья и

угла выступления носовых костей, а также формы мозговой капсулы. Переносье сергеляхского черепа значительно более профилированное, нос выступает средне, а атласовский череп имеет сильно уплощенное переносье и очень слабо выступающие носовые кости. Форма головы и абсолютные размеры мозговой капсулы их также различны: атласовский череп более длинный, узкий и высокий по пропорциям на границе суббрахикрании и мезокрании, а сергеляхский более короткий, широкий и низкий, классический брахикранный. Однако такие показатели, как высота, ширина и профилировка лицевого скелета, у них сходны.

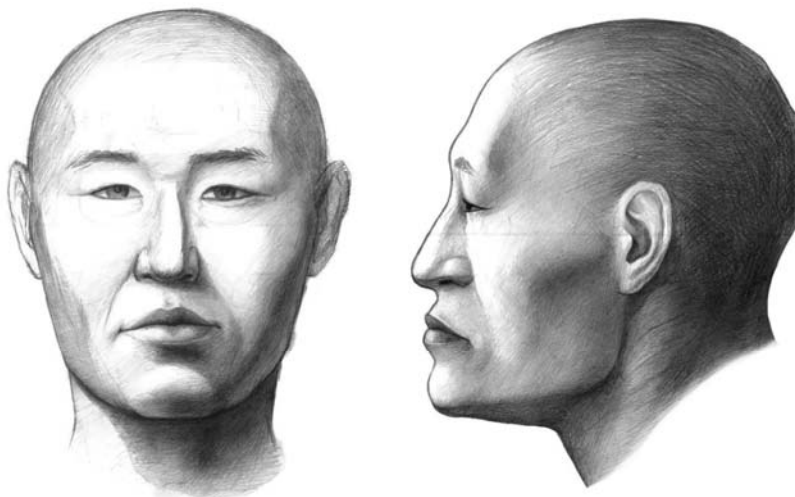

Рис. 6. Графическая реконструкция внешности мужчины из Сергеляхского погребения.

Для выяснения близости изучаемых черепов к той или иной современной группе населения Сибири показатели по мужским сериям были исследованы с помощью канонического анализа (табл. 2). Для анализа были взяты данные по центрально-азиатским (якуты [Томтосова, 1980], буряты забайкальские, западные и тункинские [Дебец, 1951], тувинцы [Алехеев, 1965], монголы [Дебец, 1951]), байкальским (негидальцы, юагиры, долганы, тунгусы оленные [Так же]), популяциям североазиатской формации, арктической группе популяций (чукчи береговые, чукчи оленные [Там же], эскимосы юго-восточные и науканские [Там же], эскимосы западные [Дебец, 1975]), южно-сибирской группе популяций (казахи, Бегазы [Исмагулов, 1963], теленгеты [Дебец, 1951], качинцы [Алексеев, 1960]), обь-иртышским (селькупы, Тискино [Багашев, 2001], чулымцы, Ясашная Гора [Розов, 1956], тоболо-иртышские татары [Багашев, 1993]), уральским (восточные ханты [Дремов, 1991], манси северные и ханты северные, Халас-Погор [Дебец, 1951]) и ямало-енисейским (ненцы [Там же], кеты [Гохман, 1982]) популяциям западно-сибирской формации.

Величины нагрузок, которые описывают 61,2 % общей дисперсии, показывают, что первый канонический вектор разделит мужские выборки по ширине свода, второй — по высоте и степени уплощенности лицевого скелета (табл. 2). То есть, наибольшие нагрузки по первому вектору приходятся на группы с узкими черепами, а наименьшие — соответственно на группы с широкими черепами. По второму вектору наибольшие нагрузки приходятся на выборки с максимально высоким и плоским лицом в анализируемой совокупности, заметно также более низкое переносье на уровне дакриона для них. Минимальные нагрузки падают на группы с обратным сочетанием признаков.

Характер рассеивания мужских групп в пространстве векторов наглядно демонстрирует место черепов из Атласовского и Сергеляхского погребений в системе антропологических типов Северной Евразии (рис. 7). Черепа мужчин из Атласовского и Сергеляхского погребений расположились в положительно-отрицательном поле графа, среди групп, которые характеризуются наиболее широким сводом, высоким плоским лицом с низким переносьем. Несомненна принадлежность атласовского индивида к популяциям центрально-азиатского антропологического типа североазиатской формации. Однако череп из Сергеляхского захоронения оказался между границ изменчивости байкальской и южно-сибирской групп популяций. Это в первую очередь обусловлено особенностями строения переносья и носа, которые сближают его с европеоидами.

Величины факторных нагрузок в совокупности анализируемых выборок

Номер по Мартину или условное обозначение	I канонический вектор	II канонический вектор
1. Продольный диаметр	0,1395	0,1571
8. Поперечный диаметр	-0,6199	0,1744
17. Высотный диаметр	0,4089	0,2940
9. Наименьшая ширина лба	0,2620	-0,1551
45. Скуловой диаметр	0,0642	0,2590
48. Верхняя высота лица	-0,0519	0,5006
55. Высота носа	0,1427	0,0959
54. Ширина носа	-0,3930	-0,1149
51. Ширина орбиты	0,2918	-0,2591
52. Высота орбиты	0,0811	0,1745
SS. Симотическая высота	-0,1297	-0,1240
DC. Дакриальная ширина	-0,1527	-0,1805
DS. Дакриальная высота	0,1235	-0,2418
72. Общий лицевой угол	-0,0588	-0,0521
75(1). Угол выступания носа	0,0074	0,1949
77. Назомалярный угол	0,1381	0,2863
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	-0,0959	0,4095
Собственное значение	72,1805	56,0733
Доля изменчивости, %	34,44	26,76

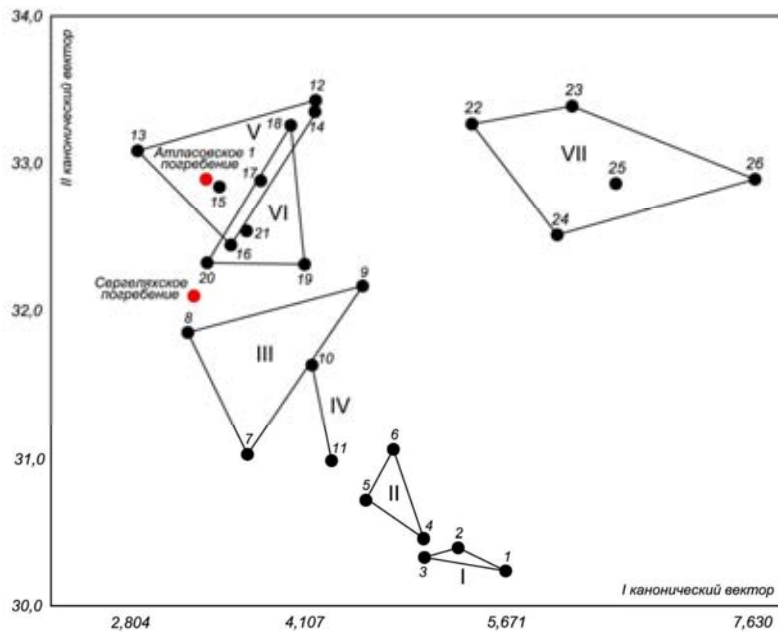

Рис. 7. Расположение мужских антропологических выборок Сибири и индивидуумов

из Атласовского первого и Сергеляхского погребений в пространстве I и II канонических векторов: I — обь-иртышская группа популяций западно-сибирской формации (1 — селькупы, Тискино; 2 — чулымцы, Ясашная Гора; 3 — тоболо-иртышские татары); II — уральская группа популяций западно-сибирской формации (4 — восточные ханты; 5 — манси северные; 6 — ханты северные, Халас-Погор); III — южно-сибирская группа популяций (7 — казахи, Бегазы; 8 — теленгеты; 9 — качинцы); IV — ямало-енисейская группа популяций западно-сибирской формации (10 — ненцы; 11 — кеты); V — центрально-азиатская группа популяций североазиатской формации (12 — якуты; 13 — буряты забайкальские; 14 — буряты западные; 15 — буряты тункинские; 16 — тувинцы; 17 — монголы); VI — байкальская группа популяций североазиатской формации (18 — негидальцы; 19 — юкагиры; 20 — долганы; 21 — тунгусы оленные); VII — арктическая группа популяций (22 — чукчи береговые; 23 — чукчи оленные; 24 — эскимосы юго-восточные; 25 — эскимосы науканские; 26 — эскимосы западные).

Безусловно, нужно иметь в виду, что в нашем случае сопоставлялись особенности индивидов с популяционными данными. Это не совсем корректная процедура. Но, даже с учетом высокой индивидуальной изменчивости, характерной для человека современного вида, результаты анализа позволяют констатировать довольно высокое морфологическое сходство краниологической струк-

туры черепов из Атласовского и Сергеляхского захоронений с популяциями центрально-азиатского и байкальского антропологических типов североазиатской формации.

Одонтологическая характеристика

Сильная стертость зубов затрудняет анализ одонтоскопических характеристик погребенного. На верхней челюсти левый клык стерт почти на треть своей высоты. На первом премоляре лингвальный бугорок заметно крупнее вестибулярного (балл 1), на втором оба бугорка примерно равны (балл 3). Гипоконус и метаконус первого левого моляра не редуцированы, наличие или отсутствие дополнительных бугорков установить не удалось из-за стертости и посмертных повреждений. На втором моляре гипоконус несколько уменьшен в размере, но его редукция не достигает балла 4-, метаконус редуцирован умеренно (балл 2). Здесь отсутствует бугорок Карабелли и косой гребень, остальные детали коронки стерты.

На нижней челюсти правый клык утрачен посмертно, постклыковые зубы правой стороны полностью покрыты зубным камнем, отложения которого отличаются исключительной массивностью. Левый первый премоляр не дифференцирован (балл 2), второй зуб дифференцирован значительно и имеет 4-бугорковую форму. Нижний первый моляр 5-бугорковый, узор коронки «У», на нем присутствует дистальный гребень тригониды и *tam1* в варианте метаконулиды. Протостилид, средний гребень тригониды, центральный бугорок отсутствуют, одонтоглифический узор и рельеф метакониды стерты. Второй левый моляр также 5-бугорковый, с «Х»-узором коронки. На нем отсутствуют дистальный гребень тригониды, протостилид, *tam1*, цингулюм; рельеф метакониды и одонтоглифика стерты. Третий левый моляр также имеет узор коронки «Х», 5-бугорковое строение. Дополнительные морфологические варианты отсутствуют.

Одонтоскопические признаки свидетельствуют о принадлежности погребенного к восточному одонтологическому стволу.

Заключение

Сергеляхское погребение — одно из немногих в Якутии, достоверно приуроченное к раннему этапу этнической истории якутов-саха (XIV–XVI вв.). Погребение датировано радиоуглеродным методом в трех независимых лабораториях и относится, вероятнее всего, к XV — началу XVI в. Почти по всем элементам погребального инвентаря и наличию гроба-колоды Сергеляхское захоронение имеет прямые аналогии в усть-талькинской культуре кочевников Южного Приангарья и верховьев Лены XII–XIV вв. Отличие имеется только в ориентировке: усть-талькинцы хоронили умерших преимущественно головой на север, а сергеляхский индивидуум ориентирован, как и в большинстве якутских погребений, головой на запад.

Похороненный в Сергеляхском погребении человек, скорее всего, был конным воином, на что указывает сопроводительный инвентарь, состоящий исключительно из предметов вооружения, воинской амуниции и снаряжения верхового коня (пальма, лук со стрелами, колчанный крюк, стремяна, удила, подпружная пряжка, бляшки и тройники-распределители ремней оголовья коня). Помимо этого, его принадлежность к воинскому сословию подтверждается наличием достаточно серьезных прижизненных травм, а также смертельного разрыва на черепе, который еще раз наглядно свидетельствует об ожесточенности конфликтов того периода, когда происходило становление народа и этнической культуры якутов. О всадничестве как основном способе передвижения говорят характерные изменения на бедренных костях индивидуума — так называемые фасетки всадника, а также остеохондрозные проявления на позвонках, выраженные признаки спондилоартроза и грыжи Шморля в поясничном отделе позвоночника.

Краниологическое исследование показало метисное происхождение мужчины из Сергеляхского погребения, характерное для южно-сибирских популяций, т.е. на промежуточное его положение между европеоидными и монголоидными группами. По-видимому, это погребение можно отождествлять с «тюркской» составляющей народа саха, соотносимой с легендарным прародителем якутов Эллэй Боотуром, наряду с «монгольским» (центрально-азиатским) компонентом сыгравшей основную роль в сложении якутского этноса, его языка и культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: Железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 96 с.

Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Тр. Киргиз. комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1960. Т. 4. С. 269–364.

Р.И. Бравина, В.М. Дьяконов, Е.Н. Николаев, Д.М. Петров, В.В. Сыроватский, А.Н. Багашев и др.

- Алексеев В.П.* Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Багашев А.Н.* Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993. 159 с.
- Багашев А.Н.* Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 159–174.
- Багашев А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л.* Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2. С. 137–147.
- Бравина Р.И., Дьяконов В.М.* Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: Совокупность отличительных признаков // Сев.-Вост. гуманитар. вестн. 2015. № 3 (12). С. 27–32.
- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Бужилова А.П.* Древнее население: (Палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
- Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
- Герасимов М.М.* Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Н. С. Т. 28. М., 1955. 586 с.
- Гоголев А.И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во ИргУ, 1990. 192 с.
- Гоголев А.И.* Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. 104 с.
- Гохман И.И.* Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопр. антропологии. 1961. № 8. С. 88–98.
- Гохман И.И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // СМАЭ. Л.: Наука, 1980. Т. 36. С. 5–34.
- Гохман И.И.* Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сб. Л.: Наука, 1982. С. 9–42.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. М.: Наука, 1951. Т. 17. 264 с.
- Дебец Г.Ф.* Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // С.А. Арутюнов, Д.А. Сергеев Проблемы этнической истории Берингоморья: (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. С. 198–240.
- Дремов В.А.* Краниология среднеобских хантов // Обские угры: Ханты и манси. М.: ИЭА РАН, 1991. С. 10–28.
- Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Багашев А.Н., Ражев Д.И., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л.* Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: Этногенез и этническая история саха: Материалы Всерос. интердисциплинар. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию Г.В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилева. Новосибирск: Наука, 2014. С. 233–240.
- Жарков П.Л.* Остеохондроз и другие дистрофические изменения позвоночника у взрослых и детей. М.: Медицина, 1994. 240 с.
- Иванов В.Н.* Кузнечное дело у якутов XVII в. // Якутский архив. Якутск, 1966. Вып. 3. С. 64–76.
- Исмагулов О.* Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии // ТИЭ. М.: Наука, 1963. Т. 82. С. 65–95.
- Исторические предания и рассказы якутов / Сост. Г.У. Эргис.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. I. 324 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005. 346 с. (Исторические исследования).
- Косинская Н.С.* Дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата. Л.: Медгиз, 1961. 245 с.
- Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу. М., 1998. 124 с.
- Медико-криминалистическая идентификация: Настольная книга судебно-медицинского эксперта / Под общ. ред. проф. В.В. Томилина.* М.: Норма, 2000. 472 с.
- Никитин С.А.* Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. М., 2009. Т. 1.
- Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв.: Усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. 306 с.
- Николаев В.С.* Колчаны кочевников Предбайкалья и Прибайкалья в XII–XIV вв. // Изв. Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2006. Вып. 4. С. 284–298.
- Розов Н.С.* Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // ТИА. М.: Наука, 1956. Т. 33. С. 340–373.
- Судебная медицина: Учеб. / Под ред. В.Н. Крюкова.* М.: Медицина, 1990. 448 с.

Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения...

- Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Кн. изд-во, 1945. 414 с.
- Томтосова Л.Ф.* Новые материалы по краниологии современных якутов // СМАЭ. Л.: Наука, 1980. Т. 36. С.121–129.
- Ульрих Э.В., Мушкин А.Ю.* Вертебрология в терминах, цифрах, рисунках. СПб.: Элби-СПб, 2005. 190 с.
- Худяков Ю.С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Худяков Ю.С.* Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.
- Alexeev V.P.* Kraniologische Daten und die Entstehung det Volker des Altaj und Sajan // Anthropologischer Anzeiger, Jahrgang 28. 1965. N 1. P. 54–61.
- Bass W.M.* Human osteology. A laboratory and field manual. Columbia: Missouri Archaeological Society, 1987. 327 p.
- Buikstra J., Ubelaker D.H.* (eds). Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series. 1994. No. 44.
- Lovejoy C.O.* Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // Amer. Journ. of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 47–56.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O.* Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // Amer. Journ. of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J.* Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press. 1985. 488 p.

**R.I. Bravina*, V.M. Dyakonov*, E.N. Nikolaev*, D.M. Petrov*, V.V. Syrovatskiy*,
A.N. Bagashev**, O.E. Poshekhonova**, S.M. Slepchenko**, D.I. Razhev**,
E.A. Alexeeva**, A.V. Zubova***, Ya.V. Kuzmin******

*Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems,
Siberian Branch, Russian Academy of Science
Petrovskii st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru; dyakonov_vm@rambler.ru;
nikolaev.ykt@gmail.com; dmpetrov-92@mail.ru; syrovatskiy123@gmail.com

**Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Science
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: bagashev@mail.ru; poshehonova.olg@gmail.com;
s_slepchenko@list.ru; rajevd0@gmail.com; alekseeva.elena.ae@gmail.com

***Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Science
prospect Acad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: zubova_al@mail.ru

****Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch, Russian Academy of Science
prospect Acad. Koptiyuga, 3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

COMPREHENSIVE STUDY OF THE EARLY YAKUT SERGELYAKH BURIAL OF THE XV — BEGINNING OF THE XVI CENTURIES

The paper presents a comprehensive study of graves which relate to rare burial sites of the early stage of ethnic history of the Yakuts. The burial belongs to an equestrian warrior. It is confirmed by the findings of the horse harness and fragments of weapons, including a part of a Central Asian composite bow which is unique to the Yakuts, arrowheads and a blade of palma (Siberian pole weapon). The vertebral pathologies and morphological features of femurs also point at riding as a usual way of transportation. Multiple injuries of bones indicate to an aggressive lifestyle. The death of the man was caused by a penetrating injury of the head with a bladed weapon. Craniological characteristics of the man correspond to the South Siberian populations characterized by a combination of Caucasoid and Mongoloid features. In this case, the latter prevails. The ritual funerary complexes correspond to the Ust-Talkin culture, which alongside with cranial features of the man enable us to associate Sergelyakh burial with Turkic part of the Sakha people, which is epically correlated with the legendary Elley Bootur.

Key words: Sergelyakh burial, Ust-Talkin culture, the Yakuts, craniometry, skull, physical type, paleopathology, population.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-090-109

REFERENCES

- Alekseev A.N., 1996. *Drevniaia Iakutiia: Zheleznyi vek i epokha srednevekov'ia* [Ancient Yakutia: The Iron Age and the Middle Ages], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 96 p.
- Alekseev V.P., 1960. Kraniologiya khakasov v svyazi s voprosami ikh proiskhozhdeniia [Craniology of the Khakasians in connection with issues of their origin]. *Trudy Kirgizskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, vol. 4, Moscow: Nauka, pp. 269–364.
- Alekseev V.P., 1966. *Osteometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: Technique of anthropological research], Moscow: Nauka, 251 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Technique of anthropological research], Moscow: Nauka, 128 p.
- Alexeev V.P., 1965. Kraniologische Daten und die Entstehung der Völker des Altai und Sajans. *Anthropologischer Anzeiger*, Jahrgang 28, no. 1, pp. 54–61.
- Bagashev A.N., 1993. *Etnicheskaia antropologiya tobolo-irtyshskikh tatar* [Ethnic anthropology of the Tobol-irtysh Tatars], Novosibirsk: Nauka, 159 p.
- Bagashev A.N., 2001. Khronologicheskaya izmenchivost' kraniologicheskogo tipa narymskikh sel'kupov [Chronological variability of craniological type of the Naryn Selkups]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3, pp. 159–174.
- Bagashev A.N., Razhev D.I., Zubova A.V., Bravina R.I., D'iakonov V.M., Stepanov A.D., Kuz'min Ia.V., Khodzhiins G.V.L., 2016. Antropologicheskoe issledovanie rannei yakutskogo Atlasovskogo pogrebeniia XIV–XV vekov [Anthropological study of an early Yakut Atlasovsky burial of the XII–XV centuries]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, vol. 44, no. 2, pp. 137–147.
- Bass W.M., 1987. *Human osteology. A laboratory and field manual*, Columbia: Missouri Archaeological Society, 327 p.
- Bravina R.I., D'iakonov V.M., 2015. Rannei yakutskie srednevekovye pogrebeniia XIV–XVII vv.: Sovokupnost' otlichitel'nykh priznakov [Early Yakut medieval burials of XIV–XVII centuries: Distinctive features]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, vol. 12, no. 3, pp. 27–32.
- Bravina R.I., Popov V.V., 2008. *Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' iakutov: Pamiatniki i traditsii (XV–XIX vv.)* [Funeral and memorial rites of the Yakuts: monuments and traditions (XV–XIX centuries)], Novosibirsk: Nauka, 296 p.
- Buikstra J., Ubelaker D.H., 1994, (eds). Standards for data collection from human skeletal remains. *Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes*, Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series, no. 44.
- Buzhilova A.P., 1995. *Drevnee naselenie: (Paleopatologicheskie aspekty issledovaniia)* [The ancient population: (Paleopatologicheskie aspects of the study)], Moscow: Institut Arkheologii RAN, 189 p.
- Debets G.F., 1951. Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti [Anthropological studies in Kamchatka Region]. *Trudy Instituta etnografii*, vol. 17, Moscow: Nauka, 264 p.
- Debets G.F., 1968. Opyt kraniometricheskogo opredeleniia doli mongoloidnogo komponenta v smeshannykh gruppakh naseleniia SSSR [Experience of craniometric determination of the proportion of Mongoloid component in mixed groups of the population of the USSR]. *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii*, Moscow: Nauka, pp. 13–22.
- Debets G.F., 1975. Paleoantropologicheskie materialy iz drevneberingomorskikh mogil'nikov Uelen i Ekven [Paleoanthropological materials from Old Bering burial of Whalen and Ekven]. Arutiunov S.A., Sergeev D.A. *Problemy etnicheskoi istorii Beringomoriia (Ekvenskii mogil'nik)*, Moscow: Nauka, pp. 198–240.
- D'iakonov V.M., Stepanov A.D., Bagashev A.N., Razhev D.I., Kuz'min Ia.V., Hodgins G.W.L., 2014. Atlasovskoe zakhoroneniie XIV–XV vv. kulun-atakhskoii kul'tury v kontekste problem etnogeneza iakutov [XIV–XV centuries Atlasovsky burial of the Kulun-Atakh culture in the context of the issues of the ethnogenesis of the Yakuts]. *Vsadniki Severnoi Azii i rozhdenie etnosa: Etnogenez i etnicheskaia istoriia Sakha: Materialy Vseros. interdisciplinarnoi nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posviashch. 125-letiiu G.V. Ksenofontova i 100-letiiu L.N. Gumileva*, Novosibirsk: Nauka, pp. 233–240.
- Dremov V.A., 1991. Kraniologiya sredneobskikh khantov [Craniology of the Middle Ob Khanty]. *Obskie ugry: Khanty i mansi*, Moscow: IEA RAN, pp. 10–28.
- Ergis G.U., 1960, (ed.). *Istoricheskie predaniia i rasskazy iakutov* [Historical legends and stories of the Yakuts], vol. I, Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 324 p.
- Gerasimov M.M., 1949. *Osnovy vosstanovleniia litsa po cherepu* [Basics recovery of face by the skull], Moscow: Sovetskaia nauka, 188 p.
- Gerasimov M.M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu: (Sovremennyi i iskopaemyi chelovek) [Recovery of face by the skull: (Recent and fossil man)]. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*, Novaia seriia, vol. 28, Moscow, 586 p.
- Gogolev A.I., 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki Iakutii pozdnego srednevekov'ia (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological sites of the late Middle Ages in Yakutia (XIV–XVIII centuries)], Irkutsk: Izdatel'stvo IrGU, 192 p.
- Gogolev A.I., 2004. *Etnicheskaia istoriia narodov Iakutii (do nachala XX v.)* [Ethnic history of the peoples of Yakutia (prior to the beginning of XX century)], Irkutsk: Izdatel'stvo IrGU, 104 p.

Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения...

- Gokhman I.I., 1961. Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlia rasovoi diagnostiki [The angle of lateral bending of the forehead and its significance for racial diagnosis]. *Voprosy antropologii*, no. 8, pp. 88–98.
- Gokhman I.I., 1980. Proiskhozhdenie tsentral'noaziatskoi rasy v svete novykh antropologicheskikh materialov [The origin of the Central Asian race in light of new anthropological materials]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. 36, Leningrad: Nauka, pp. 5–34.
- Gokhman I.I., 1982. Antropologicheskie aspekty ketskoi problemy: Rezul'taty antropometricheskikh i kraniologicheskikh issledovaniy [Anthropological aspects of the Ket issue: Results of anthropometric and craniological studies]. *Ketskii sbornik*, Leningrad: Nauka, pp. 9–42.
- Ismagulov O., 1963. Antropologicheskaya kharakteristika sovremennykh kazakhov po dannym kraniologii [Anthropological characteristics of the modern Kazakhs according to craniological data]. *Trudy Instituta etnografii*, vol. 82, Moscow: Nauka, pp. 65–95.
- Ivanov V.N. Kuznechnoe delo u iakutov XVII v. [Blacksmithing of the Yakuts in the XVII century]. *Iakutskii arkhiv*, 3, Iakutsk, 1966, pp. 64–76.
- Khudiakov Iu.S., 1991. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ia [Armament of Central Asian nomads in the Early and the Late Middle Ages], Novosibirsk: Nauka, 190 p.
- Khudiakov Iu.S., 1997. Vooruzhenie kochevnikov luzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia [Armament of Southern Siberia and Central Asian nomads in the Late Middle Ages], Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, 160 p.
- Kliashchornyi S.G., Savinov D.G., 2005. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia], St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 346 p.
- Kosinskaia N.S., 1961. *Degenerativno-distroficheskie porazheniia kostno-sustavnogo apparata* [Degenerative-dystrophic lesions of osteoarticular apparatus], Leningrad: Medgiz, 245 p.
- Kriukov V.N., 1990, (ed.). *Sudebnaia meditsina* [Forensic Medicine], Moscow: Meditsina, 448 p.
- Lebedinskaia G.V., 1998. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu* [Reconstruction of the face by skull], Moscow, 124 p.
- Lovejoy C.O., 1985. Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 68, pp. 47–56.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O., 1985. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 68, pp. 57–66.
- Nikitin S.A., 2009. Plasticheskaya rekonstruktsiia portreta po cherepu [Plastic reconstruction of the portrait on the skull]. *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo kremlia*, vol. 1, Moscow, 368 p.
- Nikolaev V.S., 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov iuga Srednei Sibiri v XII–XIV vv.: Ust'-tal'kinskaia kul'tura* [Funerary complex of the nomads in the Southern part of Central Siberia in the XII–XIV centuries: Ust-Talkinsk culture], Vladivostok; Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii SO RAN, 306 p.
- Nikolaev V.S., 2006. Kolchany kochevnikov Predbaikal'ia i Pribaikal'ia v XII–XIV vv. [Quivers of Baikal and Trans-Baikal nomads in the XII–XIV centuries]. *Izvestia Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 4, Irkutsk: Izdatelstvo IrGTU, p. 284–298.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1985. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*, Washington: Smithsonian Institution Press, 488 p.
- Rozov N.S., 1956. Materialy po kraniologii chulymtsev i sel'kupov [Materials on the craniology of the Chulyms and the Selkups]. *Trudy Instituta etnografii*, vol. 33, Moscow: Nauka, pp. 340–373.
- Tokarev S.A., 1945. *Obshchestvennyi stroi iakutov XVII–XVIII vv* [Yakut social system in the XVII–XVIII centuries], Iakutsk: Kn. izdatelstvo, 414 p.
- Tomilin V.V., 2000, (ed.). *Mediko-kriminalisticheskaya identifikatsiia: Nastol'naia kniga sudebno-meditsinskogo eksperta* [Medical and forensic identification: Handbook of forensic expert], Moscow: Norma, 472 p.
- Tomtosova L.F., 1980. Novye materialy po kraniologii sovremennykh iakutov [New materials on craniology of the modern Yakuts]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. 36, Leningrad: Nauka, pp. 121–129.
- Ul'rikh E.V., Mushkin A.Iu., 2005. *Vertebrologiia v terminakh, tsifrakh, risunkakh* [Vertebralogy in terms, digits, pictures], St. Petersburg: Elbi-SPb, 190 p.
- Vasil'ev F.F., 1995. *Voennoe delo iakutov* [Art of war of the Yakuts], Iakutsk: Bichik, 224 p.
- Zharkov P.L. *Osteokhondroz i drugie distroficheskie izmeneniia pozvonochnika u vzroslykh i detei* [Osteochondrosis and other degenerative changes of the spine in adults and children], Moscow: Meditsina, 1994. 240 p.

О.Е. Пошехонова*, А.В. Зубова**, А.В. Слепцова*

*Институт проблем освоения Севера СО РАН

ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ

E-mail: poshehonova.olg@gmail.com; sleptsova_1993@mail.ru

**Институт археологии и этнографии СО РАН

просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, РФ

E-mail: zubova_al@mail.ru

КРАНИОЛОГИЯ И ОДОНТОЛОГИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТОБОЛЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА УСТЮГ-1¹

Представлены результаты исследования краниологии и одонтологии группы, оставившей могильник Устюг-1, и рассмотрены вопросы генезиса бакальского населения Притоболья эпохи Великого переселения народов. Проведено сопоставление особенностей морфологии выборки с данными по популяциям раннего железного века, раннего и развитого средневековья этого и сопредельных регионов, определена степень их биологической связи. Зафиксировано доминирование в составе бакальской серии компонента, генетически связанного с западно-сибирским населением раннего железного века. Установлено, что к IV–VI вв. в древнем многокомпонентном субстрате бакальцев уже практически не фиксируется европеоидный морфотип, теперь он присутствует только в качестве небольшой примеси, а основной составляющей является западно-сибирский низколицый монголоидный комплекс. К IX–XIII вв. он уже полностью преобладает в структуре палеопопуляции, однако в тюркский период с востока происходит приток смешанного населения с центрально-азиатской примесью. Небольшая доля этого южно-сибирского морфотипа фиксируется у поздних бакальцев. Суперстратный кушнаренковский компонент, который отмечен по археологическим материалам, в антропологической структуре бакальского населения не выявлен. Одонтологические данные представляют схожую картину. Фиксируемый в серии комплекс одонтологических признаков позволяет предполагать гетерогенность группы и заметную трансформацию специфических характеристик саргатского компонента под влиянием миграций из восточной части лесостепной зоны Западной Сибири и из Средней Азии. По сравнению с населением Барабинской лесостепи саргатский компонент в бакальской группе выглядит сильно размытым, из ее характеристик практически исчезают маркеры южного грацильного типа, замещаемые западно-сибирским комплексом.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, раннее средневековье, палеоантропология, краниология, одонтология, бакальская археологическая культура.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-110-122

Введение

Население лесостепной и подтаежной полосы Западной Сибири эпохи Великого переселения народов является одним из наименее изученных в антропологическом плане. Одонтологические исследования материалов этого периода в принципе отсутствуют, а краниологические единичны. До сих пор в научный оборот введены только изученные И.М. Золотаревой [1957] раннесредневековые материалы из Козловского и Перейминского могильников, расположенных на берегу Андреевского озера близ г. Тюмени. Объединенную выборку, которая датируется IV–V вв. н.э., автор характеризует как метисную, промежуточную между монголоидным и европеоидными типами. Однако серия состоит лишь из пяти черепов (три мужских, два женских), два из которых представлены искусственно деформированными мозговыми отделами. Палеоантропологический материал, полученный в результате продолжения раскопок могильника Козлов Мыс-2 (Козловский) [Матвеева, 2012], в связи с неудовлетворительной сохранностью численность данных не увеличил.

В интересующий нас период (IV–VI вв. н.э.) на территории Притоболья проживали носители бакальской культуры. По археологическим данным основным компонентом в формировании этого населения являлись саргатские и кашинские группы. Однако бакальские «некрополи гете-

¹ Работа выполнена частично при поддержке гранта РФФИ (№ 16-06-00315 А), частично по проекту 0372-2014-0002 «Особенности популяционной и социальной структуры древних и традиционных обществ Северо-Западной Сибири».

рогенны по обряду захоронений и керамическому материалу, сочетают грунтовые и курганные могилы, ингумации и кремации, кенотафы и захоронения с конем», что свидетельствует о смешанности состава [Матвеева, 2015]. Поэтому большая роль в культурогенезе эпохи раннего средневековья отводится миграционным процессам, усилившимся в связи с «распадом централизованной раннегосударственной общности саргатского населения под влиянием гуннских вторжений в лесостепь» [Там же]. В составе раннесредневекового «бакальского» населения выделяется несколько пришлых компонентов — среднеазиатский (гуннский?), северный карымский и приуральский кушнаренковский. Происхождение последнего связывают именно с территорией Западной Сибири, предполагая более позднюю его миграцию в Приуралье [Матвеева, 2015; Рафикова, 2011]. Важно отметить, что хронология бакальских древностей не ограничена указанным временем. Эта культура развивалась на территории Притоболья и Прииртышья вплоть до IX [Данченко, 2008] или даже XIII в. [Рафикова, 2011].

Антропологические материалы позднего этапа бакальской культуры были изучены только по могильнику на Красноярском мысу в устье р. Ишим, в Прииртышье. Исследованы погребения IX–XIII (бакальская культура) и XVI–XVIII (тоболо-иртышские татары) вв., установлено, что антропологическая структура красноярской палеопопуляции двухкомпонентна. Основной ее морфотип местного происхождения, соотносится с западно-сибирскими низколицыми монголоидами ранних эпох. Дополнительный компонент фиксируется как примесь, близкая южно-сибирским группам [Пошехонова, 2011b]. В Среднем Прииртышье от развитого средневековья до современности антропологический тип населения практически не претерпел серьезных изменений [Там же], однако в культурном плане бакальские племена и их потомки значительно трансформировались в процессе тюркизации [Рафикова, 2011].

В связи с вышесказанным возрастает актуальность исследования краниологии и одонтологии населения Притоболья эпохи Великого переселения народов, результаты которого помогут проследить историю региона в постсаргатское время и определить степень биологической связи изучаемых групп с популяциями раннего железного века, раннего и развитого средневековья этого и сопредельных регионов.

Целью данного исследования являются антропологическое изучение группы, оставившей могильник Устюг-1, и рассмотрение генезиса бакальского населения Притоболья эпохи Великого переселения народов. В соответствии с этим поставлено несколько задач, среди которых введение в научный оборот морфологических характеристик изучаемой серии (краниологических и одонтологических) и их сопоставление с уже имеющимися данными по краниологии и одонтологии синхронного и более раннего периодов.

Материалы

Основным материалом для исследования являлась выборка из могильника Устюг-1, расположенного в среднем течении р. Тобол на территории Заводоуковского р-на Тюменской области. Памятник изучен Н.П. Матвеевой в 2009–2012 гг. В процессе раскопок было исследовано 19 курганов, основная часть погребений датируется IV–VI вв. н.э. и относится к бакальской культуре. Краниологическая серия представлена 13 черепами (семь мужских и шесть женских), пригодными для исследования. На девяти из них фиксируются следы прижизненной искусственной деформации. В связи с этим при краниологическом анализе не учитывались размеры мозгового отдела черепа, наиболее искажаемые в результате наложения давящей повязки. Одонтологическая серия включает в себя зубы 28 индивидов, из них 9 мужчин, 7 женщин и 8 детей. Пол 4 погребенных установить не удалось.

Методы

Краниологическое исследование проводилось по стандартной методике Р. Мартина в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца с использованием некоторых дополнительных указателей и модулей. Межгрупповая изменчивость исследовалась с помощью канонического анализа.

Одонтологическое исследование проводилось по принятой в отечественной антропологии стандартной методике, разработанной А.А. Зубовым [1968]. Также была использована программа учета архаичных особенностей зубной системы [Зубова, 2013]. Для подсчета частот одонтологических признаков использовался индивидуальный метод, без учета стороны их локализации. Межгрупповое сравнение выполнялось при помощи анализа главных компонент, на основе тригонометрически преобразованных частот лопатообразности верхних медиальных резцов (баллы 2 и 3 суммарно), бугорка Карабелли на верхних первых молярах (баллы 2–5 суммарно),

частот редуцированных вариантов строения гипоконуса на верхних вторых молярах (баллы 3, 3+ суммарно), 6-бугорковых нижних первых молярах, 4-бугорковых нижних первых молярах, 4-бугорковых нижних вторых молярах, дистального гребня тригониды на нижних первых молярах и коленчатой складки метакониды на нижних первых молярах.

Морфологическая характеристика серии
Краниология

Таблица 1

Размеры и указатели черепов из могильника Устюг-1

Признак (номер по Мартину или условное обозначение)	♂		♀	
	x (n)	s	x (n)	s
5. Длина основания черепа	97,3(3)	3,0	106,0(2)	5,7
11. Ширина основания черепа	131,0(5)	6,9	120,6(3)	12,1
9. Наименьшая ширина лба	86,5(4)	7,2	84,0(5)	6,1
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	140,2(5)	6,5	137,2(5)	7,1
40. Длина основания лица	99,0(3)	4,6	98,5(2)	2,1
40:5. Указатель выступания лица	102,3(3)	2,1	93,5(2)	2,1
43. Верхняя ширина лица	106,3(4)	7,5	102,3(3)	5,5
46. Средняя ширина лица	99,8(4)	6,6	91,0(2)	5,7
45. Скуловой диаметр	136,6(3)	8,4	125,0(1)	—
48. Верхняя высота лица	71,8(4)	6,9	69,5(2)	5,0
47. Полная высота лица	115,8(4)	7,5	112,3(2)	1,5
48:45. Верхний лицевой указатель	51,0(3)	3,6	53,0(1)	—
72. Общий лицевой угол	80,0(3)	2,6	88,0(2)	2,8
73. Средний лицевой угол	83,3(3)	1,2	95,0(2)	2,8
74. Угол альвеолярной части	77,3(3)	3,1	85,0(2)	2,8
77. Назомаллярный угол	143,5(4)	2,5	137,3(3)	9,6
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	129,5(4)	8,1	129,5(2)	9,2
51. Ширина орбиты от mf	44,0(4)	3,4	40,0(3)	2,0
52. Высота орбиты	33,8(4)	1,7	33,0(3)	5,2
52:51. Орбитный указатель	76,8(4)	2,9	82,3(3)	10,0
55. Высота носа	52,5(4)	4,4	46,8(4)	2,6
54. Ширина носа	24,3(4)	3,8	24,0(2)	2,8
54:55. Носовой указатель	46,5(4)	7,9	50,0(2)	4,2
75(1). Угол выступания носа	23,0(3)	2,0	14,0(1)	—
SC. Симотическая ширина	7,3(3)	0,0	8,8(3)	1,7
SS. Симотическая высота	3,2(3)	0,4	3,6(3)	0,9
SS:SC. Симотический указатель	44,3(3)	5,9	41,0(3)	2,7
∠S. Симотический угол	97,0(3)	7,2	101,7(3)	3,2
DC. Дакриальная ширина	22,6(3)	3,6	23,4(1)	—
DS. Дакриальная высота	14,0(3)	3,6	12,5(1)	—
DS:DC. Дакриальный указатель	66,3(3)	17,4	53,0(1)	—
∠D. Дакриальный угол	75,7(3)	14,0	86,0(1)	—
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	111,2(5)	7,6	102,3(4)	4,6
68. Длина нижней челюсти от углов	81,0(5)	6,0	71,8(5)	1,9
65. Мышелковая ширина	126,7 (3)	5,5	109,0(2)	11,3
66. Угловая ширина	105,5(4)	14,0	94,0(1)	—
67. Передняя ширина	47,9(7)	5,1	47,0(5)	2,2
70. Высота ветви	62,4(5)	2,9	57,75(4)	5,9
71a. Наименьшая ширина ветви	36,0(5)	2,6	32,0(4)	2,2
69(3). Толщина тела	13,6(7)	1,9	12,7(6)	1,2
79. Угол ветви нижней челюсти	121,2(5)	11,5	129,8(5)	12,4
∠C'. Угол выступания подбородка	64,3(7)	8,5	65,8(5)	3,6
Указатель уплощенности лицевого скелета	38,6(3)	—	22,4(1)	—
Модуль профилированности лица	136,5(4)	—	133,0(2)	—
Модуль профилированности переносья	86,3(3)	—	92,0(1)	—

При расчете средних показателей по многим признакам были зафиксированы большие значения статистических отклонений, что указывает на неоднородность выборки Устюг-1 и, возможно, ее сложный состав. Однако плохая сохранность и немногочисленность материала не позволили провести детальный анализ внутригрупповой изменчивости. Между мужской и женской группами наблюдается ряд существенных отличий. Череп у мужчин в основании короткий

Краниология и одонтология раннесредневекового населения Притоболья...

и широкий, у женщин — длинный и среднеширокий. Мезопрозопное лицо средней высоты (у женщин чуть выше), характеризуется средней шириной, у мужчин на нижнем уровне лицо широкое. В вертикальной плоскости лицевой отдел мужских черепов в общем мезогнатный, женских — ортогнатный. У мужчин наблюдается альвеолярный прогнатизм. По горизонтали лицо мужчин на верхнем уровне профилировано средне, на нижнем — сильно. У женщин на обоих уровнях лицо имеет острый профиль. Орбиты у мужчин широкие, у женщин — среднеширокие, высокие. По пропорциям мужские орбиты хамеконхные, женские — мезоконхные. Лепторинный по пропорциям нос у мужчин характеризуется малой шириной и средней высотой. У женщин нос мезоринный, по абсолютным показателям низкий и среднеширокий. Переносье у мужчин профилировано сильно, у женщин — средне. По абсолютным показателям на симотическом уровне оно узкое и средневысокое, на дакриальном — среднеширокое, у женщин — широкое, но очень высокое. Угол выступания носовых костей у мужчин малый, у женщин — очень малый.

Судя по указателю уплощенности лицевого скелета (38,6 и 22,4), выборка находится между монголоидными и европеоидными вариантами, но явно тяготеет к последним. Модули профилировки лица (136,5 и 133,0) и переносья (86,3 и 92,0) подтверждают это.

Одонтология

Таблица 2

Частоты одонтологических признаков серии Устюг-1 (верхняя челюсть)

Название признака	n/N	%
Лопатообразность (2+3) I ¹	5(7)	71,4
Вестибулярная выпуклость I ¹	0(7)	0,0
Двойная лопатообразность (2+3) I ¹	0(7)	0,0
Лингвальный наклон коронки I ¹	0(7)	0,0
Лингвальная ямка I ²	1(7)	14,7
Дистальный гребень С	2(6)	33,3
Мезиальный гребень С	1(6)	16,7
Дополнительный дистальный бугорок M ¹	2(13)	15,3
Бугорок Карабелли (2–5) M ¹	3(19)	15,8
Косой гребень M ¹	7(15)	46,7
fa M ¹	1(13)	7,7
fp M ¹	0(13)	0,0
Эпикриста M ¹	1(16)	6,3
Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²	8(17)	47,1

Таблица 3

Частоты одонтологических признаков серии Устюг-1 (нижняя челюсть)

Название признака	n/N	%
Мезиальный гребень С	1(11)	9,1
Дистальный гребень С	0(11)	0,0
Форма P1 (1–2)	7(11)	60,0
Форма P1 (4–5)	2(11)	18,2
Форма P2 (1–2)	3(12)	25,0
Форма P2 (4–5)	9(12)	75,0
6 M ₁	0(15)	0,0
4M ₁	0(15)	0,0
(+)M ₁ (4–6)	2(16)	12,5
(X)M ₁ (4–6)	3(16)	18,8
4M ₂	7(13)	53,8
6M ₂	1(13)	7,7
(У)M ₂	5(13)	38,5
(+)M ₂	2(13)	15,4
(X)M ₂	6(13)	46,2
Ямка протостилида (р) M1	6(18)	33,3
Протостилид (2–5) M ₁	0(18)	0,0
tami M ₁	3(18)	16,7
Дистальный гребень тригонид M ₁	0(16)	0,0
Эпикристингид	0(13)	0,0
Коленчатая складка метаконид M ₁	2(8)	25,0
Затек эмали (4–6) M ₂	2(11)	18,2

В серии наблюдается высокая частота лопатообразных форм центральных резцов. Маркеры архаики на фронтальных зубах верхней челюсти практически отсутствуют. Не было отмечено случаев выпуклости и лопатообразности вестибулярной поверхности резцов. При этом зафиксирован случай лингвальной ямки на латеральных резцах. На верхних первых молярах отмечена низкая частота бугорков Карабелли и дополнительных дистальных бугорков, на некоторых из них была встречена умеренная (балл 4-) редукция гипоконуса. Зафиксировано несколько случаев косога гребня, в одном случае — передняя ямка на верхних молярах. У одного индивида отмечен гребень эпикриста.

Вторые моляры характеризуются умеренно высокой частотой редукции гипоконуса. На одном из третьих моляров встречен дополнительный стилоидный бугорок на вестибулярной стороне — буккостиль.

На нижней челюсти наблюдается повышенная частота клыковидных форм первых премоляров и пониженная — моляризованных форм вторых. Отсутствуют 6- и 4-бугорковые первые моляры. Количество 4- и 5-бугорковых вторых моляров почти одинаковое, однако в выборке встречен 6-бугорковый второй моляр. На первых молярах доминирует узор коронки «У», на вторых с одинаковой частотой встречаются варианты узора коронки «Х» и «У», «+» наблюдается только в одном случае. Протостилид и дистальный гребень тригониды не встречены, но зафиксирована высокая частота ямки протостилида и коленчатой складки метакониды. Кроме того, на нижних вторых молярах зафиксировано пять случаев присутствия передней ямки.

Результаты сравнительного анализа

Краниология

Для выяснения связей бакальского населения, оставившего могильник Устюг-1, было проведено сопоставление его материалов с краниологическими выборками с территории Евразии, датирующимися временем до эпохи Великого переселения народов (табл. 4). Для сравнения были привлечены мужские серии, данные по которым, за некоторым исключением, взяты из монографии А.Н. Багашева [2000, табл. 34, с. 166–169, табл. 37, с. 199–201]. Сопоставление выполнялось лишь по размерам лицевого скелета.

Таблица 4

Серии, привлекаемые для межгруппового краниологического сопоставления

№	Серия	Автор, год
Ранний железный век		
1	Крым, скифы, могильники Николаевка, Казацкое (III в. до н.э. — I в. н.э.)	Багашев, 2000
2	Крым, скифы, могильник Золотая Балка (III в. до н.э. — I в. н.э.)	»
3	Крым, скифы, могильник Неаполь скифский (III в. до н.э. — I в. н.э.)	»
4	Крым, скифы, могильник Заветное (III в. до н.э. — I в. н.э.)	»
5	Поволжье и Приуралье, сарматы ранние, сборная серия (IV–II вв. до н.э.)	»
6	Поволжье и Приуралье, сарматы средние, сборная серия (I в. до н.э. — начало II в. н.э.)	»
7	Нижнее Поволжье, сарматы поздние, Абганеровский могильник (вторая половина IV в. н.э.)	»
8	Памир, саки, сборная серия (середина I тыс. до н.э.)	»
9	Киргизия, саки, сборная серия (середина I тыс. до н.э.)	»
10	Западная Туркмения, усунь, сборная серия (первые века н.э.)	»
11	Киргизия, усунь, сборная серия (II в. н.э. — III в. н.э.)	»
12	Таджикистан, усунь, сборная серия (II в. до н.э. — I в. н.э.)	»
13	Семиречье, усунь, сборная серия (IV в. до н.э. — IV в. н.э.)	»
14	Восточный Казахстан, усунь, сборная серия (III в. до н.э. — I в. н.э.)	»
15	Киргизия, кенкольская культура, сборная серия (II–V вв. н.э.)	»
16	Западный Казахстан, кочевники, сборная серия (VI–IV вв. до н.э.)	Китов, Мамедов, 2014
17	Западный Казахстан, кочевники, сборная серия (IV–III вв. до н.э.)	»
18	Западный Казахстан, кочевники, сборная серия (III–I вв. до н.э.)	»
19	Горный Алтай, пазырыкская культура, сборная серия (VI–III вв. до н.э.)	Чижишева, 2012
20	Минусинская котловина, тагаро-таштыкская культура, сборная серия (III–I вв. до н.э.)	Багашев, 2000
21	Минусинская котловина, таштыкская культура, сборная серия (I в. до н.э. — V в. н.э.)	»
22	Приуралье (Волго-Камье), ананьинская культура, Тетюшский могильник (VIII–VI вв. до н.э.)	»
23	Приуралье (Волго-Камье), караабызская культура, сборная серия (IV–I вв. до н.э.)	»
24	Приуралье (Волго-Камье), пьяноборская культура, сборная серия (I в. до н.э. — II в. н.э.)	»
	Верхнее Приобье, каменная культура, сборная серия (IV–I вв. до н.э.)	Рыкун, 2013
	Лесостепь Западной Сибири, саргатская культура, сборная серия (VII в. до н.э. — III в. н.э.)	Багашев, 2000
	Приисетье и Притоболье, гороховская культура, сборная серия (V–I вв. до н.э.)	»

№	Серия	Автор, год
	Бараба (вторая половина I тыс. до н.э.), Притоболье (V в. до н.э. — V в. н.э.), Приисетье (IV в. до н.э. — II в. н.э.), Прииртышье (VI в. до н.э. — IV в. н.э.), Приишимье (V в. до н.э. — IV в. н.э.), саргатская культура, сборные серии	Багашев, 2000
	Верхнее Приобье, кулайская культура, могильник Каменный мыс (III–II вв. н.э.)	»
	Монголоидные низколиций, низколиций долихокранный и высоколицый компоненты, выделенные в составе саргатской серии	»
	Европеоидные низколиций, низколиций уплощенный и высоколицый компоненты, выделенные в составе саргатской серии	»
Средние века		
1	Нарымское Приобье, могильник Алдыган (XI–XIII вв.)	Багашев, 2001
2	Нарымское Приобье, могильник Тискино (XII–XIV вв.)	»
3	Нарымское Приобье, селькупы, могильник Тискино (XV–XVII вв.)	»
4	Нижнее Приомье, могильник Астраханцево (XIII–XIV вв.)	Багашев, 2003
5	Среднее Приобье, релкинская культура, могильник Молчаново (VI–VIII вв.)	Багашев, 2000
6	Нижнее Приомье, басандайская культура, могильник Басандайка (IX–XIV вв.)	»
7	Новосибирское Приобье, верхнеобская культура, сборная серия (VII–VIII вв.)	»
8	Лесостепное Прииртышье, сборная серия (XIV–XVI вв.)	»
9	Среднее Прииртышье, усть-ишимская культура, сборная серия (IX–XIII вв.)	Пошехонова, 2011a
10	Среднее Прииртышье, бакальская культура и тоболо-иртышские татары, Красноярский археологический комплекс (КРАК) (IX–XVIII вв.)	Пошехонова, 2011b
11	Сургутское Приобье, Сайгатинские могильники (VI–XVI вв.)	Багашев, Пошехонова, 2007
12	Сургутское Приобье, зеленогорская, кучиминская культуры, Сайгатинские могильники (VI–XII вв.)	»
13	Сургутское Приобье, кинтусовская, сайгатинская культуры, Сайгатинские могильники (XIII–XVI вв.)	»
14	Сургутское Приобье, вожпайская культура и восточные ханты, могильник Усть-Балык (X–XX вв.)	Пошехонова, 2006
15	Сургутское Приобье, могильники Барсовой Горы (VIII–XV вв.)	Пошехонова, 2010
16	Новосибирское Приобье, басандайская культура, могильник Ташара-Карьер 2 (XI–XIII вв.)	Поздняков, 2008
17	Новосибирское Приобье, басандайская культура, могильник Санаторный 1 (XI–XIII вв.)	»
18	Минусинская котловина, «енисейские кыргызы» (VII–XI вв.)	Багашев, 2000
19	Горный Алтай (VI–X вв.)	»
20	Лесостепное Прииртышье, сросткинская культура (конец I — начало II тыс.)	»
21	Предгорный Алтай, бийский вариант сросткинской культуры (VII–X вв.)	»
22	Кузнецкая котловина, кемеровский вариант сросткинской культуры, могильник Ур-Бедари (VIII–X вв.)	»
23	Степной район Северо-Западного Алтая, сросткинская культура, могильник Гилево (VIII–X вв.)	»
24	Барнаульско-Каменский район Верхнего Приобья, барнаульско-каменский вариант сросткинской культуры (VIII–X вв.)	»
25	Барабинская лесостепь, сросткинская культура (IX–X вв.)	»
26	Приуралье, Замараевский могильник, сросткинская культура (XII–XIII вв.)	»
27	Северная Башкирия, кочевники (IX–X вв.)	Акимова, 1968
28	Кустанайское Притоболье, кимаки (VIII–X вв.)	Багашев, 2000
29	Павлодарское Прииртышье, кимако-кыпчаки (VII–XII вв.)	»
30	Восточный Казахстан, кимако-кыпчаки (VIII–XII вв.)	»
31	Приуралье, Верхнее Прикамье, ломоватовская культура, могильники Митинский, Демёнковский (VI–VIII вв.)	Акимова, 1968
32	Приуралье, Привяжье, полумская культура, могильники Полумский, Мадлыньшай (V–IX вв.)	»
33	Приуралье, Среднее Прикамье, бахмутинская культура, могильник Бирский (III–VII вв.)	»
34	Приуралье, Среднее Прикамье, мазунинская культура, могильники Сайгатинский, Ижевский, Мазунинский (III–V вв.)	»
35	Приуралье, бассейн р. Белой, кушнаренковская культура, Кушнаренковский могильник (V–VI вв.)	»

Величины нагрузок на первые два фактора, описывающие 59,5 % изменчивости, показывают, что наибольшие значения по I каноническому вектору приходятся на серии, в составе которых преобладают черепа с наиболее широкой орбитой, низким и уплощенным лицом (т.е. на наиболее монголоидные). По второму вектору наибольшие нагрузки приходятся на ширину лица, высоту переносья и выступание носовых костей.

Величины факторных нагрузок. Краниологический анализ

Номер признака по Мартину	Средние века		Ранний железный век	
	I к.в.	II к.в.	I к.в.	II к.в.
45. Скуловой диаметр	0,4820	0,3216	0,3790	-0,3952
48. Верхняя высота лица	0,0653	0,5228	-0,2383	0,1949
51. Ширина орбиты от <i>mf.</i>	0,2369	-0,2066	0,6278	0,3842
52. Высота орбиты	0,0738	-0,3448	-0,1978	0,0316
54. Ширина носа	-0,0362	0,1395	-0,0477	-0,0287
55. Высота носа	0,2275	-0,0209	0,1400	0,3850
SS. Симотическая высота	-0,0238	0,0839	0,0750	0,2012
DC. Дакриальная ширина	-0,2205	-0,2770	-0,0716	-0,1334
DS. Дакриальная высота	-0,1434	0,3124	0,0567	0,5208
75(1). Угол выступания носа	-0,2543	0,5007	-0,2042	0,4046
77. Назомалярный угол	0,6291	-0,0372	0,4859	-0,1121
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	0,3444	0,0913	0,2295	-0,0484
Собственное значение	10,6069	7,3673	34,1285	11,3955
Доля изменчивости, %	28,6	19,9	44,6	14,9

Западно-сибирские выборки из лесостепной зоны и морфотипы, выделенные в составе саргатского населения, расположились в положительном и положительно-отрицательном поле графика. Компоненты занимают крайние позиции в этом скоплении. Для европеоидных характерны более узкое лицо, высокое переносье и больший угол выступания костей, а для монголоидных — обратное сочетание этих признаков. Выборка из могильника Устюг-1 локализовалась в границах изменчивости лесостепного западно-сибирского населения, но довольно близко к группам кочевников из Казахстана, Киргизии и Приуралья. От территориально близких саргатских серий из Приишимья, Притоболья и Приисетья серия из Устюга-1 отделилась за счет меньшего удельного веса в ее составе европеоидного компонента с низким уплощенным лицом и монголоидного высоколицевого компонента.

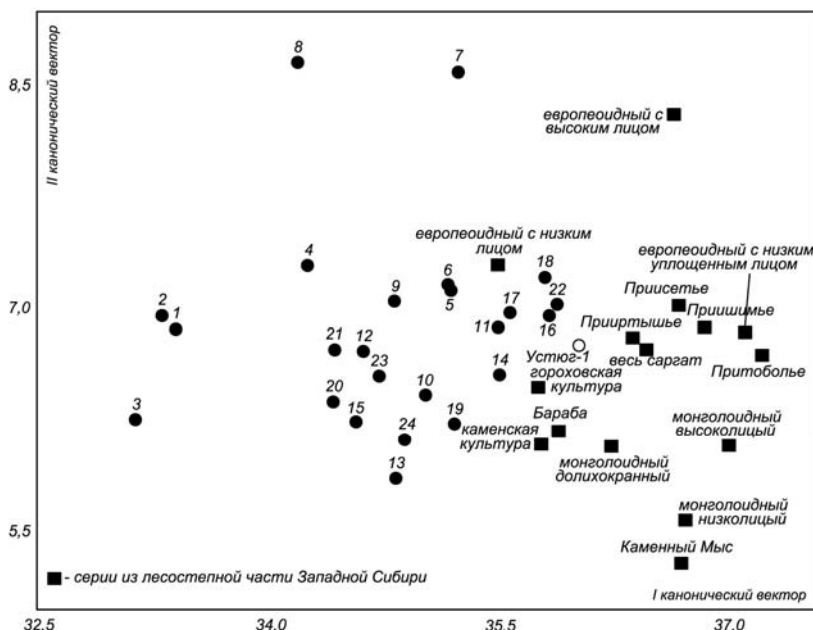

Рис. 1. Расположение краниологических серий раннего железного века и выборки Устюг-1 в пространстве I и II канонических векторов.

Результаты анализа позволяют уверенно заключить, что антропологическая основа бакальской популяции связана с предыдущим саргатским населением, это однозначно предполагает ее автохтонное происхождение. Сложный многокомпонентный состав саргатских серий [Багашев, 2000], вероятно, обусловил сосуществование различных компонентов в антропологиче-

ской структуре бакальского населения. Отмечено, что большую роль в генезисе саргатского населения сыграл низколицый монголоидный компонент, происхождение которого связано с предыдущими эпохами [Там же], фиксируется его присутствие и в бакальской выборке.

Привлеченные для сравнения мужские средневековые серии в основном датируются временем от VI в. н.э. (табл. 4). Величины нагрузок на признаки в составе первых двух канонических векторов (48,5 % изменчивости) дифференцируют серии по степени уплощенности лицевого скелета, высоте лица и переносья, а также по углу выступления носовых костей (табл. 5). Крайние варианты представлены группами с относительно плоским и широким лицом (фактор 1) и выборками с высоким лицом, высоким переносьем и большим углом выступления носа (фактор 2). Серии дифференцировались по степени наличия европеоидного компонента и по характеристике морфологических особенностей монголоидной доли в их антропологической структуре.

Выборки разбились на три группы согласно характеристике их антропологического типа: популяции с европеоидным компонентом и примесью центрально-азиатского происхождения, связанные с тюркоязычными народами, выборки с преобладанием низколицего монголоидного компонента Западной Сибири и европеоидные серии из Приуралья. Интересно отметить, что скопления, за некоторым исключением, имеют географическую приуроченность.

Серия из могильника Устюг-1 локализовалась на краю совокупности выборок средневековых низколицых монголоидов, которых можно отнести к различным группам популяций западно-сибирской формации, однако нельзя не отметить ее более европеоидное строение. Небольшая доля европеоидного компонента в сложном составе популяции сохранилась, вероятно, от населения предшествующего периода. Интересно расположение выборки из Красноярского археологического комплекса, в ранней группе которого присутствуют палеоантропологические материалы IX в. по бакальской культуре. Очевидно отличие антропологического типа ранних бакальцев от поздних, в составе выборки из КРАК кроме основного западно-сибирского компонента присутствует южно-сибирская примесь европеоидно-монголоидного происхождения, которая появилась в Прииртышье в результате миграций с востока в тюркский период [Пошехонова, 2011b].

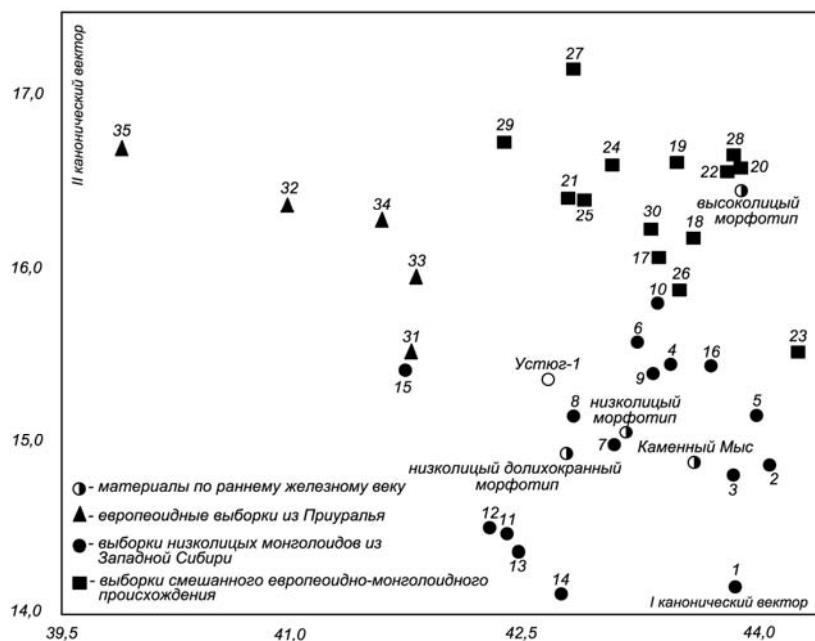

Рис. 2. Расположение средневековых краниологических серий в пространстве I и II канонических векторов.

Расположение кушнаренковской серии из Приуралья относительно устюговской и саргатских компонентов пока не позволяет сделать вывод об их родстве или об общем генезисе. Происхождение кушнаренковского населения М.С. Акимова связывает с южными группами, оставившими Салтовский могильник [1968]. Исследователь тоже не делает вывода о миграции куш-

наренковцев из Западной Сибири, видя их корни на юге. Влияние карымского населения на сложение антропологических особенностей морфологического строения устюговцев также пока остается под вопросом. Представительных карымских материалов из северных областей Западной Сибири на сегодняшний день нет. Но северные средневековые выборки из Сургутского Приобья, ранние черепа которых соотносятся с зеленогорской культурой, в поле графика расположены относительно далеко от Устюга-1, они обладают более низким лицом и слабым выступанием носовых костей.

Одонтология

Для выяснения генезиса одонтологических характеристик бакальской серии они были рассмотрены на фоне групп раннего железного века, поскольку сведения об одонтологии синхронного Устюгу-1 населения отсутствуют. В целом состав серии выглядит довольно специфичным, свидетельствует о смешении нескольких компонентов и не находит точного соответствия ни в одной из выборок, привлеченных для сравнения. Высокие частоты лопатообразности верхних резцов, низкая частота бугорка Карабелли и высокая степень редукции гипоконуса находят аналогии в некоторых сериях саргатской культуры Барабинской лесостепи (Абрамово-4, Марково-1), памятниках раннего железного века Тувы (Догээ-Баары II, Аржан-2), пазырыкских сериях Горного Алтая. Присутствие гребня эпикристы и передней ямки на верхнем первом моляре свидетельствует о присутствии в серии южно-европеоидных компонентов, удельный вес которых довольно высок в составе носителей саргатской культуры [Зубова, 2009]. Однако морфологическая специфика саргатских групп заключается в повышенной частоте 4-бугорковых нижних первых моляров, отсутствующих в бакальской группе. Высокая частота коленчатой складки метакинида в саргатских сериях аналогий не находит, но нужно иметь в виду, что одонтологические данные имеются только для саргатцев Барабы, которые могли отличаться от саргатских групп Приобья.

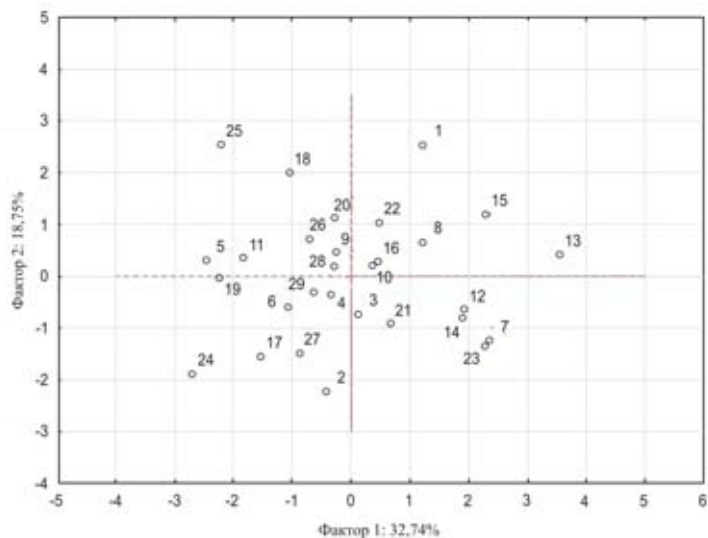

Рис. 3. Распределение одонтологических серий в пространстве первых двух факторов:
 1 — Устюг-1; 2 — Каменный Мыс [Зубова, 2009]; 3 — поздние сарматы (Покровка X) [Суворова, 2008]; 4 — пазырыкская культура; 5 — Каракобинская культура; 6, 7 — алды-бельская культура (Аржан II, Копто); 8 — уюкско-саглынская культура (Догээ-Баары II) [Чижишева, 2012]; 9–11 — ранние кочевники Западного Казахстана (VI–I вв. до н.э.) [Китов, Мамедов, 2014]; 12 — ранние сарматы (Лебедевка) [Сегеда, 2006]; 13 — савроматы (Новый Кумак) [Сегеда, 2004]; 14 — савроматы (Казы-баба) [Багдасарова, 2000]; 15 — каменная культура (Верх-Сузун-5) (Кишкурно, Зубова, неопубликованные данные); 16 — Черногорка; 17 — тагарская культура (Гулевская, неопубликованные данные); 18 — население Юго-Восточного Казахстана I–III вв. н.э.; 19 — население Юго-Восточного Казахстана IV в. до н.э. — рубежа эр; 20 — усуню юго-востока Казахстана, конец I тыс. до н.э. (Зубова, неопубликованные данные); 21 — античность Туркмении [Аксянова, Гельдыева, 2002]; 22 — население Восточного Казахстана III–I вв. до н.э. (Зубова, неопубликованные данные); 23 — джетыаясарская культура [Рыкушина, 1995]; 24 — население Центрального Казахстана V–IV вв. до н.э. (Зубова, неопубликованные данные); 25–29 — саргатская культура [Зубова, 2009].

При сравнении одонтологических характеристик серии Устюг-1 с населением Сибири и Казахстана эпохи раннего железа методом главных компонент в составе первого фактора высокие положительные нагрузки приходятся на маркеры восточного ствола — лопатообразность верхних рез-

цов, бугорок Карабелли, коленчатую складку метаконида и 6-бугорковые формы первого моляра. Отрицательные — на грацильные формы первого и второго нижних моляров и на редуцированный гипоконус верхнего моляра — признаки, свойственные южно-европеоидным популяциям.

Таблица 6

Нагрузки на признаки в составе первых двух факторов

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Лопатообразность I ¹ (баллы 2+3)	0,45	0,36
Бугорок Карабелли M ¹ (баллы 2 – 5)	0,85	-0,19
Редукция гипоконуса M ² (баллы 3, 3+)	-0,51	0,24
6M ₁	0,75	-0,31
4M ₁	-0,34	-0,84
4M ₂	-0,59	-0,21
Дистальный гребень тригонида M ₁	0,19	-0,65
Коленчатая складка метаконида M ₁	0,61	0,11

Расположение серий на графике наглядно демонстрирует результаты интенсивных миграций эпохи раннего железа. Оно не соответствует их географической локализации, демонстрируя наличие родственных компонентов в составе географически удаленных друг от друга археологических культур и заметную вариабельность составов локальных популяций внутри одной культуры. Наиболее гетерогенными выглядят носители саргатских и пазырыкских традиций. По комплексам признаков, описываемым первыми двумя факторами (51,5 % изменчивости), ближе всего к серии из Устюга-1 располагается выборка каменной культуры из могильника Верх-Сузун-5. В ее составе доминирует автохтонный западно-сибирский компонент (Кишкурно, Зубова, неопубликованные данные), что подтверждает тезис об автохтонной основе населения бакальской культуры. В одно поле графика с устюгской группой попадает также уюкско-саглынская серия из могильника Догээ-Баары II, население Восточного Казахстана III–I вв. до н.э., серия тагарской культуры из могильника Черногорка. Ни одна из саргатских серий Барабинской лесостепи, привлеченных для сравнения, в эту совокупность не входит.

Обсуждение результатов и выводы

Результаты сравнительного анализа краниологии и одонтологии раннесредневекового бакальского населения позволили сделать несколько выводов. Во-первых, о доминировании в ее составе компонента, генетически связанного с западно-сибирским населением раннего железного века. Особенности морфологии серии соответствует той части археологической концепции культурогенеза в лесостепном Зауралье, которая предполагает формирование бакальской культуры на основе саргатского субстрата [Матвеева, 2015; Рафикова, 2011]. Наблюдается его сближение с саргатской группой из Прииртышья, носителями гороховской культуры и ранними кочевниками Казахстана и Приуралья. К IV–VI вв. в субстрате бакальцев уже практически не фиксируется европеоидный морфотип, теперь он присутствует в структуре этого населения в качестве небольшой примеси, а основной составляющей является западно-сибирский низколицый монголоидный комплекс. Антропологический тип бакальского населения в ранний период IV–VI вв. еще нестабилен, сложение его продолжается в следующие века. Постепенно низколицый западно-сибирский компонент начинает превалировать в структуре палеопопуляции, однако в тюркский период с востока происходит приток смешанного населения с центрально-азиатской примесью, соотносимого со сросткинской культурой. Небольшая доля этого южно-сибирского морфотипа фиксируется у поздних бакальцев (IX–XIII вв.).

Одонтологические данные рисуют схожую картину. Фиксируемый в серии комплекс одонтологических признаков позволяет предполагать гетерогенность группы и заметную трансформацию специфических характеристик саргатского компонента под влиянием миграций из более восточных районов лесостепной зоны Западной Сибири и из Средней Азии. Хронология этих миграций не вполне ясна — из-за отсутствия одонтологических данных по населению Приишимья и Притоболья нельзя точно утверждать, произошли они на закате существования саргатской общности или уже после появления бакальских традиций. По сравнению с населением Барабинской лесостепи саргатский компонент в бакальской группе выглядит сильно размытым, из ее характеристик практически исчезают маркеры южного грацильного типа, замещаемые западно-сибирским компонентом.

Суперстратный кушнаренковский компонент, который выявлен по археологическим материалам [Там же], в антропологической структуре бакальского населения не зафиксирован. Ус-

тановлено значительное отличие черепов из Кушнаренковского могильника (V–VI вв.) и от серии из могильника Устюг-1, и от саргатских материалов, а соответственно у нас нет оснований предполагать миграцию кушнаренковского населения в V–VI вв. из Западной Сибири в Приуралье. Вопрос об участии карымского населения в генезисе бакальских групп в связи с недостатком данных требует дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.
- Аксянова Г.А., Гельдыева Г.* Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. М., 2002. Т. 2. С. 5–55.
- Багашев А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2000. 370 с.
- Багашев А.Н.* Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 159–174.
- Багашев А.Н.* Антропологический тип средневековых тюрок Нижнего Притомья (могильник Астраханцево) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 68–73.
- Багашев А.Н., Пошехонова О.Е.* Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 87–96.
- Багдасарова Н.А.* Одонтологическая характеристика кочевников Устюрта савромато-сарматского времени (по материалам могильника Казыбаба) // Этническая антропология Средней Азии. Вып. 2: Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000. С. 113–124.
- Данченко Е.М.* К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск: Рифей, 2008. С. 45–60.
- Золотарева И.М.* Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // МИА. М., 1957. № 58. С. 246–250.
- Зубов А.А.* Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубова А.В.* Одонтологические особенности населения Западной Сибири эпохи раннего железного века: (Саргатская и кулайская культуры) // Вестн. ТГУ. История. 2009. № 1. С. 79–85.
- Китов Е.П., Мамедов А.М.* Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: ФИА, 2014. 352 с.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012. 176 с.
- Матвеева Н.П.* Субстратные и суперстратные компоненты в культуре раннесредневекового населения западной части Западной Сибири // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 155–158.
- Поздняков Д.В.* Антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья первой половины II тыс. н.э. // Верхнее Приобье на рубеже эпох: (Басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 340–402.
- Пошехонова О.Е.* К проблеме происхождения средневекового населения Сургутского Приобья (по краниологическим материалам могильника Усть-Балык) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 131–142.
- Пошехонова О.Е.* Краниологические особенности средневековых популяций Сургутского Приобья (по материалам могильников с Барсовой Горы) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 91–97.
- Пошехонова О.Е.* Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011а. № 4 (48). С. 142–155.
- Пошехонова О.Е.* К средневековой палеоантропологии южно-таежного Прииртышья (по материалам могильника IX–XVII вв. н.э. на территории Красноярского археологического комплекса) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011б. № 2 (15). С. 158–172.
- Рафикова Т.Н.* Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 24 с.
- Рыкун М.П.* Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 284 с.
- Рыкушина Г.В.* Одонтологическая характеристика населения джетысарского времени (по материалам могильника Алтынасар 4) // Низовья Сырдарьи в древности: Джетысарская культура. Ч. 5. М., 1995.
- Суворова Н.А.* Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка-10: (Предварительное сообщение) // В.Ю. Малашев, Л.Т. Яблонский. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.: Вост. лит. РАН, 2008. С. 87–95.

Краниология и одонтология раннесредневекового населения Приоболья...

Себеда С.П. Ранние сарматы Южного Приуралья по данным одонтологии (на материалах могильника Лебедевка) // Б.Ф. Железчиков, В.М. Клепиков, И.В. Сергацков. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006. С. 155–159

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

O.E. Poshekhonova*, A.V. Zubova, A.V. Sleptsova***

*Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: poshehonova.olg@gmail.com; sleptsova_1993@mail.ru

**Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
prospect Acad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

E-mail: zubova_al@mail.ru

CRANIOLOGY AND ODONTOLOGY OF THE EARLY MEDIEVAL POPULATION ALONGSIDE THE TOBOL RIVER, BASED ON USTYUG-1 BURIAL GROUND

The article presents the results of craniological and odontological research based on a group of Ustyug-1 burial ground. The goal of the research is to determine genesis of the Bakal population from the Tobol river region of the Great Migration time. Morphology of the group was compared with the available data on the populations of the Early Iron Age, Early and High Middle Ages of this and adjacent regions. Their biological connection was determined. It was established that a dominant component in the Bakal population is genetically associated with Western Siberian population of the Early Iron Age. It is found out that by the IV–VI centuries AD the ancient multi-component substrate of the Bakal group almost did not contain Caucasian morphological type. It was present only as a small admixture. The main component is the West Siberian short-faced Mongoloid complex. By the IX–XIII centuries, that component completely dominated in the paleopopulation structure. But a mixed population with Central Asian admixture came from the East in the Turkic period. A small proportion of this South Siberian morphological type is observed in the later Bakal groups. Superstrata component of Kushnarenkovo, which was identified basing on the archaeological materials, is not observed in the anthropological structure of the Bakal population. Odontology data gives a similar conclusion. A complex of odontology traits suggests heterogeneity of the group. Besides, Sargatka component was transformed under the influence of migration from the Eastern part of the forest-steppe zone of Western Siberia and Central Asia. Sargatka component in the Bakal group looks much more indistinct, compared with the population of the Baraba forest-steppe. Markers of the Southern gracile type almost disappear, being replaced by Western Siberian complex.

Key words: West Siberia, the Early Middle Ages, paleoanthropology, craniology, odontology, Bakal archaeological culture.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-110-122

REFERENCES

Akimova M.S., 1968. *Antropologija drevnego naselenija Priural'ja* [Anthropology of the ancient Ural population], Moscow: Nauka, 120 p.

Aksjanova G.A., Gel'dyeva G., 2002. Morfologicheskie osobennosti zubnoj sistemy naselenija antichnogo vremeni severo-zapada Turkmenistana [Morphological features of the dental system of ancient people of North-western Turkmenistan]. *Na putjah biologicheskoi istorii chelovechestva*, Moscow, no. 2. pp. 5–55.

Bagashev A.N., 2000. *Paleoantropologija Zapadnoj Sibiri* [Paleoanthropology of Western Siberia], Novosibirsk: Nauka, 370 p.

Bagashev A.N., 2001. Hronologicheskaja izmenchivost' kranilogicheskogo tipa narymskih sel'kupov (po materialam mogil'nika Tiskino) [Chronological variability of Narym Selkup craniological type (based on Tiskino burial ground)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 3, Tyumen: Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 159–174.

Bagashev A.N., 2003. Antropologicheskij tip srednevekovyh tjurkov Nizhnego Pritom'ja (mogil'nik Astrahancevo) [Anthropological type of Medieval Turks in the Lower Tom river (Astrakhansevo burial ground)]. *Problemy vzaimodejstvija cheloveka i prirodnoj sredy*, 4, Tyumen: Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 68–73.

Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., 2007. Antropologicheskij sostav i problemy proishozhdenija srednevekovogo taezhnogo naselenija Srednego Priob'ja [Anthropological composition and origin of the medieval population of the taiga alongside the Middle Ob river]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 8, Tyumen: I Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 87–96.

Bagdasarova N.A., 2000. Odontologicheskaja harakteristika kochevnikov Ustjurta savromato-sarmatskogo vremeni (po materialam mogil'nika Kazybaba) [Odontology characteristic of Ustyurt nomads in the Sauromate-Sarmatian time (based on Kazybaba burial ground)]. *Etnicheskaja antropologija Srednej Azii*, 2: Antropologicheskie i etnograficheskie svedenija o naselenii Srednej Azii, Moscow, pp. 113–124.

- Chikisheva T.A., 2012. *Dinamika antropologicheskoy differenciacii naselenija juga Zapadnoj Sibiri epohi neolita — rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population in the South of Western Siberia in the Neolithic — Early Iron Age], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 468 p.
- Danchenko E.M., 2008. K karakteristike istoriko-kul'turnoj situacii v Srednem Priirtysh'e na rubezhe rannego zheleznogo veka i srednevekov'ja [On characteristics of historical and cultural situation in the Middle Irtysh river at the turn of the Early Iron Age and the Middle Ages]. *Problemy bakal'skoj kul'tury*, Cheljabinsk: Rifej, pp. 45–60.
- Kitov E.P., Mamedov A.M., 2014. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazahstana v rannem zheleznom veke* [Nomadic population of Western Kazakhstan in the Early Iron Age], Astana: Izdatel'skaja gruppa FIA imeni A.H. Margulana v g. Astana, 350 p.
- Matveeva N.P., 2012. *Kozlovskij mogil'nik jepohi Velikogo pereselenija narodov* [Kozlovsky burial ground of the Great Migration time], Tyumen, 176 p.
- Matveeva N.P., 2015. Substratnye i superstratnye komponenty v kul'ture rannesrednevekovogo naselenija zapadnoj chasti Zapadnoj Sibiri [Substrata and superstrata components in the culture of the Early Medieval population of the Western part of Western Siberia]. *Chelovek i Sever: Antropologija, arheologija, ekologija*, 3, Tyumen: Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 155–158.
- Poshehonova O.E., 2006. K probleme proishozhdenija srednevekovogo naselenija Surgutskogo Priob'ja (po kraniologicheskim materialam mogil'nika Ust'-Balyk) [On the origin of the Medieval population of the Ob river in the area of Surgut (based on the craniological data of Ust-Balik burial ground)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 7, Tyumen: Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 131–142.
- Poshehonova O.E., 2010. Kraniologicheskie osobennosti srednevekovyh populjacij Surgutskogo Priob'ja (po materialam mogil'nikov s Barsovoj Gory) [Craniological features of Medieval populations alongside the Ob river in the area of Surgut (based on the data of burial grounds from Barsova Gora)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (13), Tyumen: Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 91–97.
- Poshehonova O.E., 2011a. Antropologicheskaja karakteristika naselenija juzhno-tajozhnogo Priirtysh'ja (po materialam mogil'nikov ust'-ishimskoj arheologicheskoy kul'tury rubezha I i II tys. n.e.) [Anthropological characteristics of the population of the Southern taiga Irtysh basin (based on burial grounds of the Ust-Ishim archaeological culture at the turn of the I–II thousand BC)]. *Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii*, no. 4 (48), Novosibirsk, pp. 142–155.
- Poshehonova O.E., 2011b. K srednevekovoj paleoantropologii juzhno-taeznogo Priirtysh'ja (po materialam mogil'nika IX–XVII vv. n.e. na territorii Krasnojarskogo arheologicheskogo kompleksa) [Medieval paleoanthropology of the Southern taiga area of the Irtysh river (based on burial grounds of the IX–XVII centuries AD on the territory of Krasnoyarsk archaeological complex)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (15), Tyumen: Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 158–172.
- Pozdnjakov D.V., 2008. Antropologicheskaja karakteristika naselenija Verhnego Priob'ja pervoj poloviny II tys. n.e. [Anthropological characteristics of the population of the Upper Ob river in the first half of the II millennium AD]. *Verhnee Priob'e na rubezhe epoh: (Basandajskaja kul'tura)*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 340–402.
- Rafikova T.N., 2011. Bakal'skaja kul'tura lesostepnogo i podtaezhnogo Tobolo-Ishim'ja [The Bakal culture in steppe and subtaiga areas of the Tobol and Ishim rivers]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Tyumen, 24 p.
- Rykun M.P., 2013. *Paleoantropologija Verhnego Priob'ja epohi rannego zheleza (po materialam kamenskoj kul'tury)* [Paleoanthropology in the Upper Ob river basin in the Early Iron Age (based on burial grounds of the Kamenka culture)], Barnaul: Izd-vo AltGU, 284 p.
- Rykushina G.V., 1995. Odontologicheskaja karakteristika naselenija dzhetyasarskogo vremeni (po materialam mogil'nika Alтынasar 4) [Odontological characteristic of the Jetyasar time population (based on Alтынasar 4 burial ground)]. *Nizov'ja Syrdar'i v drevnosti: Dzhetyasarskaja kul'tura*, Ch. 5, Moscow.
- Segeda S.P., Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergackov I.V., 2006. Rannie sarmaty Juzhnogo Priural'ja po dannym odontologii (na materialah mogil'nika Lebedevka) [Early Sarmatians in the Southern Urals basing in odontological data (Lebedevka burial ground)]. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)*, Moscow, pp. 155–159.
- Suvorova N.A., 2008. Odontologicheskaja karakteristika rannih kochevnikov Juzhnogo Priural'ja po materialam mogil'nika Pokrovka-10: (Predvaritel'noe soobshhenie) [Odontological characteristic of the early nomads of the Southern Urals based in Pokrovka-10 burial ground: (A preliminary report)]. V. Ju. Malashev, L.T. Jablonskij. *Stepnoe naselenie Juzhnogo Priural'ja v pozdnesarmatskoe vremja*, Moscow: Vostochnaja literatura RAN, pp. 87–95.
- Zolotareva I.M., 1957. Cherepa iz Perejminskogo i Kozlovskogo mogil'nikov (Srednjaja Ob') [Skulls from Perejminsky and Kozlovsky burial grounds (the Middle Ob river)]. *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR*, no. 58, Moscow, pp. 246–250.
- Zubov A.A., 1968. Odontologija: Metodika antropologicheskikh issledovanij [Odontology: Methods of anthropological research], Moscow: Nauka, 200 p.
- Zubova A.V., 2009. Odontologicheskie osobennosti naselenija Zapadnoj Sibiri jepohi rannego zheleznogo veka: (Sargatskaja i kulajskaja kul'tury) [Dental characteristics of of Western Siberia population in the Early Iron Age: (The Sargatka and Kulaj cultures)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorija, no. 1, pp. 79–85.

ЭТНОЛОГИЯ

С.А. Григорьев

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, РФ
E-mail: DeTample@yandex.ru

ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ЯКУТИИ: СОВРЕМЕННОЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЭВЕНОВ ЛАМЫНХИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕГА

Статья написана на базе комплексных исследований, проведенных автором с коллегами в месте компактного проживания эвенов — одного из малочисленных народов Севера России. Объектом исследований являлся Ламынхинский национальный наслег — с. Себян-Кюёль Кобяйского улуса (района) Республики Саха (Якутия). В рамках экспедиции изучалось современное социально-экономическое, демографическое и этнокультурное положение местного коренного населения. Использованы статистические показатели поселения за последние годы, текущая документация основных социальных учреждений: администрации села, участковой больницы, школы, проведено анкетирование и интервьюирование местных жителей. Выявлено, что географические факторы создают значительные социально-экономические трудности для аборигенного населения. Отмечается постоянное сокращение численности населения в последние годы. Собранные данные указывают на латентную безработицу. Население с. Себян-Кюёль нуждается в совершенствовании материальной базы основных социальных учреждений в и ускоренном жилищном строительстве. Тем не менее исследование показывает, что естественная изоляция и ограниченность связей с инокультурными сообществами играют положительную роль в сохранении эвенского языка и культуры. Также в Ламынхинском наслеге наблюдаются положительные демографические тенденции. Рождаемость превышает смертность, а молодежь преобладает в возрастной структуре местного населения. Сохраняется высокий потенциал для развития местного традиционного хозяйства. Эти факторы благоприятно сказываются на этнокультурном развитии эвенов. Собранные полевые материалы позволяют дать обнадеживающую оценку современного положения локальной ламынхинской группы эвенов в Якутии на фоне проблем, общих для отдаленных поселений Российского Севера.

Ключевые слова: Якутия, коренные народы Севера, эвены, демография, локальные группы, этническая культура, социально-экономическое развитие.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-123-132

Проблемы социально-экономического и этнокультурного развития малочисленных народов Севера России являются традиционным объектом внимания российских и зарубежных ученых. Особое значение специалисты придают вопросам сохранения культурного наследия аборигенных этносов в условиях глобализационных процессов и минимизации потерь в прогнозируемых ассимиляционных трансформациях северных сообществ. При этом необходимо учитывать, что на протяжении длительного времени сдерживающим фактором аккультурации малочисленных народов выступали обособленность и удаленность мест их компактного проживания, но сегодня, в период бурного внедрения информационных и коммуникационных технологий, это обстоятельство перестает быть серьезным препятствием для инокультурного проникновения.

На современной этнической карте Якутии остается все меньше мест проживания малочисленных народов Севера, незатронутых ассимиляционными процессами. Как правило, большая часть населенных пунктов, в которых проживают представители аборигенных этносов, многонациональны, и в этих условиях культура и идентичность малочисленных народов сталкиваются с неизбежными рисками утрат и деформаций. Подобная ситуация затрудняет и работу исследователей, изучающих проблемы коренного населения Севера. В поликультурных и многонациональных поселениях сложнее выявить и обозначить маркеры, которые позволяют оценить общее состояние отдельного этноса, уровень сохранности его культуры, языка и традиций.

Как следствие, это актуализирует проблему своеобразной демаркации этносоциальных явлений и феноменов между локальными общинами аборигенов и остальным социумом. В этой связи особо ценными становятся научные сведения, полученные из моноэтнических мест компактного проживания малочисленных народов. Характеристика таких поселений дает возможность сфокусировать внимание исследователей на социокультурных показателях отдельного этноса, пребывающего в естественной среде обитания и еще слабо затронутого ассимиляционными процессами.

Эвены Ламынхинского национального наслега до сих пор не становились специальным объектом этносоциальных исследований. Отдельные упоминания о данной локальной группе есть в работах видных специалистов-сибиреведов Б.О. Долгих [1960] и И.С. Гурвича [1966]. Предположения и гипотезы об этнической истории эвенов северо-западного Верхоянья, к которым относятся и ламынхинские эвены, выдвигал этнограф А.А. Алексеев [1993]. Вопросы этногенеза и расселения рассматриваемой группы затрагивались в коллективной монографии «История и культура эвенов» (отв. ред. В.А. Тураев) [1997]. Значительно шире представлены исследования отдельных говоров и диалектов эвенов. Можно отметить работы В.И. Цинциус [1947], Л.Д. Ришес [1955], К.А. Новиковой [1958]. Вопросами классификации диалектов и говоров в эвенском языке занимались А.А. Бурыкин [1997] и Х.И. Дуткин [2009]. Изучение ламынхинского говора вела в 1950-х гг. группа научных сотрудников во главе с М.И. Матусевич [1979]. Относительно недавно вышла в свет монография Р.П. Кузьминой [2010], посвященная непосредственно языку ламынхинских эвенов. Как можно видеть, осуществленные ранее исследования в основном были направлены на этнографическое описание аборигенов Западного Верхоянья, касались вопросов этногенеза, а также изучения диалектов и говоров эвенского языка. Каких-либо специализированных научных работ по определению этносоциального положения эвенов Ламынхинского наслега не проводилось. Данное исследование призвано заполнить эту лакуну в отечественной историографии.

Настоящая статья стала результатом комплексных исследований в одном из наиболее труднодоступных районов Якутии, в месте компактного проживания ламынхинских эвенов — с. Себян-Кюёль Ламынхинского национального наслега, распложенного на территории Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия). Основной целью статьи является введение в научный оборот социально-экономических, демографических и этнокультурных данных, отражающих современное состояние локальных поселений аборигенных сообществ. Автор надеется, что представленные материалы помогут исследователям, воссоздающим социальный портрет современных северных сел. Данная информация может послужить отправной точкой при выявлении динамики развития данного поселения, а также источником для компаративного анализа этносоциальной ситуации в северных поселениях, находящихся в других регионах России.

Муниципальное образование «Ламынхинский национальный наслег» — одно из самых отдаленных и труднодоступных в Кобяйском районе (улусе) Республики Саха (Якутия). Наслэг располагается в горно-таежной зоне Западного Верхоянья, представленного горными хребтами и многочисленными водораздельными цепями системы горных узлов и отрогов Верхоянского хребта на площади 50 830 км². Данный регион характеризуется резко континентальным климатом. Среднегодовая температура воздуха составляет -11...-12 °С, летом температура доходит до +31 °С, а зимой опускается до -56...-58 °С.

Территория Ламынхинского наслега является местом традиционного проживания отдельной локальной группы эвенов — эвенов северо-западного Верхоянья. Их язык относится к ламынхинскому говору западного наречия эвенского языка. По мнению А.А. Алексеева, основывавшегося на статистических данных переписи 1897 г., в этногенезе местной группы эвенов, возможно, участвовали хоринцы — потомки южных переселенцев, имевших, вероятно, монгольское происхождение [1993, с. 24]. В связи с тем, что эвены «разбросаны» на огромные расстояния¹, их отдельные этнографические группы вынуждены развиваться изолированно друг от друга, что, в свою очередь, предопределяет их значительную этнокультурную и языковую дифференциацию. Также территориальная дисперсность проживания эвенов во многом обуславливает характер межкультурных контактов и межэтнического взаимодействия. Если восточная часть эвенского этноса сосредоточена в районах проживания других коренных малочисленных народов Севера, таких как чукчи, юкагиры, эскимосы и др., то западные, в том числе ламынхин-

¹ Помимо Республики Саха (Якутия) эвены проживают на территории Магаданской области, Камчатского и Хабаровского краев, Чукотского автономного округа.

Локальные сообщества коренных народов Севера в Якутии...

ские, эвены живут и ведут хозяйство на территориях, прилегающих к районам расселения якутов — самого многочисленного народа в Республике Саха (Якутия). Но, несмотря на закономерную угрозу ассимиляции с более многочисленным соседним этносом, в силу естественной географической изоляции и труднодоступности мест их обитания, местные эвены сумели сохранить до наших дней свои традиционные отрасли хозяйствования: оленеводство, охотничий промысел, родной язык, а также своеобразное декоративно-прикладное искусство.

Первые упоминания об ламынхинских эвенах можно встретить в якутских народных преданиях, отразивших исторические события и процессы, происходившие в Якутии до прихода русских. Так, согласно одной из легенд, ламынхинские эвены являются потомками тунгусов, вытесненных якутами из более южных районов (левого притока р. Алдан) [Кобяйский улус..., 2007, с. 300]. В письменных источниках верхоянские эвены впервые упоминаются в «отписках» (отчетах) русского землепроходца Постника Иванова в 1638 г., обнаруженных советским этнографом д.и.н. Б.О. Долгих [Кузьмина, 2010, с. 9].

После революции 1917 г. новыми властями был взят курс на проведение политики перевода кочевых народов к оседлости, а также создания новых форм коллективного хозяйствования, вследствие чего социальный строй и хозяйство эвенов претерпели определенные изменения. В 1928 г. в одном из первых стационарных поселений местных эвенов Эндыбале был образован первый Ламынхинский Совет бедняков. Позднее, в 1930-е гг. началось строительство с. Себян-Кюёль с одновременной организацией товарищества «Красный проводник» для совместного ведения оленеводства и охоты, впоследствии преобразованного в колхоз «Коммунизм». В январе 1961 г. на базе колхоза «Коммунизм» и соседнего колхоза им. С.М. Кирова был образован совхоз «Кировский», ставший впоследствии одним из ведущих коллективных хозяйств в Якутии. В 1996 г. совхоз был преобразован в государственное унитарное предприятие «Себян» [Кобяйский улус..., 2007, с. 300].

В настоящее время с. Себян-Кюёль является единственным населенным пунктом Ламынхинского наслега, его постоянное население на 01.01.2015 составляло 751 чел. (из них 371 муж. и 380 жен.).

Таблица 1

Среднегодовая численность и коэффициент естественного прироста (на 1000 чел. населения) постоянных жителей Ламынхинского национального наслега за 2009–2014 гг.*

Демографические показатели	2009	2010	2011**	2012	2013	2014
Численность, чел.	791	787	751	753	773	751
Родилось, чел.	23	20	18	15	15	17
Умерло, чел.	3	10	7 (6)	7 (7)	7 (2)	7 (6)
Естественный прирост, чел.	20	10	11 (12)	8 (8)	8 (13)	10 (11)

*Таблицы 1–4 составлены на основе данных паспортов муниципального образования «Ламынхинский национальный наслег» за 2010–2015 гг.

**В паспортах наслега с 2011 по 2014 гг. в графе «число умерших за год» стоит цифра 7. Согласно же данным журнала для регистрации смертности по с. Себян-Кюёль, статистика смертей отличается от показателей паспортов наслега. Вероятно, это связано с тем, что в журнале отмечены умершие непосредственно на территории с. Себян-Кюёль. Жители села, по каким-либо причинам умершие за его пределами, по всей видимости, не отмечены в журнале регистрации смертности, но включены в общую статистику, отраженную в паспортах поселения. В табл. 1 в скобках указаны данные Себян-Кюёльской участковой больницы.

Как можно видеть, среднегодовая численность населения Ламынхинском национальном наслеге имеет тенденцию к сокращению, к началу 2015 г. по сравнению с 2009 г. количество жителей уменьшилось на 5,06 % (табл. 1). Согласно данным паспортов муниципального образования, за последние годы демографическая ситуация характеризуется ежегодным превышением рождаемостью смертности, а также стабилизацией их соотношения. Согласно данным Себян-Кюёльской участковой больницы, в наслеге с 2011 по 2014 г. умер 21 чел. (13 мужчин и 8 женщин). Обращает на себя внимание высокая доля смертности населения от онкологических заболеваний — 7 чел. (1/3 от общего количества умерших).

Приведенная статистика наглядно демонстрирует, что несмотря на положительный коэффициент естественного прироста населения число жителей Ламынхинского национального наслега за последние пять лет сократилось. Вероятно, это вызвано социально-экономической ситуацией в районе, вынуждающей местных жителей переселяться в более развитые районы и муниципальные образования, такие как г. Якутск и п. Сангар (административный центр Кобяй-

ского улуса). Свою роль в снижении численности населения, вероятно, играет маятниковая миграция, прежде всего молодежи, уезжающей для получения среднего специального и высшего образования в научно-образовательные центры Якутии и других регионов России.

По статистическим сведениям Себян-Кюёльской участковой больницы, в 2014 г. в с. Себян-Кюёль проживало 749 чел.: 462 взрослых (225 мужчин и 237 женщин) и 287 детей (рис. 1). Согласно тому же источнику², численность эвенов среди взрослого населения старше 18 лет составляет 410 чел., или 88,7 %. Остальное население — в основном якуты, русские и представители других национальностей. К сожалению, полученная информация не позволяет охарактеризовать отдельно половозрастную структуру ламынхинских эвенов. Но в силу того, что эвены являются абсолютным этническим большинством, данное половозрастное соотношение, скорее всего, показательно и для них.

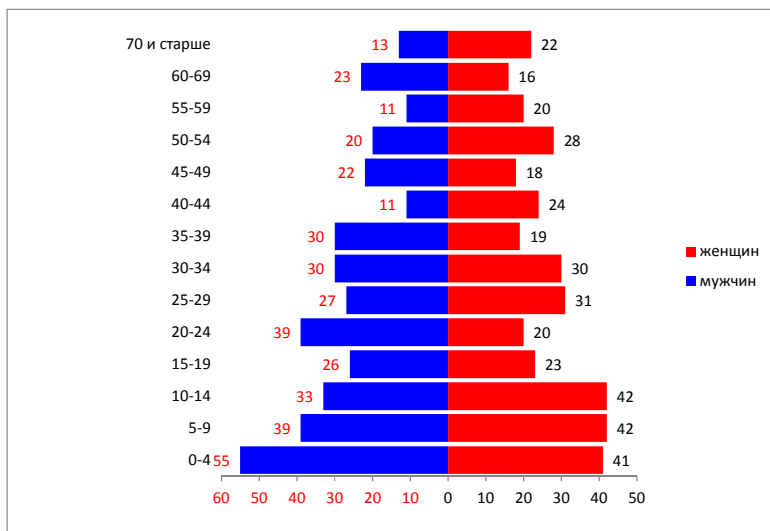

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения Ламынхинского национального наслега на 2013 г., чел. (на основе данных Себян-Кюёльской участковой больницы).

На январь 2015 г. численность населения в трудоспособном возрасте в Ламынхинском национальном наслеге составила 341 чел., из них 275 заняты в государственном секторе экономики. Официально зарегистрированными безработными были 17 чел. Таким образом, трудоспособное население составляет 45,4 % от общей численности населения в 2014 г., что ниже как общероссийских показателей (53 %) [Занятость..., 2015], так и показателей по эвенкам, проживающим в России (53,5 %) [Население..., 2010а]. Вероятно, это вызвано более низким уровнем и качеством жизни, побуждающим к миграции трудоспособных жителей наслега, а также негативными факторами, такими как алкоголизм и бытовая преступность.

В пользу предположения о «миграционной» обусловленности сравнительно невысокой доли трудоспособного населения в Ламынхинском наслеге говорят следующие сведения. Число лиц, не достигших 18-летнего возраста, к началу 2015 г. составило 279 чел., т.е. 37,1 % от общего количества населения. В то же время людей пенсионного возраста в с. Себян-Кюёль насчитывалось 135 чел. — (17,9 %) (рис. 2). Эти показатели также в значительной степени отличаются от общей ситуации среди эвенов в России. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. демонстрируют, что численность молодежи до 19 лет у эвенов составляет примерно 45 %, а людей старше трудоспособного возраста — приблизительно 9,5 % [Население..., 2010а].

Несколько иными причинами объясняется непропорциональность половозрастной структуры среди возрастных групп от 15 до 24 лет, а именно численное преобладание молодых юношей и мужчин над сверстницами. Возможно, это вызвано тем, что молодые жительницы с. Себян-Кюёль более ориентированы на получение образования и, как следствие, чаще мигрируют в образовательные центры, такие как уже упомянутые г. Якутск и п. Сангар.

² К сожалению, данные о численности эвенов Ламынхинского национального наслега не отражены ни в итогах Всероссийской переписи населения 2010 г., ни в паспорте муниципального образования.

Локальные сообщества коренных народов Севера в Якутии...

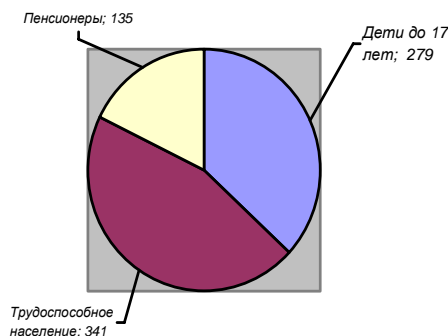

Рис. 2. Удельное соотношение различных возрастных групп в Ламынхинском национальном наслеге, чел.

В силу исторических и природно-географических факторов основным занятием местных жителей и бюджетобразующей отраслью Ламынхинского наслега является исключительно оленеводство. Экономика наслега представлена сельскохозяйственным предприятием ГУП «Себян» им. П.А. Кейметина. За хозяйством закреплено 1 359 726 га земельной площади, из них 1 067 472 га (78,5 % территорий) приходятся на олени пастбища. ГУП «Себян» им. П.А. Кейметина имеет 11 оленеводческих бригад. Всего из числа жителей с. Себян-Кюёль в сельском хозяйстве занято 135 чел., из них 107 работают на государственном унитарном предприятии «Себян», остальные состоят в четырех родовых общинах, занимающихся оленеводством, и одном скотоводческом крестьянском хозяйстве или заняты индивидуальной трудовой деятельностью по заготовке и переработке сельскохозяйственной продукции, в частности в заготовке оленьих шкур и пантов.

Численность официально зарегистрированных безработных в Ламынхинском национальном наслеге (табл. 2) относительно стабильна и значительно ниже среднего уровня безработицы по Республике Саха (Якутия) [Информация..., 2015b]. В этом отношении с. Себян-Кюёль может считаться относительно благополучным по сравнению с аналогичными селами в местах компактного проживания малочисленных народов Севера, где с 1990-х гг. проблема безработицы и сопутствующих ей негативных факторов (бедность, алкоголизм, преступность и т.д.) стоит наиболее остро.

Таблица 2

Количество официально зарегистрированных безработных в Ламынхинском национальном наслеге

Уровень безработицы	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Кол-во безработных	30	14	13	19	19	17
Процент от общего кол-ва населения	3,8	1,8	1,7	2,5	2,5	2,3

В то же время, согласно данным проведенного в с. Себян-Кюёль анкетирования, удельный вес безработных значительно выше показателей, представленных в официальных документах. Так, из 127 участников анкетирования 12 чел. отметили графу «безработный, состоящий на учете по безработице» (9,4 % от общего числа респондентов). Эта доля превышает данные местной администрации более чем в четыре раза. Таким образом, можно предположить наличие в Ламынхинском национальном наслеге скрытой (латентной) безработицы.

Негативным социальным показателем в с. Себян-Кюёль является высокий удельный вес малоимущих семей, т.е. семей, чей доход на каждого члена ниже официального прожиточного минимума, установленного в Республике Саха (Якутия). К началу 2015 г. из 137 семей, проживающих в с. Себян-Кюёль, 86 были зачислены в категорию малоимущих. За последние пять лет доля малоимущих семей по отношению к общему количеству семей, проживающих в поселении, пусть незначительно, но увеличилась (табл. 3). Вероятно, это вызвано не реальным снижением уровня доходов жителей, а постепенным повышением правительством Республики Са-

ха (Якутия) уровня прожиточного минимума, выросшего с 9145 руб. на человека в 2010 г. до 12 879,3 руб. в 2014 г. [Бережнева, 2015]. Представленные показатели наглядно демонстрируют, что средний уровень доходов населения Ламынхинского наслега низок, что, в свою очередь, усугубляется высокими ценами даже на основные товары и продукты питания.

Таблица 3

Количество малоимущих семей в Ламынхинском национальном наслеге

Распределение семей по уровню доходов	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего семей	Нет данных	139	139	133	133	137
Малоимущих семей	83	86	86	89	89	86
Процент малоимущих семей от общего кол-ва	—	61,9	61,9	66,9	66,9	65

Согласно результатам анкетирования жителей Ламынхинского национального наслега, более половины населения старше 18 лет имеют высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование — 51,9 %, из них 27,5 % мужчин и 24,4 % женщин. Доля имеющих лишь общее среднее — 44,1 %, неполное среднее — 3,9 %, из них 25,2 % мужчин и 22,8 % женщин (рис. 3). Сравнительно высокий уровень образованности населения обусловлен наличием в с. Себян-Кюэль нескольких социальных учреждений (администрация, школа, детский сад, дом культуры, больница, ЖКХ), чья деятельность невозможна без сотрудников с высшим или средним специальным образованием.

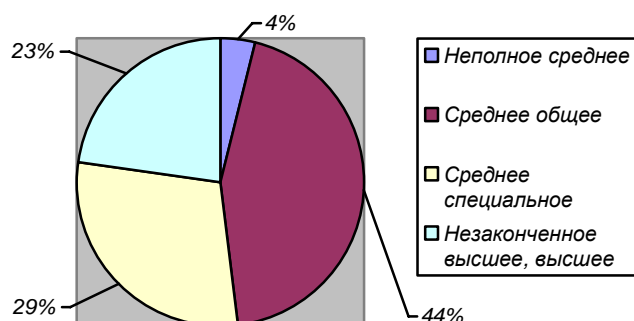

Рис. 3. Уровень образования взрослого населения Ламынхинского национального наслега.

Система образования МО «Ламынхинский национальный наслег» представлена Себян-Кюэльской национальной эвенской средней общеобразовательной школой (НЭСОШ) им. П.А. Ламутского, новое здание которой введено в эксплуатацию в 2006 г. На 1 января 2015 г. в ней насчитывалось 162 ученика, распределенных по 12 классам. На всю школу было выделено 35 штатных ставок, в том числе 30 педагогических. По факту в 2014 г. в Себян-Кюэльской НЭСОШ работало 55 сотрудников, из них 25 непосредственно осуществляли педагогическую деятельность.

В селе также действует детский сад № 11 «Нелтэнкэ», который в 2014 г. посещало 50 детей дошкольного возраста. В данном учреждении в указанный период числилось 17 сотрудников (из них педагогический состав — 6) при выделенных 19 ставках штатных единиц.

При школе постоянно функционируют художественно-эстетические кружки и секции национальных видов спорта. В целях сохранения и развития эвенской культуры в Ламынхинском национальном наслеге проводятся различные мероприятия на родном языке, в том числе ежегодный месячник родного языка. В учебных планах гуманитарного цикла значительную часть учебного времени занимает изучение родного языка и литературных произведений эвенских писателей. Важной формой сохранения и развития национальной культуры является эвенский фольклорный ансамбль «Мэрлэнкэ», основанный в 1975 г. В репертуар ансамбля входят эвенские народные песни, хороводный танец «Хэдьэ», скороговорки, народные сказки, также песни современных самодельных авторов.

По наблюдениям работников образования, уровень знания школьниками родного, эвенского языка в с. Себян-Кюэль в целом выше по сравнению с их сверстниками в других эвенских селах. Все ученики так или иначе понимают эвенский язык и стараются говорить на нем в се-

Локальные сообщества коренных народов Севера в Якутии...

мейном кругу. Вместе с тем работники культуры отмечают сокращение часов на занятия эвенским языком в школьной программе, проблемы с учебными пособиями (отсутствие учебников по грамматике, старые словари, а также разница в диалектах). К сожалению, на сегодняшний день невозможно без специальных исследований точно оценить уровень владения населением Ламыньинского наслега родным языком. Данные анкетирования демонстрируют высокий декларируемый уровень владения родной речью. Из 136 респондентов 107 (78,6 %) указали эвенский язык как родной, из них 85 (62,5 %) отметили, что владеют им свободно. Эти показатели значительно выше, чем в среднем у коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Республике Саха (Якутия). Так, например, общая доля эвенов в Якутии, владеющих родным языком, по данным переписи 2010 г. составила всего 20,5 % [Население..., 2010b].

С 2003 г. на основании Положения о кочевой школе РС (Я) функционирует начальная кочевая школа как филиал Себян-Кюёльской НЭСОШ. Начальная кочевая школа была создана для приобщения детей оленеводов к культуре, обычаям, традициям родного народа, для привития трудовых навыков в процессе совместного повседневного общения с родителями. В 2006 г. проект «Кочевая школа» получил грант ЮНЕСКО по проекту «Содействие распространению грамотности среди школьников, принадлежащих к коренным народам, путем укрепления потенциала системы общинного образования у коренных народов Севера РС (Я)» для улучшения материального положения кочевой школы. Первоначально школа охватывала всего трех учеников [Информация..., 2015а], в дальнейшем учебный курс начальной школы преподавался 20–25 детям, кочевавшим вместе с родителями [ПМА, 2015].

В с. Себян-Кюёль отмечается типичная для северных сельских поселений нехватка жилья для молодых специалистов. Также нарекания вызывает новое здание школы, построенное за короткий срок в 2006 г. По словам персонала, школа нуждается в ремонте: проседает здание учебного корпуса, протекает крыша, требует замены некачественное сантехническое оборудование. Существует серьезная проблема с теплоизоляцией здания школы, температура в помещении зимой достигает +7 °С при установленной норме +18 °С.

В Ламыньинском национальном наслеге действует единственная участковая больница на 6 стационарных койко-мест, из них 5 круглосуточных и 1 дневного стационара. Согласно официальным документам, рабочий коллектив медучреждения в 2014 г. составил 16 чел. при выделенных 17 штатных единицах. Больница располагается в ветхом, не отвечающем нормативным требованиям здании, построенном в 1984 г. При больнице нет стационарного аптечного пункта, что ограничивает доступ населения к лекарственным препаратам.

Немаловажным фактором социального комфорта является доступ населения к получению всех необходимых товаров и услуг. В небольших селах, где покупательская способность жителей в значительной степени ограничена, лишь малые предприятия розничной торговли и частные инициативы способны обеспечить потребителей необходимой продукцией. На начало 2015 г. в с. Себян-Кюёль было официально зарегистрировано 10 предприятий розничной торговли с общей торговой площадью 480 м². Из них 8 принадлежало частным предпринимателям. Также в селе действовала 1 хлебопекарня, производство которой составляло 0,8 т за одну смену. В силу отдаленности от основных населенных пунктов и транспортных магистралей РС (Я) уровень цен на основные продовольственные товары (кроме оленьего мяса, поставляемого местными заготовителями) в с. Себян-Кюёль значительно выше общереспубликанского. Наблюдается острый дефицит скоропортящейся продукции: овощей, фруктов, молока и молочных продуктов, яиц, колбасных изделий и т.д.

Общая неразвитость транспортной системы в Ламыньинском национальном наслеге налагает особый отпечаток на развитие данного муниципального образования. Отдаленность от основных экономических центров республики сильно сказывается на доступе населения даже к основным товарам первой необходимости. Основная часть грузов и продуктов перевозится в зимний период автомобильным транспортом по автозимнику. С апреля по ноябрь сообщение наслега с центром улуса и республики осуществляется в основном воздушным транспортом. Трудность доставки грузов в с. Себян-Кюёль, а также высокая себестоимость ввозимых товаров предопределяет их общую дороговизну, что снижает потребительскую способность населения.

Тем не менее жители Ламыньинского национального наслега в целом позитивно оценивают будущее своего села. Согласно данным анкетирования, абсолютное большинство местного населения не намерено куда-либо переезжать (рис. 4).

С.А. Григорьев

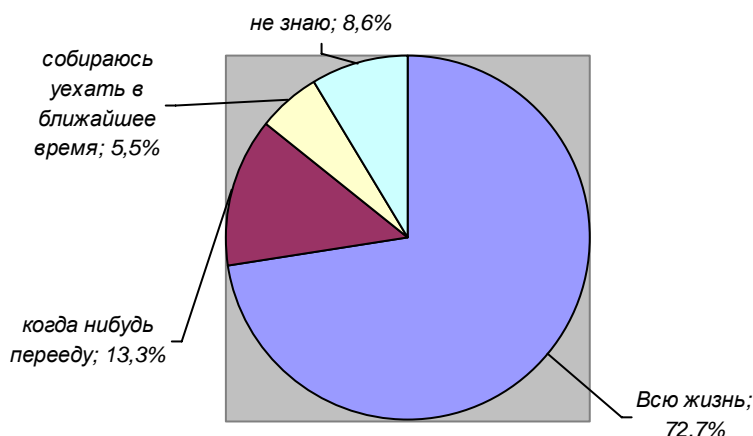

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как долго Вы собираетесь жить в этом населенном пункте?» (по данным анкетирования населения муниципального образования «Ламынхинский национальный наслег»).

Таким образом, перспективы Ламынхинского национального наслега не выглядят безнадежными. На фоне таких положительных тенденций, как высокая рождаемость и превышение ею смертности, а также значительный удельный вес детей и молодежи в возрастной структуре населения, сохраняется потенциал для развития местного традиционного хозяйства. Тем не менее является очевидным факт, что без качественного улучшения транспортной системы района, совершенствования материальной базы основных социальных учреждений в с. Себян-Кюёль и ускоренного жилищного строительства не может быть речи о дальнейшем развитии местного социума.

При этом следует отметить, что отдаленность данного муниципального образования от крупных центров и, как следствие, ограниченность связей с инокультурными сообществами играет определенную положительную роль в сохранении эвенского языка и культуры. Большая часть населения так или иначе владеет родным языком, регулярно проводятся национальные праздники и другие мероприятия, призванные поддержать интерес населения, и прежде всего молодого поколения, к своей культуре. Эти факторы могут в дальнейшем благоприятно сказаться на развитии эвенов как отдельного, неассимилированного этноса. Это отвечает не только гуманитарным общечеловеческим, но и национальным интересам России [Винокурова, 2010], всегда опирающейся на богатое этнокультурное наследие своего населения.

Представленные выводы отражают определенное противоречие во взглядах на дальнейшие пути развития ламынхинских эвенов в частности и коренных малочисленных народов Севера России в целом. С одной стороны, географическая изоляция, несомненно, позволяет локальным этническим группам сохранять свою идентичность, язык и культуру, с другой — тормозит их социально-экономическое развитие, оказывая негативное влияние на общую демографическую ситуацию в местах их проживания. В условиях современных глобализационных процессов разрешение данного противоречия является важной и актуальной задачей, стоящей перед российским и мировым научным сообществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ПМА 2015 — Полевые материалы автора (С.А. Григорьев) из экспедиции в Ламынхинский национальный наслег Кобяйского района (улуса) Республики Саха (Якутия) в июне 2015 г.

Паспорт муниципального образования «Ламынхинский национальный наслег» за 2010–2015 гг. // Текущий архив администрации Ламынхинского национального наслега.

Динамика развития оленеводства в ГУП «Себян» // Текущий архив ГУП «Себян».

Демография Кобяйского улуса за 2012–2014 гг. // Текущий архив Себян-Кюёльской участковой больницы.

Журнал для регистрации смертности по п. Себян-Кюёль // Текущий архив Себян-Кюёльской участковой больницы.

Литература

Алексеев А.А. Забытый мир предков: (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья. Якутск: Ситим, 1993. 94 с.

Бережнева И.А. Прожиточный минимум в Республике Саха (Якутия) // Молодой ученый. 2015. № 8. С. 479–482.

Бурыкин А.А. Письменная и устная форма эвенского языка: Диалектная структура и функциональный статус диалектов // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997. С. 54–88.

Винокурова Л.И. Аборигенные этносы Республики Саха (Якутия) в модернизирующемся обществе // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2010. С. 167–188.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М: Наука, 1966. 269 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.

Дуткин Х.И. Тундренный диалект западного наречия эвенского языка: Этнолингвистическое и этногеографическое исследование. СПб., 2009. 168 с.

Занятость и безработица в Российской Федерации в сентябре 2015 года. 2015 // Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d06/213.htm.

Информация по поддержке кочевых школ // Информационно-образовательный портал «Учителя Арктики». 2015а. Режим доступа: http://arctic-teachers.ru/menuyu2/kovhevieschkoly/nomsyst/sup_nomad.

Информация руководителя Департамента занятости населения республики С.И. Москвитина. 2015б // Официальный информационный портал Правительства Республики Саха (Якутия). Режим доступа: <http://www.sakha.gov.ru/node/248899>.

История и культура эвенов / В.А. Тураев, В.А. Туголуков, Н.В. Кочешков и др. СПб., Наука, 1997. 182 с.

Кобяйский улус: История, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2007. 400 с.

Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 115 с.

Матусевич М.И. Звуковой строй ламунхинского говора эвенского языка // Звуковой строй языка. Л., 1979. С. 202–212.

Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по возрастным группам и источникам средств к существованию. Итоги переписи населения 2010 года. 2010а // Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-30.pdf.

Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку по отдельным субъектам Российской Федерации. Итоги переписи населения 2010 года. 2010б // Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-23.pdf.

Новикова К.А. Основные особенности эвенских говоров Якутской АССР // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. М., 1958. С. 186–205.

Ришес Л.Д. Некоторые данные по западному диалекту эвенского языка // Учен. зап. ЯФ СО АН СССР. Якутск, 1955. С. 179–203.

Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. 270 с.

S.A. Grigorev

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Petrovskii st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: DeTample@yandex.ru

**LOCAL COMMUNITIES OF INDIGENOUS PEOPLES OF YAKUTIA:
SOCIAL STATUS OF THE EVENS**

The article is written on the basis of comprehensive studies carried out at the place of compact residence of the Evens, one of the Northern aboriginal minorities of Russia. Characteristics of contemporary socio-economic, demographic and ethno-cultural situation of the local indigenous population were examined during field observations in Lamynkhinsky nasleg of Kobiayskiy region of the Republic of Sakha (Yakutia). Statistical social indicators of the settlements in recent years were also studied, a survey and interviews were carried out among the local residents. The geographic factors cause challenges: our collected data indicate the presence of latent unemployment. As a result the migration persists at high level. High percentage of cancer-related mortality is to be underlined among negative social facts. Population of the nasleg needs the material base of social institutions to be improved, at first, and housing construction to be accelerated. Our field study shows that the natural isolation and limited linkages with communities related to other cultures play a positive role in maintaining the Even language

and culture. Also, positive demographic trends are observed in Lamynkhinsky nasleg. The birth rate exceeds the death rate, and the youth is prevalent in the age structure. Local traditional economy has a potential for the development. These factors have a positive impact on the modern subsistence of the Evens. It should be noted that these realities of Lamynkhinsky nasleg, according to the author opinion, are typical for the majority of isolated settlements in the Russian North.

Key words: Yakutia, aboriginal peoples of the North, the Evens, ethnic demography, local community, ethnic culture, socio-economic development.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-123-132

REFERENCES

Alekseev A.A., 1993. *Zabyityy mir predkov. (Ocherki traditsionnogo mirovozzreniya evenov Severo-zapadnogo Verhoyanya)* [Forgotten world of the ancestors: Sketches on the traditional world view of the Evens of Northwestern Verkhoyanye], Yakutsk: Sitim, 94 p.

Berezhneva I.A., 2015. *Prozhitochnyy minimum v Respublike Saha (Yakutiya)* [The cost of living in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Molodoy uchenyy*, no. 8, pp. 479–482.

Buryikin A.A., 1997. *Pismennaya i ustnaya forma evenskogo yazyika: Dialektnaya struktura i funktsionalnyy status dialektov* [Written and spoken form of the Even language: Dialect structure and functional status of the dialects]. *Malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka: Problemy sohraneniya i razvitiya yazyikov*, St. Petersburg, pp. 54–88.

Dolgin B.O., 1960. *Rodovoy i plemennyy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and tribal structure of the peoples of Siberia in the XVII century], Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 622 p.

Dutkin H.I., 2009. *Tundrennyy dialekt zapadnogo narechiya evenskogo yazyika: Etnolingvisticheskoe i etno-geograficheskoe issledovanie* [Western Tundra dialect of the Even language: Ethno-linguistic and ethnographic research], St. Petersburg, 168 p.

Gurvich I.S., 1966. *Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri* [Ethnic History of Northeast Siberia], Moscow: Nauka, 269 p.

Turaev V.A., Tugolukov V.A., Kocheshkov N.V., 1997. *Istoriya i kultura evenov* [History and culture of the Evens], St. Petersburg: Nauka, 182 p.

Kuzmina R.P., 2010. *Yazyk lamunxinskikh evenov* [Language of the Lamunxinsky Evens], Novosibirsk: Nauka, 115 p.

Matusevich M.I., 1979. *Zvukovoy stroy lamunxinskogo govora evenskogo yazyika* [Sound system of the Lamunxinsky dialect of the Even language]. *Zvukovoy stroy yazyika*, Leningrad, pp. 202–212.

Novikova K.A., 1958. *Osnovnyie osobennosti evenskih govorov Yakutskoy ASSR* [The main features of the Even dialects of the Yakut ASSR]. *Doklady i soobscheniya Instituta yazyikoznaniya AN SSSR*, Moscow, pp. 186–205.

Rishes L.D., 1955. *Nekotorye dannyye po zapadnomu dialektu evenskogo yazyika* [Some data on the Western dialect of the Even language]. *Uchenye zapiski AN SSSR*, Yakutsk, pp. 179–203.

Tsintsius V.I., 1947. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyika* [Essay on the Grammar of the Even (Lamut) language], Leningrad, 270 p.

Vinokurova L.I., 2000. *Aborigennyye etnosy Respubliki Sakha (Yakutiya) v moderniziruuyshemsya obshestve* [Aboriginal peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) in a modernizing society]. *Ethnosocial'noe razvitiye Respubliki Sakha (Yakutiya)*, Novosibirsk: Nauka, pp. 167–188.

Г.Т. Бакиева

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

ОБРАЗОВАНИЕ У СИБИРСКИХ ТАТАР С 1918 ПО 1930-й г.: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, ИТОГИ (по материалам Тобольского уезда)

Рассмотрены слабо изученные проблемы, связанные с реформами образования у сибирских татар. Впервые выявлены особенности развития образования в Тобольском округе (уезде) в период с 1918 по 1930-й г. Этот период охарактеризован как переходный этап от традиционной религиозной к светской трудовой школе. Школы татарского населения Тобольского округа в это время являлись национальными, что соответствовало провозглашенным Советским государством принципам. Власти проводили активную политику по реформе образования у сибирских татар Тобольского уезда, учитывая их национальные особенности и в определенной степени сохраняя преемственность образования. Имевшиеся до того школы были просто включены в государственную сеть, а преподавателями в новых школах работали те, кто получил «старое» мусульманское образование. Особенностью управления системой образования и просвещения татар Тобольского округа в исследуемый период являлось то, что организацией школьного дела занимался специально созданный орган при окружном отделе народного образования — мусульманский подотдел, а решение финансовых и текущих дел школ было передано местным органам власти. В силу объективных причин Советское государство испытывало большие материальные трудности, переложив материально-техническое обеспечение школ на местное население. Властям не удалось в полной мере решить главную задачу: добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем введения всеобщего, обязательного и бесплатного обучения. Однако все же имелись положительные результаты, которые, безусловно, были достигнуты благодаря огромным усилиям и энтузиазму местных органов власти и конкретных деятелей просвещения региона. Почти все имевшиеся в Тобольском округе мектебе были включены в сеть государственных школ, превратившись из конфессиональных в школы 1-й ступени. Росло число школ, учащихся и учителей, осуществлялось совместное обучение мальчиков и девочек. Такие мероприятия, как съезды, педагогические курсы и конференции, не только способствовали повышению профессионального уровня учителей, но и служили инструментом пропаганды социалистических идей среди коренного населения.

Ключевые слова: образование, просвещение, сибирские татары, советская власть, трудовые школы, управление, съезды учителей, педагогические курсы, Тобольский округ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-133-142

Октябрьский переворот и утверждение советской власти разрушили многовековые устои жизни общества. Во всех сферах происходило переустройство существующего порядка. Коснулось это и школьного образования. Уже на Втором Всероссийском съезде Советов (октябрь 1917 г.) было принято постановление об образовании Народного комиссариата просвещения во главе с А.В. Луначарским, а 9 ноября 1917 г. издан декрет о создании государственной комиссии по просвещению. Общая стратегия образовательной политики нового социалистического государства была озвучена в «Обращении Народного Комиссара просвещения» от 29 октября 1917 г.: «...добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего, обязательного и бесплатного обучения» [Сборник документов..., 1966, с. 53].

Власти учитывали многонациональность государства, провозглашая равенство и суверенитет народов России, их право на свободное самоопределение, отмену всех национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию страны. Сибирские татары и бухарцы, расселенные в Тобольском, Тарском, Тюменском и Ялуторовском уездах Тобольской губернии, также были вовлечены в осуществление социалистических преобразований, в том числе в сфере школьного обучения.

Тема образования и просвещения у сибирских татар в советский период привлекла внимание исследователей лишь в конце XX в. Историография данного вопроса представлена рабо-

тами И.Б. Гарифуллина [1998, 2000], Л.Р. Малицкой [1999, 2000] и Ю.У. Сафаралеевой [2002, 2008]. В диссертации Л.Р. Малицкой, посвященной истории национально-культурного строительства у сибирских татар в 1917–1920-е гг., рассматривается и реформа школьного образования. Автор уделяет особое внимание деятельности государственно-партийных органов по реформированию национального образования и подготовке кадров из сибирских татар [Малицкая, 2000]. В монографии Ю.У. Сафаралеевой становлению советской школы у татар Тобольской губернии (с 1923 г. — Уральской области) в 20–30-е гг. XX в. посвящен раздел, где она дает характеристику образования у татарского населения в целом. В работе анализируются различные нормативно-правовые акты, положенные в основу мероприятий государства в образовательной политике. Рассматривая различные аспекты образования, автор уделяет значительное внимание сведениям о людях, чья биография была связана с просвещением сибирских татар в указанный период [Сафаралеева, 2008]. Работы И.Б. Гарифуллина основаны в большей степени на материалах о просвещении татар Тюменского округа (района) [1998, 2000].

На наш взгляд, процессы реформирования образования у сибирских татар изучены очень слабо. Данная статья поможет устранить некоторые пробелы в этой области знания. Здесь рассматриваются особенности развития образования у сибирских татар Тобольского округа (уезда) в период с 1918 по 1930 г. Статья основана преимущественно на материалах из фондов Тобольского уездного и окружного отдела народного образования (Ф. Р-167, Р-676), хранящихся в Государственном бюджетном учреждении Тюменской области Тобольского государственного архива (ГБУТО ГАТ). Многие из них впервые вводятся в научный оборот.

В исследовании поставлены следующие задачи:

- выявить государственные и местные органы, отвечавшие в указанный период за образование у сибирских татар Тобольского округа;
- показать роль подотдела национальных меньшинств Тобольского отдела образования в проведении мероприятий по образованию татар;
- рассмотреть деятельность съездов и педагогических курсов для татарских учителей округа и их роль в повышении профессионального уровня учителей;
- проследить состояние и материальную базу первых советских школ, динамику численности учащихся и количество школ; показать содержание образования в татарских школах.

В административном отношении Тобольский округ до 1919 г. относился к Тобольской губернии, с 1919 г. — к Тюменской, а с 1923 г. — к Уральской области [Административно-территориальное деление..., 2003, с. 7–9]. До революции в Тобольском округе числилось восемь волостей, в которых проживали сибирские татары: Вагайская, Тоболтуринская, Тобольская Городовая, Сеитовская, Истяцкая, Карагайская, Надцынская, Уватская, Бывше-Эскалбинская [Бакиева, 2003, с. 59]. Потомки выходцев из Средней Азии — сибирские бухарцы числились в отдельной Бухарской волости. В ходе административных реформ советской власти волости в Тобольском округе были упразднены, а вместо них созданы районы и сельские советы. В 1926 г. в Тобольском округе татары и бухарцы проживали в 114 населенных пунктах, которые располагались в пяти районах — Тобольском (10 461 чел.), Черноковском (4194 чел.), Байкаловском (3993 чел.), Дубровинском (4169 чел.), Уватском (724 чел.) [Список населенных пунктов..., 1926].

Государственное и местное управление образованием сибирских татар

Декрет 1918 г. «О создании школ для национальных меньшинств» являлся первым документом социалистического правительства, положившим начало национальной политике в сфере образования. Под национальной школой Российской республики подразумевалась школа, которая обслуживала меньшинство населения, «отличающееся от большинства своим языком и бытовыми особенностями. Преподавание в такой школе ведется на родном языке» [О школах национальных меньшинств, 1974, с. 3]. В программе РКП (б) 1918 г. была поставлена задача: «Полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно, светской, т.е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества» [Из программы РКП (б), 1974, с. 18].

Для реализации указанных задач в конце декабря 1918 г. был создан отдел просвещения национальных меньшинств при Наркомпросе РСФСР. Здесь же в начале 1919 г. был создан

Государственный ученый совет (ГУС), который отвечал за теоретическое и методическое содержание системы образования. Вопросами образования и просвещения на местах ведали губернские, городские, уездные (окружные) и волостные отделы народного образования. Тобольский уездный (окружной) отдел народного образования совместно с волостными отделами занимался непосредственно текущими делами, связанными с организацией школьного образования и управлением им. При этом функции по руководству и контролю всей учебно-воспитательной работой, а также «хозяйственным распорядком» (назначение учителей, их перевод, увольнение по собственному усмотрению) находились в ведении уездного отдела народного образования, а материально-техническое снабжение школ (ремонт зданий школ и школьной мебели, отопление и уборка школьных помещений, доставка воды, заработная плата учителя и сторожа) — в ведении волостных отделов [Ф. Р-167, оп. 1, д. 263, л. 3–3 об.]. В 1924 г. функции волостных отделов переходят к сельским советам.

Решающую роль в развитии национального образования сибирских татар в Тобольском округе сыграла мусульманская секция, организованная в 1919 г. при отделе народного образования (заведующий Мазитов), которая позже была переименована в подотдел национальных меньшинств, или мусульманский подотдел. Этот подотдел состоял из заведующего (В.М. Мурзакаев), инструкторов (Х.З. Исхаков, В.Т. Ахметов), а также имел в своем штате секретаря, делопроизводителя и писца [Там же, д. 58, л. 11; д. 156, л. 3].

Согласно инструкции об организации и деятельности подотделов просвещения национальных меньшинств на местах, они получили обширные полномочия в деле народного образования нерусского населения уезда (округа). Как отмечалось в документе, подотдел «проводит и направляет все дело просвещения согласно распоряжениям и постановлениям отдела народного образования и высших органов народного просвещения». В их ведении находились вопросы открытия и организации учебных заведений и культурно-просветительных учреждений, составление списков кандидатов на должность работников этих учреждений, забота о пополнении библиотек изданиями на родном языке, сбор статистических сведений о положении дела просвещения, выдача местному населению справок и указаний и др. [Там же, д. 3, л. 31–32]. Главные задачи, которые необходимо было решить в деле образования татар Тобольского округа, обозначил еще 17 ноября 1919 г. заведующий мусульманской секцией Мазитов в своем докладе: «открыть 50 советских школ, из которых 40 — одноклассных и 10 — двухклассных, выработка новой в современном духе программы, выбор учебников по наукам» [Там же, д. 17, л. 24].

Для оценки ситуации в сфере образования вновь созданный подотдел проводит обследование татарских школ в Тобольском округе. Инспектор Х.З. Исхаков выступил с отчетом на прошедшем в г. Тобольске 15–22 февраля 1920 г. съезде мусульманских учителей, созванном по инициативе мусульманской секции. Указанный отчет содержал ценные сведения о состоянии школ и школьного дела в этот период. Всего было обследовано 42 школы, из которых, по мнению инспектора, только 19 соответствовали своему назначению, «и то после ремонта». Детей школьного возраста в уезде насчитывалось 2240, из них только 996 учились к моменту обследования, 379 детей были больны тифом, 681 ребенок не учился в связи с отсутствием учителей или запретом родителей, 184 — за неимением теплой одежды. Затронул инспектор и проблему отношения татарского населения к открытию советских школ: «Отношение населения к Советской школе благоприятное, за исключением некоторых юрт Вагайского и Карагайского волостей, где между учащими (учителями. — Г. Б.) и населением происходили различные столкновения... благодаря чему были удалены учащие из Куларовских, Яланских, Старицких, Вагайских и Катангуйских юрт... В юртах же Кульмаметских, Кубятских Вагайской волости, а также Уватских Тукузской волости население категорически отказалось от обучения, и все старания оказались безрезультатными» [Там же, д. 37, л. 46–46 об.].

Как видим, мусульманский подотдел Тобольского округа в начале своей деятельности столкнулся с большими трудностями в деле организации школьного образования. Серьезной проблемой для школ была нехватка учебников и школьных принадлежностей. Поэтому мусульманский подотдел предпринимает командировки своих сотрудников Х. Бисерова и В.М. Мурзакаева в Тюмень, Казань и Москву с целью приобретения учебников и школьных пособий и изучения «образовательного дела» [Там же, д. 37, л. 24 об.; д. 20, л. 10–11 об.]. Отправляясь в марте 1920 г. в Москву и Казань, заведующий В.М. Мурзакаев также рассчитывал подыскать школьных работников и лекторов для подотдела и, кроме того, приобрести печатные множительные аппараты и типографические шрифты на татарском языке [Там же, д. 20, л. 10–11 об.].

Съезды учителей

Одним из важных мероприятий, организованных по инициативе Тобольского мусульманского подотдела, был проведенный в Тобольске в феврале 1920 г. съезд мусульманских учителей. Ранее (с 11 по 16 января 1920 г.) в Тюмени был созван губернский учительский съезд, на котором от Тобольского уезда присутствовало пять делегатов [Там же, д. 3, л. 14]. На съезде в Тобольске, продолжавшемся с 15 по 22 февраля, принимало участие 86 учителей — «нацмен» из города и уезда (в их числе был учитель немецкой школы В. Брендель, учительницы русского языка Ф.А. Низговорова из юрт Кызылбаевских и А.В. Миловская из Медяньских юрт, три учителя Тобольской еврейской школы Д.Э. Лейбович, Б.Э. Лейбович, И.Л. Сегил) [Там же, д. 37, л. 36–39]. В повестке работы съезда стояли вопросы, затрагивающие насущные проблемы образования и просвещения татар Тобольского уезда. Первым пунктом в повестке дня стоял доклад об отделении церкви от государства и школы (докладчик Гибадуллин). Прозвучал доклад заведующего В.М. Мурзакаева о деятельности мусульманской секции; он же выступил с темой о единой трудовой школе. Интерес у слушателей вызвало сообщение Х.З. Исхакова о положении мусульманских школ в уезде. Перед участниками съезда выступили докладчики из отдела народного образования о содержании внешкольного образования, об особенностях разграничения мусульманских школ 1- и 2-й ступени. Участники съезда получили и практические знания. Так, учителем немецкой школы Вильгельмом Бренделем были показаны уроки географии и математики в школах 1-й ступени. Участники съезда также имели возможность ознакомиться с элементарными правилами делопроизводства. Кроме того, для всех участников съезда организовали экскурсии в музей и на электрическую станцию [Там же, л. 44–48 об.].

Через год, 2–3 декабря 1921 г., в Тобольске был созван съезд учителей-татар, в котором принимали участие 30 представителей учителей уезда [Там же, д. 134]. Оценивая значение первых съездов татарских учителей Тобольского уезда, следует подчеркнуть, что они являлись той площадкой, с которой транслировались основные идеи и принципы национальной школы. Они способствовали повышению образовательного и идейно-политического уровня татарских учителей, которые в большинстве своем пришли в учительство без специальной подготовки. Педагогические съезды содействовали подъему интереса общества к новой социалистической школе, к учителю и образованию в целом.

Педагогический состав советских школ

Первыми учителями новой советской школы были те, кто до революции, получив образование в высших и средних мусульманских учебных заведениях (медресе), преподавал в сельских школах (мектебе) [Сафаралеева, 2008, с. 90].

Иногда учителями были люди, имевшие только начальное мусульманское образование. В списке, составленном инспектором Габитовым во время обследования татарских школ округа в 1925 г., указано 19 учителей-татар. Из них учитель Епанчинской школы Аюпов Карим окончил татарскую учительскую семинарию, два учителя — Рогачурин Гали (Ренчинская школа) и Хучашев Кармышак (Байгаринская школа) имели образование в объеме шести классов. Остальные учителя имели начальное образование татарской школы (два или три класса) [Ф. Р-676, оп. 1, д. 14, л. 46–46 об.].

В некоторых школах учителями продолжали работать муллы. Так, в 1920 г. учителями работали Мухаметрахим Янгужин (юрты Сабанаконские), Камал Ишмухамедов (юрты Салинские), Ишмухамед Гайсин (юрты Конданские). Однако ОкрОНО рекомендовал заменить их на других лиц, не имевших «духовное происхождение», соответственно Г. Гумеровым, Г. Хабибуллиным, А. Аидовым [Ф. Р-167, оп. 1, д. 95, л. 1].

Педагогические курсы и их роль в повышении уровня учителей

Безусловно, проблема педагогических кадров в Тобольском округе была очень острой. Перед властями стояла задача переобучить учителей, получивших образование в конфессиональных учебных заведениях, для их работы в советских трудовых школах. Сложность заключалась в том, что воплотить это в жизнь следовало за короткий срок. В 1920-е гг. в Уральской области функционировали педагогические учебные заведения по подготовке учителей татарских школ для региона — Свердловский и Троицкий татаро-башкирские педтехникумы [Сафаралеева, 2008, с. 209]. Но они не могли в полной мере справиться с поставленной задачей. Выходом из ситуации явилась организация регулярных педагогических курсов в Тобольске и Тюмени для учителей татарской национальности.

Образование у сибирских татар с 1918 по 1930-й г.: задачи, проблемы, итоги...

С 20 февраля 1920 г. в Тюмени начали действовать курсы для подготовки работников школ 1-й ступени. На курсы без экзамена принимались лица обоих полов, достигшие 17-летнего возраста. Курсантам достаточно было иметь познания в объеме четырех классов бывшей средней школы. В течение двух недель работы на курсах преподаватели должны были, познакомившись с уровнем познаний и развитием учащихся, отобрать из них только способных, которые продолжали обучение на курсах в течение 7–12 месяцев. Тобольский уезд на указанных курсах получил 10 мест. Учащиеся, принятые на курсы, получали стипендию с обязательством проработать в школах 1-й ступени в течение двух лет [Ф. Р-167, оп. 1, д. 3, л. 29–30].

В декабре 1920 г. в Тюмени открылись трехгодичные педагогические курсы подготовки учителей татарских школ [Там же, д. 108, л. 4], которые в начале 1922 г. были преобразованы в тюрко-татарское отделение Тюменского педагогического техникума, а с 1930 г. — в самостоятельный педагогический татарский техникум [Гарифуллин, 2000, с. 137].

В июле — августе 1920 г. в Тюмени были организованы двухмесячные педагогические летние курсы для учителей-татар Тобольской губернии. Тобольский уезд получил на этих курсах уже 70 мест. Как указано в письме Тюменского отдела народного образования, на курсы могли быть направлены не только педагоги, но и просто люди со средним мусульманским образованием [Ф. Р-167, оп. 1, д. 57, л. 11].

Через год, с 15 мая по 15 июля 1921 г., в Тюмени вновь были организованы педагогические курсы для учителей татарских школ губернии. Как отмечалось в положении, «курсы открываются для слабо подготовленных учителей мусульманских школ с целью поднятия уровня знания их» [Там же, д. 169, л. 2, 7].

В Тобольске, также для слабо подготовленных учителей мусульманских школ Тобольского уезда, летом 1921 г. работали краткосрочные курсы [Там же, д. 162, л. 2]. Повышению профессионального уровня учителей должны были способствовать и учительские конференции, которые организовывались в отдельных районах Тобольского округа. В 1924–1925 гг. такие конференции проходили в Кутарбитском, Черноковском, Дубровинском районах и в г. Тобольске [Там же, д. 133, л. 1 об., 14–15 об.].

Советские школы: состояние, материальная база

Советская власть, не имея ресурсов для строительства новых школ, включила в государственную сеть в первую очередь здания школ-мектебе в деревне. В тех населенных пунктах, где школ не было, здание районный исполнительный комитет арендовал у населения. Например, в 1920 г. здание Супринской школы было арендовано у Мочипа Садыкова, которого, кроме того, наняли в качестве сторожа [Там же, д. 110, л. 6].

Как выглядела школа в 1920-х гг.? В нашем распоряжении имеются описания 26 татарских школ Тобольского уезда, сделанные инспектором подотдела нацменьшинств в 1924–1925 гг. С.Г. Габитовым. Приведем описания нескольких школ.

Вагайская школа. Основана до Октябрьской революции, но вошла в сеть при советской власти. Обслуживает три юрты с количеством населения 1214 душ. Здание собственное. При школе есть комната для сторожа. Парт — 10 шт., столы большие — 2, стульев — 2, классная доска — 1, столы обыкновенные — 2, скамеек — 2. Учебниками на татарском языке обеспечена на 70 % и на русском языке — на 50 %. Недостаток письменных принадлежностей. При школе имеется школьная библиотека, где всего 50 экз. книг.

Аремзянская школа. Основана в 1913 г., обслуживает одну деревню. Здание школы специально построенное, но требует ремонта. Состоит из двух комнат. Парт 9 шт., 1 доска, 2 железные печи.

Шамшинская школа. Школьное здание собственное, пригодное. Имеется 4 парты, 1 стол, 4 скамейки, 1 классная доска [Ф. Р-676, оп. 1, д. 14, л. 26, 40].

Примерно так же выглядели и другие татарские школы Тобольского округа. Несколько выделялась лишь одна школа — в юртах Турбинских. Еще до революции она была включена в сеть министерских школ. Здесь преподавались все общеобразовательные предметы, были мастерские. Здание, специально построенное по системе прежних земских школ, имело четыре комнаты: две были заняты под классы, две другие — заведующим школой и сторожем. Инвентарь школы включал: 30 шт. парт, 4 стола, 2 шкафа, 2 табуретки, 1 кресло, 4 железные печи, 1 умывальник, часы стенные, счеты, коллекцию уральских минералов (64 камня), 3 градусника и даже рояль, который, правда, принадлежал клубу. При школе работала библиотека, в которой числился 621 экз. старых книг и 150 экз. новых [Там же, л. 18–18 об.].

При обследовании инспектором С.Г. Габитовым в 1927 г. из 42 татарских школ непригодных обнаружилось 18, а 13 находились в частных домах [Там же, д. 53, л. 65]. Строительство новых школ в татарских населенных пунктах Тобольского округа шло медленными темпами. В 1928–1929 учебном году школы были построены только в Одинарских и Уватских юртах Черноковско-го р-на и Бехтеревских юртах Байкаловского р-на. На 1929–1930 год планом ОкрОНО предусматривалось строительство школ в Аремзянских, Саусканских, Ренченских и Саитовских юртах Тобольского округа [Там же, д. 107, л. 2 об.].

Расходы на содержание школы включали заработную плату учителя и сторожа, хозяйственные расходы, инвентарь. Указанные траты обеспечивались за счет населения. Тобольский ОкрОНО образования отвечал лишь за снабжение школ книгами, учебниками, школьными принадлежностями.

Безусловно, волостные отделы были поставлены в крайне тяжелое положение, поскольку именно они несли основную ответственность за финансовое обеспечение школ на местах. В декабре 1923 г. все волостные исполкомы получили от Тобольского отдела народного образования распоряжение, в котором регламентировались их обязанности по снабжению школ: «К 1 января 1924 г. вся полагающаяся за год норма дров должна быть доставлена школам, а керосин ежемесячно, не позднее 1 числа, доставляться школе или вноситься денежная сумма его стоимости. Заработная плата учительству по договору должна быть собрана у населения полностью не позднее 15 января 1924 г., на весь предусмотренный договором период, т.е. по 1 сентября 1924 г., и забронирована» [Ф. Р-167, оп. 1, д. 218, л. 7–7 об.].

Одним из источников пополнения волостных бюджетов являлись средства от взимания платы за обучение для детей служителей религиозного культа и частных торговцев в школах 1-й ступени [Там же, л. 4–4 об.].

Лишь в марте 1924 г. было издано распоряжение окружного отдела народного образования об изменении финансирования школ. Согласно данному документу, все расходы школ, кроме заработной платы учителям (ее получали из ОкрОНО), переходили в районный бюджет [Там же, л. 67, 69]. Впервые ОкрОНО установил единые для всех учителей и заведующих школ Тобольского округа зарплаты в зависимости от разрядов. Так, в апреле 1924 г. были установлены следующие ставки учителям: 10-й разряд — 25 руб. 20 коп.; 11-й разряд — 27 руб. 60 коп., 12-й разряд — 30 руб., 13-й разряд — 33 руб. За заведывание школой: по 10-му разряду — 8 руб. 40 коп.; 11-му разряду — 9 руб. 20 коп.; 12-му разряду — 10 руб.; 13-му разряду — 11 руб. [Там же, л. 128]. ОкрОНО установил также минимальные нормы школьных принадлежностей на учащегося в год, которыми должны были руководствоваться районные власти при составлении сметы. При этом оговаривалось, что в зависимости от местного бюджета районным исполнительным комитетам можно значительно увеличивать эту норму [Там же, л. 146–146 об.].

Численность учащихся и количество школ

Татарские школы были рассчитаны на небольшое число учащихся. Приведем данные по количеству учащихся в некоторых школах Тобольского округа за 1924–1925 гг.: Тоболтуринская — 64 чел., Турбинская — 34 чел. (в том числе трое русских детей), Сеитовская школа — 29 чел., Саусканская — 56 чел., Верхне-Бехтеревская — 25 чел., Тахтагульская — 30 чел., Лайминская — 45 чел., Каишкульская — 46 чел., Карбинская — 47 чел., Аремзянская — 32 чел [Ф. Р-676, оп. 1, д. 14, 17–26, 35–42, 48–49]. Общее число учащихся в Тобольском округе показано в табл. 1.

Таблица 1

Число учащихся татарских школ 1-й ступени Тобольского округа в 1923–1929 гг. (по данным Тобольского ОкрОНО)*

	1923–1924 уч.г.	1924–1925 уч.г.	1925–1926 уч.г.	1926–1927 уч.г.	1927–1928 уч.г.	1928–1929 уч.г.
Мальчики	775	967	1114	1242	1358	1304
Девочки	241	367	548	702	816	885
Итого	1016	1334	1632	1944	2174	2189
Количество учащихся в школе повышенного типа	—	—	140	167	189	224

*Табл. составлена по: [Ф. Р-676, оп. 1, д. 107, л. 2].

Образование у сибирских татар с 1918 по 1930-й г.: задачи, проблемы, итоги...

Можем видеть положительную динамику роста числа детей, обучающихся в школах (табл. 1). Однако Тобольский ОкрОНО в 1930 г. констатировал, что охват детей в школах составлял только 49,5 %, отмечая, что до сих пор в полной мере не удалось привлечь в школы детей бедноты и батраков, «многие дети остаются вне школы за отсутствием обуви и одежды» [Там же, д. 107, л. 2].

Все школы в Тобольском уезде, кроме одной, школы крестьянской молодежи им. Н.К. Крупской в г. Тобольске (повышенного типа 7-летка), в 1920-х гг. относились к школам 1-й ступени. Далее показана динамика роста числа школ (табл. 2), в том числе комплектности (т.е. числа классов) (табл. 3).

Таблица 2

Количество татарских школ в Тобольском округе (по данным Тобольского ОкрОНО)*

	1923–1924 уч.г.	1924–1925 уч.г.	1925–1926 уч.г.	1926–1927 уч.г.	1927–1928 уч.г.	1928–1929 уч.г.	1929–1930 уч.г.
Школы 1-й ступени	24	30	33	37	41	43	51
Школа 7-летка	—	—	1	1	1	1	1

*Табл. составлена по: [Ф. Р-676, оп. 1, д. 107, л. 2].

Таблица 3

Количество татарских школ 1-й ступени в зависимости от комплектности (по данным Тобольского ОкрОНО)*

	1927–1928 уч.г.	1928–1929 уч.г.	1929–1930 уч.г.
1-комплектные	22	24	30
2-комплектные	13	13	16
3-комплектные	5	5	4
4-комплектные	1	1	2
5-комплектные	1	1	1
Всего	42	44	52

*Табл. составлена по: [Ф. Р-676, оп. 1, д. 107, л. 95].

Как видно из таблиц, татарские школы в основном являлись одно- и двухкомплектными, т.е. состоявшими из одного или двух классов.

Содержание образования в единых трудовых школах

Общие цели и задачи, которые ставились перед едиными трудовыми школами страны, были определены государственными органами власти. В положении о единых трудовых школах указывалось, что их целью является «дать детям возможность приобрести знания и навыки, необходимые для разумной организации как своей личной жизни, так и жизни в обществе». Обучение и производственный труд должны были быть «органически связанными» между собой. Отмечалось, что школа должна «способствовать выработке в учащихся пролетарского самосознания, осознанию солидарности всех трудящихся, подготовке полезной производительной и общественно-политической деятельности» [Ф. Р-167, оп. 1, д. 218, л. 54, 55 об.]. Данный документ содержал и основные характеристики единой трудовой школы: разделение школы на две ступени — 1-й ступени для детей от 8 до 12 лет, 2-й ступени от 12 до 17 лет; продолжение школьных занятий в течение 10 месяцев; совместное обучение мальчиков и девочек; отмена наказаний [Ф. Р-167, оп. 1, д. 218, л. 55 об.–58].

Первоначально татарские советские школы не имели единых программ обучения и планов. По результатам обследования в 1924–1925 гг. выяснилось, что учителя работают по разным программам. Так, в Казанской школе «учебный план составляется на каждый месяц, программа ГУСа не получена, методы преподавания звуковой, экскурсионный, наглядный и иллюстративный», в Митькинской применялась комплексная система, но частично, в Вершинской использовалась новая система преподавания по методу целых слов. В Тебендинской школе обучение велось по программе ГУСа [Ф. Р-676, оп. 1, д. 14, 17–26, 35–42, 48–49]. В 1927 г. происходит унификация программ для школ 1-й ступени, в основе которых лежала комплексная система обучения [Сафаралеева, 2008, с. 101].

Обучение во всех татарских школах Тобольского округа в исследуемый период проводилось на родном языке. Сложность заключалась в том, что у сибирских татар не было письмен-

ности на своем языке, они пользовались письменностью, основанной на арабской графике. Такая ситуация сохранялась до 1928 г., когда среди тюркских народов России, в том числе сибирских татар, возникло движение за переход к новому татарскому алфавиту (НТА), или *яналифу*, на основе латинской графики. Уральский областной отдел народного образования поддержал инициативу областных активистов движения «Яналиф», санкционировав мероприятия по подготовке работников просвещения по новому алфавиту (съезды, курсы, конференции). Вводился пятилетний план перехода к новому алфавиту [Ф. Р-676, оп. 1, д. 82, л. 3–4, 67, 71, 80].

Что касается преподавания русского языка в татарских школах, известно, что в 1920 г. этот предмет велся только в нескольких школах округа — в юртах Кызылбаевских, Медяньских [Ф. Р-167, оп. 1, д. 37, л. 36 об., 39], Ренчинских [Там же, д. 97, л. 21], Супринских [Там же, д. 110, л. 5–6], в татаро-башкирской школе г. Тобольска [Сафаралеева, 2008, с. 98]. Судя по заключению Тобольского ОкрОНО, такая ситуация с русским языком в татарских школах наблюдалась в течение всего изучаемого периода. В 1930 г. Тобольский ОкрОНО сообщал, что «русский язык не во всех школах применяется. Причиной этому служит то, что многие учителя сами плохо владеют русским языком, ввиду этого в этих школах занятия идут исключительно на родном языке» [Ф. Р-676, оп. 1, д. 107, л. 3].

Заключение

В целом период с 1918 по 1930 г. в развитии школьного образования сибирских татар можно характеризовать как переходный этап от традиционной религиозной к светской трудовой школе. Школы татарского населения Тобольского округа в указанный период являлись национальными, что соответствовало провозглашенным Советским государством принципам. Власти проводили активную политику по реформе образования у сибирских татар Тобольского уезда, учитывая их национальные особенности и в определенной степени сохраняя преемственность образования. Имевшиеся до того школы были просто включены в государственную сеть, а преподавателями в новых школах работали те, кто получил «старое» мусульманское образование.

Особенностью управления системой образования и просвещения татар Тобольского округа в исследуемый период являлось то, что организацией школьного дела занимался специально созданный орган при окружном отделе народного образования — мусульманский подотдел, а решение финансовых и текущих дел школ было передано местным органам власти. В силу объективных причин Советское государство испытывало большие материальные трудности, переложив материально-техническое обеспечение школ на местное население. Властям не удалось в полной мере решить главную задачу: добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем введения всеобщего, обязательного и бесплатного обучения. Однако все же имелись положительные результаты, которые, безусловно, были достигнуты благодаря огромным усилиям и энтузиазму местных органов власти и конкретных деятелей просвещения региона.

Почти все имевшиеся в Тобольском округе мектебе были включены в сеть государственных школ, превратившись из конфессиональных в школы 1-й ступени. Происходил рост числа школ, учащихся и учителей, осуществлялось совместное обучение мальчиков и девочек. Такие мероприятия, как съезды, педагогические курсы и конференции, не только способствовали повышению профессионального уровня учителей, но и служили инструментом пропаганды социалистических идей среди коренного населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГБУТО ГАТ. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 3, 17, 20, 37, 58, 95, 97, 107, 110, 134, 169, 218, 263.
ГБУТО ГАТ. Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 14, 53, 82, 107.

Литература

Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / Под ред. В.П. Петровой. Тюмень: ИПП «Тюмень», 2003. 304 с.

Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар в XVIII — начале XX в. М., 2003. 260 с.

Гарифуллин И.Б. Из истории работы среди татарского населения Тюменской области в документах 1917–1965 гг. Тюмень: ТОГИРРО, 1998. Ч. 1. 187 с.

Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень: Тюм. издат. дом, 2000. 222 с.

Образование у сибирских татар с 1918 по 1930-й г.: задачи, проблемы, итоги...

Из программы РКП (б): Принята на VIII съезде РКП (б) 18–23 марта 1919 г. в области просвещения // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917–1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов и др. М.: Педагогика, 1974. С. 18.

Малицкая Л.Р. Опыт просвещения сибирских татар в первые годы Советской власти // Краеведение Сибири. История и современные проблемы: Материалы конф., посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея, 6–8 октября 1999. Кемерово: Полиграф, 1999. С. 15–18.

Малицкая Л.Р. История национально-культурного строительства у сибирских татар (1917–1920-е гг.): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2000. 24 с.

О школах национальных меньшинств: Постановление НКП 31 октября 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917–1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов и др. М.: Педагогика, 1974. С. 145.

Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888. Вып. 1. 351 с.

Сафаралеева Ю.У. Новые тенденции в просвещении татар Прииртышья в 1920-е годы // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск: ОмГПУ, 2002. С. 222–224.

Сафаралеева Ю.У. Духовные восходы: Очерки просвещения и культуры татар Прииртышья второй половины XIX — первой трети XX вв. Тюмень: Вектор Бук, 2008. 200 с.

Сборник документов и материалов по истории СССР Советского периода (1917–1958 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. 620 с.

Список населенных пунктов и административное деление Тобольского округа Уральской области на 1 октября 1926 г. Тобольск: Изд. орготдела окрисполкома, 1926. 126 с.

G.T. Bakieva

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

EDUCATION AMONG THE SIBERIAN TATARS IN 1918–1930: GOALS, PROBLEMS, RESULTS (based on Tobolsk County)

The article deals with insufficiently studied issues related to education reforms among the Siberian Tatars. Peculiarities of the development of education in Tobolsk District (County) in 1918–1930 are brought to light for the first time. That period was characterized as a transition from a traditional religious school to a secular labor one. In that period, schools for the Tatar population of Tobolsk District were national, which corresponded to the proclaimed principles of the Soviet state. The authorities carried out an active policy towards education reform among the Siberian Tatars of Tobolsk County, taking into account their national characteristics and, to some extent, maintaining continuity of education. The schools which already existed were simply included into the state network, and the teachers of the new schools were those who received the traditional Muslim education. A special feature of the control over the system of education for the Tobolsk District Tatars during the period under consideration was the fact that the organization of educational field was being conducted by the Muslim subdivision, a specially created body affiliated with the District Department of Public Education, and the solution of financial and current matters was transferred to the local authorities. Due to objective reasons, the Soviet state was experiencing great financial difficulties, and shifted logistical and financial support of the schools to the local population. The authorities failed to fully solve the main problem: to achieve mass literacy as soon as possible by introducing universal, compulsory, and free education. But still there were positive results, which certainly had been achieved thanks to the great efforts and enthusiasm of the local authorities and certain people of the regional education. Almost all maktab, which were present in Tobolsk County, were incorporated into the network of public schools, turning from religious schools to the 1st degree schools. The number of schools, students and teachers was growing, there was co-education for boys and girls. Such events as congresses, educational courses and conferences contributed not only to improvement of professional level of the teachers, but also served as a tool for propaganda of socialist ideas among the indigenous population.

Key words: education, Siberian Tatars, the Soviet government, labor school, management, teachers' congresses, educational courses, Tobolsk District (County).

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-133-142

REFERENCES

Bakieva G.T., 2003. *Sel'skaia obshchina tobolo-irtyshskikh tatar v XVIII — nachale XX v.* [Rural community of the Tatars living along the rivers Tobol and Irtysh in the XVIII — beginning of the XX century], Moscow, 260 p.

Garifullin I.B., 1998. *Iz istorii raboty sredi tatarskogo naseleniia Tiimenskoi oblasti v dokumentakh 1917–1965 gg.* [From the history of the work among the Tatar population of Tyumen region], Ch. 1, Tiumen': TOGIRRO, 187 p.

Garifullin I.B., 2000. *Ocherki istorii tatarskogo naseleniia Tiimenskoi oblasti* [Outlines of the history of the Tatar population of Tyumen region], Tiumen': Tiimenskii izdatel'skii dom, 222 p.

Malitskaia L.R. 1999. *Opyt prosveshcheniia sibirskikh tatar v pervye gody Sovetskoi vlasti* [Experience of education of the Siberian Tatars during the first years of the Soviet regime]. *Kraevedenie Sibiri. Istorii i sovremennye problemy: Materialy konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu Kemerovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia, 6–8 oktiabria 1999 goda*, Kemerovo: Poligraf, pp. 15–18.

Malitskaia L.R., 2000. *Istorii natsional'no-kul'turnogo stroitel'stva u sibirskikh tatar (1917–1920-e gody)* [History of national and cultural building among the Siberian Tatars (1917–1920s)]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk, Tiumen', 24 p.

Patkanov S.K., 1888. *Materialy dlia izucheniia ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'ian i inorodtsev Zapadnoi Sibiri* [Materials for a study of economic way of life of state peasants and members of national minorities in West Siberia], 1, St. Petersburg, 351 p.

Petrova V.P., 2003, (ed.). *Administrativno-territorial'noe delenie Tiimenskoi oblasti (XVII–XX vv.)* [Administrative and territorial division of Tyumen region (XVII–XX)]. Tiumen': IPP «Tiumen'», 304 p.

Safaraleeva Iu.U., 2002. *Novye tendentsii v prosveshchenii tatar Priirtysh'ia v 1920-e gody* [New tendencies in education of the Tatars of Irtysh region in 1920s]. *Tiurkskie narody: Materialy V Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri»*, Omsk: OmGPU, pp. 222–224.

Safaraleeva Iu.U., 2008. *Dukhovnye vskhody. Ocherki prosveshcheniia i kul'tury tatar Priirtysh'ia vtoroi poloviny XIX — pervoi treti XX veka* [Spiritual seedlings: Features of education and culture of the Tatars of Irtysh region of the second half of the XIX — the first third of the XX century], Tiumen': Vektor Buk, 200 p.

К.В. Истомин*, Н.А. Лискевич**, В.Э. Шарапов*

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167000, РФ
E-mail: kistomin@naver.com;
sharapov.valery@gmail.com

**Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: povod_n@mail.ru

САМБУРГСКИЕ КОМИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ¹

Освещается история формирования самбургских коми, проживающих в с. Самбург Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, характеризуются этнокультурные процессы в их среде, выявляются локальные особенности сохранения, воспроизводства и трансформации этнической идентичности. Основными источниками послужили материалы полевых исследований авторов, проведенных в 2004, 2009 и 2016 гг. Приток коми населения в Самбург связан с образованием в 1937 г. оленеводческого совхоза «Пуровский» на базе Кутюльганского совхоза, размещавшегося на территории Надымского района ЯНАО. Прибывшие в Пуровский совхоз пастухи были потомственные оленеводы, уроженцы разных населенных пунктов — центров компактного расселения коми на территории бывшей Тобольской губернии. Многие оленеводы на прежнем месте жительства были раскулачены и подвергались репрессиям. В Самбурге коми переселенцы не смогли восстановить комплекс оседлой материальной культуры и хозяйства, почти утратили связанные с ним аспекты духовной культуры. В то же время традиционный комплекс кочевой оленеводческой культуры сохранился, некоторые его элементы были заимствованы ненецкими оленеводами. В конце 1930-х гг. началось брачное и языковое взаимодействие самбургских коми и коренных жителей — тундровых и лесных ненцев, что привело к метисации населения и преобладанию выбора национальности детей в пользу этнонима «ненец». При этом носители «коренного» этнонима зачастую идентифицируют себя как коми (зыряне) и сохраняют предпочтительное отношение к традиционной культуре коми, в том числе языку, т.е. особенностью модели ассимиляции пуровских коми в среде ненецкого большинства является сохранение исходной этничности и ее доминирование в неофициальной обстановке.

Ключевые слова: коми-ижемцы, оленеводство, ситуационная этничность, этническая идентичность, Пуровский совхоз, Самбург.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-143-154

Теоретические рамки и проблематика исследования

Этническая карта России необычайно сложна. Ее сложность объясняется бурными процессами этнического слияния, разделения, ассимиляции, аккультурации, масштабными миграциями населения. Миграции населения в регионы с различным этническим составом привели к формированию на территории современной России многочисленных компактных групп однородного в этническом плане населения, проживающего за пределами основного ареала расселения своего этноса. Для номинации подобных образований в отечественной науке используются разные термины — этнические группы, этноареальные группы, локальные группы, диаспоры. Выявление и исследование таких групп позволяет лучше понять особенности протекания основных этнических процессов, таких как ассимиляция и аккультурация, условия сохранения и трансформации традиционной культуры, родного языка, этнического самосознания.

Народ коми (коми-зыряне), подобно другим народам России, в полной мере испытал воздействие упомянутых выше этнических процессов, что привело, с одной стороны, к формированию обширного по площади общего ареала его расселения, а с другой — к сильной фрагментированности этого ареала. Во второй половине XIX в. большую роль в формировании ареала

¹ Работа выполнена в рамках исследовательских проектов: РГНФ № 16-11-11001 «Локальные группы коми Надымского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого АО: язык, культура, история формирования» и ERA.Net RUS Plus project № 189 «Symbolic Cultural Landscapes: Development and Protection of Local Communities in the Russian North».

коми сыграли миграции представителей наиболее северной этнографической группы, коми-ижемцев. Коми-ижемцы — единственная этнографическая группа народа коми, в хозяйственный комплекс которой входит и играет в нем значительную роль кочевое оленеводство. Миграции ижемцев шли в основном в двух направлениях: в западном, в Малоземельскую и Тиманскую тундры и далее на Кольский полуостров, и в восточном, через Уральские горы в Северо-Западную Сибирь. Естественное стремление селиться и держаться вместе привело к тому, что в результате упомянутых переселений сформировались многочисленные компактные сообщества коми, проживающие полностью в иноэтничном окружении за пределами основного ареала расселения, т.е. этноареальные группы. Одна из таких групп расселена и к востоку от Оби, на территории современного Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, основная часть коми населения сконцентрирована в с. Самбург и г. Тарко-Сале. Эта группа до сих пор мало исследована, об истории ее формирования, степени сохранности языка и элементов традиционной культуры, а также особенностях трансформации этой культуры и функционировании этнической идентичности в процессе приспособления к новой среде обитания имеются лишь отрывочные сведения.

В общественных и исторических науках в последние десятилетия уделяется большое внимание изучению актуальных проблем современных диаспор, разработке теоретических подходов и методологических принципов определения природы и проявления этничности, этнических границ (см., к примеру, обзоры: [Авдашкин, 2015; Рыжова, 2011, с. 30–55]). В отечественной этнологии преобладало мнение, что этничность — это групповой феномен, складывающийся не из отдельных «микроэтничностей», а как коллективная межпоколенная традиция и служащий важным идеологическим средством социализации индивида [Чешко, 1994, с. 41]. Ф. Бартом были заданы методологические принципы конструктивизма, он заострил внимание на социальном конструировании групповых границ и значении индивидуального сознания, социального поведения и восприятия в формировании этнической идентичности [Barth, 1969]. В.А. Тишков в рамках конструктивистского подхода предлагает рассматривать не человека в этничности, а этничность в человеке, при этом этничность подвержена историческому дрейфу, т.е. «путешствию индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций и систем» [2001, с. 233; 2003, с. 123]. А.В. Головнев, дополняя, отмечает, что каждое поколение заново воссоздает свою этничность, и всякий раз в чем-то по-новому; при этом фиксируемые характеристики (переписи, административные границы) не всегда совпадают с реальной ситуацией [2009, с. 46]. Принцип конструктивизма предполагает, что этничность становится ресурсом, а этническая (само)идентификация — инструментом реализации статусной стратегии [Дробижева, 2002; Рыжова, 2011, с. 62].

Для небольших этнических групп, проживающих в окружении иноэтничного большинства, в условиях политики фаворитизма в отношении определенных категорий этносов и социальных групп, при размывании этнокультурных границ и расширении межэтнических браков процесс этнической самоидентификации на индивидуальном уровне становится более сложным и зависит от различных субъективных и объективных факторов (к примеру: [Адаев, 2011; Ким и др., 2015; Пивнева, 2010]). Этническая идентификация людей, выросших в смешанных в этническом отношении семьях, где родители имеют разную национальность, может определяться национальностью одного из родителей либо этнического большинства. Непростой характер этого процесса у выходцев из национально-смешанных семей, по мнению Е.М. Галкиной, может быть связан с определением «номинальной идентификации», фиксируемой в официальных документах, и формированием «внутренней этнической идентификации», включающей два уровня: «самоидентификацию — осознанное отнесение себя к определенной этнической группе — и уровень неосознаваемых установок и ориентаций» [1989, с. 14]. Такой методологический подход позволяет выявлять локальные особенности аккультурационных и ассимилятивных процессов, типологизировать их и выделять модели ассимиляции.

В рамках данной статьи мы сосредоточили внимание на освещении истории формирования самбургских коми, характеристике этнокультурных процессов, связанных с группой, выявлении локальных особенностей сохранения, воспроизводства и трансформации этнической идентичности.

Источниками исследования послужили материалы полевых исследований авторов в течение нескольких лет. В 2004 г. проводилось историко-культурное и археологическое исследование территории Пуровского района сотрудниками ИПОС СО РАН под руководством А.Н. Багашева, в ходе полевых работ были собраны данные о хозяйстве и территории традиционного

природопользования населения района, этнодемографической ситуации² [Отчет..., 2004]. В 2009 г. в рамках этнографической экспедиции Н.А. Лискевич выявлены сведения по истории отдельных семей коми, реконструированы родословия. К.В. Истомин и В.Э. Шарапов проводили этнографические исследования в 2016 г., собрали дополнительные уточняющие сведения по истории формирования группы, а также этнографический материал по традиционному оленеводческому хозяйству местных коми, технологии выпаса оленей, кочевому жилищу, орудиям труда, влиянию коми на местных ненцев в сфере хозяйства и материальной культуры.

История формирования коми населения в Самбурге

Пуровский район был образован в 1932 г., он входит в состав Ямало-Ненецкого автономного округа и расположен в бассейне р. Пур; на западе граничит с Надымским районом, на севере — с Тазовским, на востоке — с Красноселькупским, на юге — с Сургутским и Нижневартовским районами Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. По данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., на территории, соответствующей современному Пуровскому району, среди оседлого населения числилось всего 17 чел. — 8 ненцев и 9 русских. Среди кочевого населения отмечалось 309 ненцев (тундровых), 890 чел. лесных ненцев, 79 хантов, или 98,7 % от всего населения территории [История Ямала, 2010, с. 35–36].

Приток населения в Пуровский район, образование стационарных населенных пунктов тесно связаны с социально-экономическими преобразованиями конца 1920-х — 1930-х гг. Первый оленеводческий совхоз «Надымский» (или М. Ямальский) был образован Госторгом в 1929 г. [Гриценко, 2004, с. 190; Кантор, 1933, с. 50]. До 1933 г. хозяйство Надымского совхоза находилось в тяжелом положении, одним из важнейших мероприятий стало разукрупнение совхоза в конце 1933 г. — создание Кутопьюганского и Ныдинского совхозов [Кошелев, 1934, с. 79]. Землеустроительные и экономические обследования 1932–1933 г. показали перспективность развития оленеводства в восточных районах — Пуровском и Нижне-Тазовском [Андреев, 1934, с. 65]. Было принято решение перевести Кутопьюганский оленеводческий совхоз на новые пастбищные площади Пуровского фонда, реорганизовав его в 1937 г. в «Пуровский оленеводческий совхоз Главного управления Северного морского пути» [Дудников, 2004, с. 151]. Центральную усадьбу дислоцировали в Нижне-Пуровском национальном совете Пуровского района, на правом берегу р. Пур, в урочище Верхнего Самбурга [Там же]. Новый поселок назвали Самбург, по аналогии с одноименной факторией, находившейся в 2 км ниже от запланированного для центральной усадьбы места [Вокуев, 2015, с. 136].

Оленеводы, работавшие в стадах совхоза, были в основном коми (зыряне). По рассказам, в 1935–1937 гг. коми пастухи жили и работали в Ныде, в совхозе «Кутопьюганском», но после выделения новых пастбищных наделов стали переводить стада в низовья Пура. Весной 1937 г. прибыли семьи Сметаниных, Вокуевых, Каневых, Рочевых, Хатанзеевых, Ямзиных.

Прибывшие в Пуровский совхоз пастухи были потомственные оленеводы, уроженцы разных населенных пунктов, являющихся центрами компактного расселения коми на территории бывшей Тобольской губернии (с. Мужы Шурышкарского района, с. Саранапуль Березовского района, с. Катравож Приуральского района, с. Лабытнанги, г. Салехард); также по полевым материалам известно, что часть оленеводов прибыла из *Воркуты, там какой-то Воркутинский совхоз оленеводческий был.*

Многие из прибывших коми были весьма состоятельными оленеводами, у которых на прежнем месте жительства реквизировали оленей и которые облагались тяжелым налогом. Так, к примеру, в 1931 г. Вокуева В.И. и его сыновей Семена и Дмитрия, живших в то время в Саранапуле, обложили «твердым заданием по всем видам заготовок» и обязали выплатить займ на общую сумму 80 000 руб. [ГАХМАО, ф. 111, оп. 3, д. 13]. Глава семьи, Вокуев Василий Иванович в 1931 г. со своей большой семьей, куда входили и женатые сыновья, перевел стада из-под Березова на север, в сторону Салехарда (Обдорска), а потом перешел в Ныду, где они стали работать в совхозе [Вокуев, 2015, с. 25; ПМА 2009 г.]. В последующем Вокуев В.И. руководил оленеводческой бригадой № 2 в совхозе «Пуровский», его сын Семен стал бригадиром бригады № 6 [Вокуев, 2015, с. 25–26]. По воспоминаниям М.С. Айваседа (дочери Семена Васильевича Вокуева), *жили около Березова, потом шли до Салехарда и там стояли, а потом в Ныду. В совхоз вербовали. Потом оленей забрали, увели всех. Потом немного отделили, немножко*

² Этнодемографические исследования проводились с.н.с. ИПОС СО РАН Е.А. Волжаниной.

олений дали. У родителей было мало оленей. А потом сюда перевели, в Самбурге. В Ныде жили два года, а потом с оленями сюда перевели на работу в 1938–39 гг. Мне 14 лет было...

Этот рассказ дополняет А.Н. Айваседа, дочь Николая Васильевича Вокуева:

Своих оленей были целые стада. У нас вот было три брата, так вместе жили. Много было оленей. Может, три тысячи, может, полторы. Раскулачили их, своих оленей все равно немножко было. Вот так и сюда попали. И сослать некуда. И так в Сибири. В чем провинились люди? Они и вещи свои, и всё оставили, некоторые даже обратно хотели уехать. Не смогли уехать, так и попали сюда. А все равно так и жили, что делать-то. Здесь оленей мало было. Совхоз же они организовали, этих оленей собрали своих, отобрали у них, совхоз сделали. А мы боялись потом, в комсомол принимали, мы не знали, что писать, ведь родители кулаки. Да и родители-то сами перепуганные были, ничего и не рассказывали.

В 1939 г. в Пуровском районе числилось всего 2295 чел., в том числе 503 русских, 1538 ненцев, 82 ханты, 76 коми, 13 татар, 13 украинцев и 70 прочих. В Тарко-Сале коми числилось 16 чел. и в «прочей местности» — 60 чел. [Михалев, 2010, с. 36]. Вероятно, под «прочей местностью» понимались пастбищные угодья Пуровского совхоза, где каслали оленеводы.

В феврале 1945 г. постановлением Ямало-Ненецкого окрисполкома в п. Тарко-Сале образован оленеводческий совхоз «Верхне-Пуровский», объединивший несколько хозяйств [Агропромышленный комплекс..., 2008, с. 84]. Среди совхозных оленеводов появились и коми — Терентьевы, Каневы, Витязевы, Ямзины, Музыкантовы (ПМА 2009 г.). В 1947–1949 гг., по данным текущего сельсоветского учета, в трех сельсоветах (Таркосалинском, Верхне-Пуровском и Нижне-Пуровском) Пуровского района числилось 2675 чел. В Таркосалинском с/с было 72 чел. коми, в Верхне-Пуровском — 9, в Нижне-Пуровском — 76 [Михалев, 2010, с. 36].

В 1950–1960-х гг. численность населения Пуровского района, в том числе коми, постепенно увеличивалась не только за счет естественного прироста, но за счет специалистов и рабочих, прибывающих в учреждения соцкультбыта, подразделения совхозов и колхозов. Поселки активно строились, что привлекало строительные бригады, плотников, пилорамщиков и др. К началу 1958 г. в Пуровском районе числилось 3113 чел., из них коми — 172 чел. [История Ямала, 2010, с. 337; Михалев, 2010, с. 52].

Традиционная культура и хозяйство

Первые коми переселенцы в бассейне р. Пур были оленеводами-кочевниками, оторванными, во многом насильственно, от традиционной «оседлой» культуры ижемских коми. Более того, экологические особенности нижнего Пура ограничивали возможность экспорта сюда такой культуры переселенцами: в окрестностях Самбурга нет подходящего леса, при строительстве поселка его централизованно сплавливали из верховьев Пура и использовали для сооружения типовых построек. Дрова (в тот период, когда поселок ими отапливался) также заготавливали высоко по реке и распределяли по жесткой норме; рано (и вынужденно) появилось центральное отопление. Местность не приспособлена для полеводства, сенокосов, по сути, нет, животноводство (помимо оленеводства и звероводства) было развито слабо и существовало только в совхозном, а не в частном хозяйстве. Все это делало невозможным развертывание переселенцами традиционного для ижемцев материально-хозяйственного комплекса оседлой культуры — строительство ижемских усадеб, бань, разведение крупного и мелкого скота. Даже сейчас в Самбурге крайне мало частных домов, причем все они, включая и те, что принадлежат коми, построены по принципу максимальной экономии материалов и тепла и на классическую ижемскую усадьбу не похожи.

Отсутствие традиционного комплекса оседлой материальной культуры и хозяйства ведет к слабой сохранности у местных коми некоторых элементов духовной культуры: обрядов сельскохозяйственного цикла, верований и обрядов, связанных с баней (которая у коми играла важную роль также в семейной, особенно родильной и свадебной, обрядности), производственных верований. Кочевой образ жизни и продолжительная борьба с религией привели к исчезновению многих традиций, связанных с церковными праздниками. Хотя Н.А. Вокуев упоминал о существовании в Самбурге в 1970-е гг. обычая устраивать качели на Пасху (весьма характерный элемент празднования Пасхи у ижемских коми), остальные информаторы о качелях не говорили. Это, возможно, вызвано тем, что, работая в оленеводстве, они практически никогда не бывали на Пасху в поселке, так как этот православный праздник часто приходится на предотельный и отельный периоды оленеводческого цикла, являющиеся, пожалуй, самыми напряженными

Самбургские коми: история формирования и этнокультурные процессы

ми в плане затрат труда и времени пастухов. Подобно всем ижемцам-оленеводам и в отличие как от ненцев, так и от оседлых ижемцев, пуровские коми считают главным календарным праздником Ильин день (Илля лун, 2 августа по новому стилю). Особое почитание св. Ильи проявляется и в том, что строящаяся в Самбурге православная церковь по просьбам местных коми будет освящена в честь этого святого. До недавнего времени в коми бригадах совхоза «Пуровский» сохранялись все традиции этого дня, включая гонки на оленях. В настоящее время, однако, по сообщениям информаторов, эти традиции постепенно теряются, хотя почитание самого дня сохраняется. Остальные традиционные календарные праздники не соблюдаются либо соблюдаются в меньшей степени.

В противоположность оседлой, кочевая оленеводческая культура ижемцев сохранилась у пуровских коми удивительно хорошо, во многих отношениях даже лучше, чем в бассейнах Печоры и Усы, на исторической родине ижемского оленеводства. По описаниям информаторов, как в коми, так и в ненецких оленеводческих бригадах совхоза «Пуровский», по крайней мере в тех из них, что кочуют по левому берегу р. Пур, используется традиционный ижемский чум на *мокоме* или удлинённой треноге, без *сымзы* (священного шеста), с *чукичами* (внутренними шестами, по-ненецки — «ти»), идущими параллельно друг другу от входа в *синякуй* (место, противоположное входу), с умывальником, висящим на чукичах прямо напротив входа, и спальными местами, оснащёнными пологамы в любое время года. Интересна судьба «красного угла»: в традиционном ижемском чуме место, противоположное входу (*синякуй* по-ненецки), между чукичами драпируется тканью, на чукичи вешается полка с иконой (либо икона ставится на установленном там столе), а перед иконой зажигается лампадка. По воспоминаниям опрошенных нами в с. Самбург информаторов (4 чел.), в чумах пуровских ижемцев, по крайней мере в последнее время, икон не висело, хотя некоторые из них заявили, что иконы у них были, но их возили в нарте для одежды и постельных принадлежностей и заносили в чум только по праздникам. Тем не менее красный угол был оформлен: задрапирован тканью, были полка или столик для документов и ценных вещей, висела керосиновая лампа. У пуровчан, в противоположность оленеводам Ижемского района Республики Коми, до сих пор сохраняется зимний чум с меховыми нюками (*гэначом*), замена меховых нюков многослойными нюками из сукна не прослеживается.

У пуровских коми представлен весь набор ижемских нарт, включая ларь (*яшшык*), который у них заимствовали местные ненцы. Во всех бригадах совхоза, включая ненецкие, используется ижемский способ запряжки боковых оленей в упряжке проводом плечевой лямки через ногу (способ, известный среди ненцев других районов ЯНАО как «нгызмаподер», хотя нам не удалось выяснить, используют ли этот термин пуровские ненцы). Комплекс меховой одежды сохраняет ижемскую конструкцию маличного капюшона, обуви — *тобоков* и *пимов*, приемы украшения *тасмы* (пояса). Интересно, что ижемские приемы изготовления меховой одежды также широко заимствуются местными ненцами. Более того, среди местных ненцев прослеживается тенденция к отказу от традиционной меховой женской одежды — ягушек (*ланы*) и замещению ее малицами с белыми капюшонами (*едид юра (баба) малич*) на ижемский манер.

В среде самбургских оленеводов наблюдается процесс унификации в покрое и особенностях декорирования меховой одежды и обуви у коми и ненцев. Вместе с тем все самбургские мастерицы легко различают специфику в орнаментальной традиции и технике шитья, характерную для «нысма» и ненцев. Так, по мнению ненецких мастериц, у *зырян орнамент на меховых изделиях более мелкий, а у ненцев различные элементы меховой аппликации значительно крупнее и сам орнамент получается крупнее. При этом у зырян более тщательно прошиваются швы на меховой аппликации, более мелкими и частыми стежками. Ненки шьют более свободными стежками* (записано со слов Любови Мыртьевны Оковой, 1965 г.р., с. Самбург).

Ненецкие мастерицы в Самбурге называют «коми орнаментом» (*нысма мадавы*) декор меховой обуви, выполненный тонкими вставками из разноцветного сукна по швам на меховой обуви, а также чередующиеся линии из меха контрастного цвета на подоле малиц (*сера панды малича*). По свидетельствам современных самбургских коми мастериц, в декорировании меховых сумок (*тучу, ладку*) и обуви (*пимов*) в семьях у коми оленеводов женщины, в отличие от ненцев, никогда не применяли шаблонов — выкроек для орнамента. Иногда в оформлении изделий из меха коми мастерицы используют некоторые типичные для ненцев несложные элементы геометрического орнамента, а для заимствованных у ненцев тех или иных орнаментальных мотивов — конкретные названия на ненецком языке либо обобщенное наименование —

яран мадавы («ненецкий орнамент»). Но, поскольку любую геометрическую композицию в меховой аппликации коми женщины всегда воспроизводят по памяти, даже при повторении какого-либо мехового узора первоначальный изобразительный мотив неизбежно изменяется, утрачивает некоторые детали. Самобытность и художественная выразительность меховой мозаики коми в оформлении бытовых меховых вещей, вероятно, обусловлена именно стремлением к некоторому обобщению, лаконичности орнаментальных мотивов, в отличие от ненецкой традиции тщательной проработки жестко заданного каждого элемента более сложного по композиции орнамента, выполненного по трафарету.

Коми женщины более склонны вносить определенные изменения в традиционную технологию покроя и декорирования меховой одежды (так, например, детские малицы по подолу с внутренней стороны утепляют не оленьим мехом, а отрезами из старых плюшевых шуб; могут надеть поверх детской малицы совик, сшитый из меха годовалого оленя *теля*, шкура которого *постель* традиционно используется для изготовления замши, и т.д.), что порой вызывает недоумение со стороны ненецких мастериц.

В 2000-х гг. оленеводство перестало быть ведущей отраслью хозяйства у коми. В 2004 г. в ОАО совхозе «Пуровский» работало 103 чел. в качестве оленеводов и чумработниц, в основном ненцы и коми-зыряне. Если в 1997 г. поголовье оленей в совхозе составляло около 17 000 голов, то уже к 2004 г. оно сократилось до 13 000. Во многом это было связано с уменьшением территорий пастбищ из-за строительства дорог, газопроводов, обустройства месторождений и т.п. Уменьшилось и количество совхозных оленеводческих бригад — с 12 до 9. Среднее число оленей в бригадах колеблется в пределах 1500 голов, в летнее время поголовье возрастает за счет приплода. Кроме того, вместе с совхозными оленями в бригадах выпасаются и частные в количестве от 400 до 800 голов.

Совхоз «Пуровский» неофициально делится на два крыла, которые называются южным и северным (что не соответствует реальному их географическому положению). К северному крылу относятся земли по западную сторону Пура и бригады, кочующие по ним. Это земельный фонд, который был выделен совхозу при его основании в 1936–1937 гг. К южному крылу относятся земли по восточную сторону Пура, вошедшие в состав совхоза при его укрупнении (присоединении местных колхозов) и расширении его пастбищного фонда в 1980-х гг. Исторически все коми бригады относились к северному крылу (в котором, однако, были и ненецкие бригады), в то время как бригады южного крыла были ненецкими. Однако в 1980-е гг. часть коми бригад была переведена на южную сторону.

Интервью показывают большую разницу в способах ведения оленеводства между бригадами северного и южного крыла. В северном крыле практикуется классическое «коридорное» оленеводство с меридиональным кочеванием (с юга на север в первую половину года и с севера на юг во вторую), постоянными кочевыми путями (*вэргами*), правильной сменой сезонных пастбищ. Все эти признаки весьма характерны для ижемского оленеводства, хотя они присущи также ненецкому оленеводству, например, уральской тундры, полуострова Ямал и северной части Гыданского полуострова. С другой стороны, в южном крыле практикуется кочевание по кругу, без постоянных кочевых путей, без соблюдения меридиональной смены пастбищ. Этот способ ведения оленеводческого хозяйства очень похож на оленеводство тазовских ненцев (южная часть Гыданского полуострова), ближайших соседей пуровчан. Таким образом, в совхозе «Пуровский» сосуществуют две системы оленеводства: меридиональная, явно привнесенная сюда из более западных районов и характерная в том числе для ижемцев, и местная, традиционная для ненцев этой части ЯНАО. Границей между ними служит р. Пур.

В ходе нашего исследования нам не удалось непосредственно наблюдать способы выпаса оленей, но из рассказов информаторов создается впечатление, что, по крайней мере, в северном крыле практикуются многие технологические приемы, характерные для ижемцев: круглосуточное наблюдение за стадом в бесснежный и весенний периоды, ежедневный (по возможности) его объезд в зимний период. В отличие от оленеводов бассейна Печоры, пуровские коми сохраняют зимнее кочевание и связанный с ним материальный комплекс (зимний чум, раздельный выпас быков и основного стада зимой). Хотя снегоходы активно используются пуровскими оленеводами, в том числе при зимнем выпасе стада, их внедрение не привело здесь, как в бассейне Печоры, к зимней оседлости и выпасу оленей из стационарных поселков либо стационарных промежуточных баз. В быт пуровских оленеводов, как коми, так и ненцев, активно входят и другие технологические инновации: бензиновые электрогенераторы, мобильные телефо-

ны, видеоманитофоны, телевизоры. Однако это не приводит пока к разрушению традиционного материально-технологического комплекса кочевого оленеводческого хозяйства.

Брачное и языковое взаимодействие коми и коренного населения

Состав оленеводческих бригад в совхозе «Пуровский» был смешанным в этническом отношении. Вместе с коми пастухами работали тундровые и лесные ненцы. Общие профессиональные интересы обеспечивали развитие дружеских отношений: *сначала как чужие были для нас, ненцев, а впоследствии друзьями стали* (ПМА 2009 г.). Среди работников Пуровского совхоза был распространен билингвизм. Ненцы знали зырянский язык: *все старые люди, все чисто говорили на зырянском, особенно те, кто в колхозе жили* (Айваседо А.Н.). В коми-ненецких и ненецко-коми семьях у второго поколения переселившихся в Самбург коми разговаривали по-зырянски и детей учили родному языку. При этом и многие коми хорошо знали ненецкий язык. Для пастухов было необходимо и знание русского языка, развитие грамотности. В Самбурге имела школа, интернат, кроме того, для неграмотных оленеводов и их детей на летних пастбищах в устье рек Харвута и Сидимютте построили две базы, где в 1940–1950-х гг. действовала начальная школа с обучением на русском языке [Вокуев, 2015, с. 184]. *Самая первая школа была домик в стадах... и там учили людей. Чтобы хоть фамилию учили писать. Туда из стадов детей отправляли. Там зимой учили. Летом сильно много комаров, надо помогать родителям* (Яковлева Н.Г.). Позже языком бытового общения в смешанном коллективе стал русский: *мы в семье по-зырянски не разговариваем. Можно было, но у старшего сына жена ненка... И вот в чуме по-русски говорили, а то она ненка, я зырянка. И дети все по-русски* (Айваседо А.Н.).

Жители с. Самбург неоднократно отмечали, что в настоящее время они говорят/общаются между собой на «своем, особенном самбургском языке», в котором есть и ненецкие, и коми, и русские слова. По этому поводу в Самбурге можно услышать шутку о местной «мультиидентичности»: «Я — три в одном: коми, ненец и русский сразу» (Авайседо В.Г.). По словам А.А. Квачёвой, официально она идентифицирует себя как ненку — по национальности отца, но в то же время подчеркивает свое отношение к коми языку как к родному — по матери: «Язык самбургский очень своеобразный — это и ненецкий, и коми язык одновременно». Очевидное взаимовлияние и некоторые изменения, происходящие в фонетической и лексической системах ненецкого и коми языков в Пуровском районе, и в частности с. Самбург, отмечаются в недавних исследованиях московских лингвистов о диалектных и ареальных особенностях ижемских говоров ЯНАО [Кашкин и др., 2015].

Сходство хозяйственного уклада, общность трудовых навыков коми оленеводов с коренными жителями, развитие би- и полилингвизма, а также ограниченность потенциальных брачных партнеров в своем коллективе определили развитие взаимодействия в сфере семейно-брачных отношений. Особенно распространенными стали смешанные браки коми и ненцев во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Более редкими были случаи, когда родители специально ездили свататься в отдаленные населенные пункты, чтобы сноха была *зырянкой*. Современные жители Самбурга считают, что *коми между собой здесь все уже родственники, по отцам и матерям*.

По данным генетико-демографических исследований, коми-зыряне внесли существенный вклад в субпопуляцию лесных ненцев в Самбурге, а с конца 1960-х гг. резко усилилась тенденция к бракам с пришлым населением (русские, украинцы, мари и др.) как у коми, так и у лесных и тундровых ненцев [Абанина, 1982, с. 1891; Посух, Осипова и др., 1996, с. 825]. На 01.07.2004 численность постоянного населения Самбургской сельской администрации составляла 1797 чел. Национальный состав населения был представлен следующим образом: 214 — русские (11,9 %), 1327 — ненцы (73,8 %), 23 — ханты (1,3 %), 117 — коми (6,5 %), 26 — украинцы (1,4 %) и прочие (менее 1 %), всего на территории сельского поселения проживали представители 22 национальностей [Отчет..., 2004, с. 151–152]. По данным похозяйственного учета населения, только 37,6 % коми (14 хозяйств, в которых было прописано 44 чел.) проживали в однонациональных хозяйствах. Среди межнациональных хозяйств с участием коми преобладали коми-ненецкие хозяйства — 17 хозяйств, в которых прописано 93 чел., хозяйства русско-коми насчитывали 40 чел., также выявлены 4 ненецко-коми хозяйства (22 чел.) и немногочисленные другие [Там же, с. 152–158]. В 2004 г. в Самбурге было заключено 17 коми-ненецких браков и 3 — ненецко-коми [Волжанина, 2010, с. 268].

Групповые границы между коми и ненцами, выражающиеся в языковом барьере, эндогамии, землячестве и родственных связях, различии хозяйственных стереотипов и культурных атрибутов, начали размываться уже в конце 1930-х — начале 1940-х гг. В результате уже во втором поколении некоторые переселенцы, у которых родители были коми, в официальных документах числились как ненцы. Объективным условием этого было усыновление ненцем либо межэтнический брак [Домовая книга..., 1968]. В конце 2006 г., по данным похозяйственного учета населения, в Самбурге числилось 113 коми, было заключено 57 браков с участием коми, причем подавляющая часть их была межэтническими (табл.). В большинстве семей с участием коми и представителей коренных народов выбор был не в пользу этнической номинации коми, один человек изменил свою национальность с «коми» на «ненец» в начале 2000-х гг. Похожие процессы зафиксированы в колвинской контактной зоне коми-ненецкого пограничья, где выходцы из этнически смешанных семей идентифицируют себя с народом коми (и более конкретно — с коми-ижемцами), используя при этом этноним «ненец». Авторы антропологических исследований 2004 г. среди колвинских ненцев пришли к выводу о важной роли социальных факторов, определяющих этничность индивида: его этническое окружение, национально-административное деление, льготный социальный пакет [Антропология коми, 2005, с. 147].

**Количество браков с участием коми и определение национальности детей
в п. Самбург Пуровского района по данным на 01.01.2007***

Брак	Кол-во семей	Кол-во семей, в которых определена национальность детей						
		Ненцы	Коми	Русские	Ханты	Осетин	Украинец	Не определена
Коми-ненецкий	21	19	2	—	—	—	—	—
Ненецко-коми	6	4	2	—	—	—	—	—
Коми-коми	7	7	—	—	—	—	—	—
Русско-коми	16	1	10	4	—	—	—	1
Коми-русский	2	—	—	2	—	—	—	—
Коми-украинский	1	—	—	—	—	—	1	—
Коми-ханты	1	—	—	—	1	—	—	—
Коми-осетинский	1	—	—	—	—	1	—	1
Осетинско-коми	1	—	1	—	—	—	—	—
Коми-абазинский	1	—	1	—	—	—	—	—

* Составлено по данным похозяйственных книг Самбургской сельской администрации на 01.01.2007.

В бытовом восприятии самбургского сообщества люди, у которых родители коми и ненцы либо носящие ненецкую фамилию, называются «ненецкие зыряне» — 'изъватас яран'. Она не ненка, Вануйто тоже там были зыряне; Они как чистые зыряне, но фамилии ненецкие — изъватас яран (ПМА 2009 г.). Более того, коми этноним «яран», означающий «ненец», был заимствован местными ненцами, которые в разговоре между собой по-ненецки могут называть себя «яран хасаво/не» (вместо «неней хасаво/не», т.е. настоящий мужчина/женщина), а свой язык — «яран вада» (вместо «неней вада» — настоящая речь) (Оковой В.Х., запись 2016).

В представлениях современных пуровских коми важнейшим фактором сохранения национальной идентичности, наряду с родным языком, выступает традиционный костюм. Так, по мнению коми женщин, живущих в с. Самбург, сохранение родного языка неразрывно связано с традицией повседневного ношения национального ижемского наряда:

Коми-зырян-то очень же много на самом деле в селе, только повыходили кто за русско-го, кто за ненца — язык так-то и теряется. Если не увидишь на улице свою национальную одежду, и не заговоришь ведь ни с кем по-коми, а если встретишь в ижемском сарафане кого-то, то и стараешься заговорить с ним на своем языке (Родионова А.Ф.).

В современных оленеводческих поселках традиционный женский наряд ижемских коми ушел из повседневной жизни и выполняет даже не обрядовую, а скорее «сценическую» или «декоративную» функцию, выступая зримым маркером «зырянской» идентичности. Вместе с тем в большинстве семей коми оленеводов бережно сохраняются из поколения в поколение и регулярно обновляются традиционные женские наряды, которые надеваются, как правило, на календарные праздники и различные торжественные мероприятия.

Изучением и сохранением певческой традиции на ижемском диалекте коми языка много лет занимается А.А. Квачёва — руководитель ансамбля «Самбургские зыряночки» с. Самбург. По мнению Анны Атковны, пуровские коми оленеводы, живущие среди ненцев уже более 70 лет

Самбургские коми: история формирования и этнокультурные процессы

компактной, достаточно обособленной группой, смогли сохранить уникальные особенности родного языка и старинную песенную традицию ижемских коми. В репертуаре ансамбля, в частности, представлены старинные малоизвестные песни ижемских коми, которые удалось зафиксировать у старожилов с. Самбург: «Важэн олыс озыр морт»/«Жил когда-то зырянин богатый» (записана со слов А.Н. Айваседа, в девичестве Вокуевой); «Ныы' ветлалэ»/«Ходит девушка» и «Вичко»/«Церковь» (записаны со слов И.Я. Пяк, в девичестве Коневой). Старинные ижемские песни, исполняемые на различных фестивалях и конкурсах в «самбургском» варианте, неизменно не только привлекают внимание жюри и слушателей, но и вызывают исследовательский интерес у фольклористов и музыковедов.

Выводы

Коми, поселившиеся в Самбурге,— выходцы с разных территорий (Мужи, Березово, Салехард, Воркута), численность их была небольшая. Несмотря на то, что некоторые приехали большими семьями, включающими три поколения, и старались поддерживать отношения с родственниками на родине, в коллективной памяти не осталось представления об общности землячества и его мифологизации. Одним из главных мотивов в семейных историях о появлении коми в Самбурге звучит тема раскулачивания, принуждения к переезду и работе в совхозе. Необходимость коми оленеводов адаптироваться на новом месте была связана не только с освоением новых пастбищных угодий, привыканием к новым социальным и экономическим отношениям, но и с приспособлением к репрессивной политике, когда нужно было многое скрывать о своей прошлой жизни. Может быть, это отчасти повлияло на процесс «сохранения корней». Потомки первых поселенцев уже в третьем поколении не всегда могут сказать, откуда прибыли их деды, не знают генеалогии, и соответственно нельзя говорить о высокой степени их идентификации с родиной предков. Результатом брачного взаимодействия коми и ненцев стало преобладание выбора национальности детей в пользу этнонима «ненец», т.е., по сути, ассимилирование коми ненецким большинством. При этом носители «коренного» этнонима зачастую идентифицируют себя как коми (зыряне) и сохраняют предпочтительное отношение к традиционной культуре коми, в том числе языку. Таким образом, массовые источники, содержащие формальные данные, маскируют реальную этническую ситуацию, когда наряду с выбором в пользу коренной национальности в смешанных браках сохраняются коми язык и коми культура, а также приоритет коми идентичности в бытовых условиях. То есть особенностью модели ассимиляции пуровских коми в среде ненецкого большинства являются сохранение исходной этничности и ее доминирование в неофициальной обстановке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГАХМАО. Ф. 111. Березовский районный совет и его исполнительный комитет. Оп. 3. Д. 13. Переписка с сельскими советами Березовского района о наложении твердых заданий на кулаков. 1933 г. 64 л.

Домовая книга № 1 для прописки граждан, проживающих в доме по Самбургу Пуровского района. Пуровское отделение милиции. 1.09.1968–13.09.1968 // Архивный отдел администрации муниципального образования село Самбург.

Отчет о выполнении научно-исследовательских работ по заказу № 7227: «Проект. Транспорт деэтанализованного конденсата Юрхаровского НГКМ на Пуровский ЗПК. Инженерно-экологические изыскания (ИЭИ). Оценка состояния окружающей среды (ОСОС). Историко-культурное и археологическое исследование территории и ее мониторинг» / Отв. исполнитель А.Н. Багашев, исполнитель А.А. Ткачев, В.П. Клюева, Н.А. Повод, А.А. Богордаева, О.Е. Пошехонова, А.А. Антонов, Е.А. Волжанина. Рукоп. Тюмень, 2004. 238 с. // Научный архив ИПОС СО РАН.

Литература

Абанина Т.А. Популяционная структура лесных ненцев, демографические характеристики, структура браков, миграция, анализ смешения // Генетика. М.: АН СССР, 1982. Вып. 11, т. XVIII. С. 1884–1893.

Авдашкин А.А. Феномен диаспоры: Методологические основы научного исследования // Вестн. ЧелГУ. 2015. № 2 (357). С. 131–137.

Адаев В.Н. «А остяки — они же любители одиночеств...»: Этническая идентичность и этнические стереотипы у населения реки Демьянка в XX–XXI вв. // УИВ. 2011. № 2 (31). С. 63–72.

Агропромышленный комплекс Ямало-Ненецкого автономного округа / Авт.-сост. Ю.А. Морозов. Тюмень: Сиб. издат. дом, 2008. 176 с.

Андреев В.Н. Освоение кормовой базы ямальского оленеводства // Сов. Север. М., 1934. № 3. С. 63–67.

- Антропология коми* / Г.А. Аксянова, Н.А. Долинова, Г.В. Рыкушина и др.; Отв. ред. Г.А. Аксянова. М.: ИЭА РАН, 2005. 280 с.
- Вокуев Н.А.* Пастбищный фонд. М.: Сталинград, 2015. 215 с.
- Волжанина Е.А.* Этнодемографические процессы среди ненцев Ямала в XX — начале XXI в. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
- Галкина Е.М.* Этническая идентификация у выходцев из национально-смешанных семей: (Этносоциологический и этнопсихологический аспекты) // Этнография, антропология и смежные дисциплины, соотношение предмета и методов. М.: ИЭ АН СССР, 1989. С. 12–19.
- Головнев А.В.* Дрейф этничности // УИВ. 2009. № 4 (25). С. 46–55.
- Гриценко В.Н.* История Ямальского Севера в очерках и документах: В 2 т. Т. 1. Омск: Кн. изд-во, 2004. 312 с.
- Дробизева Л.* Российская и этническая идентичность: Противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. 2002. С. 213–244.
- Дудников Н.Ф.* Пур — надежда России. М.: Вертикаль: Пресском, 2004. 240 с.
- История Ямала:* В 2 т. / Под общ. ред. В.В. Алексеева. Т. II: Ямал современный. Кн. 1: У истоков модернизации / Под ред. К.И. Зубкова и др. Екатеринбург: Баско, 2010. 368 с.
- Кашкин Е.В., Кузнецова А.И., Муравьев Н.А.* Ижемские говоры ЯНАО: Диалектные и ареальные особенности // Пермистика 15. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск, 2015. С. 148–155.
- Кантор Е.* Хозяйство Ямальского (Ненецкого) национального округа: (Из доклада Е. Кантора Комитету Севера) // Сов. Север. 1933. Вып. 6. С. 46–53.
- Ким Х.Ч., Шаббаев Ю.П., Истомин К.В.* Локальная группа в поиске идентичности: (Коми-ижемцы: Динамика культурных трансформаций) // Социол. исследования. 2015. № 8 (376). С. 85–92.
- Кошелев Я.* В Ямальских тундрах // Сов. Арктика. 1934. Вып. 5. С. 76–85.
- Михалев Н.А.* Население Ямала в первой половине XX века: (Историко-этнографический анализ). Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 196 с.
- Пивнева Е.А.* Мансийский опыт экосоциальной адаптации // УИВ. 2010. № 2 (27). С. 136–142.
- Посух О.Л., Осипова Л.П., Крюков Ю.А., Ивакин Е.А.* Генетико-демографический анализ популяции коренных жителей самбургской тундры // Генетика. Новосибирск: Ин-т цитологии и генетики СО РАН, 1996. Вып. 6, т. 32. С. 822–829.
- Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
- Тишков В.А.* Этнология и политика. М.: Наука, 2001. 240 с.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Чешко С.В.* Человек и этничность // ЭО. 1994. № 6. С. 35–50.
- Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference.* Boston: Little, Brown and Company, 1969. P. 9–38.

Список информаторов

- Айваседо Марина Семеновна, коми, 1927 г.р.
- Айваседо Анастасия Николаевна, ненка (родители — коми), 1933 г.р.
- Айваседо Валерий Гордеевич, ненец, 1971 г.р.
- Вануйто Ираида Иовна, коми, 1922 г.р.
- Вокуев Николай Андреевич, коми, 1960 г.р.
- Квачева Анна Атковна, ненка, 1974 г.р.
- Оковой Любовь Мыртьевна, ненка, 1965 г.р.
- Оковой Виктор Хаюлович, ненец, 1967 г.р.
- Пяк Ирина Яковлевна, коми, 1926 г.р.
- Родионова Анастасия Федоровна, коми, 1951 г.р.
- Рочева Елена Ильинична, коми, 1987 г.р.
- Хатанзеева Нина Николаевна, ненка, 1947 г.р.
- Яковлева Надежда Григорьевна, ненка, 1924 г.р.

K.V. Istomin*, N.A. Liskevich**, V.E. Sharapov*

*Institute of Language, Literature and History
Komi Science Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, 167000, Russian Federation
E-mail: kistomin@naver.com;
sharapov.valery@gmail.com

**Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: povod_n@mail.ru

SAMBURG GROUP OF KOMI: ORIGIN, HISTORY AND ETHNO-CULTURAL PROCESSES

In this paper, the authors attempt to reconstruct the history of the Eastern most compact group of the Izhma Komi currently known — the one living in the village of Samburg, Purovski District, Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia. The authors also describe ethno-cultural processes (changes in material and spiritual culture) which have been going in the group as well as the distinct ways its members maintain, re-create and transform their ethnic identity. The research is based on the ethnographic observations and interviews performed by the authors in 2004, 2009 and 2016 as well as on published and unpublished (archival) documents. The arrival of the Komi population to the lower Pur and the establishment of the village of Samburg were related to the formation of the state reindeer herding enterprise (*sovkhos*) «Purovski» in 1937. This *sovkhos* was formed on the basis of the earlier «Kutopyuganski» *sovkhos*, which was situated in Nadym District of YNAO. The personnel of this earlier *sovkhos*, which now became the personnel of «Purovsky» enterprise, consisted of reindeer herding families originated from different villages with large Komi population situated in the former Tobolsk *Gubernia*. Many of these families were victims of the infamous dekulakization campaign (the campaign of political repressions, including deportations, against the wealthy peasants) of 1929–1931. Mainly due to ecological reasons, the Komi re-settlers in Samburg have not re-created the complex of settled culture and economy, which is traditional for the Izhma Komi, and have almost lost those aspects of spiritual culture that were related to this complex. At the same time, they retained and continue to retain the traditional complex of nomadic reindeer herding culture of the Izhma Komi and some elements of this complex have been borrowed by the local Nenets reindeer herders. Since the late 1930s, the Komi re-settlers maintain close contacts, including numerous inter-ethnic marriages, with the local tundra and forest Nenets. These contacts were made easier due to the Komi-Nenets bilingualism, which became widespread in the region. Currently, the majority of the local Komi live in mixed Komi-Nenets families. In these families, children are usually registered as Nenets in official documents. However, many of these Nenets unofficially identify themselves as Komi and express strong preference for Komi culture and language. Therefore, the process of assimilation of the Samburg Komi by the local Nenets is going on, but it has an interesting peculiarity: the assimilated Komi use and express their Nenets identity in official circumstances but retain their original ethnicity in the unofficial ones.

Key words: the Izhma Komi, reindeer herding, situational ethnicity, ethnic identity, *sovkhos* «Purovski», Samburg.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-143-154

REFERENCES

- Abanina T.A., 1982. Populatsionnaia struktura lesnykh nentsev, demograficheskie kharakteristiki, struktura brakov, migratsiia, analiz smesheniia [The structure of the Forest Nenets' population, its demographic characteristics, marriage structure, migration and assimilation analysis]. *Genetika*, no. 11, vol. XVIII, Moscow: AN SSSR, pp. 1884–1893.
- Adaev V.N., 2011. «A ostiaki — oni zhe liubiteli odinochestv...»: Etnicheskaia identichnost' i etnicheskie stereotipy u naseleniia reki Dem'ianka v XX–XXI vv. [«Well, Ostyaks like being alone, uh...»: Ethnic identity and ethnic stereotypes among the population along the Demianka river in the 20th–21st centuries]. *Ural'ski istoricheskii vestnik*, no. 2 (31), pp. 63–72.
- Aksianova G.A., Dolinova N.A., Rykushina G.V. i dr., 2005. *Antropologiya komi* [Anthropology of the Komi], Moscow: IEA RAN, 280 p.
- Alekseev V.V., 2010, (ed). *Istoriia Iamala* [The history of Yamal], vol. 1, Ekaterinburg: Basko, 368 s.
- Andreev V.N., 1934. Osvoenie kormovoi bazy iamal'skogo olenevodstva [The utilization of fodder resources in Yamal reindeer herding]. *Sovetskii Sever*, no. 3, pp. 63–67.
- Avdashkin A.A., 2015. Fenomen diaspory: Metodologicheskie osnovy nauchnogo issledovaniia [The phenomenon of diaspora: The methodological basis for a scientific research]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (357), pp. 131–137.
- Barth F., 1969. Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*, Boston: Little, Brown and Company, pp. 9–38.
- Cheshko S.V., 1994. Chelovek i etnichnost' [The Man and the Ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 35–50.

- Drobizheva L., 2002. Rossiiskaia i etnicheskaia identichnost': Protivostoianie ili sovmestimost' [Russian national and ethnic identity: Opposition or complementarity]. *Rossiia reformiruiushchiasia*, pp. 213–244.
- Dudnikov N.F., 2004. *Pur — nadezhda Rossii* [The Pur is the hope of Russia], Moscow: Vertikal, Presskom: 240 p.
- Galkina E.M., 1989. Etnicheskaia identifikatsiia u vykhodtsev iz natsional'no-smeshannykh semei: (Etnosotsiologicheskii i etnopsikhologicheskii aspekty) [Ethnic identity of the people with mixed ethnic backgrounds: (Ethno-sociological and ethno-psychological aspects)]. *Etnografiia, antropologiya i smejnye distsipliny, sootnoshenie predmeta i metodov*, Moscow: Institut Etnografii AN SSSR, pp. 12–19.
- Golovnev A.V., 2009. Dreif etnichnosti [The drift of ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (25), pp. 46–55.
- Gritsenko V.N., 2004. *Istoriia lamal'skogo Severa v ocherkakh I dokumentakh* [The history of Yamal region in essays and documents], vol. 1, Omsk: Kn. izd-vo, 312 p.
- Kantor E., 1933. Khoziaistvo lamal'skogo (Nenetskogo) natsional'nogo okruga: (Iz doklada E. Kantora Komitetu Severa) [The Economy of Yamal (Nenets) National Okrug]. *Sovetskii Sever*, 6, pp. 46–53.
- Kashkin E.V., Kuznetsova A.I., Murav'ev N.A., 2015. Izhemskie govory IaNAO: Dialektye i areal'nye osobennosti [Izhma sub-dialects of YNAO: Dialectic and areal particularities]. *Permistika 15. Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami*, Izhevsk, pp. 148–155.
- Kim Kh.Ch., Shabaev Iu.P., Istomin K.V., 2015. Lokal'naia gruppa v poiske identichnosti: (Komi-izhemtsy: Dinamika kul'turnykh transformatsii) [The local group in search for its identity: (The Izhma Komi: the dynamics of cultural transformations)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8 (376), pp. 85–92.
- Koshelev Ia., 1934. V lamal'skikh tundrach [In Tundras of Yamal]. *Sovetskaia Arktika*, 5, pp. 76–85.
- Mikhalev N.A., 2010. *Naselenie lamala v pervoi polovine XX veka: (Istoriko-etnograficheskii analiz)* [The population of Yamal in the first half of the 20th century: (A historical and an ethnographic analysis)], Ekaterinburg: UrO RAN, 196 p.
- Morozov Iu.A., 2008. *Agropromyshlennyi kompleks lamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [The agricultural branch of economy of Yamal-Nenets Autonomous Okrug], Tiumen': Sibirskii izdatel'skii dom, 176 p.
- Pivneva E.A., 2010. Mansiiskii opyt ekosotsial'noi adaptatsii [Mansi's experience of eco-social adaptation]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2 (27), pp. 136–142.
- Posukh O.L., Osipova L.P., Kriukov Iu.A., Ivakin E.A., 1996. Genetiko-demograficheskii analiz populiatsii korennykh zhitel'ei samburgskoi tundry [Genetic and demographic analysis of the aboriginal population of the Samburg Tundra]. *Genetika*, no. 6, vol. 32, Novosibirsk: Institut tsitologii i genetiki SO RAN, pp. 822–829.
- Ryzhova S.V., 2011. *Etnicheskaia identichnost' v kontekste tolerantnosti* [Ethnic identity in the context of social tolerance], Moscow: Al'fa-M, 280 p.
- Tishkov V.A., 2001. *Etnologiya i politika* [Ethnology and politics], Moscow: Nauka, 240 p.
- Tishkov V.A., 2003. *Rekvem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for the Ethnos: Studies in social and cultural anthropology], Moscow: Nauka, 544 p.
- Vokuev N.A., 2015. *Pastbishchnyi fond* [The reserves of pasture lands], Moscow: Stalingrad, 215 p.
- Volzhanina E.A., 2010. *Etnodemograficheskie protsessy sredi nentsev lamala v XX — nachale XXI v.* [Ethnographic processes among Yamal Nenets in the 20th and the early 21st centuries], Novosibirsk: Nauka, 312 p.

Н.А. Лискевич, А.Х. Машарипова

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: povod_n@mail.ru;
esenewka@yandex.ru

РОЛЬ ПРАЗДНИКА «ДЕНЬ СЕЛА» В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КОМИ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

Выявлены особенности проведения праздника «День села» в населенных пунктах, основанных коми на территории Западной Сибири в 1840-х гг. Основное внимание уделено юбилейным праздникам, посвященным 170-летию с. Саранпауль Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (15 сентября 2012 г.) и с. Ивановка Ялуторовского района Тюменской области (7 июля 2014 г.). Выделены базовые блоки праздника, его функции по отношению к территории и населению. День села в коми поселениях характеризуется рядом значимых символических действий. Воспроизводятся сюжеты исторических преданий о первых поселенцах и трудностях освоения новой территории, что связано с почитанием предков и подчеркиванием права труда на освоенную территорию. Демонстрируются семейные реликвии и/или восстановленные родословия, воплощающие идею рода. Используются родной язык для поздравлений и элементы традиционной одежды или другие культурные атрибуты, имеющие в данной ситуации высокий семиотический статус и подчеркивающие групповую идентичность.

Ключевые слова: коми, зыряне, первые поселенцы, структура праздника, историческая память.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-155-161

Изучение исторической и коллективной (социальной) памяти, ее определения, механизмов действия, функций является актуальной проблемой современной науки. Это новая область исследования — изучение ментальности, т.е. непрерывного опыта (памяти) социума, цепи опыта поколений [Кознова, 2000, с. 13]. Концепты коллективных времени и пространства, коллективной истории позволяют трактовать представления общего прошлого как искусственную среду, которая ре/конструируется каждым новым поколением с присущим ему творческим импульсом [Хальбвакс, 2005]. В ходе реконструкции идентификационных структур исторической памяти, свойственных сознанию «вспоминающей» эпохи, в одном проблемном поле оказываются связанные друг с другом понятия «идентичность» — «память» — «дискурс» — «образ» — «миф» [Леонтьева, 2011, с. 17].

По мнению И.А. Разумовой, для современного человека актуальна и очень устойчива тенденция мифологизировать границу памяти, как бы далеко или близко она не располагалась [2001, с. 188]. В этом отношении показательна мифологема «исхода» или «прихода»/«переселения» на новое место: с указания на «появление» предков на новой «родине» начинаются многие семейные биографии [Разумова, 2001, с. 191]. Пример опыта сохранения и передачи исторической памяти у потомков коми переселенцев в Западную Сибирь демонстрирует актуальность сюжетов о прибытии, выборе места для поселения, освоении новых территорий, образцов первых поселенцев, основателей деревни и легендарных предков. Эти мифологемы повторяются в местных сельских и семейных исторических преданиях, воспроизводятся на краеведческих мероприятиях, в музейных экспозициях, в ходе праздников.

Цель нашего исследования — выявление особенностей проведения праздника «День села» в населенных пунктах, основанных коми в 1840-х гг. на территории Западной Сибири. Наиболее репрезентативными примерами восстановления и трансляции исторической памяти стали церемонии юбилейных праздников, посвященных 170-летию со дня основания села, в кото-

¹ Исследование выполнено при поддержке комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН «Интеграция и развитие»: «Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика» (№ 0372-2015-0007).

рых нам удалось участвовать в с. Саранпауль Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (15 сентября 2012 г.) и с. Ивановка Ялуторовского района Тюменской области (7 июля 2014 г.).

В череде деревенских праздников «День села» занимает особое место. Это событие местного значения, важное только для жителей данного населенного пункта. Праздник официальный, но тесно связанный с семейными судьбами, биографиями конкретных людей. Праздник настоящего времени, но устремленный в прошлое — к истокам появления (рождения) села и одновременно в будущее — дети учатся сохранять традиции, чтить память села, историю предков, этническую культуру. День села — несомненно, массовый праздник, событие, отделяющее от повседневности и вместе с тем органично выходящее из будничной жизни.

Мероприятие инициируется и поддерживается местными властями и учреждениями культуры, «торжественная» часть сценария сближает его с «советскими» праздниками. Однако, как и в случае некоторых массовых советских праздников, переплетение политики сохранения памяти и личных воспоминаний способствует его сохранению «независимо от официальной риторики» [Рольф, 2009, с. 363]. Вместе с тем День села во многом повторяет традиции престольного, или храмового, праздника, связанного с почитанием святого, во имя которого был освящен храм или придельный престол. Такой праздник назывался также съезжим, так как обычно на него собиралось много гостей — родственников, соседей, иногда из отдаленных деревень. Празднование совершалось согласно определенному ритуалу и включало крестный ход, молебен, праздничную трапезу, гуляния, часто устраивали базар или ярмарку. В советское время, когда стали вытеснять религию из жизни людей, многие церковные праздники переименовывались с одновременным изменением идеологической составляющей и ритуала торжества. Возможно, таким образом произошло замещение съезжего праздника Днем села. К сожалению, трудно установить точное время, когда произошло официальное закрепление нового названия.

Наполненность содержания праздника зависит от общественной активности самих жителей, которые одновременно и участники, и организаторы мероприятия. Основная официальная идея Дня села — выражение гордости за свою малую Родину и земляков, воспитание и поддержание чувства солидарности и патриотизма. Но, как правило, в нашей культуре нет достаточно разработанного и закрепленного традицией ритуала для демонстрации этой идеи в символической форме. Поэтому структура праздника может соединять достаточно разнородные составляющие, хотя в основном можно выделить базовые блоки.

Подготовительный этап начинается задолго до намеченного события. В этот период может идти подготовка конкурсов в разных номинациях (к примеру, «лучшая усадьба, улица», «лучший в профессии»), устраиваются выставки рисунков, фотографий, конкурсы поэтических произведений, краеведческих исследований, может быть проведена научно-практическая конференция, подготовлен краеведческий сборник и пр., а также готовится сценарий, приглашаются гости, в том числе творческие коллективы, ведутся поиски спонсоров. Так, в Саранпауле накануне 170-летия села, 13–15 сентября 2012 г. была проведена межшкольная научно-практическая конференция «На горных ветрах времени...», посвященная также десятилетнему юбилею Саранпаульского краеведческого музея, на которой прозвучали доклады по истории и этнографии края исследователей из г. Тюмени, р.п. Березово, местных краеведов, школьников [На горных ветрах..., 2012]. В Ивановке «торжественный» 2014 г. был наполнен мероприятиями, посвященными юбилею села: в феврале проводилась выставка детских рисунков, работала временная экспозиция «Этнография коми оленеводов» из фондов Музея природы и человека ХМАО — Югры, 26 февраля на базе Ивановской средней школы состоялась краеведческая конференция «Ивановские чтения», в которой приняли участие исследователи из Москвы, Тюмени, Ханты-Мансийска, Ялуторовска, краеведы, школьники. Итоги конференции отражены в историко-краеведческом альманахе, в нем представлены также результаты творчества жителей и уроженцев с. Ивановка [Ивановка..., 2014].

Содержание самого праздничного мероприятия может варьироваться, но обычно оно включает в себя официальное открытие праздника с выступлениями представителей органов власти и других важных гостей, награждение уважаемых земляков и победителей конкурсов, культурную программу и развлекательные мероприятия. Культурная программа может быть представлена театрализованной постановкой «из истории села», различными выставками, выступлениями фольклорных коллективов, номеров художественной самодеятельности с последующими танцами, спортивными состязаниями, гуляниями для молодежи и пр. Как правило, в День села

Роль праздника «День села» в сохранении исторической памяти коми-переселенцев...

устраивается небольшая ярмарка, где продаются изделия декоративно-прикладного творчества, угощения, праздничная атрибутика (воздушные шары и пр.).

В Саранпауле в день 170-летия была подготовлена праздничная программа «Сердцу милая сторонка». Для этого на правом берегу р. Ляпин администрацией сельского поселения были сделаны тематические площадки с жилыми и хозяйственными постройками: мансийская деревня с чумом, жилой избой и лабазом, место стоянки первых коми переселенцев, палатка геологов, кроме этого была подготовлена сцена, торговые ряды для продажи и товарообмена, кафе под открытым небом. Коми площадка была обнесена изгородью из жердей, в центре ее располагался шалаш с двускатной крышей, сколоченный из досок и покрытый хвойными ветками. Возле шалаша на ящиках для рукоделия *куд* сидели женщины в нарядной традиционной одежде и занимались рукоделием, рядом на оленьих шкурах *постелях* были разложены орнаментированные сумки *ладку*, коллекции игрушек *бабки*, представляющих собой таранные кости надкопытного сустава оленей (рис. 1).

Рис. 1. Шалаш первых коми поселенцев на празднике, посвященном 170-летию образования с. Саранпауль. Березовский район ХМАО — Югры, 2012 г.

По периметру площадки располагались нарты с домашним скарбом оленеводов — постельными принадлежностями, столиками, досками пола, ящиком для продуктов, одеждой и пр., стояли сколоченные из досок столы, на которых размещались предметы домашнего обихода — сундуки, ящики *куд*, жбаны, палки для выбивания снега, маслобойки, вафельницы, самовары, сумки для рукоделия *тучу*, были разложены традиционные орудия труда — рубанки, лучковые пилы, косы-горбуши, сверла, формы для изготовления кирпича, скребки для обработки шкур, прялки и другие семейные реликвии (рис. 2). К изгороди были прислонены лыжи, на жердях висели рыболовные сети. В одном из углов площадки находился навес с односкатной крышей, у входа был разведен костер, обложенный камнями, на котором кипятился чайник и варилась уха.

Праздничная церемония началась театрализованным представлением «Ляпинские зыряне — путь к новой жизни», в котором были показаны прибытие первых коми (зырян) на плотках к берегам Ляпина, договор переселенцев с местными манси о разрешении на поселение и основание деревни, обустройство на новом месте. Наглядным символом «долгой и трудной дороги» предков стали настоящие плоты, сплавлявшиеся вдоль праздничной площадки (рис. 3). Торжественная часть включала в себя официальные поздравления, награждения уважаемых земляков, победителей конкурсов, выступления фольклорных коллективов. Проводились также национальные игры, конкурсы, различные мастер-классы, соревнования на лодках — калданках, горнячках, «казанках».

Рис. 2. Музейная площадка первых коми поселенцев на празднике, посвященном 170-летию образования с. Саранпауль. Березовский район ХМАО — Югры, 2012 г.

Рис. 3. Театрализованная постановка прибытия первых коми переселенцев на плотках на празднике, посвященном 170-летию образования с. Саранпауль. Березовский район ХМАО — Югры, 2012 г.

В с. Ивановка Ялуторовского района Тюменской области празднования, как правило, проводятся в центре села, на площади перед клубом. Торжество в честь 170-летия со дня основания Ивановки открылось праздничным шествием по центральной улице, перед входом в клубный двор гостей по традиции окропляли водой и кружили в хороводе (рис. 4). Был представлен экскурс в историю появления первых поселенцев, показаны такие события, как выбор места для

Роль праздника «День села» в сохранении исторической памяти коми-переселенцев...

поселения и основание села, трудности, которые пришлось преодолеть первопоселенцам. Затем последовали поздравления от официальных гостей, награждение земляков и праздничный концерт, в котором участвовали творческие коллективы из Ивановки и соседних поселений. По периметру праздничной площадки были поставлены шатры со стилизованными традиционными интерьерами, в шатрах можно было купить предметы народного творчества, угощения. В холле клуба размещались фотовыставка, выставка живописи и плакаты с изображением родословий жителей села.

Рис. 4. Празднование 170-летия со дня основания с. Ивановка. Ялуторовский р-н Тюменской области, 2014 г.

Демонстрацией этнической идентичности коми жителей Ивановки на празднике является выступление на родном языке и использование традиционного женского костюма в качестве праздничного наряда. Хотя нужно отметить, что на территорию Нижнего Притоболья переселялись в основном коми из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, и уже во второй половине XX в. традиции изготовления, покроя, декора, силуэта, способов ношения женского костюма не воспроизводились. Возвращение этнической одежды было мотивировано установлением связей с коми Шурышкарского района ЯНАО (с. Мужы), которые подарили для школьного музея комплекс ижемской женской одежды. Именно такой сарафанный комплекс стал образцом для изготовления традиционных нарядов современных жителей Ивановки.

Интерес и уважение к истории своих предков побудили коми жителей юга Тюменской области восстановить память об исчезнувших к середине XX в. населенных пунктах. По личной инициативе они устраивают праздники, подобные Дню села или съезжим праздникам, посещая места исчезнувших деревень, хуторов, выселков, ставят памятные знаки. Так, к примеру, жители с. Ивановка в 2006 г. поставили памятный знак на месте хутора Трисан, и в первое воскресенье июня выходцы из этой деревни со своими детьми, внуками, гостями выезжают туда для встречи с односельчанами. По рассказам, каждая семья определяет место, где находился их дом, вспоминает ушедших родственников, устраивает угощение, делится информацией о истории семьи и хутора (рис. 5).

Заключительный этап празднований связан с «информационным закреплением» события в районных СМИ (к примеру: [Захаров, 2016, с. 1]), а также выкладыванием фотографий, видео, текстовых новостей на официальных сайтах, страничках пользователей и групп в социальных сетях (напр.: [Ивановка — моя Родина; День села — чудесный праздник]). Это сохраняет событие в истории и способствует его дальнейшей трансляции.

Общественная значимость праздника «День села», на наш взгляд, весьма велика, этот праздник является социальным институтом, выполняющим различные функции. По отношению к территории это сохранение исторической памяти, воспроизводство исторических преданий, связанных с основанием населенного пункта, воспитание и поддержание чувства солидарности, укрепление культурных традиций и традиционной культуры (ремесла, фольклора, одежды, пи-

щи и пр.), а также нравственных ценностей (признательность землякам, чувство патриотизма, землячества, укрепление родственных связей), расширение коммуникации — приглашение гостей из других поселений, привлечение внимания административных работников к проблемам территории.

По отношению к населению функции Дня села связаны с реализацией творческого потенциала, презентацией достижений, в том числе в художественной самодеятельности, структурированием социальной жизни с учетом реалий прошлого, передачей моральных и этических стереотипов ролевого поведения, обеспечением преемственности поколений, укреплением территориальной, групповой и этнической идентичности и пр.

Рис. 5. Памятный знак в д. Трисан. Из семейного архива Н.И. Пунеговой, 2006 г.

День села, интегрирующий членов локального сообщества и наглядно показывающий связь поколений, в коми поселениях выполняет ряд символических функций — воспроизводство сюжетов исторических преданий о первых поселенцах и трудностях освоения новой территории, т.е. почитание предков и подчеркивание права труда на освоенную территорию; демонстрация семейных реликвий и/или восстановленных родословий, что является, по мнению И.А. Разумовой, «воплощением идеи рода» [2001, с. 162]; использование родного языка в поздравлениях и элементов традиционной одежды или других культурных атрибутов, имеющих в данной ситуации высокий семиотический статус и подчеркивающих групповую идентичность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

День села — чудесный праздник // Официальный сайт «Ялуторовский муниципальный район Тюменской области». Режим доступа: http://yalutorovsk-mr.admtymen.ru/mo/Yalutorovsk-mr/about_OMSU/more.htm?id=11112334@cmsArticle.

Захаров В. На пути к второму столетию // Яркувские изв. 2016. № 47 (8968). С. 1.

Ивановка — моя Родина // Одноклассники [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://ok.ru/ivanovkamo>.

Ивановка — сибирский коми-уголок: Историко-краевед. альманах / Под ред. Л.Ф. Ворсиной, Н.И. Макаровой, Н.И. Пунеговой. Новосибирск: Апостроф, 2014. 220 с.

На горных ветрах времени...: Материалы межшкольн. науч.-практ. конф. (12–15 сентября 2012 г., с. Саранпауль) / Отв. ред. Н.А. Лискевич. Тюмень: Полиграфинтер, 2012. 91 с.

Литература

Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. 207 с.

Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX вв. Самара: Книга, 2011. 448 с.

Роль праздника «День села» в сохранении исторической памяти коми-переселенцев...

Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.

Рольф М. Советские массовые праздники / Пер. с нем. В.Т. Алтухова. М.: (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 439 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.

N.A. Liskevich, A.H. Masharipova

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: povod_n@mail.ru;
esenevka@yandex.ru

THE ROLE OF «THE VILLAGE DAY» IN PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY OF THE KOMI RE-SETTLERS IN WESTERN SIBERIA

The features of the holiday “The Village Day” in the settlements, founded by the Komi on the territory of Western Siberia in the 1840s, are identified. The focus is made on the celebrations dedicated to the 170th anniversary of the village Saranpaul' of Berezovsky District of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra (15 September, 2012), and of the village of Ivanovka of Yalutorovsk District of Tyumen Oblast (7 July, 2014). The basic elements of the holiday, its functions in relation to the territory and population are highlighted in the article. «The Village Day» in the Komi settlements is characterized by a series of meaningful symbolic actions. The population reconstructs plots of the historical legends about the first settlers and difficulties of development of the new territory, which is related to the ancestor worship and emphasizes labour rights to the developed territory. They demonstrate family heirlooms and/or reconstructed genealogies which embody the idea of a clan. They use their mother tongue for congratulations, and elements of traditional clothes or other cultural attributes which have a high semiotic status in this situation and emphasize group identity.

Key words: the Komi, the Zyrians, first settlers, holiday structure, historical memory.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-155-161

REFERENCES

Halbwachs M., 2005. Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat' [Collective and historical memory]. *Neprkosnovennyi zapas*, no. 2–3, pp. 8–27.

Koznova I.E., 2000. *XX vek v sotsial'noi pamiati rossiiskogo krest'ianstva* [The 20th century in the social memory of Russian peasants], Moscow, 207 p.

Leont'eva O.B., 2011. *Istoricheskaia pamiat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX — nachala XX vv.* [Historical memory and images of the past in the Russian culture of the 19th and the beginning of the 20th century], Samara: Kniga, 448 p.

Razumova I.A., 2001. *Potaennoe znanie sovremennoi russkoi sem'i: Byt. Fol'klor. Istoriia* [Innermost knowledge of the contemporary Russian family: Daily life. Folklore. History], Moscow: Indrik, 376 p.

Rolf M., 2009. *Sovetskie massovyie prazdniki* [Soviet mass holidays], Moscow: ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 439 p.

«ПАРК НА КОСТЯХ»: МИФОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ¹

Анализируются мифологические представления, связанные с парками, построенными на месте старых кладбищ или близко к ним, в современных сибирских городах Тюмени и Таре. Комплекс таких представлений выражается в локальных нарративах и городских практиках, которые транслируются и совершаются жителями этих двух городов и актуальны для сообществ, идентифицирующих себя с этими городами. Исследование основано на материалах интервью с жителями и краеведами Тюмени и Тары, а также анализе местных СМИ. Выделяется ряд наиболее распространенных мотивов, с помощью которых конструируется образ «парка на костях» в мифологическом ландшафте современных сибирских городов. Прежде всего это фольклорный мотив «на месте захоронения нельзя что-то строить», популярность которого во многом основана на влиянии сюжетов фольклорной и массовой культуры на городские тексты и практики. Проявляется и ряд других типичных мотивов: «место притягивает к себе “необычных” людей» (городских маргиналов, маньяков и эксгибиционистов, а также представителей молодежных субкультур) и «место притягивает призраков», а также «место наказывает за неправильное поведение». Последний мотив зачастую сопровождается рефлексивными текстами о причинах наказания и о том, какое именно поведение неправильное. Так, в Таре считается, что неверное отношение к кладбищу, часовне, могильным памятникам и пр. повлияло на судьбу города — позитивная ее оценка (успешный купеческий город) сменилась негативной (маленький депрессивный городок). Кроме того, вариант «неправильного поведения» зависит от субкультуры или сообщества, в которые может входить человек. Феномен создания парков на месте старых кладбищ требует символического освоения городским сообществом и вписывания этих пространств в городской мифологический ландшафт значимых, позитивных и негативных локусов с помощью мотивов, которые потенциально уже содержатся в нарративах.

Ключевые слова: мифоландшафт, локальный нарратив, городской текст, Тюмень, Тара, культурная идентичность.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-162-169

«Настанет конец Света, когда на месте кладбища будет гульбище (народное поверье)» [Лебедев, 1996]. Таким эпиграфом новосибирский поэт объединяет цикл из трех своих стихотворений «В березовом парке культуры и отдыха». Эта строчка очень точно выражает народное отношение к некоторым паркам и бульварам, построенным на месте старых кладбищ или близко к ним.

Культурный ландшафт современного города очень подвижен и многослоен, он включает в себя ряд текстов, представлений, объектов и пространств — реальных или воображаемых. Старые здания, кладбища, публичные пространства (площади, парки, мемориалы) — это те точки, которые в первую очередь наносятся на ментальную карту города и внутри городского сообщества, и снаружи — гостями, исследователями. Внешнее и резкое изменение прагматики использования какого-либо городского объекта в разные периоды жизни города может стать поводом для появления мифологических нарративов и практик, связанных с ним. Особенно в случае, когда смена функции пространства затрагивает такие сферы человеческой жизни, которые традиционно требуют ритуального, магического регулирования. В современных условиях смерть и общение с умершими предками определенно входят в этот список. Так, многочисленные примеры уничтожения или перереформатирования пространства старых городских кладбищ в парки культуры и отдыха, городские бульвары или мемориалы достаточно сильно рефлексированы в постсоветском пространстве.

Вероятно, это связано с тем, что с советского времени утрачена «традиционная» регуляция пространства, занятого мертвыми, так как кладбище разрушено. При этом рационализаторский советский подход к использованию бывших «сакральных территорий» уже не является единст-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 16-06-00286) «Мониторинг актуального фольклора: база данных и корпусный анализ».

венно верным: пространство все же связано с умершими — могилы не перенесли, находят кости, «народ помнит» и пр. Это противоречие ведет к тому, что в настоящее время происходит поиск подходящих моделей для осмысления и использования таких мест.

В данной работе пойдет речь о «парках на костях» в двух сибирских городах, Тюмени и Таре. Текутьевский бульвар в Тюмени, примыкающий к одноименному старому кладбищу, построен на части его могил, в связи с чем, по мнению тюменцев, вокруг него происходит много аварий и несчастных случаев. Похожая судьба у Комсомольского парка в Таре провоцирует, по мнению горожан, различные нападения и криминальную обстановку здесь по ночам. В разных городах и различном культурном ландшафте люди транслируют схожие тексты и конструируют одинаковые предписания для предотвращения негативных последствий неверного использования «пространства мертвых». В контексте сказанного будет актуально проследить, какие мифологические тексты и практики возникают в процессе конструирования образа «парка на костях», какие мотивы и сюжеты наиболее продуктивны в этом процессе и как функционирование текстов и практик, основанных на этих мотивах, влияет на складывание мифологического ландшафта и культурной идентичности в разных городах.

Теоретические рамки работы

Исследования городского пространства имеют богатую историю и ведутся в различных направлениях и с разных теоретических позиций. В. Вахштайн предлагает не разделять исследуемый объект — город или исследуемые объекты городского пространства на материальные и нематериальные (в частности, язык и объекты), но относиться к ним равноправно с позиции *радикального плюрализма*: «тот или иной объект приобретает твердость и онтологический статус исключительно в отношениях с другими объектами. Язык больше не надстраивается над миром в качестве его пассивного отражения или, напротив, активного источника изменений, язык — его неотъемлемая часть <...> Теперь любой объект городского пространства — это совокупность элементов “Z”, часть из которых материальны, а часть — нет, но все непосредственно связаны друг с другом» [2015, с. 117].

Такой подход, основанный на социальной топологии, предоставляет хорошую возможность рассмотреть наш материал, где неразделимы представления о пространстве как кладбище и как актуальном парке развлечений или центральной городской улице. Такая *симультанность* восприятия характерна для городских мифологических представлений в целом. Мифологический ландшафт города можно представить как несколько слоев ментальных карт, которые одновременно существуют и наслаиваются друг на друга, но являются прозрачными, создавая единый городской текст не только в абстрактном городском сообществе в целом, но и в голове отдельного человека. Под *мифологическими представлениями* понимается комплекс установок, предписаний, объяснений, затрагивающий символические объяснения реальности и, например, в случае с парками символическую взаимосвязь истории этого места как кладбища с негативными происшествиями с этим пространством как парком в настоящем, что проявляется в различных мифологических нарративах и городских практиках. Процесс появления и создания такой символической взаимосвязи называется *мифологизацией*. При этом мифологические тексты могут быть связаны с конкретными мифологическими персонажами (призраками, полтергейстом и пр.), или же, значительно чаще, речь идет о некоторой рефлексии по поводу «хороших» и «плохих» мест, «энергетике» таких пространств и пр.

Помимо социологической методологии при исследовании мифологического ландшафта города необходимо учесть антропологический подход к изучению *локального текста* и *Placelore*. При этом подходе изучается комплекс городских легенд и представлений о городе или его отдельных точках, а также городских вернакулярных практик с этим связанный: собственно рассказывание легенд, спонтанные и организованные прогулки в наиболее пугающие или, наоборот, позитивно маркированные точки городского пространства, совершение ритуализированных или повторяющихся действий, принятых в таких местах, и т.п. При этом, как отмечает Э. Бёрд, неважно, правдивы или нет локальные легенды и насколько они отражают реальную историю места, важно то, как они конструируют эту историю и как конституируют эстетическое и моральное чувство места (*sense of place*) наряду с чувством собственной культурной идентичности и причастности этому месту [Bird, 2002, с. 544].

Источники

В качестве источниковой базы мы использовали неформализованные устные интервью и формализованные письменные (или онлайн) опросы жителей и краеведов из Тюмени и Тары,

публикации местных СМИ и локальные интернет-ресурсы (форумы, группы в социальных сетях и блогах), а также данные включенного наблюдения и фотофиксации изучаемых пространств. Сбор материалов в Тюмени проходил в 2009–2015 гг., в Таре — в 2013 г.

Выбор этих городов неслучаен. С одной стороны, это сибирские города разного размера и с разной численностью населения, Тюмень — достаточно крупный город и столица значимого региона, Тара — небольшой город на севере Омской области. Но и Тюмень, и Тара — два старых сибирских города, которые были основаны примерно в одно время: в 1586 и 1594 гг. соответственно. Однако их развитие, статус и численность, а также состав населения сильно различаются. Для Тюмени характерно пришлое население, для Тары — старожильческое. Впрочем, в обоих случаях, согласно нарративам местных жителей и публикациям в прессе, прослеживается тенденция — считать свои города «первыми русскими городами в Сибири» и претендовать на одну «сибирскую идентичность»². Таким образом, мы можем сравнить типологически схожие объекты и комплексы нарративов в западно-сибирских городах с разным статусом, численностью населения, но схожим культурным ландшафтом — «сибирским».

От Аптекарского сада до Текутьевского бульвара: тюменские публичные места на месте старых кладбищ

В Тюмени существуют публичные места, которые были созданы на территории старых кладбищ как в досоветское (еще в конце XIX — начале XX в.), так и в советское время. Актуальные мифологические тексты сообщают о целом ряде таких мест — *в Тюмени куда ни плюнь — везде как-нибудь-то захоронения. Город, прям, на костях построили* [Iemrika 2007], но мы приведем четыре наиболее популярных примера.

1. Городское кладбище возле Всехсвятской церкви, к которому примыкал Аптекарский сад. Краеведы отмечают, что уже в конце XIX в. на месте кладбища была построена городская больница на средства тюменского мецената А.И. Текутьева [Иваненко, 2008, с. 192]. Кроме того, в том числе по воспоминаниям тюменцев [Карнацевич, 2010, с. 38], известен факт, что здесь лечился Григорий Распутин — достаточно маркированный персонаж и в локальных тюменских текстах, и общероссийском дискурсе. Безусловно, он не мог не появиться в мифологических текстах, которые приобрели литературную законченность и большую популярность благодаря рассказу К. Михайлова о привидении дворника Ефимыча, «обитающем» *на территории, ограниченной улицами Водопроводная, Даудельная, Сургутская, Свердлова, Комсомольская*³ [Lankar, 2007].

Сейчас на этом месте находится гинекологическое отделение 3-й городской больницы, и среди беременных периодически ведутся разговоры, что в этом здании есть привидения и в целом *атмосфера здесь какая-то странная* [Инф. 1]. Подобный дискурс знаком и горожанам, не лежавшим здесь «на сохранении».

Честно скажу — всё не читала. Но одно место (как у приезжей) может его уже и нет... Вызывает дискомфорт.

Надо сказать, что какая-то интуиция у меня присутствует. Если идти с Республики на Осипенко через отель Тюмень. Есть ме[с]то. Я не знаю что там было раньше. До церкви. Какие-то дома (справа) вызывают ужас в крови. Я не могу объяснить... Но что-то там было не хорошее. Зуб даю. Хочу в августе проверить. Потом сообщу. Можете меня за дурачку считать, но точно. Что-то там нехорошее было [Nata Nata, 2007].

2. Могилы расстрелянных солдат возле Спасской церкви. Сейчас в здании храма находятся краеведческие фонды Музейного комплекса им. И.Я. Словоцова. Сотрудники, работающие в нем, отмечают, что *замощенное пространство возле церкви и участки с деревьями вполне возможно находятся на захоронениях людей, расстреленных в 20–30е гг. в подвале. Когда здесь находился пересыльный пункт НКВД* [Инф. 2].

3. Детские захоронения под бульваром возле церкви Симеона Богоприимца, бывшего сиропитательного заведения. В этом случае используется тот же мотив (на захоронениях рядом с церковью сделали бульвар), но сюжет развивается дальше — приводятся «доказательства», что это именно так. Во-первых, асфальт никак не удается положить — он постоянно остается мягким и неровным, и, во-вторых, в этом районе можно увидеть призраки неупокоенных детских душ.

² Хотя в Тюмени коллективная и культурная идентичность не всегда «сибирская» — так, в ряде случаев горожане могут относить себя и к Уралу и «уральской культуре» (см., напр.: [Богомяков, 2007, с. 86–104].

³ Здесь и далее все цитаты приводятся с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

«Парк на костях»: мифологизация современного городского пространства в сибирских городах...

Слышала легенду о церкви Симеона Богоприимца (около Областной библиотеки). Якобы раньше в этом здании располагалось детское сиропитательное учреждение, а на месте современного тротуара — кладбище при приюте, где хоронили детей. Поэтому на этом участке тротуара очень неровно и плохо лежит асфальт [Инф. 3].

Еще есть одно место мистическое в Тюмени — это на ул. Республики в районе сквера.

Знаете, где церковь стоит старая? там тротуар весь в колдобинах. В Тюмени ни одна, дорожная компания не берется класть там асфальт. Потому что он не ложится ровно :? Давно там был детский дом и умерших ребятишек до года хоронил, где тротуар((((Вот) [МОЛЯ, 2007].

Слышала о духах в областной библиотеке. Говорят, от детского кладбища [Инф. 4].

Впрочем, когда несколько лет назад вместо асфальта положили брусчатку, которая пока выглядит хорошо, рефлексия по поводу детского кладбища прекратилась.

4. Текутьевский бульвар (рис. 1, объект 5), который прилегает к сохранившемуся Текутьевскому кладбищу (рис. 1, объект 2). Кроме того, с другой стороны к кладбищу примыкает Площадь Памяти (рис. 1, объект 4) с мемориальным комплексом, Дворец бракосочетания (ЗАГС), открытый в 2011 г. (рис. 1, объект 3), а также автомобильная дорога по ул. Малыгина (рис. 1, объект 1).

Рис. 1. Расположение объектов возле Текутьевского кладбища, фото Славы Степанова, 2011 г.

С этой частью города связано наибольшее количество мифологических текстов и сюжетов. Так, согласно легендам, бульвар и автомобильная дорога возле кладбища построены на части его могил, как и Площадь Памяти, и новый тюменский Дворец бракосочетания:

Сам помню: где-то в начале 1970х годов проходил в этих местах. Строились гаражи и инженерные коммуникации к корпусу «НИПИКБС» — проектный институт крупноблочного домостроения. Сейчас в этом здании — «Премьер-Дом». Проходя мимо траншеи увидел пожелтевшие и коричневые черепа и кости — по-видимому остатки захоронений. Интересное получилось соседство — ЗАГС и могилы [Негомедзянов, 2013].

Вот это точно мистическое место [дорога по ул. Малыгина возле кладбища], вроде ничего аварии не предвещает, а едут машины и в забор врезаются [Инф. 7].

В 2004 был заново перекопан Текутьевский бульвар. На данный момент бульвар выглядит красиво, по нему приятно пройти, но сам тротуар положен на могилы, наверное, поэтому, гуляя по бульвару, бывает иногда такое, что берет в дрожь (...), потому что на этом месте захоронены тысячи душ [Инф. 6].

Приведенные тексты иллюстрируют мотив актуальной городской мифологии: на месте захоронения нельзя что-то строить. С одной стороны, это противоречит представлениям о «строи-

тельной жертве» в некоторых, в том числе славянских, культурах, согласно которым строение будет более крепким, если в фундамент замуровать жертву. С другой стороны, в современной массовой культуре (фильмах, литературе, компьютерных играх и городских квестах) крайне популярен сюжет о замурованных в доме или захороненных рядом с домом жертвах, которые «являются» и вредят всем постояльцам и гостям этого места. Это дает большой импульс к поиску похожих пространств рядом, в своем окружении, а городская история, связанная с бульваром и кладбищем, позволяет развить этот сюжет на местном материале.

Кроме этого, популярны мотивы «место притягивает к себе «необычных» людей» (городских маргиналов, маньяков и эксгибиционистов, а также представителей молодежных субкультур) и «место притягивает призраков». Представители субкультуры готовы также рассказывать историю про Женщину в красном — персонаж, который убивает маньяков. Ее встречали на Текутьевском кладбище и в Затюменском парке [Инф. 5]. Однако встреча с мифологическим существом — не самое опасное, что таит в себе кладбище:

Я не считаю, что это плохое место само по себе, просто многие не умеют себя вести на кладбище, беспокоят и проявляют неуважение. Мы видели там несколько раз разные фигуры, но они ничего нам не сделали, а другие просто неправильно себя ведут. Ну и да — это место привлекает разных уже людей. Вот с ними надо быть осторожнее. Маньяки разные [Инф. 5].

В приведенном тексте также интересна рефлексия информанта по поводу причин «гиблости» места — «неправильное поведение». При этом это неправильное поведение не только администрации, которая разбила бульвар и сделала дорогу на месте могил, не перенося их (причина, содержащаяся в большинстве текстов), но и, главным образом, людей, которые «беспокоят» мертвых сегодня, например, шумом и прогулками по ночам — в законное время мертвых и призраков.

Кроме того, Текутьевское кладбище с прилегающими территориями постоянно используется и в визуальных пародиях — локальных интернет-мемах (рис. 2).

Рис. 2. «Параллельная Тюмень» с пальмовой рощей на месте Текутьевского кладбища. Опубликовано в группе «Параллельная Тюмень» 30 января 2013 г.

Почему в основном именно Текутьевский бульвар осмысливается тюменцами в мифологическом ключе? Можно выделить следующие факторы: 1) кладбище сохранилось и имеет статус историко-мемориального памятника — некрополя, на него можно зайти и прогуляться. Кроме того, на его территории находится один из центральных филиалов МУП *Ритуальные услуги*. Таким образом, кладбище продолжает существовать и «действовать», несмотря на то что здесь уже не хоронят; 2) бульвар и кладбище расположены в самом центре Тюмени и объекты, находящиеся на нем (мемориал с Вечным огнем, ЗАГС, да и сам бульвар — вдоль центральной улицы Тюмени), значимы для жизни города, что ведет к постоянному использованию этих пространств; 3) бульвар и Площадь Памяти тесно связаны с местом прогулок и «тусовок» разных групп молодежи,

«Парк на костях»: мифологизация современного городского пространства в сибирских городах...

гостей города и обычных горожан. Например, старина и красота кладбища привлекает готов, сатанистов и представителей других субкультур, связанных с эстетикой смерти; Вечный огонь и мемориал на Площади Памяти — скинхедов; обширная стоянка — молодежь, которая любит ночью «кататься по городу» и общаться, останавливаясь в центральных местах города; Дворец бракосочетания — новобрачных и их гостей, здесь проводятся свадебные и «романтические» фотосессии.

«О чем шумит Тихвинский парк» в Таре?

В г. Тара также циркулируют легенды и былички, посвященные захоронениям, которые были разрушены или забыты, вследствие чего эти места стали опасны. Подобные представления связаны прежде всего с Комсомольским парком на месте Тихвинского кладбища и оврагом, где захоронили казненных участников Тарского бунта 1722 г. — *коловичей*.

Местные историки активно транслируют сюжет о жестоком подавлении тарского бунта и, опираясь на воспоминания старожилов, локализируют захоронение участников бунта у бывшего Калашникова моста в центре современной Тары. Местные жители, обсуждая и рассказывая эту легенду, добавляют и следствие неуспокоенности своих предков — резкое снижение значимости Тары в сибирском регионе и отсутствие какого-то роста и развития и сейчас.

Хоть жертвы бунта и погребены, но сделано это было как-то по-особому. Неизвестно, были ли преданы земле те, чьи останки насаживали на копыя и колья. Возможно, их неуспокоенные души до сих пор бродят по улицам Тары, потому и не везет нашему городу на протяжении столетий [Алферов, 2012].

Практика уничтожения символов предшествующей эпохи в раннесоветское время (1920–1940-е гг.) выразилась в уничтожении не только ряда церквей, но и в случае Тары — Тихвинской церкви и кладбища вместе с ней. Сейчас от могил и кладбищенской часовни не осталось видимых следов (рис. 3). Однако многие до сих пор называют парк не Комсомольским, а Тихвинским, в том числе тарский краевед Анатолий Юрьев, озаглавивший свою заметку «О чем шумит Тихвинский парк?» [Юрьев, 2011].

Рис. 3. Дорожки в Тихвинском/Комсомольском парке в г. Тара, лето 2013 г. Фото М.И. Байдуз.

Однако, что интересно, именно в последние годы, как отмечают сотрудники Тарского государственного музея, жители начали массово приносить надгробия в музей — возвращать их из «личного» и неправильного пользования в официальное, государственное учреждение.

О Тихвинском кладбище. Было у нас кладбище тоже, скажем так, недалеко от центра города. Была там церковь на этом кладбище, хоронили купеческие семьи там. Нерпиных, например. А в советское время как всегда произошли изменения, это кладбище просто снесли, разровняли, сделали там так называемый Комсомольский парк. Посадили там деревья или они вообще дико-

росы там. И вот в это время, люди, которые строились или жили там, они вот все вот эти надгробные плиты, чугунные, каменные надгробия, они переносили себе, кто-то постилал крыльцо себе, кто-то брал их в основание дома. А сейчас вот 60–70 лет прошло, ну полвека, эти плиты возвращаются к нам в музей. У этих людей перекупают дома и уже люди, которые молодые, которые вот случайным способом перевернули, увидели и читают — это плита надгробная, и вот эти плиты вот попадают к нам. Это вот началось с 2008 года [Инф. 8].

При этом наказание за неправильное отношение к умершим и кладбищу заключается в том, что теперь это «гиблое место», где опасно ходить в одиночку и по ночам, в том числе потому, что оно привлекает разного рода маргиналов.

Ну, по сути весь этот парк он на костях стоит, потому что сравнивали могилы с землей, все памятники сгребли в канаву. А там памятники были шикарнейшие. И получается же, что это кощунство. И легенда может быть такая, что действительно наказания обрушиваются всякие [Инф. 9].

«Парки на костях» как часть городского мифоландшафта и культурной идентичности городского сообщества

Таким образом, в последнее время актуализируется память о старых кладбищах как старых точках памяти (см. пример Тары, «возвращения» надгробий). Если такие точки были полностью или частично забыты и уничтожены, то возникает необходимость их дополнительной мифологизации, что выражается, в частности, в активном воспроизводстве мифологических нарративов, связанных с мотивом мщения несправедно погребенных предков, а также с превращением данного места в проклятое. Это стимулирует не только ряд предписаний к поведению в этих местах, но и спонтанные и организованные прогулки в «опасное пространство» (legend-tripping), которые также должны быть построены согласно определенным правилам (см. отношение субкультуры готов к прогулкам по Текутьевскому кладбищу в описании инф. 5). Наиболее характерные мотивы, которые используются при конструировании образа «парка на костях», дополняются следующими: в данном месте живет призрак, который оберегает место, порой достаточно агрессивно (дворник «Ефимыч»); царит *гнетущая атмосфера/негативная энергетика*; на этом месте ничего нельзя построить (асфальт проваливается, здания разрушаются); такое место — самое удачное для встречи с мифологическим персонажем; место привлекает маргинальных личностей.

Всплеск рефлексии по поводу «парков на костях» в сибирских городах связан со многими факторами: процессы мифологизации и ремифологизации, актуализированные после распада СССР; деятельность локальных СМИ по продуцированию городских легенд и их широкому распространению; работа администрации, которая в поисках «символов города» обращается к разным историческим точкам на городской карте, создавая дополнительное внимание к ним. Кроме того, восприятие «парков на костях» сильно зависит от субкультуры или сообщества, к которым относится конкретный человек.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Алферов С. По следам Тарского бунта // Тарское Прииртышье. № 40. 2012. 3 окт. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.tp-tara.ru/item.asp?id=410>.

МОЛЯ [Сообщение на форуме] // Региональный интернет-портал Nashgorod.ru (Тюмень). 2007. 31 июля. Режим доступа: http://www.nashgorod.ru/autoforum/archive_viewtopic.php?f=1&t=97858&start=50.

Карнацевич С.И. Память прошлого // Лукич вернулся. 2010. № 33. С. 38.

Негомедзянов А. [Запись в сообществе «Старый объектив, или Тюмень сто лет до нашей эры»] // ВКонтакте. 2013. 17 янв. Режим доступа: http://vk.com/album-23696452_175224918?act=comments&z=photo-23696452_296526870%2Falbum-23696452_175224918.

Параллельная Тюмень [Сообщество в соц. сети «ВКонтакте»]. Режим доступа: http://vk.com/parallel_tyumen.

Юрьев А. О чем шумит Тихвинский парк? // Тарское Прииртышье. № 29. 2011. 27 июля [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tp-tara.ru:5000/default.asp?objType=2&objValue=61475>.

Lankar [Михайлов К.]. Ефимыч // Блог на Lj.rossia.org. 2007. 13 июля. Режим доступа: <http://lj.rossia.org/users/lankar/35547.html>.

Лемпика. [Сообщение на форуме] // Региональный интернет-портал Nashgorod.ru (Тюмень). 2007. 27 июля. Режим доступа: http://www.nashgorod.ru/autoforum/archive_viewtopic.php?f=1&t=97858&start=50.

«Парк на костях»: мифологизация современного городского пространства в сибирских городах...

Nata Nata. [Сообщение на форуме] // Региональный Интернет-портал Nashgorod.ru (Тюмень). 2007. 31 июля. Режим доступа: http://www.nashgorod.ru/autoforum/archive_viewtopic.php?f=1&t=97858&start=50.

Информанты

- Инф. 1 — О.О., жен., рус., 1971 г.р., прожив. в г. Тюмень, высшее, зап. М.И. Байдуж, май 2013.
Инф. 2 — В.М., муж., рус., 1972 г.р., род. и прожив. в г. Тюмень, высшее, зап. М.И. Байдуж, май 2012.
Инф. 3 — 31. Д.Т., русская, 1987 г.р., жен., г. Тюмень, высшее, зап. М.И. Байдуж, сентябрь 2010.
Инф. 4 — Г.М.А., 1993 г.р., жен., немка, род. в Тюмени, зап. Н.А. Лискевич и М.И. Байдуж, ноябрь 2012.
Инф. 5 — Н.В., 1995 г.р., жен., род. и прожив. в г. Тюмень, зап. М.И. Байдуж, 2010.
Инф. 6 — Т.А., 1990 г.р., жен., немка, род. в с. Самбур, Ямало-Ненецкий АО Тюменской обл., живет в Тюмени, зап. М.И. Байдуж, сентябрь 2010.
Инф. 7 — А.К., 1990 г.р., муж., род. и живет в Тюмени, зап. М.И. Байдуж, 2012.
Инф. 8 — А.И., жен., рус., 1980 г.р., род. в Тарском р-не, проживает в г. Тара, высшее, зап. М.И. Байдуж, июль 2013.
Инф. 9 — М.В., жен., рус., 1969 г.р., род. в Тарском р-не, проживает в г. Тара, зап. М.И. Байдуж, июль 2013.

Литература

- Богомяков В.Г. Региональная идентичность «земли тюменской»: Мифы и дискурс. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2007. 147 с.
Вахштайн В.С. Лейбницевский город: Заметки по топологии // Вторые глазычевские чтения. Город о себе: Языки самоописания. М., 2015. С. 102–121.
Иваненко А.С. Новые прогулки по Тюмени: Путеводитель. Тюмень: Радуга-Т, 2008. 335 с.
Bird E.S. «It makes sense to us»: Cultural identity in local legends of place // *Journ. of Contemporary Ethnography*. 2002. Vol. 31, no. 5. P. 519–547.

M.I. Baiduzh

Moscow School of Social and Economic Sciences
prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation
E-mail: amentie@gmail.com

«PARK ON BONES»: MYTHOLOGIZATION OF MODERN URBAN SPACE IN SIBERIAN CITIES

The article analyzes mythological beliefs about the parks, which are laid out at old cemeteries or very close to them in the Siberian cities of Tyumen and Tara. The complex of such beliefs is presented in the local narratives and urban practices that are transmitted and actualized among the people, who identify themselves with these cities. This research is based on the interviews with local people and regional historians and on the data of local media. The research points out a number of the most common motifs for constructing the image of «the park on bones» in the actual mythological landscape of the Siberian cities. First of all, there is a folk motif of «it is impossible to build something on the place of a burial». Its popularity is mainly based on the influence of images and plots of popular culture on the urban texts and practices. There are some other typical motifs, such as «this place attracts marginal people», «this place attracts some ghosts», and «the place can punish you for misbehaviour». The last motif is often accompanied by some reflections on the causes of punishment and on what kind of behavior is wrong in this special place. For example, Tara people believe that the fate of the city has changed from a positive (a successful merchant town) to a negative (a little depressing town) one, because of impoliteness to the old cemetery. Additionally, the version of «misbehaviour» depends on cultural identity of the person. The phenomenon of creating a park on the site of the old cemeteries requires symbolic understanding by the urban community and inscription of these positive and negative spaces into the urban mythological landscape with the help of the motifs that already potentially appear in the narratives.

Key words: mythological landscape, local narrative, urban text, Tyumen, Tara, cultural identity.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-162-169

REFERENCES

- Bird E.S., 2002. «It makes sense for us»: Cultural identity in local legends of place. *Journal of contemporary ethnography*, vol. 31, no. 5, pp. 519–547.
Bogomyakov V.G., 2007. *Regional'naya identichnost' «zemli tyumenskoy»: Mify i diskurs* [Regional identity of «Tyumen land»: Myths and discourse], Ekaterinburg: Discourse-Pi, 147 p.
Ivanenko A.S., 2008. *Novye progulki po Tiumeni: Putevoditel'* [New walks in Tyumen: A Guide], Tyumen: Raduga-T, 335 p.
Vakhshstain V.S., 2015. *Leibnitsevskii gorod: Zаметki po topologii* [Leibniz city: Notes about topology]. *Vtorye glazychevskie chteniia. Gorod o sebe: lazyki samoopisaniia*, Moscow, pp. 102–121.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Э.А. Терехин, Т.Н. Смекалова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, РФ
E-mail: terekhin@bsu.edu.ru
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
просп. Вернадского, 4, Симферополь, 295007, РФ
E-mail: tnsmek@mail.ru

АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ И ТЕКСТУРНЫХ ПРИЗНАКОВ ФОРМ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И МЕЖЕВАНИЯ, ТИПИЧНЫХ ДЛЯ ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО КРЫМА, ПО МАТЕРИАЛАМ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ¹

На основе разновременных спутниковых данных, полученных со значительным временным интервалом (50 лет), проведено исследование древних земледельческих форм на территории Западного Крыма. Представлены результаты количественной оценки структурных и текстурных признаков древних земледельческих форм, характерных для территории Западного Крыма. Предложен способ количественной оценки текстурных признаков древних земледельческих форм, располагающихся на месте современных аграрных угодий. Способ основан на вычислении текстурных показателей в пределах контуров современных сельскохозяйственных угодий, разбитых сетью ячеек с размером, позволяющим визуально анализировать пространственные признаки форм древнего земледелия. Показана возможность пространственных улучшающих преобразований снимков для выявления и количественной оценки древних земледельческих форм, располагающихся на месте современных сельскохозяйственных угодий. Установлено, что эффективность одних и тех же пространственных улучшающих преобразований спутниковых изображений зависит от ряда их настраиваемых параметров, которые определяются геометрическими особенностями анализируемых форм археологических объектов.

Ключевые слова: древнее земледелие, геоархеология, дистанционное зондирование Земли, геоинформационное картографирование, ГИС-технологии, Западный Крым.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-170-179

Введение

Существование различных цивилизаций и этнических групп в Крыму на протяжении нескольких тысячелетий сопровождалось для многих из них формированием собственных систем земледелия, некоторые из которых сохранялись на протяжении столетий. Несмотря на активные археологические исследования на Крымском полуострове, еще с конца XVIII в. [Тункина, 2002], проблема изучения аграрного освоения Крыма остается актуальной.

Появление аэрофотографий и особенно совершенствование спутниковой аппаратуры, в частности появление в конце 1990-х — начале 2000 гг. цифровых спутниковых снимков сверхвысокого пространственного разрешения и повышение доступности спутниковых данных, в том числе архивных изображений, открыло новые возможности для изучения древних земледельческих систем в разных регионах планеты, включая территорию Крыма и Северного Причерноморья.

Главными преимуществами спутниковых снимков при изучении древних земледельческих форм выступают одновременный охват достаточно больших территорий, позволяющий выявлять системы межевания, и отображение на снимках деталей земледельческих систем, трудно распознаваемых при наземных исследованиях, например контуров наделов, скрытых в некоторых местах небольших слоев почвы и частично выступающих из-под нее.

Исследование пространственно-временной картины аграрного освоения земель Западного Крыма существенно осложнено интенсивным сельскохозяйственным использованием этих тер-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ мол_нр, № 16-36-50010.

Анализ структурных и текстурных признаков форм древнего земледелия и межевания...

риторий на протяжении XX в. и в настоящее время. Вместе с тем оно является актуальной задачей с точки зрения исторического анализа развития земледелия на полуострове.

Сложность выявления древних земледельческих форм во многом обусловлена тем, что на них наложены контуры современных сельскохозяйственных угодий. Несмотря на это, в ряде исследований [Смекалова, 2006; Смекалова, Кутайсов, 2013; Гарбузов, 2009] доказано, что многие формы древнего земледелия, сложившиеся на протяжении нескольких веков, даже при их нахождении на месте современных аграрных угодий, могут быть выявлены на основе анализа аэрофотографий или спутниковых снимков. В свою очередь, по этой причине представляет интерес изучение информационных возможностей спутниковых изображений, пространственное разрешение которых примерно соответствует линейным размерам отдельных структурных частей форм древнего земледелия.

Актуальным остается вопрос количественной оценки спектрально-отражательных, структурных и текстурных признаков древних земледельческих форм, как и проблема их применения для дешифрирования форм древнего земледелия [Rowlands 2006; Lasaponara, 2012]. Под структурными и текстурными показателями мы понимаем характеристики изображений, рассчитываемые в результате пространственных улучшающих преобразований снимков (фильтрация, свертка, морфологические преобразования). Пространственные улучшающие преобразования аэрофотографий и спутниковых изображений могут существенно повысить эффективность дешифрирования небольших объектов, включая объекты археологии [Багаутдинов, 2015].

Вследствие того, что структурные элементы древнего земледелия часто характеризуются относительно небольшими размерами, их изучение требует снимков высокого и сверхвысокого пространственного разрешения. При этом при дешифрировании форм древнего земледелия на первое место выходят преимущественно не спектрально-отражательные признаки, а свойства, характеризующие геометрические и пространственные особенности объектов, т.е. свойства структуры и текстуры [Alexakis, 2009].

Цель настоящего исследования заключалась в анализе структурных и текстурных признаков форм древнего земледелия, характерных для территории Западного и Юго-Западного Крыма, и оценке возможности применения признаков текстуры для детектирования и интерпретации древних земледельческих систем. Рабочую гипотезу настоящего исследования можно сформулировать следующим образом: формы древнего земледелия характеризуются уникальными текстурными признаками, которые при определенных условиях могут быть использованы для их выявления и анализа.

Материалы, методика и объекты исследования

Количественный или качественный анализ структурных и текстурных диагностических признаков форм древнего земледелия (в нашем случае характерных для Западного Крыма) на основе спутниковых данных требует их предварительного дешифрирования на материалах дистанционного зондирования Земли либо идентификации на основе ранее проведенных исследований.

Территория Крыма, причем не только прибрежная, но и, как показано в ряде исследований [Смекалова, 2011; Кутайсов, Смекалова, 2013; Смекалова, Волошинов, Гарипов, 2016; Гарбузов, 2015], континентальная, была объектом аграрного освоения на протяжении длительных периодов времени начиная с VI в. до н.э., что делает актуальным поиск древних земледельческих форм и на удалении от береговой линии.

При проведении исследования исходили из того, что в Крыму были различные периоды аграрного освоения, характеризующиеся формированием длительно существующих систем межевания. Из них наиболее ранний относится к позднему бронзовому и раннему железному векам [Смекалова, Кутайсов, 2014], после чего развитие земледельческих систем в значительной степени было связано с античными государствами (Херсонесом, Боспором) и Крымской Скифией, а в более позднее время — с Российской империей. Вследствие продолжительного времени существования систем земледелия и межевания, типичных для каждого этапа аграрного освоения полуострова, на территориях их присутствия могли сформироваться особые структурные характеристики местности, которые могли сохраниться до наших дней и найти отражение на материалах аэрофотографий и спутниковых съемок.

В качестве объекта исследования была выбрана территория, расположенная не небольшом удалении от побережья Черного моря между городами Евпаторией и Севастополем (рис. 1).

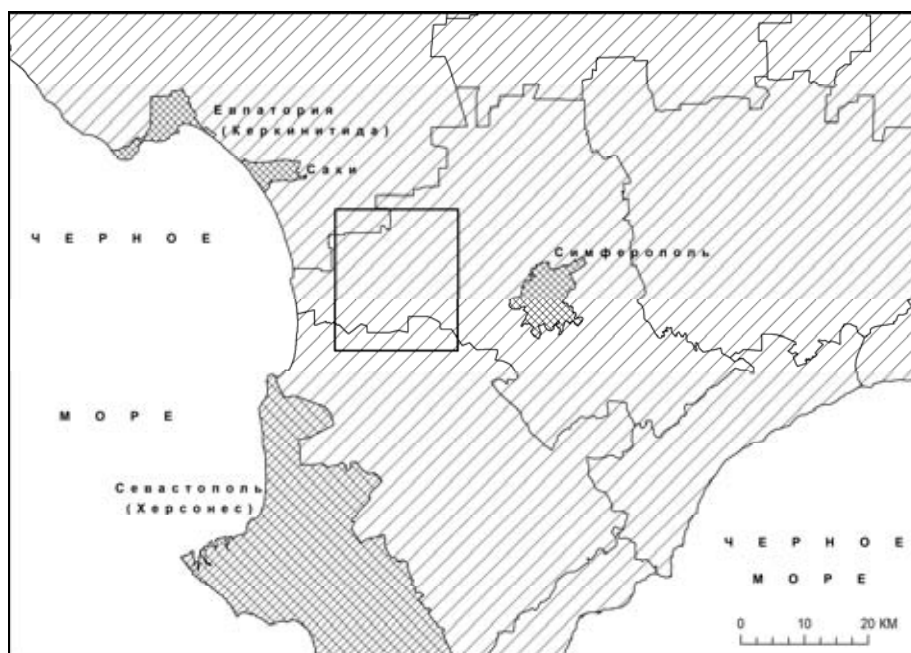

Рис. 1. Местоположение территории исследования в пределах Крыма.

Выбор анализируемой территории обусловлен возможным присутствием на ней следов древнего межевания и наличием разновременных спутниковых данных с пространственным разрешением, позволяющим выявлять системы земледелия и анализировать их структурные особенности. Для надежного анализа пространственных и структурных характеристик земель сельскохозяйственных систем оно должно составлять примерно 1–2 м/пиксель. При этом стоит отметить, что собственно наличие древних земледельческих систем может быть установлено и на основе менее детальных снимков [Agariou, 2015].

Если рассматривать территорию исследования с позиций размещения древнегреческих городов, то она расположена между хорами (системами межевания сельскохозяйственных земель, прилегающих к греческим городам) полисов Керкинитида и Херсонес, первый из которых относится к территории современного г. Евпатории, а второй — к г. Севастополю. В связи с тем, что текстурные и структурные особенности объектов на аэрофото- или космических снимках определяются в значительной степени пространственными, а не спектрально-отражательными свойствами объектов, признаки текстуры могут быть проанализированы как на многозональных, так и на черно-белых (панхроматических) изображениях, при условии что пространственное разрешение используемых данных будет сопоставимо с геометрическими размерами анализируемых древних земледельческих форм.

Исходными данными для настоящего исследования послужили материалы современных (2010-е гг.) и архивных (1960-е гг.) спутниковых съемок с разрешением около 1 м/пиксель [LPDAAC], материалы веб-сервиса Google «Планета Земля», картографические данные, материалы близких по тематике исследований, связанные с анализом древних земледельческих форм в Крыму и Северном Причерноморье.

Дешифрирование древних земледельческих форм (ДЗФ), проведенное нами на основе данных дистанционного зондирования, было выполнено в соответствии со следующими критериями:

- контуры и расположение ДЗФ в большинстве случаев должны характеризоваться отсутствием согласия с расположением современных возделываемых полей. Например, система древних земледельческих форм может пересекать несколько современных полей без какого-либо согласования контуров с ней;

- для современных контуров сохранившихся ДЗФ, как правило, должно быть характерно отсутствие правильных геометрических форм. Это обусловлено длительным воздействием природных и антропогенных факторов, которые во многих случаях приводят к существенному смещению ДЗФ и искажению их контуров;

Анализ структурных и текстурных признаков форм древнего земледелия и межевания...

— важным критерием достоверного отнесения выявленного объекта к формам древнего земледелия является его четкое выявление и одни и те же геометрические особенности на разновременных спутниковых данных, желательно полученных с максимально большим интервалом времени. В настоящем исследовании интервал между самыми ранними и самыми поздними спутниковыми данными достигал 49 лет (1965–2014 гг.);

— при возможности анализа серии снимков на разные даты вегетационного периода (такие возможности, в частности, предоставляет веб-сервис Google Maps) для дешифрирования ДЗФ наилучшим образом подходят снимки, сделанные в апреле или октябре. В эти сроки, вследствие минимального объема зеленой растительности и высокой увлажненности почвы, формы древнего земледелия могут быть идентифицированы даже на участках древесной растительности, например в системе виноградников.

На основе перечисленных критериев с привлечением материалов археологической карты Крыма нами была проведена оценка исследуемой территории на предмет наличия следов древнего земледелия. В результате сформирована выборка объектов, на основе которой выполнен анализ текстурных признаков ДЗФ.

Ввиду того, что значительная часть территории Крыма, где ранее располагались или могли располагаться формы древнего земледелия, относится к зоне современного аграрного использования, объектом изучения выступали практически исключительно современные сельскохозяйственные угодья (преимущественно пахотные земли). Обусловлено это тем, что древние системы земледелия в большинстве случаев, так же как и современные, располагались на территориях с наиболее плодородными почвами [Lisetskii, 2015].

Если объектом изучения являются посевные площади, то эффективность анализа их спектрально-отражательных или иных свойств, извлекаемых из спутниковых данных, может быть значительно повышена путем исключения из анализа всех непахотных земель, а это достигается применением векторных контуров посевных площадей [Терехин, 2014, 2015]. Указанный прием позволяет более достоверно выявлять внутренние неоднородности внутри анализируемых полей, что особенно важно при дешифрировании форм древнего земледелия, признаки которых на космических снимках могут быть существенно нивелированы вследствие аграрного использования территории в более позднее время. Исходя из того что во многих случаях ДЗФ охватывают современные посевные площади не целиком, а частично, нами предложено дополнительно разбивать векторные контуры посевных площадей сетью квадратных или прямоугольных ячеек, в пределах которых структурные особенности форм древнего земледелия просматриваются достаточно надежно. С нашей точки зрения, этот дополнительный прием дает возможность более эффективно проводить количественный анализ текстурных признаков древних земледельческих форм, так как усреднение значений текстурных признаков производится внутри ячеек, в пределах которых ДЗФ визуальнo дешифрируются более четко, чем в пределах контуров всей посевной площади.

На следующем этапе для исходных спутниковых снимков с применением программного пакета ERDAS IMAGINE нами рассчитывались различные виды пространственных улучшающих преобразований с получением растровых изображений в виде структурных или текстурных показателей, анализируемый перечень которых был сформирован исходя из предварительного визуального анализа особенностей отображения ДЗФ на спутниковых снимках. Основная идея улучшающих пространственных преобразований состоит в том, что анализ информации снимка производится в пределах скользящего по пространству изображению окна, представляющего собой матрицу, размер которой может составлять 3x3 или более пикселей. При этом в пределах скользящего окна производится пересчет значений пикселей исходного изображения в соответствии с особенностями применяемого математического преобразования. Соответственно те или иные пространственные преобразования теоретически могут улучшить информационные свойства снимков для последующего анализа объектов, интересующих исследователя. К проанализированным нами показателям относятся:

— текстурные статистические фильтры (Texture): среднее, стандартное отклонение, максимум, минимум, дисперсия, асимметрия, эксцесс, среднее евклидово расстояние;

— фильтры-свертки (Convolution): использующие матрицу коэффициентов для пересчета пикселей в зависимости от их окрестности: градиентный фильтр Собеля, фильтр высоких частот, фильтр низких частот, граничные фильтры;

— морфологические фильтры (morphological): локальный минимум (дилатация), локальный максимум (эрозия), раскрытие, свертывание [Шовенгердт, 2010].

Все показатели были рассчитаны методом скользящего окна [Лурье, 2003]. Причем для каждого показателя были получены растровые изображения с применением различных вариантов скользящих окон (3×3, 5×5, 7×7 пикселей).

После расчета растров каждого показателя методами зональной статистики с применением геоинформационной системы ArcGIS 10.1 нами рассчитывались их усредненные значения в пределах ранее сформированной сети ячеек, на которые была разбита территория исследования. В результате получили экспериментальную выборку значений текстурных показателей, соответствующих ячейкам, покрывающих как участки древних земледельческих форм, так и фрагменты всех остальных посевных площадей анализируемой территории. Формирование аналитической выборки позволило с применением пакета STATISTICA 10 статистически оценить степень отличия текстурных признаков древних земледельческих форм от текстурных признаков всех остальных сельскохозяйственных полей или их участков, присутствующих на территории исследования. Методом дисперсионного анализа была проведена оценка эффективности конкретных пространственных улучшающих преобразований для исследования особенностей форм древнего земледелия, располагающихся на месте современных сельскохозяйственных угодий.

Результаты и обсуждение

Совокупность форм древнего земледелия, выявленная нами на территории исследования на основе описанных в предыдущем разделе критериев, характеризуется выраженными признаками на снимках разных лет (рис. 2).

Рис. 2. Формы древнего земледелия на спутниковых снимках сверхвысокого пространственного разрешения, полученных с интервалом 50 лет:
1 — контуры древних земледельческих форм.

На текущий момент достоверно определить период, к которому относятся обнаруженные древние земледельческие формы, проблематично; возможно, для этого потребуются геофизические исследования местности. В то же время необходимо отметить, что в южной части территории исследования ранее [Колтухов, 1992] обнаружены следы древнегреческого городища. Также следует отметить, что внешние диагностические признаки всех выявленных объектов во многом близки с признаками древних систем межевания, идентифицированных в других рай-

Анализ структурных и текстурных признаков форм древнего земледелия и межевания...

онах Крыма и на Таманском полуострове [Гарбузов, 2009; Смекалова, 2015] и относящихся, в частности, к эпохе древнегреческих полисов.

На изображении 1965 г. четко видно несоответствие ДЗФ современной системе земледелия, что является, на наш взгляд, одним из диагностических признаков ранее существующих земледельческих систем. На снимке 2014 г. контуры древних земледельческих форм выглядят менее четко, чем на изображении 1965 г., что может быть обусловлено последующим 50-летним периодом активного аграрного использования территории, характерного для второй половины XX в. С другой стороны, меньшая четкость ДЗФ на снимке 2014 г., возможно, объясняется датой получения снимка. Снимок 1965 г. сделан 4 октября, а снимок 2014 г. — 5 июля. При этом нами установлено, что снимки апреля или октября оптимальны для выявления ДЗФ, так как в это время они не закрыты растительностью или стерней, что может иметь место в позднелетний и летний периоды. Выявленная совокупность объектов позволила провести статистическую оценку их текстурных показателей и понять, насколько они отличаются от аналогичных признаков остальных угодий.

Анализ результатов улучшающих преобразований исходных снимков показал, что некоторые виды преобразований на качественном и количественном уровне могут быть полезны при выявлении древних земледельческих форм (рис. 3).

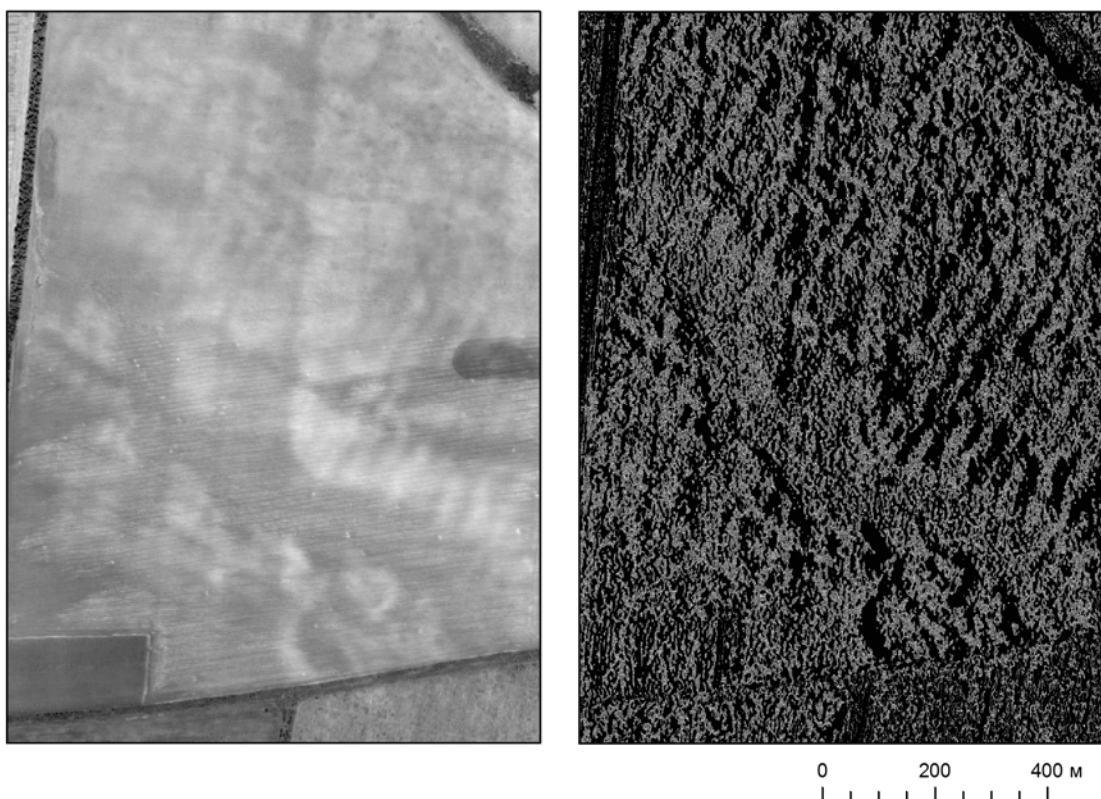

Рис. 3. Результат преобразования исходного снимка (левое изображение) с применением фильтра Собеля (правое изображение) в дискретных цветах.

На правом изображении рис. 3 направление (с северо-востока на юго-запад) и контуры древних земледельческих форм видны четче.

Установлено влияние размеров скользящих окон, используемых при пересчете исходных изображений, на эффективность вычисления текстурных признаков древних земледельческих форм (табл.).

Несмотря на то, что статистический анализ выявил ряд показателей, по которым участки древних земледельческих форм в наибольшей степени отличаются от остальных угодий, итоговый вывод об эффективности конкретного пространственного преобразования принимался на

основе как статистического анализа, так и визуальной оценки изображений, полученных в результате применения конкретных типов преобразований. Обусловлено это влиянием ряда факторов, которые, на наш взгляд, могут оказать существенное воздействие на эффективность количественного анализа текстурных признаков. К таким факторам относятся:

- период года, в который получен снимок;
- размер ячейки, в которой происходит усреднение того или иного структурного или текстурного показателя;
- геометрические особенности самих древних земледельческих форм, полноценный учет которых при количественном анализе проблематичен.

Степень статистического различия текстурных признаков древних земледельческих форм с текстурными признаками остальных аграрных угодий*

Показатель-фильтр	Размер скользящего окна	F	A	Показатель-фильтр	Размер скользящего окна	F	A
Среднее	3x3	5,04	1	Экссесс	3x3	0,02	0
Среднее	5x5	5,06	1	Экссесс	5x5	0,00	0
Среднее	7x7	5,07	1	Экссесс	7x7	0,00	0
Максимум	3x3	3,47	0	Асимметрия	3x3	2,83	0
Максимум	5x5	2,85	0	Асимметрия	5x5	1,46	0
Максимум	7x7	2,48	0	Асимметрия	7x7	1,28	0
Минимум	3x3	6,82	1	Дисперсия	3x3	3,08	0
Минимум	5x5	7,81	1	Дисперсия	5x5	3,34	0
Минимум	7x7	8,46	1	Дисперсия	7x7	4,63	1
Ст. отклонение	3x3	4,14	1	Свертывание	3x3	4,33	1
Ст. отклонение	5x5	4,46	1	Свертывание	5x5	3,81	0
Ст. отклонение	7x7	4,58	1	Свертывание	7x7	3,40	0
Медиана	3x3	5,04	1	Дилатация	3x3	6,82	1
Медиана	5x5	5,04	1	Дилатация	5x5	2,85	0
Медиана	7x7	5,06	1	Дилатация	7x7	2,48	0
Собеля 1	3x3	1,43	0	Эрозия	3x3	6,82	1
Собеля 1	5x5	1,48	0	Эрозия	5x5	7,81	1
Собеля 1	7x7	0,77	0	Эрозия	7x7	8,46	1
Собеля 2	3x3	3,68	0	Раскрытие	3x3	5,74	1
Собеля 2	5x5	6,20	1	Раскрытие	5x5	6,39	1
Собеля 2	7x7	3,94	1	Раскрытие	7x7	7,04	1

*F — критерий Фишера; A — достоверность отличия: 1 — достоверное отличие, 0 — отсутствие достоверного отличия; уровень значимости — 0,05.

Тем не менее проведенная количественная оценка структурных и текстурных признаков древних земледельческих форм позволила отобрать ряд показателей, которые могут быть применены при поиске и детектировании форм древнего земледелия в пределах контуров современных сельскохозяйственных угодий. В частности, к таким показателям относятся фильтр Собеля, фильтр средних и минимальных значений.

Заключение

Исследование, выполненное на основе высокодетальных спутниковых снимков, позволило получить представление о текстурных и структурных признаках форм древнего земледелия, типичных для территории Западного Крыма. Для анализа текстурных показателей древних земледельческих форм предложен новый подход, основанный на оценке показателей структуры и текстуры в ячейках квадратной или прямоугольной сети. На такие ячейки разбиваются векторные контуры угодий, в пределах которых производится поиск или анализ древних земледельческих форм. Установлено, что на эффективность пространственных улучшающих преобразований влияет размер скользящего окна, в пределах которого происходит пересчет значений исходного снимка. Статистический анализ текстурных признаков форм древнего земледелия позволил выявить показатели, по которым древние земледельческие формы в наибольшей степени отличаются от остальных угодий. В то же время установлено, что итоговое решение об эффективности пространственных улучшающих преобразований должно приниматься на основе совместного анализа результатов количественной оценки текстурных признаков и на основе особенностей отображения древних земледельческих форм на картограммах текстурных пока-

зателей. Обусловлено это тем, что количественная оценка текстурных показателей зависит от многих факторов, учет ряда которых проблематичен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Багаутдинов Р.С., Копенков В.Н., Сергеев В.В., Мышкин В.Н., Трибунский С.А.* Исследование возможности использования космических снимков для выявления археологических объектов // Компьютерная оптика. 2015. Т. 39, № 3. С. 439–444.
- Гарбузов Г.П.* Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // Древности Боспора. 2009. Т. 13. С. 123–140.
- Гарбузов Г.П.* Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений европейского Боспора // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 1 (47). С. 344–353.
- Колтухов С.Г., Зубарь В.М., Мыц В.Л.* Новый район хоры Херсонеса эллинистического периода // Археология. 1992. № 2. С. 85–94.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н.* Ортли. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Симферополь, 2013. С. 136–240. (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. XI, ч. 2).
- Лурье И.К., Косиков А.Г.* Теория и практика цифровой обработки изображений. Дистанционное зондирование и географические информационные системы. М.: Науч. мир, 2003. 168 с.
- Смекалова Т.Н.* Система расселения, коммуникаций и сигнализации в античное время в Северо-западном Крыму // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 362–367.
- Смекалова Т.Н., Волошинов А.А., Гарипов А.С.* Дистанционные и геофизические методы в изучении системы расселения, пространственной структуры и хозяйственных типов позднескифских поселений Юго-Западного Крыма // Stratum plus. 2016. № 4. С. 269–298.
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А.* Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму. Симферополь, 2013. 336 с. (Материалы к археологической карте Крыма; Т. VIII, ч. 2)
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А.* Два новых античных виноградника в северо-западном Крыму // ВДИ. 2014. № 2. С. 54–78.
- Смекалова Т.Н., Лисецкий Ф.Н., Маринина О.А., Чудин А.В., Гарипов А.С.* Изучение пространственной организации древнего землепользования в северо-западном Крыму геоархеологическими методами // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 1 (28). С. 150–160.
- Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л.* Системы дорог и клеров городов европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок // Археол. вести. 2006. № 13. С. 204–225.
- Терехин Э.А.* Методические основы оценки площади чистых паров на основе данных дистанционного зондирования // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Естеств. науки. 2014. Т. 26, № 3 (174). С. 148–156.
- Терехин Э.А.* Сезонная динамика NDVI многолетних трав и ее использование для типизации их посевов на территории Белгородской области // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2015. Т. 12, № 1. С. 9–17.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Шовенгердт Р.А.* Дистанционное зондирование: Методы и модели обработки изображений. М.: Техносфера, 2010. 560 с.
- Agariou A., Alexakis D., Sarris A., Hadjimitsis D.* Linear 3-D transformations of Landsat 5 TM satellite images for the enhancement of archaeological signatures during the phenological cycle of crops // Intern. Journ. of Remote Sensing. 2015. Vol. 36, № 1. P. 20–35.
- Alexakis A., Sarris A., Astaras T., Albanakis K.* Detection of Neolithic settlements in Thessaly (Greece) through multispectral and hyperspectral satellite imagery // Sensors. 2009. № 9. P. 1167–1187.
- Land Processes Distributed Active Archive Center (LP DAAC)* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://lpdaac.usgs.gov>.
- Lasaponara R., Masini N., Holmgren R., Forsberg YB.* Integration of aerial and satellite remote sensing for archaeological investigations: A case study of the Etruscan site of San Giovenale // Journ. of Geophysics and Engineering. 2012. № 9. P. 26–39.
- Lisetskii F., Stolba V.F., Marinina O.* Indicators of agricultural soil genesis under varying conditions of land use, Steppe Crimea // Geoderma. 2015. Vol. 239–240. P. 304–316.
- Rowlands A., Sarris A.* Detection of exposed and subsurface archaeological remains using multi — sensor remote sensing // Journ. of Archaeol. Science. 2006. № 34. P. 795–803.

**ANALYSIS OF STRUCTURAL AND TEXTURAL FEATURES OF FORMS OF ANCIENT FARMING
AND LAND SURVEY, TYPICAL OF THE TERRITORY OF WESTERN CRIMEA
BASED ON REMOTE SENSING DATA**

On the basis of multi-temporal remote sensing data received with an interval of 50 years, a study of ancient forms of farming in the territory of Western Crimea was carried out. The results of quantitative assessment of structural and textural features of ancient farming forms, typical of Western Crimea, are presented. A method of estimating textural features of ancient farming forms, which are located at the site of today's agricultural land is suggested. The method is based on calculating the parameters of texture within the contours of modern farmland, split into cells of a size which let us visually analyze the spatial features of the ancient forms of agriculture. A possibility of spatial transformation of images in order to identify and quantify ancient agricultural forms, which are located in the place of today's agricultural lands, is shown. It was found that the efficiency of the same spatial transformation of satellite images depends on a number of adjustable parameters, which are determined by the geometric features of the analyzed forms of archaeological objects.

Key words: Ancient arable farming, Geoarchaeology, remote sensing, GIS mapping, GIS technology, Western Crimea.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-170-179

REFERENCES

- Agapiou A., Alexakis D., Sarris A., Hadjimitsis D., 2015. Linear 3-D transformations of Landsat 5 TM satellite images for the enhancement of archaeological signatures during the phenological cycle of crops. *International Journal of Remote Sensing*, vol. 36, no. 1. pp. 20–35.
- Alexakis A., Sarris A., Astaras T., Albanakis K., 2009. Detection of Neolithic settlements in Thessaly (Greece) through multispectral and hyperspectral satellite imagery. *Sensors*, no. 9, pp. 1167–1187.
- Bagautdinov R.S., Kopenkov V.N., Sergeev V.V., Myshkin V.N., Tribunskii S.A., 2015. Issledovanie vozmozhnosti ispol'zovaniia kosmicheskikh snimkov dlia vyavleniia arkheologicheskikh ob"ektov [Study of the applicability of satellite imagery for detection of archeological objects]. *Komp'iuternaia optika*, vol. 39, no. 3, pp. 439–444.
- Garbuzov G.P., 2009. Raionirovanie antichnykh agrolandshaftov Tamanskogo poluostrova [Zoning of ancient agricultural landscapes of the Taman peninsula]. *Drevnosti Bospora*, vol. 13, pp. 123–140.
- Garbuzov G.P., 2015. Vliianie plodorodiia pochv na prostranstvennoe raspredelenie antichnykh poselenii evropeiskogo Bospora [Influence of soil fertility on the spatial distribution of ancient settlements of the European Bosphorus]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 1 (47), pp. 344–353.
- Koltukhov S.G, Zubar' V.M., Myts V.L. 1992. Novyi raion khory Khersonesa ellinisticheskogo perioda [A new area of the Chersonese chora of Hellenistic period]. *Arkheologiya*, no. 2, pp. 85–94.
- Kutaisov V.A., Smekalova T.N., 2013. *Ortli. Antichnye usad'ba i vinogradnik na dal'nei khore Khersonesa* [Ortles. Ancient farmstead and vineyard at a distant Chersonese chora], Simferopol', pp. 136–240. (Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma; XI, ch. 2).
- Lasaponara R., Masini N., Holmgren R., Forsberg YB., 2012. Integration of aerial and satellite remote sensing for archaeological investigations: A case study of the Etruscan site of San Giovenale. *Journal of Geophysics and Engineering*, no. 9, pp. 26–39.
- Lisetskii F., Stolba V.F., Marinina O., 2015. Indicators of agricultural soil genesis under varying conditions of land use, Steppe Crimea. *Geoderma*, vol. 239–240, pp. 304–316.
- Lur'e I.K., Kosikov A.G., 2003. *Teoriia i praktika tsifrovoi obrabotki izobrazhenii. Distantionnoe zondirovanie i geograficheskie informatsionnye sistemy* [Theory and practice of digital image processing. Remote sensing and geographic information systems], Moscow: Nauchnyi mir, 168 p.
- Rowlands A., Sarris A., 2006. Detection of exposed and subsurface archaeological remains using multi — sensor remote sensing. *Journal of Archaeological Science*, no. 34, pp. 795–803.
- Shovengerdt R.A., 2010. *Distantionnoe zondirovanie: Metody i modeli obrabotki izobrazhenii* [Remote sensing: Methods and models of image processing], Moscow: Tekhnosfera, 560 p.
- Smekalova T.N., 2011. Sistema rasseleniia, kommunikatsii i signalizatsii v antichnoe vremia v Severo-zapadnom Krymu [A system of settlement, communication and alarm in ancient times in the North-Western Crimea]. *Bosporskii fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, St. Petersburg, pp. 362–367.

Анализ структурных и текстурных признаков форм древнего земледелия и межевания...

Smekalova T.N., Kutaisov V.A., 2013. *Pastukhi i zemledel'tsy rannego zheleznogo veka v severo-zapadnom Krymu* [The Early Iron Age shepherds and farmers in the North-Western Crimea], Simferopol', 336 p. (Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma; vol. VIII).

Smekalova T.N., Kutaisov V.A., 2014. Dva novykh antichnykh vinogradnika v severo-zapadnom Krymu [Two new ancient vineyards in the North-Western Crimea]. *Vestnik drevnei istorii*, no. 2, pp. 54–78.

Smekalova T.N., Lisetskii F.N., Marinina O.A., Chudin A.V., Garipov A.S., 2015. Izuchenie prostranstvennoi organizatsii drevnego zemlepol'zovaniia v severo-zapadnom Krymu geoarkheologicheskimi metodami [Study of the spatial organization of the ancient land in the North-Western Crimea with geo-archaeological methods]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. (28), pp. 150–160.

Smekalova T.N., Smekalov S.L., 2006. Sistemy dorog i klerov gorodov evropeiskogo Bospora po dannym aerofotos'emki, kartografii i nazemnykh razvedok [System of roads and strips in the cities of the European Bosphorus according to aerial photography, mapping and ground reconnaissance]. *Arkheologicheskie vesti*, no. 13, pp. 204–225.

Smekalova T.N., Voloshinov A.A., Garipov A.S., 2016. Distanttsionnye i geofizicheskie metody v izuchenii sistemy rasseleniia, prostranstvennoi struktury i khoziaistvennykh tipov pozdneskifskikh poselenii lugo-Zapadnogo Kryma [Remote and geophysical methods in the study of a system of resettlement, spatial structure and economic types of late Scythian settlements of the South-Western Crimea]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 269–298.

Terekhin E.A., 2014. Metodicheskie osnovy otsenki ploshchadi chistykh parov na osnove dannykh distanttsionnogo zondirovaniia [Methodical bases for an estimation of complete fallow area, based on remote sensing data]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Estestvennye nauki*, vol. 26, no. 3 (174), pp. 148–156.

Terekhin E.A., 2015. Sezonnaia dinamika NDVI mnogoletnikh trav i ee ispol'zovanie dlia tipizatsii ikh posevov na territorii Belgorodskoi oblasti [NDVI seasonal dynamics of perennial grasses and its use for classification of their crops in Belgorod Region]. *Sovremennye problemy distanttsionnogo zondirovaniia Zemli iz kosmosa*, vol. 12, no. 1, pp. 9–17.

Tunkina I.V., 2002. Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh luga Rossii (XVIII — seredina XIX) [Russian science on classical antiquities of Southern Russia], St. Petersburg: Nauka, 676 p.

А.Ю. Рассадников

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620137, РФ
E-mail: ralu87@mail.ru

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ НА ПОСЕЛЕНИЯХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНАЛИЗА ПАТОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ КОСТНОЙ СИСТЕМЫ)

Представлены результаты (предварительного) анализа патологических изменений на костях домашних животных из пяти поселений среднего и позднего бронзового века Южного Зауралья: Каменный Амбар (Ольгино), Коноплянка, Малая Березовая-4, Большая Березовая-2 и Александро-Невское-II. Установлено, что большая часть всех выявленных патологий относится к костным остаткам крупного рогатого скота. Значительно меньше случаев изменений зафиксировано на костях мелкого рогатого скота и лошади. Более половины патологий на костях крупного рогатого скота являются различными формами остеоартроза на костях конечностей. Эта группа отклонений имеет хронический и возрастной характер. Остальная часть нарушений относится к зубной системе. Патологические изменения костной системы мелкого рогатого скота и лошади имеют преимущественно воспалительный характер. Количество и характер отклонений на костях домашних животных свидетельствуют об удовлетворительных состоянии здоровья и условиях содержания скота на рассматриваемых поселениях. Различные формы проявлений остеоартроза на костях конечностей крупного рогатого скота на поселении Каменный Амбар (Ольгино) свидетельствуют о вероятном использовании отдельных особей этого вида в качестве тягловых животных.

Ключевые слова: Южное Зауралье, бронзовый век, археозоология, палеопатология, остеоартроз, состояние здоровья, крупный рогатый скот (*Bos taurus*), мелкий рогатый скот (*Capra hircus et Ovis aries*), лошадь (*Equus caballus*), тягловый скот.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-180-187

При раскопках поселенческих памятников археозоологический материал зачастую является самым массовым видом источников. Определение и анализ различных отклонений на костных остатках домашних животных служит практически единственным способом реконструкции условий содержания и состояния здоровья древнего поголовья домашних животных на том или ином поселении. Костная система, будучи своеобразным «черным ящиком», несет на себе следы перенесенных травм и заболеваний, а также позволяет судить о характере и интенсивности эксплуатации человеком домашних животных.

Главной целью работы является попытка дать оценку условий содержания и состояния здоровья поголовья домашних животных на поселениях бронзового века Южного Зауралья на основании анализа патологических изменений на костных остатках некоторых видов домашних животных.

Описание патологических изменений на костях домашних животных в российской археозоологической литературе в большинстве случаев кратко дополняет основной археозоологический анализ. Отдельных работ, посвященных патологическим изменениям костей из археологических памятников, в отечественной археологической литературе нет. Вопрос костных болезней домашних животных из археологических памятников бронзового века Южного Зауралья освещен довольно слабо. Далеко не во всех археозоологических работах по животноводству этой территории в бронзовом веке присутствуют описания выявленных патологий. Мне известны три работы, где они упоминаются. В частности, Л.Л. Гайдученко, исследуя кости мелкого рогатого скота из Большекараганского могильника, зафиксировал «солевые новообразования» на дистальных конечностях овцы [2002, с. 187]. На костных остатках крупного, мелкого рогатого скота и лошади из этого могильника также были отмечены следы неправильного стирания зубов — «заеды» (нарушение срабатываемости тритора) [Там же, с. 189]. Патологические изменения костей домашних животных из поселенческих археозоологических материалов синташтинского времени выявлены в костной коллекции поселения Устье I: деформация верхнего сустава на фоне окостенения связок на первых фалангах крупного рогатого скота [Виноградов и др., 2013,

Условия содержания домашних животных на поселениях бронзового века Южного Зауралья...

с. 369]. Изменения на костях домашних животных также рассмотрены на позднебронзовом поселении Горный. Речь идет о деформации суставной поверхности фаланг и метаподий крупного рогатого скота из-за повышенных физических нагрузок при тягловых работах [Каргалы..., 2004, с. 217]. Краткое замечание об изменениях на костях крупного и мелкого рогатого скота (остеоартроз, ложный анкилоз и альвеолярный периодонтит) есть в работе, посвященной итогам междисциплинарного исследования поселения Каменный Амбар (Ольгино) [Rassadnikov et al., 2013, p. 279]. Таким образом, из опубликованных материалов следует, что патологии на костях домашних животных из археологических памятников бронзового века Южного Зауралья в основном являются своеобразной формой адаптации костей запястного и запястного суставов к тяжелой физической работе.

Подробный анализ патологий на костях домашних животных из поселенческих памятников бронзового века Южного Зауралья еще не проводился.

Источниковую базу исследования составляют археозоологические материалы из пяти поселений бронзового века Южного Зауралья: синташтинско-петровский культурно-хронологический комплекс поселения Каменный Амбар — 15 600 тыс. костей; срубно-алакульский культурно-хронологический комплекс поселения Каменный Амбар — 6800 тыс. костей; поселение Коноплянка — 780 костей; поселение Малая Березовая-4 — 1800 костей; поселение Большая Березовая-2 — 1400 костей; поселение Александро-Невское-II — 200 костей.

Укрепленное поселение Каменный Амбар (Ольгино) находится в Карталинском районе Челябинской области на левом берегу р. Карагайлы-Аят [Koryakova, Krause, 2013, p. 1]. Археологические слои поселения Каменный Амбар содержат материалы двух основных периодов его функционирования: синташтинско-петровского — 2045–1980 (2100–1050) BC и срубно-алакульского — 1835–1760 (1890–1650) BC [Erimakhov, Krause, 2013, p. 139].

Укрепленное поселение Коноплянка находится в Карталинском районе Челябинской области в верховьях р. Карагайлы-Аят. Приблизительно в 2 км к ЮВ расположена деревня, по наименованию которой поселение получило название [Шарапова, 2014, с. 102]. Памятник однослойный, содержит материалы преимущественно синташтинско-петровского времени (1920–1745 гг. до н.э.) [Там же, с. 108].

Неукрепленные поселения Малая Березовая-4, Большая Березовая-2 и Александро-Невское-II (автор раскопок И.П. Алаева) располагаются компактной группой на левом берегу р. Гумбейка в Нагайбакском районе Челябинской области. Все три поселения входят в археологический микрорайон — памятники в окрестностях горы Березовой. Поселения имеют алакульскую культурную принадлежность, на них также фиксируются материалы финала бронзового века [Алаева, 2003, 2007, 2011].

Подавляющая часть патологий обнаружена на материалах из так называемых кухонных остатков, сформировавшихся в процессе разделки туш животных на поселениях. Единичный случай патологии выявлен на фаланге козы (анкилоз) из жертвенника под полом постройки № 4 синташтинско-петровского времени укрепленного поселения Каменный Амбар.

На первом этапе работы был проведен стандартный археозоологический анализ костных коллекций, включающий в себя получение следующих данных: видовой список, соотношение элементов скелета, возрастная структура, данные тафономического анализа, модификационные изменения в виде порезов, порубов, погрызов и т.д. [Rassadnikov et al., 2013]. На втором этапе выявленные изменения были определены и описаны по методикам, принятым в ветеринарии и зарубежных археозоологических работах [Климов, 1937; Лукьяновский, 1984; Groot, 2005; Bartosiewicz, 2008; O'Connor, 2008; Barbosa et al., 2014; Markovic et al., 2014; Stevanovic et al., 2015].

При обработке археозоологического материала из пяти рассматриваемых поселений различные отклонения удалось зафиксировать на костных остатках четырех видов домашних животных: крупный рогатый скот, овца, коза и лошадь. У каждого вида домашнего животного все выявленные изменения при описании разделены на патологии зубной системы и посткраниального скелета.

Результаты исследования

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*)

Патологии зубной системы. В коллекциях всех поселений (кроме Александро-Невское-II) зафиксированы резцовые зубы крупного рогатого скота с v-образными насечками, что определяется как клиновидный дефект резцовых зубов жвачных животных. Отклонение характеризуется клиновидным углублением в стенке зуба со стороны межзубных поверхностей на границе между це-

ментом зуба и эмалью коронки. Считается, что клиновидный дефект может быть связан с врожденной слабостью строения цемента шейки зуба, пародонтозом, действием кислотного состава слюны и грубыми кормами [Лукьяновский, 1984, с. 150]. Вероятно, у древних коров данное изменение возникло из-за грубых кормов на фоне изначальной слабости цемента у отдельных особей. Клиновидный дефект в зафиксированной стадии (небольшое углубление в эмали) не сказывался на качестве пережевывания пищи и не оказывал негативного влияния на жизнь животных.

Патологии посткраниального скелета. В обоих культурно-хронологических комплексах поселения Каменный Амбар самым распространенным патологическим изменением являются различные признаки остеоартроза. Наиболее подверженными остеоартрозу оказались первые и вторые фаланги. Существенно меньше таких признаков зафиксировано на нижних суставных поверхностях метаподий, а также мелких костях скакательного сустава. Остеоартроз фаланг и нижних концов метаподий проявляется в окостенении связок и экзостозах, увеличении суставной поверхности и ее асимметрии. В отдельных случаях наблюдаются деформация и асимметрия суставной поверхности. Остеоартроз мелких костей запястного и заплюсневого суставов проявляется в деформации костей и их суставной поверхности. Дегенеративных поражений непосредственно самой суставной поверхности фаланг и метаподий в виде эбурнеации не зафиксировано.

В ветеринарной литературе причинами изменений называются микротравмы суставов в совокупности с нарушением витаминно-минерального обмена, неправильным кормлением и содержанием, особенно при стойловом и привязном характере содержания [Лукьяновский, 1984, с. 123–124]. В зарубежной палеопатологической литературе основной причиной дегенеративных проявлений на костях конечностей крупного рогатого скота принято считать повышенную нагрузку на сустав, причиной которой являются либо эксплуатация скота в качестве тяглового животного [Marković et al., 2014, p. 84], либо повышенный вес самого животного [O'Connor, 2008, p. 165].

Описанные выше проявления остеоартроза практически отсутствуют на остальных рассматриваемых поселениях (единичный случай на поселении Малая Березовая-4).

Среди фрагментов тазовых и бедренных костей крупного рогатого скота в коллекции костей поселений Каменный Амбар (оба культурно-хронологических комплекса) и Малая Березовая-4 зафиксирована еще одна форма остеоартроза — поражение тазобедренного сустава. Патология имеет хроническую природу и характеризуется эбурнеацией — сильным износом суставного хряща вплоть до костной основы. На отдельных участках суставной поверхности вертлужной впадины тазовой кости и головки бедренной кости образуются зашлифованные до блеска участки и бороздки. На этих же пораженных участках наблюдается незначительная пористость. Изменение также характеризуется околосуставной пролиферацией вертлужной впадины (появление костных новообразований по периметру пораженного сустава). Причина патологии — возрастные изменения либо повышенная нагрузка на сустав. При жизни особи крупного рогатого скота с этой болезнью имели такие симптомы, как хромота, передвижение на прямых ногах, жесткая походка, длительное лежачее положение и нежелание ходить. У современного скота патология ведет к уменьшению репродуктивной способности, сильной потере веса и гибели животного [Barbosa et al., 2014, p. 848]. Дегенеративное поражение тазобедренного сустава, так же как и в случае с фалангами, является одним из признаков использования скота в качестве тяглового [Groot, 2005, p. 56; O'Connor, 2008, p. 170; Onar et al., 2015, p. 72].

В остеологической коллекции синташтинско-петровского комплекса поселения Каменный Амбар зафиксирован сломанный перелом ребра крупного рогатого скота. Причинами переломов ребер у домашних животных, как правило, являются скученное содержание и случайные падения [Лукьяновский, 1984, с. 186].

Среди костных остатков крупного рогатого скота в обоих культурно-хронологических комплексах поселения Каменный Амбар обнаружены свидетельства нарушения хондрогенеза на некоторых костях. Изменение выглядит как небольшие углубления или ямки неправильной формы (1–2 мм в ширину и 3–4 мм в длину) в различных частях суставной поверхности костей. Ямки зафиксированы преимущественно на дистальных и проксимальных суставных поверхностях первых и вторых фаланг, а также метаподий. Углубления присутствуют и на суставных поверхностях других костей скелета, но в меньшем количестве. В некоторых случаях наличие суставных ямок совпадает с некоторыми формами остеоартроза (окостенение связок, деформация суставной поверхности и экзостозы на фалангах и метаподиях).

Суставные ямки являются результатом локальных очагов некротического поражения суставного хряща в местах повышенной нагрузки [O'Connor, 2008, p. 168]. Наиболее вероятной

Условия содержания домашних животных на поселениях бронзового века Южного Зауралья...

причиной возникновения таких углублений в суставной поверхности отдельных костей принято считать остеохондроз [Thomas, Johannsen, 2011, p. 52]. Это изменение не влияло на работу сустава и самочувствие животных.

При обработке костного материала суставные ямки не считались патологией, и поэтому их учет не велся. Данное отклонение не включено в общее число патологий, рассматриваемых в работе.

Мелкий рогатый скот (*Capra hircus*, *Ovis aries*)

Патологии зубной системы. В коллекциях костей из поселений Каменный Амбар (оба культурно-хронологических комплекса) и Малая-Березовая-4 на нижней челюсти овцы наблюдается деструктивно-воспалительная форма альвеолярного периодонтита. Патология представляет собой образование между стенкой альвеолы и зубами кармана, заполненного гноем при жизни животного. При этом происходит обнажение корней отдельных зубов. Патология вызвана воспалением надкостницы между корнем зуба нижней челюсти и стенкой альвеолы, что могло быть обусловлено внедрением инородных тел и грубых частиц корма между зубами и десной [Лукьяновский, 1984, с. 155]. При жизни животное имело сильное нарушение функции пережевывания, вызванное сильным воспалением, и существенную потерю веса.

В коллекциях поселений Малая Березовая-4 и Большая Березовая-2 зафиксировано два факта неправильного стирания зубов (или нарушение прикуса) на нижних челюстях овцы. Дефект выглядит как очень сильно стертая коронка отдельных зубов. Данное изменение коронки могло отражаться на качестве пережевывания пищи.

Патологии посткраниального скелета. На фалангах козы из поселений Каменный Амбар (оба культурно-хронологических комплекса) и Малая Березовая-4 отмечен деформирующий остеоартрит в его конечной стадии — ложном анкилозе. Патология имеет воспалительный характер и характеризуется мощными костными новообразованиями, которые полностью блокируют работу суставов фаланг. Сама суставная поверхность остается практически нетронутой, но слияние костных разрастаний соседних фаланг образует единую конструкцию, не дающую работать суставам. Козы с подобной патологией на рассматриваемых поселениях имели либо очень сильную хромоту, либо неподвижность данного сустава. Причиной болезненного слияния костей является проникновение микробной флоры в надкостницу фаланг из-за микротравм нижних конечностей — ушибов и разрывов связок [Лукьяновский, 1984, с. 117]. Воспаление сустава также могло быть вызвано длительным содержанием коз в сыром месте (копытная гниль). На поселении Каменный Амбар фаланги козы, пораженные ложным анкилозом, обнаружены как в ритуальных костных комплексах (жертвенник под полом постройки № 4 синташтинско-петровского времени), так и в комплексе кухонных остатков.

В срубно-алакульском комплексе поселения Каменный Амбар отмечен один случай остеоартроза на латеральной суставной поверхности дистального конца плечевой кости овцы. Патология выглядит как костное новообразование в виде шипа неправильной формы (экзостоза). Наиболее вероятной причиной новообразования является посттравматическое окостенение связок. Причиной появления экзостозы также мог быть вывих или подвывих. При этих травмах часто происходит окостенение связок плечелоктевого сустава [О'Сонног, 2008, p. 170]. Экзостоза, скорее всего, была причиной хромоты животного.

В синташтинско-петровском и срубно-алакульском культурно-хронологических комплексах поселения Каменный Амбар зафиксированы по одному сросшемуся перелому ребер мелкого рогатого скота. Так же как и в случае с крупным рогатым скотом, причинами переломов ребер могли быть либо скученное содержание животных, либо случайные падения [Лукьяновский, 1984, с. 186].

Лошадь (*Equus caballus*). Патологии посткраниального скелета. В коллекции поселения Александровское-II зафиксирован предположительно оксифицирующий периостит первой фаланги лошади. Патология характеризуется довольно мощными костными новообразованиями по всей площади фаланги. Костные разрастания частично задели проксимальную суставную поверхность, что, скорее всего, позволяло суставу работать лишь частично (у лошади была хромота). Причиной патологии является сильное воспаление надкостницы фаланги, вызванное ее механическими повреждениями — ушибами, ранениями, трещинами, надрывами связок [Лукьяновский, 1984, с. 109].

Обсуждение

На всех рассматриваемых в работе поселениях отмечено 54 различных изменения. В это число входят 3 сросшихся перелома ребер как маркеры травмы, но не включены многочисленные ямки на суставной поверхности костей крупного рогатого скота. В синташтинско-петровском комплексе поселения Каменный Амбар выявлено 27 патологий (0,1 % от общего количества костей),

в срубно-алакульском комплексе поселения Каменный Амбар — 17 патологий (0,2 % от общего количества костей); на поселении Коноплянка — 1 изменение (0,1 % от общего количества костей); на поселении Малая Березовая-4 — 5 патологий (0,2 % от общего количества костей); на поселении Большая Березовая-2 — 3 патологии (0,3 % от общего количества костей); на поселении Александрово-Невское-II — 1 патологическое изменение (0,5 % от общего количества костей).

Доля изменений от общего количества остатков крупного рогатого скота составляет от 0,2 до 0,4 % в каждом из рассматриваемых поселений и их культурно-хронологических комплексов. Доля патологий на костях мелкого рогатого скота составляет от 0,1 до 0,6 % от общего количества остатков вида.

На костях из поселения Каменный Амбар выявлено 44 изменения, из которых 32 отмечены на костных остатках крупного рогатого скота (73 %), а остальные (27 %) — на костях мелкого рогатого скота. Среди остатков крупного рогатого скота на поселении Каменный Амбар самую многочисленную группу патологических проявлений составляют различные формы остеоартроза — 65 %. В эту группу входят преимущественно окостенение связок и деформация суставной поверхности фаланг, существенно меньше подобных болезненных модификаций на суставных поверхностях метаподий и мелких костях запястного и запястного суставов. Среди фаланг наиболее подверженными остеоартрозу оказались первые фаланги. Все зафиксированные случаи остеоартроза на костях крупного рогатого скота относятся к взрослым особям. Разные формы проявления остеоартроза составляют практически половину от всех патологических изменений в синташтинско-петровском комплексе и большую часть в срубно-алакульском комплексе. Вторую по численности группу изменений на костях крупного рогатого скота составляет клиновидный дефект резцовых зубов — 35 %. Большая часть случаев этого дефекта зафиксирована в синташтинско-петровском комплексе поселения. На поселениях Коноплянка, Малая Березовая-4 и Большая Березовая-2 изменения на костях крупного рогатого скота единичны. Все отмеченные отклонения не являются отражением неудовлетворительного состояния здоровья поголовья скота, а носят, скорее всего, случайный характер.

Остеоартроз считается патологией рабочего скота или тягловых животных [Каргалы..., 2004, с. 217; Markovic et al., 2014, p. 84; Stevanovic et al., 2015, p. 4]. Признаки остеоартроза на костях крупного рогатого скота из поселения Каменный Амбар могут служить доказательством вероятного использования скота в качестве тяглого на обоих этапах функционирования поселения. В пользу версии о таком использовании крупного рогатого скота можно привести следующий аргумент. Если бы проявления остеоартроза на тазобедренном суставе имели лишь возрастной характер, то подобные дегенеративные изменения суставной поверхности должны были фиксироваться и на костях лошади [Groot, 2005, p. 55]. Но следы дегенеративных процессов в тазобедренном суставе присутствуют только среди костных остатков крупного рогатого скота на всех рассматриваемых в работе поселениях.

Такие формы остеоартроза, как окостенение связок и деформация суставной поверхности фаланг, скорее всего, не отражались на самочувствии животных. Возможно, у животных не было болезненности при работе суставов. Окостенение связок и деформация суставной поверхности костей являются крайне постепенным и медленным процессом. При остеоартрозе тазобедренного сустава крупного рогатого скота животное испытывало болезненные ощущения, которые мог видеть древний человек. Животных с поражением суставной поверхности тазобедренного сустава легко выделить из общего стада по нежеланию ходить, апатии и сильной потере веса [Barbosa et al., 2014, p. 848]. Скорее всего, древний человек выбраковывал таких животных из стада. Учитывая хронический и возрастной характер поражения и малочисленность зафиксированных случаев остеоартроза тазобедренного сустава в обоих комплексах поселения Каменный Амбар, данное изменение можно признать редким и не характеризующим неблагоприятные условия содержания крупного рогатого скота на поселении. Клиновидный дефект резцовых зубов крупного рогатого скота, несмотря на свою многочисленность в синташтинско-петровском комплексе, скорее всего, также не свидетельствует о неблагоприятных условиях содержания и состоянии здоровья поголовья. Наиболее вероятно, что изменение характеризует отдельных особей с индивидуальной слабостью цемента зубов. Дефект никак не отражался на состоянии здоровья животных.

Патологии на костях мелкого рогатого скота составляют менее 30 % от всех зафиксированных изменений на поселении Каменный Амбар. Количество и соотношение отклонений в обоих комплексах поселения примерно одинаково. Патологии зубной системы суммарно составляют 33 %. Наиболее многочисленной группой отклонений является ложный анкилоз (или деформирующий

остеоартрит) фаланг козы — 42 %. На поселении Малая Березовая-4 отмечено лишь два изменения на костях мелкого рогатого скота — неправильный прикус и альвеолярный периодонтит, оба — на нижней челюсти одной особи овцы. На поселении Большая Березовая-2 помимо случая неправильного прикуса зафиксирован факт деформирующего остеоартрита на фаланге козы. Если отклонения зубной системы могли отражаться на качестве пережевывания пищи, то ложный анкилоз, скорее всего, приводил либо к сильной хромоте, либо к полному обездвиживанию сустава с последующей потерей веса. Анкилоз фаланг также мог приводить к гибели животного из-за сильного воспалительного процесса. Малочисленность отклонений на костях мелкого рогатого скота и их воспалительный (случайный) характер не могут служить обоснованием неблагоприятных условий содержания и состояния здоровья поголовья овец и коз на рассматриваемых поселениях.

На костях лошади зафиксирован единичный случай болезни костной системы — оссифицирующий периостит фаланги, что также не может служить свидетельством неблагоприятных состояния здоровья поголовья и условий содержания на поселениях. Данное изменение является результатом случайной травмы или ушиба.

Перед заключением необходимо отметить момент, который обнаружился при анализе патологий в данной работе и отмечен в зарубежных статьях. Речь идет о том, что при идентификации патологических изменений на костных остатках животных и их последующем анализе следует использовать преимущественно уже опубликованные работы по палеопатологии. Ветеринарная литература не подходит для подобного анализа. Ветеринаром пораженная кость или сустав обследуются сразу после вскрытия. Помимо этого ветеринары имеют возможность наблюдать при жизни животного косвенные признаки болезней или поражений костной системы. В случае с костями из археологических памятников специалист имеет дело зачастую с раздробленным и сухим образцом, по которому иногда сложно определить пол и точный возраст животного [Bartosiewicz, 2008, p. 70; O'Connor, 2008, p. 166; Stevanovic et al., 2015, p. 5]. В случае с изолированным от скелета костным фрагментом сложно установить характер патологии (хронический или воспалительный), так как некоторые признаки хронических и воспалительных суставных заболеваний на сухом археозоологическом образце совпадают [O'Connor, 2008, p. 167].

Заключение

Несмотря на довольно разнообразный список выявленных патологических отклонений на костях домашних животных, условия содержания и состояние здоровья поголовья скота на поселениях среднего и позднего бронзового века Южного Зауралья нельзя назвать неудовлетворительными. Подавляющая часть изменений является своеобразной формой адаптации некоторых костей суставов и их связочного аппарата к повышенным физическим нагрузкам. Другая, менее существенная, часть патологий — результат случайных травм, ушибов и воспалительных процессов в организме, что вполне нормально для домашних копытных. Анализ изменений позволил не только оценить условия содержания, но и сделать вывод о характере эксплуатации крупного рогатого скота. Остеоартроз на отдельных костях свидетельствует о вероятном использовании животных этого вида в качестве тягловых.

В целом условия содержания домашних животных на поселениях позднего бронзового века Южного Зауралья можно признать удовлетворительными, что подтверждается и данными археоботаники, свидетельствующими о благоприятных условиях для скотоводства [Stobbe, 2013, p. 323].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Алаева И.П. Отчет о разведочном обследовании долины р. Гумбейка от с. Фершампенуаз до с. Александровского в Нагайбакском районе Челябинской области в 2002 г. Челябинск, 2003 // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф. 1. № 83.

Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Малая Березовая-4 в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2005 года. Челябинск, 2007 // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф. 1. № 88.

Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Большая Березовая-2 в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2009 года. Челябинск, 2011 // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф. 1. № 95.

Литература

Гайдученко Л.Л. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим. Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. Кн. 1. С. 173–195.

- Древнее Устье*: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.
- Каргалы*. Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Под ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. II. 320 с.
- Климов А.Ф.* Анатомия домашних животных. М.: Сельхозгиз, 1937. Т. 1. 488 с.
- Лукьяновский В.А.* Болезни костной системы животных. М.: Колос, 1984. 254 с.
- Шарапова С.В., Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В.* Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка в Южном Зауралье: Предварительные результаты // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. Новосибирск. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. 2014. С. 101–109.
- Barbosa J., Lima D., Belo-Reis A., Pinheiro C., Sousa M., Silva J., Salvarani F., Oliveira C.* Degenerative joint disease in cattle and buffaloes in the Amazon region: A retrospective study // *Pesq. Vet. Bras.* 2014. № 34 (9). P. 845–850. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.scielo.br/pdf/pvb/v34n9/v34n9a07.pdf>.
- Bartosiewicz L.* Description, diagnosis and the use of published data in animal palaeopathology: A case study using fractures // *Veterinarijairzootехника*. 2008. № 41 (63). P. 12–24. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://www.researchgate.net/publication/253991102_Description_Diagnosis_and_the_Use_of_Published_Data_in_Animal_Palaeopathology_A_Case_Study_Using_Fractures.
- Epimakhov A., Krause R.* Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn, 2013. P. 129–147.
- Groot M.* Palaeopathological evidence for draught cattle on a roman site in the Netherlands // *Diet and health in past animal populations. Current research and future directions*. Oxbow Book, 2005. P. 52–58.
- Markovic M., Stevanovic O., Nesic V., Marinkovic D., Krstic N., Nedeljkovic D., Radmanovic D., Janeczek M.* Palaeopathological study of Cattle and Horse bone remains of the Ancient Roman city of Sirmium (Pannonia/Serbia) // *Revue Méd. Vét.* 2014. № 165. P. 77–88. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.revmedvet.com/2014/RMV165_77_88.pdf.
- Koryakova L., Krause R.* General remarks of multidisciplinary research in the Kamennyi Ambar microregion on the first phase of the project // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn, 2013. P. 1–21.
- O'Connor T.* On the differential diagnosis of arthropathy in bovinds // *Documentaarchaeobiologiae*. 2008. P. 165–186. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://eprints.whiterose.ac.uk/46974/1/OC2008_Doc_Arch_arthropathy.pdf.
- Onar V., Kahvecioglu O., Kostov D., Armutak A., Pazvant G., Chroszcz A., Gezer Ince N.* Osteological evidences of Byzantine draught cattle from Theodosius Harbour at Yenikapi, Istanbul // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2015. Vol. 15, № 2. P. 71–80. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://maajournal.com/Issues/2015/Vol15-2/Full7.pdf>.
- Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L.* The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn. 2013. P. 239–285.
- Stevanovic O., Janeczek M., Chroszcz M., Markovic N.* Joint diseases in animal paleopathology: Veterinary approach // *MacVetRev*. 2015. № 38. P. 5–12. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.macvetrev.mk/2015-1/MacVetRev2015-38-1-1.pdf>.
- Stobbe A.* Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by palaeoecological studies // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn. 2013. P. 305–327.
- Thomas R., Johannsen N.* Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevans // *Intern. Journ. of Paleopathology*. 2011. № 1. P. 43–54.

A.Yu. Rassadnikov

Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
S. Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, 620137, Russian Federation
E-mail: ralu87@mail.ru

LIVESTOCK HANDLING CONDITIONS AT THE BRONZE AGE SETTLEMENTS IN THE SOUTHERN TRANS-URALS (ACCORDING TO THE ANALYSIS OF PATHOLOGICAL CHANGES OF THE BONE SYSTEM)

The article presents the results of a research of pathological changes in bones of livestock from five settlements of the Middle and Late Bronze Age of the Southern Trans-Urals: Kamennyi Ambar (Ol'gino), Konoplyanka, Malaya Berezovaya-4, Bol'shaya Berezovaya-2 and Alexandro-Nevskoe-II. It was found that most of all identified pathologies relate to the cattle bone remains. Far fewer cases of pathologies were observed on the bones of small cattle and horses. In more than a half of cases, pathologies on the cattle bones are manifestations of different forms of limb bones osteoarthritis. This group of deviations has a chronic and age character. The remaining part of pathologies relates to the dental system. Pathologies of the skeletal system of small cattle and horses

generally have an inflammatory character. The number and nature of the identified abnormalities in the bones of the livestock indicate to satisfactory health state and conditions of handling at the settlements under consideration. Different forms of osteoarthritis in the cattle limb bones in the settlement of Kamennyi Ambar (Ol'gino) suggest that some animals of those species were used as draught animals.

Key words: Southern Trans-Urals, the Bronze Age, Archaeozoology, Paleopathology, osteoarthritis, health state, cattle (*Bos taurus*), sheep and goats (*Capra hircus et Ovis aries*), horse (*Equus caballus*), draught cattle.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-180-187

REFERENCES

Barbosa J., Lima D., Belo-Reis A., Pinheiro C., Sousa M., Silva J., Salvarani F., Oliveira C., 2014. Degenerative joint disease in cattle and buffaloes in the Amazon region: a retrospective study. *Pesq. Vet. Bras*, no. 34 (9), pp. 845–850, available at: <http://www.scielo.br/pdf/pvb/v34n9/v34n9a07.pdf>.

Bartosiewicz L., 2008. Description, diagnosis and the use of published data in animal palaeopathology: A case study using fractures. *Veterinarijairzootechnika*, vol. 41 (63), pp. 12–24, available at: http://www.researchgate.net/publication/253991102_Description_Diagnosis_and_the_Use_of_Published_Data_in_Animal_Palaeopathology_A_Case_Study_Using_Fractures.

Chernykh E.N., 2004, (ed.). *Kargaly. Selishche Gornyi: Arkheologicheskie materialy: Tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva: Arkheobiologicheskie issledovaniia* [Kargaly. Gornyi settlement: Archaeological materials: Technology of mining and metallurgical production: An archaeobiological study], vol. II, Moscow: lazyki slavianskoi kul'tury, 320 p.

Epimakhov A., Krause R., 2013. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*, Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn, pp. 129–147.

Gaiduchenko L.L., 2002. Nekotorye biologicheskie kharakteristiki zhivotnykh iz zhertvennykh kompleksov kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika [Some biological characteristics of the animals from the sacrificial complexes of 25 Bolshekaraganskyyi burial mound]. *Arkaim. Nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika)*, Cheliabinsk: luzhno-ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 173–195.

Groot M., 2005. Palaeopathological evidence for draught cattle on a roman site in the Netherlands. *Diet and health in past animal populations. Current research and future directions*, Oxbow Book, pp. 52–58.

Klimov A.F., 1937. *Anatomiia domashnikh zhivotnykh* [Anatomy of livestock], vol. 1, Moscow: Sel'khozgiz, 488 p.

Koryakova L., Krause R., 2013. General remarks of multidisciplinary research in the Kamennyi Ambar microregion on the first phase of the project. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*, Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn, pp. 1–21.

Luk'ianovskii V.A., 1984. *Bolezni kostnoi sistemy zhivotnykh* [Diseases of the animal skeletal system], Moscow: Kolos, 254 p.

Markovic M., Stevanovic O., Nestic V., Marinkovic D., Krstic N., Nedeljkovic D., Radmanovic D., Janeczek M., 2014. Palaeopathological study of Cattle and Horse bone remains of the Ancient Roman city of Sirmium (Pannonia / Serbia). *Revue Méd. Vét.*, no. 165, pp. 77–88, available at: http://www.revmedvet.com/2014/RMV165_77_88.pdf.

O'Connor T., 2008. On the differential diagnosis of arthropathy in bovids. *Documenta archaeobiologiae*, pp. 165–186, available at: http://eprints.whiterose.ac.uk/46974/1/OC2008_Doc_Arch_arthropathy.pdf.

Onar V., Kahvecioglu O., Kostov D., Armutak A., Pazvant G., Chroszcz A., Gezer Ince N., 2015. Osteological evidences of Byzantine draught cattle from Theodosius Harbour at Yenikapi, Istanbul. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, vol. 15, no 2, pp. 71–80, available at: <http://maajournal.com/Issues/2015/Vol15-2/Full7.pdf>.

Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L., 2013. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn, pp. 239–285.

Sharapova S.V., Krause R., Molchanov I.V., Stobbe A., Soldatkin N.V., 2014. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia poseleniia Konoplianka v luzhnom Zaural'e: Predvaritel'nye rezul'taty [Interdisciplinary studies at Konoplianka settlement in the Southern Trans-Urals: Preliminary results]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya: Istoriia, filologiya, vol. 13, no. 3, pp. 101–109.

Stevanovic O., Janeczek M., Chroszcz M., Markovic N., 2015. Joint diseases in animal paleopathology: Veterinary approach. *MacVetRev*, vol. 38, pp. 5–12, available at: <http://www.macvetrev.mk/2015-1/MacVetRev2015-38-1-1.pdf>.

Stobbe A., 2013. Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by palaeoecological studies. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*, Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn, pp. 305–327.

Thomas R., Johannsen N., 2011. Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevans. *International Journal of Paleopathology*, no. 1, pp. 43–54.

Vinogradov N.B., 2013, (ed.). *Drevnee Ust'e: Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v luzhnom Zaural'e* [Ancient Ust'e: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals], Cheliabinsk: Abris, 482 p.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы (**объемом 2000–2500 знаков**);

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют переведенные на английский язык:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— аннотацию, написанную качественным английским языком (2000–2500 знаков с пробелами);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. После названия на латинице цитируемой статьи, монографии, сборника в квадратных скобках дается название на английском языке. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редакция журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160x225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисовочных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисовочных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовков. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревяно и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984d, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревяно А.П., Олсен Д., Цзэвндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревяно А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.В. Яблонской. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

Плата за публикацию статей не взимается.

Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДЭ — Вестник древней истории
ВСЕГЕИ — Всероссийский научно-исследовательский геологический институт
ГАТО — Государственный архив Тюменской области
ГАХМАО — Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа
ГБУТО ГАТ — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив
в г. Тобольске»
ГИМ — Государственный исторический музей
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПМА — Полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
СО РАН — Сибирское отделение РАН
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Югра — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

ое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 4 (35)

2016

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский
и редактирование

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
Р.О. Поплавский

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статью журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 12.12.2016. Уч.-изд. л. 21,1. Объем 21,6 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 2071-0437

9 771811 746005

Валентина Ивановна Семенова — доктор культурологии, известный археолог, музеевед.

Училась в Тюменском государственном университете на историческом факультете, стажировалась в Уральском государственном университете по специальности «археология». В 1979–1982 гг. работала в археологической лаборатории Тюменского университета, в 1983–2001 гг. — в Тюменском областном краеведческом музее, с 1993 г. преподает в Тюменском государственном институте искусств и культуры на кафедре истории и музееведения. Проводила исследования археологических памятников на территории Сургутского и Нижнего Приобья, на юге Тюменской области, руководила раскопками в исторической части г. Тюмени, возглавляла этнографические экспедиции в северных и южных районах области. Занималась созданием многочисленных археологических и этнографических выставок и экспозиций: в частности, в Тюменском областном и Ишимском краеведческих музеях, в г. Лешно (Польша), принимала участие в создании археологического музея-заповедника на Андреевском озере около Тюмени.

В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию по археологии на тему «Культурные традиции населения Сургутского Приобья в конце 1 — середине 2 тыс. н.э.», в 2006 г. — докторскую диссертацию по культурологии на тему «Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья».

Работает заведующей кафедрой истории, искусствоведения и музейного дела в Тюменском государственном институте культуры. Под руководством В.И. Семеновой защищена докторская диссертация по культурологии (специальность «История и теория культуры»), две кандидатские диссертации по культурологии (специальности «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов», «История и теория культуры»), кандидатская диссертация по специальности «Отечественная история».

В.И. Семенова — автор 145 публикаций, в том числе 3 учебных пособий. Ею изданы монографии «Средневековые могильники Юганского Приобья» (2001), «Поселение и могильник Частухинский Урий» (2005), «Мифология мира мертвых» (2008). Она участник региональных и международных археологических и музееведческих конференций.

Коллектив ИПОС СО РАН, коллеги и друзья
от всей души поздравляют Валентину Ивановну
со знаменательной датой с пожеланиями здоровья,
творческой активности, верных сподвижников
и талантливых учеников.

Институт проблем освоения Севера СО РАН